

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2024 Том 15 № 2**

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 10.03.2024. Выход в свет 25.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,6. Тираж 500 экз. Заказ № 622. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2024 VOLUME 15 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

English Text Editor *O.N. Kolysheva*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПАРЕМИОЛОГИЯ

- Евграфова Ю.А. (Москва, Российская Федерация).** Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе: особенности кодирования и декодирования на примере детективного сериала «Воскресенский» 313
- Романова Т.В., Колчина О.Н. (Нижний Новгород, Российская Федерация).** Перцептивные лексемы *внимание, восприятие, память* в терминологическом употреблении 329
- Ding Lina, Lysyakova M.V. (Moscow, Russian Federation).** Comparative Analysis of Animal Phraseological Units with Religious Component in Russian and Chinese (Сопоставительный анализ зоонимосодержащих фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках) 348
- Жикулина К.П., Перфильева Н.В., Ли Мань (Москва, Российская Федерация).** Цифровой страт парадигмы языка 364
- Igissinova A.S. (Taraz city, Republic of Kazakhstan).** Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings (Гендерные стереотипы в казахских пословицах и поговорках) 376
- Дубровская Е.М. (Новосибирск, Российская Федерация).** Современное состояние теории лингвокультурных типажей 394
- Kadilina O.A. (Moscow, Russian Federation), Ryadchikova T.N. (Krasnodar, Russian Federation).** Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction (Трансформация языковой личности в процессе репродукции речи) 415
- Istiyanto B., Putri K.Y.S. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Siregar A.M., Khadiz, A.V. (Jakarta, Indonesia).** R. Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian case (Семиотический подход Р. Барта к сообщениям СМИ: индонезийский кейс) 430

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА

- Li Xiuyu, Denisenko V.N., Malenkova A.A. (Moscow, Russian Federation).** Functional Features of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese Languages (Функциональные особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках) 443
- Yuhan (Hohhot, People's Republic of China; Moscow, Russian Federation), Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T. (Moscow, Russian Federation).** Peculiarities of Formation of the Term System of *International Trade*: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects (Особенности формирования терминосистемы сферы *международная торговля*: лингвокультурологический и эколингвистические аспекты) 457

Савченко А.В. (Тайбэй, Тайвань), Хмелевский М.С. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). К истокам межславянской омонимии: прототипическое и случайное.....	474
Anisimov V.E., Anisimova E.D. (Moscow, Russian Federation). Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality (Локализация французских лингвокультурных концептов в англоязычном кинодискурсе сквозь призму интертекстуальности)	499
Rysbergen K.K., Pashan D.M., Sadyk D.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Problems of Commercialisation and Commercial Nomination (naming) of the Urbanonymic Landscape of Almaty (Проблемы коммерциализации и коммерческой номинации (нейминга) урбанонимического ландшафта города Алматы).....	520
Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В. (Москва, Российская Федерация), Березина Е.Б. (Санвей, Малайзия), Бовина И.Б. (Москва, Российская Федерация). Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи	544

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Бочина Т.Г. (Казань, Российская Федерация), Дмитриева О.А. (Чебоксары, Российская Федерация). Репрезентация вакхической картины мира в пространстве художественного текста.....	567
Сардарбек кызы Н., Крутиков Д.А. (Бишкек, Кыргызская Республика). Семантико-семиотическая парадигма доминант аксиосферы романов Ч.Т. Айтматова	581
Енсебай Г., Демченко А., Таттимбетова К., Джолдасбекова Б. (Алматы, Казахстан). Семиотика интертекстуальности на базе философской категории «гуманизм» в постмодернистском тексте ландшафта города Алматы)	600

CONTENTS

COGNITIVE RESEARCH. PAREMIOLOGY

- Yevgrafova Yu.A. (Moscow, Russian Federation).** Liaison in Irreciprocal Screen Discourse: Properties of Encoding and Decoding 313
- Romanova T.V., Kolchina O.N. (Nizhny Novgorod, Russian Federation).** Perceptive Lexemes *Attention, Perception, Memory* in Terminological Use 329
- Ding Lina, Lysyakova M.V. (Moscow, Russian Federation).** Comparative Analysis of Phraseological Units with Religious Component in Russian and Chinese..... 348
- Zhikulina Ch.P., Perfilieva N.V., Li Man (Moscow, Russian Federation).** The Digital Stratum of a Linguistic Paradigm..... 364
- Igissinova A.S. (Taraz city, Republic of Kazakhstan).** Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings 376
- Dubrovskaya E.M. (Novosibirsk, Russian Federation).** The Current State of the Theory of Linguocultural Types 394
- Kadilina O.A. (Moscow, Russian Federation), Ryadchikova T.N. (Krasnodar, Russian Federation).** Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction..... 415
- Istiyanto B., Putri K.Y.S. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Siregar A.M., Khadiz A.V. (Jakarta, Indonesia).** R. Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian case..... 430

FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR

- Li Xiuyu, Denisenko V.N., Malenkova A.A. (Moscow, Russian Federation).** Functional Features of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese Languages 443
- Yuhan (Hohhot, People's Republic of China; Moscow, Russian Federation), Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T. (Moscow, Russian Federation).** Peculiarities of Formation of the Term System of International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects 457
- Savchenko A.V. (Taipei, Taiwan), Khmelevsky M.S. (St.-Petersburg, Russian Federation).** Interlingual Slavic Homonymy: Prototypical and Occasional..... 474
- Anisimov V.E., Anisimova E.D. (Moscow, Russian Federation).** Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality 499
- Rysbergen K.K., Pashan D.M., Sadyk D.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Problems of Commercialisation and Commercial Nomination (naming) of the Urbanonymic Landscape of Almaty 520

Novikova I.A., Novikov A.L., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V. (Moscow, Russian Federation), Berezina E.B. (Sunway, Malaysia), Bovina I.B. (Moscow, Russian Federation). Self-Isolation during the COVID-19 Pandemics: Everyday Discourse on a New Social Phenomenon among University Students 544

LITERARY TEXT

Bochina T.G. (Kazan, Russian Federation), Dimitrieva O.A. (Cheboksary, Russian Federation). Representation of Bacchic Worldview in a Literary Text..... 567

Sardarbek kzy N., Krutikov D.A. (Bishkek, Kyrgyzstan). Semantic-Semiotic Paradigm of Axiosphere and Spiritual and Moral Dominants of Ch.T. Aitmatov’s Novels 581

Yengsebay G.E., Demchenko A.S., Tattimbetova K.O., Jholdasbekova B.U. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Semiotics of Intertextuality: Based on the Philosophical Category “Humanism” in a Postmodern Text..... 600

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПАРЕМИОЛОГИЯ COGNITIVE STUDIES. PAREMIOLOGY

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-313-328

EDN: QKMSPC

УДК 791.4:811.161.1

Научная статья / Research article

Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе: особенности кодирования и декодирования

Ю.А. Евграфова

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

yu.evgrafova@mail.ru

Аннотация. Односторонний экранный дискурс в аспекте кодирования и декодирования информации характеризуется коммуникацией, в которой не предполагается форма вопросно-ответного диалога. Актуальность исследования обусловлена доминированием искусственно созданной экранной информационной среды в современной коммуникации и ее усиливающимся влиянием на формирование общественного мнения, в том числе через искажение информации. Цель статьи — описание коммуникации, происходящей в одностороннем экранном дискурсе, в части кодирования и декодирования и процессов на информационный обмен и влияния этих процессов на информационный обмен. Материалом исследования послужил детективный сериал «Воскресенский» (8 серий, 1 сезон), проанализировано 432 минуты. Экранный дискурс, будучи частью массовой коммуникации, неразрывно связан с деятельностью и «социальностью» коммуникативного процесса: исследование принимает деятельностную концепцию, разработанную Г.П. Щедровицким, а также реализует особый дискурсивно-семиотический подход к организации экранного дискурса. В качестве методов исследования выбраны интерпретация, анализ, синтез, описательный метод, метод контекстуального анализа, функционально-прагматический метод. Исследование показало, что информационный обмен в экранном дискурсе можно охарактеризовать как свободный, неравновесный и опосредованный. Инженерно-конструктивная деятельность является его основной опорой. При кодировании экранного сообщения адресант, используя разнообразные коды согласно своему собственному замыслу, вносит в него варианты и разнообразные возможности, позволяя адресату осуществить из них некий осмысленный выбор — предоставляя свободу истолкования. Адресат, исходя из внешнего выражения — заложенных в экранную «речь» значимых структур — реконструирует процесс создания экранного сообщения, и, опираясь на свои знания «языка» экран-

© Евграфова Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ности, через это внешнее выражение выходит вовне — к содержанию и смыслам. Диалектическое единство симметричности и асимметричности является одной из основных характеристик информационного обмена в одностороннем экранном дискурсе. Симметрия отвечает за легкость понимания транслируемой информации, а асимметрия — за бесконечный семиозис.

Ключевые слова: экранный текст, экранный дискурс, кодирование, декодирование, дискурсивная семиотика

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Евграфова Ю.А. Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе: особенности кодирования и декодирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 313–328. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-313-328>

Liaison in Irreciprocal Screen Discourse: Properties of Encoding and Decoding

Yulia A. Yevgrafova

National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow,
Russian Federation

✉ yu.evgrafova@mail.ru

Abstract. This article discusses one-sided screen discourse and the properties of encoding and decoding in it. The relevance of the research is conditioned by the dominance of artificially created screen information environment in modern communication and its increasing influence on the formation of public opinion, including through the distortion of information. The aim of this article is to describe the communication that takes place in one-way screen discourse in terms of encoding and decoding, as well as to identify the influence of these processes on information exchange. The source of material of the study was the detective series “Voskresensky” (8 episodes, 1 season), a total of 432 min were analysed. Screen discourse, being a part of mass communication, is inextricably linked to the activity and “sociality” of the communicative process. In this regard, this study adopts the activity concept and also implements a special discursive-semiotic approach to the organisation of screen discourse. Interpretation, analysis, synthesis, descriptive method, method of contextual analysis, functional-pragmatic methods were chosen as research methods. In the course of the research the following results were found. Information exchange in screen discourse can be characterised as: free, disequilibrium and mediated. Engineering and constructive activity is its main support. When encoding a screen message, the addresser, using a variety of codes according to his own intention, introduces variants and various possibilities into it, allowing the addressee to make a meaningful choice among them providing freedom of interpretation. The addressee, proceeding from the external expression — the meaningful structures embedded in the screen “speech” — reconstructs the process of creating the screen message, and relying on his knowledge of the “language” of screenness, through this external expression goes outwards to the content and meanings. The dialectical unity of symmetry and asymmetry is one of the main characteristics of information exchange in one-sided screen

discourse. Symmetry is responsible for the ease of understanding the broadcast information, while asymmetry is responsible for endless semiosis. This combination makes it voluminous and dynamic.

Keywords: screen text, screen discourse, encoding, decoding, discursive semiotics

Article history:

Received: 01.0.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Yevgrafova, Yu.A. (2024). Liaison in Irreciprocal Screen Discourse: Properties of Encoding and Decoding. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 313–328. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-313-328>

Введение

Одной из основных потребностей человека является потребность в получении информации из внешнего мира. На современном этапе развития общества она удовлетворяется, по большей части, через искусственно созданную экранную информационную среду — информация извлекается из продуктов массовой коммуникации, проецирующихся на экран: телеэфиров и киносеансов, публикаций в социальных сетях (Vkontakte, Telegram, Clubhouse и др.), текстов Яндекс.Дзен и Яндекс.Вопросов, эфиров в SnapChat, YouTube каналов, публичных альбомов в Яндекс.Коллекциях, а также из цифровых программ, платформ и приложений, мультимедийной баннерной рекламы, вещания в поездах метро, переписки в мессенджерах, веб-страниц сети Интернет и т.д. Экран является каналом связи и обмена информацией между участниками общения, в нём происходит особый вид коммуникации. Экранный дискурс складывается из информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры. Экранный дискурс существует не только на кино-/телеэкране, экране компьютера, планшета или телефона. Он может быть также интегрирован в объекты физического мира — начиная с показа мод и конкурса Евровидения, заканчивая кроссовками и майками, соединенными в экранное цифровое пространство.

Коммуникация, происходящая в экранном дискурсе, между авторами и их аудиторией является не только мультимодальной, но и мультиплатформенной, с привлечением различных цифровых программ, платформ и приложений. Кроме того, в нём обнаруживаются не только семиотические и лингвистические, но и социальные, психологические, культурологические, политические, идеологические, экономические и др. структуры, из которых и выстраивается вся коммуникация. Это неизбежно ведет к систематическому искажению информации, передающейся в процессе коммуникации через

экран. Это ставит перед учеными **актуальную** задачу научного описания и анализа особенностей информационного обмена, происходящего в экранном дискурсе.

«Экран» как сложный конструкт рассматривается учёными различных областей гуманитарного знания: философами, культурологами, искусствоведами, филологами, лингвистами. Однако тема «экранного дискурса» и происходящего в нём информационного обмена имеет недостаточную **степень разработанности**. Так, рассматривается интеграция экранных технологий в современное социокультурное пространство, а также динамика виртуализации культурных феноменов и практик [1–5], исследуются системообразующие факторы экранных коммуникаций [6–10], изучаются особенности коммуникации через экран: теле- и интернет-коммуникация [11–16].

На данный момент экранный дискурс, как односторонний, так и двусторонний, не выделяются современными учеными как отдельный объект изучения и не имеют примеров предметизированного и онтологически организованного анализа коммуникации и связанных с ней процессов понимания и интерпретации. В этой связи возникает необходимость выработать, во-первых, детализированное представление о коммуникации, происходящей посредством экрана, и об особенностях понимания и интерпретации информации, транслируемой через экран, а также выявить пути и средства организационного воздействия на данные процессы в экранном дискурсе.

Целью данной статьи является описание коммуникации, происходящей в одностороннем экранном дискурсе, в части кодирования и декодирования, а также выявление влияния этих процессов на информационный обмен. **Объект** исследования составляет односторонний экранный дискурс (дискурс, в котором коммуникация происходит в одностороннем порядке и не предполагает форму вопросно-ответного диалога). **Предмет** исследования — особенности кодирования и декодирования информации в нём.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования была выбран детективный сериал «Воскресенский» (8 серий, 1 сезон), снятый режиссером Дмитрием Петрунем и выпущенный в 2021 г. продюсерской компанией «ЭПИК МЕДИА». Всего было проанализировано 432 мин. экранного времени. В ходе исследования помимо общеизвестных **методов**: интерпретация, анализ, синтез, описательный, контекстный, функционально-прагматический методы, потребовалась реализация особого дискурсивно-семиотического подхода к анализу организации экранного дискурса, обусловленного тем, что экранный дискурс, будучи частью массовой коммуникации, неразрывно связан с деятельностью и «социальностью» коммуникативного процесса, и особенно с различными видами «компетенций» на этапе порождения и получения сообщения. В этой связи данное исследование принимает деятельностную

концепцию и исходит из того, что «вещи суть некоторые отпечатки деятельности», а знак и понятие есть «некоторая вещь в деятельности и созданная деятельностью» [17. С. 40–41].

В ходе исследования использовались следующие приемы: 1. Делимитация экранной «речи» (синтагматически организованного пространственно-временного континуума выбранного текста). 2. Установление темы выбранного фрагмента. 3. Определение его архитектоники. 4. Сегментация фрагмента экранной «речи», выявление и интерпретация его единиц и структур, служащих передаче смыслового содержания. 5. Анализ ко-текстуальных отношений, т.е. отношений между обнаруженными значимыми единицами и структурами. 6. Выявления эксплицитных и имплицитных средств выражения коммуникативной направленности текста. 7. Выявление вербально невыраженных, неэксплицитных смыслов, оценок. 8. Выявление модусов и каналов, по которым протекает информационный обмен, их взаимосвязи и корреляции с базисными элементами «языка» экранности и основными для экранных текстов кодами (под кодом в данной работе понимается способ выделения десигнагов в качестве смыслоразличительных признаков). 9. Обобщение полученных ранее (пп. 1–8) сведений для целостного осмысления анализируемого фрагмента одностороннего экранного дискурса как деятельности и установления особенностей кодирования и декодирования информации в нем. В статье представлено итоговое обобщение результатов, полученных в ходе применения приведенного выше алгоритма.

Событийность

В данной работе информационный обмен понимается как «процесс, осуществляющийся в условиях коммуникации, когда имеются передающий и воспринимающий информацию субъекты. Первичная коммуникация считается осуществленной, если информация доведена до воспринимающего» [18].

Формой осуществления информационного обмена через экран является экранный текст, как гомогенный, с задействованием одного перцептивного канала и одной знаковой системы, что сейчас достаточно редко, так и гетерогенный, когда для передачи информации используется два и более семиотических кода, визуальный и аудиальный перцептивные каналы. В общем и целом, экранный текст можно определить как поликодовое, моно- или полимодальное единство, предназначенное для передачи и распространения на разных носителях и по разным каналам.

При изучении экранных текстов необходимо учитывать не только процесс их производства, восприятия и интерпретации, но и условия, благодаря которым возможна их «циркуляция» в экранном дискурсе, а именно материальное оснащение: электричество, сеть Интернет, мобильная связь, передающее и принимающее устройство и т.д. Кодирование и декодирование экранного текста зависимы не только от контекста, обстоятельств коммуникации,

но и от материального оснащения. Объективная реальность не может быть передана в своей аутентичной форме, например, в блоге YouTube, в публикации в социальной сети, или прогнозе погоды. При отображении и передаче события объективной реальности на экране оно всегда подвергается обработке и фиксируется при помощи аудиовизуального «языка» экранности в пространстве и времени. Как только событие объективной реальности передано в экранной «речи», оно становится коммуникативным событием. Форма его передачи аудитории — экранный текст — является необходимой формой его появления в экранном дискурсе при прохождении по всей коммуникативной цепочке, от источника и автора к получателю.

Особенности обмена информацией в экранном дискурсе можно охарактеризовать следующим образом. Субъекты информационной сферы, средства их взаимодействия, их информационные системы и необходимая информационная инфраструктура предполагают производство некоего информационного ресурса, ознакомление с которым возможно посредством экрана. При этом производстве «возникает» сообщение — начинается коммуникативный процесс. Производство сообщения основано на многочисленных как лингвистических, так и экстралингвистических факторах: знаниях и технических навыках, разного рода идеологиях, предположениях о целевой аудитории и т.д. Экранный дискурс, в котором создаётся сообщение (экранный текст), представляет собой систему, в которой темы, образы, события, кадры и представления о потенциальном адресате взяты из обширного социально-культурного и политического контекстов. В нём порождение и восприятие сообщения интегрированы в производство экранного текста как коммуникативного события, а аудитория является одновременно и источником, и получателем сообщения.

Так, рассматриваемый в данной статье детективный телесериал «Воскресенский» является примером поликодового-полимодального экранного текста, предназначенного для распространения при помощи традиционного или интернет-телевидения. Он представляет собой многоуровневый аудиовизуальный семиотический комплекс, интегрирующий социально-культурный, и политический контексты того исторического времени, в котором разворачиваются события (Российская империя на рубеже 19–20 вв.), с контекстами настоящего времени. Телесериал «Воскресенский» является примером экранного текста, составляющего односторонний экранный дискурс, поскольку коммуникация в нем происходит в одностороннем порядке и не предполагает форму вопросно-ответного диалога. В тексте подобного рода происходит передача некоторого константного объема информации, осуществляемая по направлению «адресант»-субъект передачи/обладатель информации и «адресат»-объект передачи. Актуализируясь на экране, он становится коммуникативным событием, формой, в которой происходит первичная коммуникация.

Асимметрия

Производство и восприятие сообщения в экранном дискурсе не идентичны, но связаны между собой. Это два разграниченных процесса внутри коммуникативной системы. В экранном дискурсе объективно истинная реальность «переводится» на язык экранности, чтобы реализоваться в форме экранного текста, который должен быть сначала воспринят как нечто, несущее смысл, и затем декодирован. Значения, извлеченные при декодировании экранного текста, воздействуют на получателя тем или иным образом: инструктируют, убеждают, развлекают и т.д., манипулируя адресатом на уровне поведенческом, эмоциональном, когнитивном и идеологическом (см. Рис. 1).

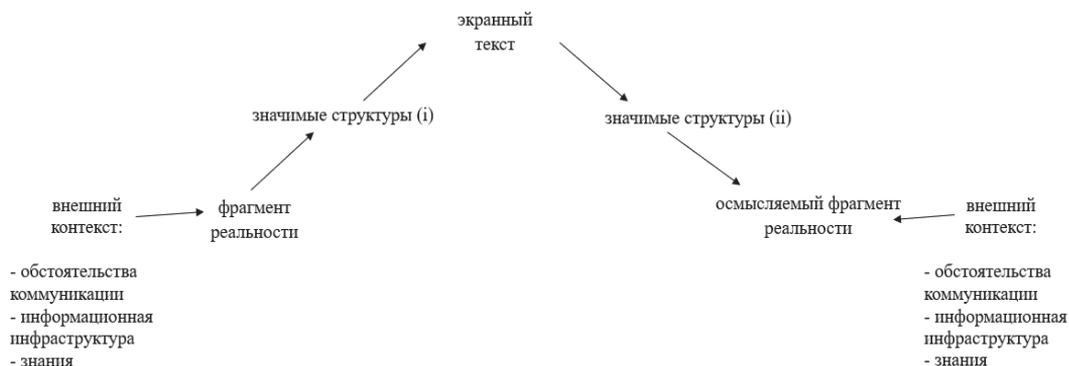

Рис. 1. Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе
 Источник: составлено автором.

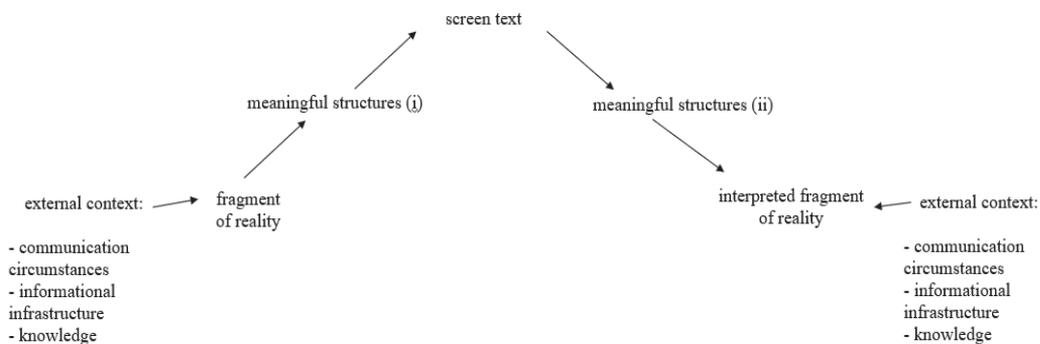

Fig. 1. Liaison in irreciprocal screen discourse
 Source: compiled by the author.

В центре схемы, представленной на рисунке 1, находится экранный текст — форма передачи аудиовизуального сообщения и осуществления коммуникации через экран. Слева от экранного текста — процесс кодирования аудиовизуального сообщения, справа — декодирования. При репрезентации выбранного фрагмента реальности в том или ином информационном пространстве задействуется инфраструктура последнего, которая, в зависимости

от знаний адресата и обстоятельств коммуникации, пропускает выбранный для отображения фрагмент реальности через различные способы представления информации. Адресант, опираясь на этот внешний контекст и применив рефлексивную точку зрения, расщепляет выбранную для передачи информацию на форму — значимые структуры (i), и содержание, чтобы в конечном итоге кодировать её как содержательный дискурс — экранный текст. Экранный текст воспринимается и осмысливается адресатом, который вычленяет значимые структуры (ii), декодирует и интерпретирует их в зависимости от своего внешнего контекста.

Значимые структуры (i) и (ii) неидентичны. Рассмотрим пример из детективного сериала «Воскресенский». Действие телесериала происходит в царской России, в Санкт-Петербурге, в 1912 г. Главный герой — гениальный хирург Аркадий Гаврилович Воскресенский, помогающий полицмейстеру сыскной полиции Санкт-Петербурга Григорию Андреевичу Чудакову расследовать запутанные преступления. Например, во второй серии он расследует убийство одной из работниц красильной фабрики, Софьи. При обыске ее шкафчика на внутренней стороне дверцы обнаруживается написанное краской слово *CURVE*, сделанное ревнивым возлюбленным Софьи, поляком Михаэлем. Данную надпись возможно соотнести с польским словом *kurwa*, *гулящая женщина*. Однако она не может быть воспринята абсолютно идентично тому, что хотел сказать режиссер-адресант, поскольку её декодирование предполагает не только знание лингвистического кода — польского языка, но и единство языкового опыта адресата и адресанта, тождественность объема их памяти, а также их совпадение на уровне психологических и ассоциативных кодов. Подобная неидентичность значимых структуры (i) и (ii) вызвана нетождественностью адресанта и адресата и является причиной асимметрии информационного обмена в одностороннем экранном дискурсе. Асимметрия может возникать и как результат приращения смысла экранного текста. Например, психологический код узнавания и ассоциативный код вкуса могут связать главного героя *Воскресенского* с героем фантастической повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» *Преображенским* Филиппом Филипповичем, ученым-медиком, профессором, хирургом-экспериментатором, или с детективом-расследователем *Шерлоком Холмсом* А. Конан Дойля, что может повлиять на дальнейшее понимание и интерпретацию экранного текста. Еще одним примером включения ассоциативных и психологических кодов может послужить ассистент Воскресенского Фогель, который отличается тем, что постоянно отстаивает личное пространство свое, например, когда к нему в комнату врывается арендодатель: *Степан Ильич, я ж просил Вас уважать мое личное пространство и не входить, пока я не скажу!*; и других, когда Воскресенский без спросу врывается в чужое жилище для обыска: *Вы же не будете туда входить? Это личное пространство проживающего!*; *Прекратите, это личное!* и мн. др. Поведение и слова

Фогеля о личном пространстве и неприкосновенности личной жизни может быть соотнесена с современными идеями о личном пространстве, что делает данный персонаж не только близким и понятным, но и «передовым» для царской России 1912 г. — о личном пространстве впервые заговорил антрополог Эдвард Холл в 1960-х гг. [19].

Асимметрия в одностороннем экранном дискурсе проявляется в несопадении кодов при кодировании и декодировании. В значительной степени это связано с тем, что адресант и адресат не эквивалентны друг другу также, как и процессы порождения и интерпретации сообщения. Отсутствие тождественности между двумя сторонами информационного обмена ведёт к «преломлению», «искажению» или «непониманию» информационного содержания, а также к бесконечной смысловой валентности значимых структур экранного текста.

Симметрия и транслятивность

Помимо вариативности в одностороннем экранном дискурсе также обнаруживается и некий смысл, который остается инвариантным при всех трансформациях, происходящих в ходе информационного обмена. В рассматриваемом детективном сериале «Воскресенский» для объяснения того, как произошло убийство, используются и, что важно, поясняются реально существующие термины, такие, как *сфлор*, *флотации*, *токсин*, и др., а при обсуждении мотивов одного из убийств упоминается *Фрейд* и его теория как один из возможных способов обоснования поведения убийцы. В данном случае «дотекстовое сообщение» — пояснение произошедшего — передано в экранном тексте вербально при помощи жестких десигнаторов — терминов и прецедентного имени. В работу включается ассоциативный риторический код, и адресат соотносит изображаемое на экране с устоявшимися в той или иной культуре нормативными представлениями о нем. Благодаря этому осуществляется адекватная передача исходного сообщения и в «послетекстовом» сообщении, при декодировании адресатом, информационное содержание останется максимально неизменным, ни качественно, ни в объёме.

Симметрия информационного обмена достигается также и при помощи универсального «языка» экранности и его базисных элементов — пространственных и временных, которые замещают априорные формы чувственности, пространство и время, для фиксации фрагмента объективной реальности на экране. Например, в начале первого эпизода сериала «Воскресенский» идут такие кадры: на кресте сидит черный ворон и каркает, далее демонстрируется кладбище и фигура человека в чумной маске рядом с могилой, из которой достают труп. В структурировании данного зловещего образа участвуют как пространственный, так и временной (слуховой и зрительный) базисные элементы «языка» экранности. С одной стороны, это дискретные единицы *крест*, *разрытая могила*, *глина*, *кладбище*,

чумная маска, ворон, а с другой — недискретные единицы *ворон каркает, могилу разрывают, достают труп* (движение), *карканье, звуки колокола, шлепки глины* (звук). Они представляют пространственно-временное единство и организованы синтагматически в экранную «речь», по ходу ознакомления с которой происходит декодирование заложенного аудиовизуального сообщения при помощи семиотической «матрешки» кодов, состоящей из пространственного, паралингвистического (аудиального и музыкального) и ассоциативного (вкуса и риторического) кодов — адресат понимает, что происходит нечто зловещее. В данном случае относительная однозначность выбранных базисных элементов «языка» экранности и их определенное сочетание в экранной «речи» ограничивают смысловую валентность и обеспечивают передачу исходного информационного содержания практически в неизменном виде.

Подобное нагнетание обстановки, создание зловещей атмосферы и ожидание «страшного» происходит и в других фрагментах экранной «речи» сериала. Например, Фогель, ассистент Воскресенского, вынужден шпионить за доктором. Поздно вечером он следит за парадным входом его дома: гроза, дождь, Вознесенский подходит к двери и подбирает оставленное письмо, которое сразу сжигает вместе с остальными у себя во дворе (серия 1). Или, например, одна из серий открывается кадрами: ночь, река, в лодке человек, его лица не видно. Он вытягивает сеть с рыбой. Звучит тревожная музыка. Река неожиданно окрашивается в красный цвет (серия 2). В обоих случаях безграничное пространство чувственно зафиксировано в базисных элементах «языка» экранности и ограничено пространством экрана, а изображаемое из действительных знаков (термин А.Ф. Лосева) становится условными знаками. Так, действие Вознесенского, он *сжигает письма, не распечатав конверт*, является действительным знаком его нежелания читать эти письма, а непогода усиливает «зловещесть» момента. То же самое можно сказать и про второй пример. *Лодка, река, закидывание сети, рыбак* — все это составляет действительный знак «рыбалка», который при помощи визуальных и аудиальных акцентов — *ночь, темная река, лица рыбака не видно, зловещая музыка*, транслирует сообщение, что сейчас случится что-то страшное. Выбранные для репрезентации фрагмента реальности базисные элементы и их определенное сочетание в экранной «речи» насыщают ее вполне «однозначным» содержанием.

Базисные элементы «языка» экранности фиксируют и структурируют действительность на экране так, что она может быть воспринята адресатом как непосредственно-эмпирическая данность — экранная «речь». Они выполняют функцию «технической упаковки» сообщения с целью передачи основного ядра информационного содержания для осуществления его понимания адресатом при декодировании, обеспечивая некую долю симметрии информационного обмена в одностороннем экранном дискурсе.

В сериале «Воскресенский» присутствует большое количество визуальных клише, регулируемых тональным ассоциативным кодом, которые передают сообщение о свершившемся насилии, например, это трупы: сгоревшего почтара (серия 1), играющих в карты (серия 3), двенадцатилетней воспитанницы сиротского приюта (серия 3), мага в ванной комнате (серия 4), моряков, умерших от чумы (серия 7), и др.

Помимо визуальных, в сериале «Воскресенский» присутствуют и повествовательные клише (управляются герменевтическим и проайретическим кодами). Например, герменевтический круг каждой серии имеет четкую структуру и состоит из пяти конститутивных элементов: времени и места действия, агента (жертвы, убийцы, полицейских и детектива — Воскресенского), действия (убийства) и события (раскрытие убийства). Кроме того, в каждой серии события выстраиваются в строгую логическую структуру, в которой можно выделить экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Актантная схема рассматриваемого сериала также универсальна и представлена всеми тремя актантными классами: Адресант — Помощник; Субъект — Объект; Адресат — Противник, внутри которых присутствуют семантические отношения «оказания помощи» и «поиска убийцы». Конкретные действующие лица, заполняющие актантные классы, типичны для детективного жанра: Субъект и одновременно Адресант — это доктор Воскресенский, у которого есть цель раскрыть совершенное преступление — Объект; Адресат — это то или тот, из-за которого было совершено преступление; Помощник представлен ассистентом доктора, Фогелем, а Противник — убийцей, попечительским советом Института, где работает Воскресенский, и купцом Платовым, имеющим революционные взгляды и покрывающим все преступления. Герменевтический и проайретический коды регулируют повествовательные структуры и отношения внутри каждой серии так, чтобы последовательность происходящего, логические взаимосвязи и структуры действующих лиц были четко выстроены. Это облегчает понимание основного сюжета адресатом и позволяет выстроить и понять нарративные отношения внутри каждой отдельной серии с минимальными смысловыми «потерями», т.е. максимально симметрично тому, что задумывалось автором.

Заключая все вышесказанное, можно сказать следующее. В сериале «Воскресенский» присутствует некое множество ситуативных смыслов, ограниченное жанром детектив. Оно выражено через комплекс единиц экранного текста, объединенных в значимые структуры, регулирующие рядом кодов, типичных для экранного текста (об этом подробнее см. [20]), которые упакованы в семиотическую «матрешку». Доминирующими, или же направляющими, кодами в этой семиотической «матрешке» являются герменевтический, проайретический, ассоциативный тональный и визуальные коды. При ее распаковке адресатом накладывается сетка осмысления (термин Ю.М. Лотмана) — зная, что перед ним детективный сериал, он неизбежно

расчленяет поток зрительных впечатлений и образов на значимые элементы, присущие этому жанру (визуальные, повествовательные, стилистические). В этих маркированных элементах фиксируется и закрепляется не только инвариантное содержание, но и стратегии соотнесения и связывания значимых структур друг с другом, производимые процессами понимания такого рода текстов. При ознакомлении с экранным текстом они используются адресатом в качестве «строительных лесов». Он, имея наборы определенных «устойчивых» значений и принципы их совмещения, сначала «разлагает» по ним смысл аудиовизуального сообщения, а затем «собирает» из них этот смысл, адаптируя его при этом к обстоятельствам коммуникации. Другими словами, при информационном обмене в одностороннем экранном дискурсе происходит не только передача значений, но и средств понимания этих значений — трансляция (термин Г.П. Щедровицкого), что поддерживает некую долю симметрии.

Выводы

Необходимой формой осуществления общения через экран является экранный текст, который является одновременно и продуктом коммуникации при помощи экрана, и её средством. Как только экранный текст воспроизводится на телефоне, планшете, компьютере, телевизоре, киноэкране, рекламном щите и пр., он из абстрактного ментального конструкта становится материально воплощённым атрибутом коммуникативного поля. Экранные тексты неизолированы, они существуют в совокупности с различными жизненными, социокультурными, психологическими и др. факторами, которые влияют на кодирование и декодирование информации в них.

Коммуникация в одностороннем экранном дискурсе — это движение по схеме «дотекстовое» сообщение — экранный текст — «послетекстовое» сообщение. Иными словами, это донесение некоего содержания в форме экранного текста до адресата, который его декодирует, и далее, осуществляя рефлексию, заново конструирует смыслы.

Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе одновременно потенциально симметричен и асимметричен. Большинство экранных текстов гетерогенны и вовлекают в свое порождение и восприятие несколько кодов и модальностей, что одновременно упрощает их перцепцию и усложняет интерпретацию. В ходе информационного обмена цельный образ, заложенный адресантом в экранный текст в форме гетерогенного сообщения, проходит обработку через сознательную и бессознательную фильтрацию чувственных данных адресата и предметно опознаётся. Обнаруженные значимые структуры, лингвистические и нелингвистические, декодируются и преобразовываются в цельный образ, понятный для того или иного сегмента аудитории для завершения коммуникативного процесса. Причем, эти цельные образы не будут идентичны друг другу. Такая асимметрия

информационного обмена в экранном дискурсе объясняется тем, что в экранный текст втягиваются последовательности разнообразных внетекстовых ассоциаций политического, исторического, культурного плана, отсылая к широкому кругу культурных и исторических явлений, т.е. вовлечением ассоциативных и психологических кодов.

Априорным формам чувственности, пространству и времени, которые упорядочивают восприятие объективно явленного мира, вещественного бытия, в одностороннем экранном дискурсе соответствуют пространственные и временные базисные элементы «языка» экранности. Благодаря им действительность структурируется и может быть воспроизведена на экране как непосредственно-эмпирическая данность — экранная «речь», которая затем истолковывается и приобретает общую значимость. Кодирование информации в базисных элементах «языка» экранности обеспечивает относительную симметрию восприятия гетерогенного сообщения, заложенного в экранный текст. В процессе информационного обмена в экранном дискурсе происходит не только передача информации от адресанта адресату, но и трансляция средств понимания этого содержания посредством различных кодов, что также обеспечивает адекватную передачу исходного сообщения с сохранением основного содержательного ядра.

Заключение

Экранный дискурс представляет собой динамическое многообразие, в котором не существует абсолютной дискретности. Любая единица в нём, во-первых, неизменно наполнена семантикой окружающего ее ко-текста и существует не сама по себе, а в ко-текстуальных отношениях, влияющих на ее семантическое становление, и, во-вторых, является сама по себе динамической заряженностью для той или иной области окружающего ее контекста, воздействуя на общий смысл.

Информационный обмен в экранном дискурсе можно охарактеризовать как свободный, неравновесный и опосредованный. Инженерно-конструктивная деятельность (термин Г.П. Щедровицкого) является его основной опорой: при кодировании экранного сообщения адресант, используя разнообразные коды согласно своему собственному замыслу, вносит в него варианты и разнообразные возможности, позволяя адресату осуществить из них некий осмысленный выбор — предоставляя свободу истолкования. Адресат, исходя из внешнего выражения — заложенных в экранную «речь» значимых структур — реконструирует процесс создания экранного сообщения, и, опираясь на свои знания «языка» экранности, через это внешнее выражение выходит вовне — к содержанию и смыслам.

Диалектическое единство симметричности и асимметричности является одной из основных характеристик информационного обмена в одностороннем экранном дискурсе. Симметрия отвечает за легкость понимания

транслируемой информации, а асимметрии — за бесконечный семиозис. Такое сочетание делает его объемным и динамичным.

Предложенный в статье деятельностный и дискурсивно-семиотический подход к анализу одностороннего экранного дискурса позволяет освободить содержание экранного текста от мыследеятельной обертки и реконструировать совокупности средств, процедур, способов и форм организации разнородных единиц экранной «речи», его составляющих, провести их критический анализ с целью выявления значимого для происходящего информационного обмена и затем выявить пути и средства воздействия на процессы понимания и интерпретации. Перспективой дальнейшего исследования является применение предложенного в настоящей статье метода к двустороннему экранному дискурсу.

Библиографический список

1. Берлева И.Н. Интеграция экранности в социокультурное пространство: культурфилософская аналитика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 5–1. С. 257–263. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.55.40.029>
2. Берлева И.Н. Виртуально-симулятивное пространство культуры в контексте динамики масштабирования электронной экранности: социокультурная сфера актуализации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11(103). С. 18–22. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.11.2>
3. Брейтман А.С. «Экран» как доминанта современной культуры: кино, телевидение, видео, компьютерная анимация // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 97–102.
4. Сидорова Г.П. Диалог элитарной и массовой культур в массовом киноискусстве и индивидуальном гендерном измерении зрителя // Вестник культурологии. 2022. № 3(102). С. 256–274. <https://doi.org/10.31249/hoc/2022.03.14>
5. Артамонова У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 76–90. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-3-76-90>
6. Маслова В.В. Восприятие зрительного образа в телекоммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–5. С. 110–112.
7. Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2015.
8. Симбирцева Н.А. Визуальный текст как явление современной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7–1(33). С. 18–185.
9. Берлева И.Н., Беляев Д.А. Язык экранной культуры: семиотика текстов и риторические возможности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2(106). С. 8–91. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.2.14>
10. Александрова О.И., Красина Е.А., Рыбинок Е.С. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 5. С. 22–33. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-19.022>
11. Хлызова А.А. Смысловые сходства и различия понятий «аудиовизуальный образ», «экранный образ», «телевизионный образ» и «художественный образ» в контексте их использования в теории и практике телевидения // Научное мнение. 2013. № 11. С. 78–85.
12. Азарян С.Г., Мецереякова И.В. Место телевидения в структурном пространстве экранной культуры // Казанская наука. 2011. № 1. С. 203–205.

13. Жукова О.А. Необратимая связь: парадоксы теле- и интернет-коммуникации // Наука телевидения. 2009. № 6. С. 17–179.
14. Алиакарна А. Особенности беззвучной подачи новостей в коротких новостных видео (на примере канала «Аль-Джазира») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 2. № 2(41). С. 109–120. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2023_2_2_109
15. Шидугова Э.Ж. Специфические особенности кинотекста как вида креолизованного текста: типы креолизации // Научные исследования 2023: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 20 апреля 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 62–65.
16. Шестерина А.М. Проблемы изучения новейших аудиовизуальных медиа в аспекте медиапсихологии // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций : материалы III междунар. науч. конф., Таганрог, 15 октября 2021 г. Таганрог — Екатеринбург, 2021. С. 374–379.
17. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность : в 3 книгах : / сост. Г.А. Давыдова. Кн. I. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. М.: Восточная литература, 2005.
18. Матвиенко Д.В. Информационный обмен и информационные заимствования как условие развития общества // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2(27). С. 42–44.
19. Hall E.T. The Hidden Dimension. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966.
20. Евграфова Ю.А. Семиотическая «матрёшка»: кодирование в гетерогенных экранных текстах (на примере кинотекста «Король говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 75–84. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84>

References

1. Berleva, I.N. (2022). Integrating screenness into the sociocultural space: cultural and philosophical analytics. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 11 (5–1), 257–263. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.55.40.029> (In Russ.).
2. Berleva, I.N. (2022). Virtual simulation space of culture in the context of the dynamics of scaling electronic screenness: socio-cultural sphere of actualization. *Society: Philosophy, History, Culture*, 11(103), 18–22. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.11.2> (In Russ.).
3. Brejtman, A.S. (2019). “Screen” as a dominant of modern culture: cinema, television, video, computer animation. *Bulletin of Kazan state university of culture and arts*, 3, 97–102. (In Russ.).
4. Sidorova, G.P. (2022). Dialogue between elite and mass cultures in mass cinematography and in the individual gender dimension of the viewer. *Herald of Culturology*, 3(102), 256–274. <https://doi.org/10.31249/hoc/2022.03.14> (In Russ.).
5. Artamonova, U.Z. (2022). ‘Popcorn diplomacy’: American blockbusters and world order. *Analysis and Forecasting*, 3, 76–90. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-3-76-90> (In Russ.).
6. Maslova, V.V. (2017). Visual perception in telecommunications. *Topical problems of humanities and natural sciences*, 4–5, 110–112. (In Russ.).
7. Volkova, I.I. (2015). *The play as a framework for on-screen communications* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
8. Simbirceva, N.A. (2013). Visual text as phenomenon of modern culture. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 7–1(33), 183–185. (In Russ.).
9. Berleva, I.N. & Belyaev, D.A. (2023). The language of screen culture: semiotics of texts and rhetorical possibilities. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2(106), 86–91. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.2.14>. (In Russ.).
10. Alexandrova, O.I., Krasina, E.A. & Rybinok, E.S (2019). Precedent Phenomena of a Film Text: Feature Film Title in the Terms of Translation. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 5, 22–33. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-19.022> (In Russ.).

11. Hlyzova, A.A. (2013). Semantic similarities and differences between the concepts “audiovisual image”, “screen image”, “tv image” and “artistic image” in the context of their use in the theory and practice of television. *The Scientific Opinion*, 11, 78–85. (In Russ.).
12. Azarjan, S.G. & Meshherjakova, I.V. (2011). The place of television in the structural field of screen culture. *Kazan Science*, 1, 203–205. (In Russ.).
13. Zhukova, O.A. (2009). Irreversible connection: paradoxes of TV and Internet communication. *Science of Television*, 6, 173–179. (In Russ.).
14. Alshakarna, A. (2023). Mute news delivery technologies in short videos (on the example of the Al Jazeera). *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2, 2(41), 109–120. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2023_2_2_109 (In Russ.).
15. Shidugova, Je.Zh. (2023). Specific features of cinema text as a type of creolized text: types of creolization. In: *Scientific Research 2023: proceeding of VI Internat. scientific practical conf.*, Penza, 20.04.2023. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Guljaev G.Ju.). pp. 62–65. (In Russ.).
16. Shesterina, A.M. (2021). Problems of studying the newest audiovisual media in the aspect of media psychology. In: *Current state of media education in Russia in the context of global trends: materials of III Internat. scientific conf.* (Taganrog, October, 15, 2021). Taganrog—Ekaterinburg. pp. 374–379. (In Russ.).
17. Shhedrovickij, G.P. (2005). *Sign and Activity*. In 3 books. G.A. Davydova (Ed.). Bk.I. The structure of the sign: meanings, values, knowledge. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
18. Matvienko, D.V. (2008). Information exchange and information borrowing as a condition of society development. *Cultural life of the South of Russia*, 2(27), 42–44. (In Russ.).
19. Hall, E.T. (1966). *The Hidden Dimension*. Garden City, N.Y.: Doubleday.
20. Evgrafova, Ju.A. (2019). Semiotic “stacking doll”: coding in heterogeneous screen texts (case study of a film text “King’s speech” and a videotext “You’re single, you’re such a name”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 75–84. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84> (In Russ.).

Сведения об авторе:

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ» (111250, Российская Федерация, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1); *сфера научных интересов*: семиотика, семантика, киносемиотика, поликодовые тексты, герменевтика, экранная культура; *e-mail*: yu.evgrafova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4201-5281; SPIN-код: 9494-6751; Author ID: 643367.

Information about the author:

Yulia A. Yevgrafova, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Associate Professor, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (14, build. 1, Krasnokazarmennaya, Moscow, Russian Federation, 111250); *Research interests*: semiotics, semantics, film-semiotics, polycode texts, hermeneutics, screen culture; *e-mail*: yu.evgrafova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4201-5281; SPIN-code: 9494-6751; Author ID: 643367.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-329-347

EDN: QISOQA

УДК 811.161.1'374:001.4:159.9

Научная статья / Research article

Перцептивные лексемы *внимание, восприятие, память* в терминологическом употреблении

Т.В. Романова , О.Н. Колчина Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижегород, Российская Федерация tvromanova@mail.ru

Аннотация. Терминосистема когнитивистики имеет междисциплинарный характер и формируется из разных сфер научного дискурса. Терминологическое значение развивается и у общеупотребительных лексем. Слова *внимание, восприятие, память, знание, сознание, воздействие*, когда называют когнитивные способности, функции, психические процессы, поведенческие реакции человека, становятся терминами. Цель исследования — анализ процесса терминологизации общеупотребительных лексем с перцептивным значением, к которым относятся лексемы *внимание, восприятие* и связанная с результатом перцептивной деятельности отношениями каузации лексема *память* (компонент 'увидеть' → 'запомнить'). Материалом анализа послужили дефиниции указанных лексем в толковых словарях, словарях синонимов, антонимов, фразеологических словарях, лингвокультурологических, словообразовательных. Это позволило определить особенности их общенационального словоупотребления и комплекс сем, которые могли стать основанием для формирующегося терминологического значения. Второй этап исследования включал анализ употребления данных слов в качестве терминов в работах по когнитивной лингвистике (публикации в периодических изданиях «Вестник МГУ, серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация, раздел *когнитивные исследования*, «Вопросы когнитивной лингвистики», «Когнитивные исследования языка»). На основе материалов публикаций был создан корпус, включающий 752 текста, 8 062 613 словоупотреблений. Обнаруженные коллокации показали внутрисистемные связи лексем *внимание, восприятие, память*. Также был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие студенты 1–4 курсов, обучающиеся на программе Фундаментальная и прикладная лингвистика НИУ ВШЭ. Результаты эксперимента подтвердили предположение о влиянии общеупотребительных семантических компонентов значений русскоязычных слов на формирование у подобных лексем нового терминологического значения. Полученные данные были обобщены в виде прототипических статей Проектного словаря когнитивный терминов.

Ключевые слова: дискурс, когнитивная лингвистика, когниция, словарная статья, термин, терминосистема

© Романова Т.В., Колчина О.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Романова Т.В., Колчина О.Н. Перцептивные лексемы внимание, восприятие, память в терминологическом употреблении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 329–347. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-329-347>

Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах

Perceptive Lexemes *attention, perception, memory* in Terminological Use

Tatiana V. Romanova , **Olga N. Kolchina**

National Research University Higher School of Economics, *Nizhny Novgorod*,
Russian Federation

 tvromanova@mail.ru

Abstract. The term system of cognitive science is interdisciplinary in nature and is formed from different areas of scientific discourse. The terminological meaning is also developed in commonly used lexemes. The words attention, perception, memory, knowledge, consciousness, impact, when they call cognitive abilities, functions, mental processes, human behavioral reactions, become terms. The purpose of this article is to analyze the process of terminology of commonly used lexemes with a perceptual meaning, which include the lexemes attention, perception and the lexeme memory associated with the result of perceptual activity by causation relations (component ‘see’→‘remember’). The material for the study was the definitions of these lexemes in explanatory dictionaries, dictionaries of synonyms, antonyms, phraseological dictionaries, linguoculturological, word-formation dictionaries. This made it possible to determine the features of their national word usage and a set of semes that could become the basis for the emerging terminological meaning. The second stage of the study included the analysis of the use of these words as terms in works on cognitive linguistics (publications in the periodicals “Issues of Cognitive Linguistics”, “Cognitive Studies of Language”, “Bulletin of Moscow State University, Series 19: Linguistics and Intercultural Communication, section *Cognitive Studies*). Based on the materials of publications, a corpus was created, including 752 texts, 8,062,613 word usages. The discovered collocats showed intrasystemic connections of lexemes attention, perception, memory. An associative experiment was also conducted, in which 1–4 year students enrolled in the program Fundamental and Applied Linguistics of the National Research University Higher School of Economics. The results of the experiment confirmed the assumption about the influence of commonly used semantic components of the meanings of Russian words on the formation of a new terminological meaning in such lexemes. The data obtained were summarized in the form of prototype articles of the Project Dictionary of Cognitive Terms.

Keywords: discourse, cognitive linguistics, cognition, dictionary entry, term, term system

Article history:

Received: 01.0.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2024). Perceptive Lexemes *attention, perception, memory* in Terminological Use. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 329–347. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-329-347>

Authors' contribution:

All authors have contributed equally.

Введение

Когнитивистика как научное направление имеет междисциплинарный характер, что сказывается в своеобразии ее терминологической системы. Это заключается в использовании в когнитивных исследованиях конкурирующих синонимичных терминов, терминов-дублетов, неточном употреблении, а также ошибочном понимании некоторых терминов. Настоящее положение в терминосистеме когнитивистики вообще и в когнитивной лингвистике в частности осложняется тем, что часть терминов заимствована из иноязычных когнитивистских работ, другая часть возникла на почве отечественных исследований в области лингвистики, психологии, психолингвистики, нейролингвистики, философии, логики, компьютерной лингвистики с учетом русских лексем. Некоторые из них являются русскоязычными по происхождению и могут уже иметь терминологическое, хотя и не когнитивное, значение (помета *спец.* в толковых словарях русского языка) или образованы от иноязычных лексем, но по продуктивным моделям современного русского языка. Именно последнее обстоятельство мешает обращаться в случае необходимости к словарям терминов когнитивной лингвистики В. Эванса¹ или Р. Траска², кроме того, развитие когнитивной лингвистики неизбежно приводит к устареванию сведений и дефиниций данных словарей. Отечественный Краткий словарь когнитивных терминов под общей редакцией Е.С. Кубряковой издан также в конце XX в. (1997 г.). Терминологическая система когнитивной лингвистики за несколько десятков лет не могла не претерпеть определенных изменений. Поэтому в настоящее время необходим словарь справочного характера, демонстрирующий парадигматические, эпидигматические, деривационные, синтагматические связи когнитивных терминов, обнаруживающий таким образом дублетность терминов или разницу в словоупотреблении синонимичных терминов, словообразовательные связи данных терминов, возможное развитие значений полисемичного термина, генерализацию или спецификацию.

¹ *Evans V.A.* Glossary of cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988.

² *Trask R.L.* Key concepts in language and linguistics. Abington: Routledge, 1999.

В данной статье рассматривается развитие терминологического значения у общеупотребительных слов, имеющих русскоязычное происхождение: *внимание*, *восприятие* и связанная с результатом перцептивной деятельности отношениями каузации лексема *память* (компонент ‘увидеть’→‘запомнить’).

Процесс терминологизации лексем *внимание* и *восприятие*

Рассмотрим функционирование слова *внимание* в лексикографических источниках.

В Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) у лексемы *внимание* фиксируется два значения: сосредоточенность мысли или зрения, слуха на объекте и забота по отношению к кому-то³. Примеры употребления слова, данные в словарной статье, представляют внимание как предмет, который испытывает на себе действие со стороны. Например, в словосочетаниях *направить внимание на что-л.*, *отвлечь внимание* существительное *внимание* находится в подчинительном отношении, в качестве объекта; в словосочетании *заострить внимание* слово *внимание* выступает как неодушевленный предмет, ассоциативно (возможность сделать острым) отсылающий к ножу или другому подобному оружию; кроме того, внимание ассоциативно связано с понятием пространства благодаря словосочетанию *быть/ находиться в центре внимания*.

Этимологически слово *внимание* образовано от глагола *внимать* в значении ‘слушать’, который в свою очередь происходит от глагола *имати*⁴ со значением ‘брать, присваивать’ с помощью приставки *вън-* со значением направления внутрь (1. направленность во что-л.; внутрь или в пределы чего-л.; проникновение, углубление во что-л. (в прямом и переносном смысле)⁵. Интересно, что этимологически лексема *внимание* пересекается с лексемой *восприятие*, т.к. оба слова восходят к одному и тому же глаголу общеславянскому *имати*, исторически связаны с идеей присваивания себе чего-либо.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля относит слово *внимание* в статью глагола *внимать*: ‘осторожно слушать, прислушиваться, жадно поглощать слухом; усваивать себе слышанное или читанное, устремлять на это мысли и волю свою’⁶. Оттенки первого значения объединены се-

³ Словарь русского языка: В 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 1.

⁴ Шанский В.М. Этимологический словарь-онлайн. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%B2/%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Лопатин В.В., Улханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. С. 52.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B2/%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 14.05.2022).

мой ‘слух’, то есть в первоначально *внимание* связано именно со слуховым восприятием информации. Второе значение ближе к архаичному значению ‘брат’, кроме того, появляется сема ‘сосредоточенность мысли на чем-то’. Таким образом, в словаре Даля зафиксирован переход от архаических значений к современным.

Оттенки значения глагола *внимать* расширяют понятие: В.И. Даль указывает диалектные значения ‘применять наставления к делу’; ‘мешаться в дело’ с отрицательной коннотацией, а также старинное значение ‘загораться’ (идентичное, например, значению слова *заняться* в словосочетании *занялся огонь*). Таким образом, лексема *внимание* связана с понятием включения человека в окружающую реальность вообще и в различные виды деятельности в частности.

Среди слов, входящих в словообразовательное гнездо глагола *внимать* входят различные части речи: *внять, вниматься, внимательный, внимчивый, вымчивый, внемлющий, внятливый, внимчивый, внятнй внимательность, внятие, внятливость, внятность*⁷, которые связаны с идеей понимания, восприятия информации, усвоения.

В современном русском языке лексема *внимание* авторами словообразовательных словарей не всегда соотносится с глаголом *внимать*⁸. От нее образовано слово *невнимание*. Однокоренное слово *внимательный* является исходным для гнезда производных слов *внимательно* → *невнимательно; невнимательный; превнимательный* → *превнимательно*. Таким образом, деривационные связи слова *внимание* значительно сузились.

Фразеологизмов с данной лексемой немного, они носят в основном книжный характер и приводятся в словарной статье Словаря русского языка (МАС): *обратить внимание, принять во внимание, находиться в центре внимания*. Эти фразеосочетания помещены вне основной статьи словаря. Данные словосочетания представляют внимание как чувство, которое можно направить на объект; как что-то свое, куда можно что-то поместить — в этом случае возникает ассоциативная сема пространства у слова *внимание*; наконец, именно как некое пространство, у которого есть центр, куда можно попасть самому.

Несмотря на изменение в семантике слова *внимание* в современном русском языке, интересно, что семы ‘брат’ и ‘пространство’ сохраняются, пусть и на периферии его семантической структуры.

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufu.me/dict/dal/%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 14.05.2022).

⁸ Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. С. 106.

Реализацию терминологического значения слова *внимание* рассмотрим по данным Проектного словаря-справочника когнитивных терминов⁹. При реализации проекта по созданию словаря-справочника нами собран корпус научных источников общим объемом 8128537 токенов, 1963 документов, 91 Мб (в формате *spacyDocBin*)¹⁰. В корпус вошли статьи когнитивной тематики российских периодических научных изданий (всего 23 источника).

Внимание в научных источниках определяется как когнитивная способность переработки разных типов информации, визуальной, тактильной и др., как «концентрация восприятия или интеллектуальной деятельности на отдельной черте перцептуального процесса (ощущении) или отдельной мысли»¹¹.

Абсолютная частота встречаемости термина в нашем корпусе — **3471/ИРМ**, относительная частота встречаемости слова на миллион словоупотреблений — **427.01**. В терминологическом употреблении слово *внимание* имеет синонимический ряд (*концентрация, акцентирование, фокус*), антонимические пары (*невнимание, рассеянность*), гиперонимы (*психический процесс, сознание*) и гипонимы (*акцентирование*). В структурно простых словосочетаниях терминологическое значение сужается. Внимание подразделяется на *перцептивное, зрительное, фокальное, пространственное, объектное*. Вступая в деривационно-эпидигматические отношения, слово, как правило, теряет свое терминологическое значение: *внимание — внимательный — невнимательный; внимание — внимательный — внимательность — невнимательность*.

Корпусный инструмент позволяет выявить регулярную сочетаемость терминов. Коллокаты распределены по частоте встречаемости (в скобках после коллоката указано значение меры ассоциативности t-score): *обратить* (18.73), *обращать* (16.53), *особый* (16.13), *фокус* (14.41), *уделять* (12.27), *принимать* (11.56), *центр* (11.55), *привлекать* (11.15), *акцентировать* (10.32), *привлечение* (8.79), *исследователь* (8.78), *читатель* (8.76), *привлечь* (8.40), *пристальный* (7.60).

В словаре также указаны N-граммы терминов, которые показывают лексико-синтаксические связи единиц анализа, абсолютную частоту предшествования или следования слов в тексте друг за другом: *обратить* (263), *обращать* (202), *уделяться* (144), *особый* (133), *фокус* (123), *принимать* (90), *исследователь* (80), *читатель* (78), *центр* (73), *акцентировать* (71), *привлекать* (67), *слово* (63), *привлечение* (58).

⁹ Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие под общ. ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

¹⁰ Режим доступа: <https://nnov.hse.ru/human/linguistics/slovar/publ.;https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlit.app/> (дата обращения: 14.05.2022).

¹¹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 15.

Содержание термина *внимание* интерпретируется в научных публикациях через:

1) предикацию и свернутую предикацию:

<...> **Внимание** рассматривалось этим автором [У. Найссером] как **перцептивное действие**, которое во многом носит автоматический, врожденный характер, но может модифицироваться в процессе научения [1].

Внимание — это **сосредоточенность деятельности субъекта** в данный момент времени на каком-либо реальном или идеальном объекте (предмете, событии, образе, рассуждении и т.д.) [2];

2) метафору, дескрипцию:

<...> **внимание как «фильтр»**, который блокирует переработку избыточной информации [3. С. 280].

Мы провели верификацию понятийного тезауруса путем сопоставления с ассоциативным тезаурусом, составленным по результатам ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 144 студента образовательной программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика» НИУ ВШЭ-Нижний Новгород. На стимул *внимание* получены следующие реакции:

ВНИМАНИЕ: концентрация 22; фокус, восклицательный знак 9; опасность 6; красный (красный цвет) 5; тревога 4; сосредоточенность, сдвиг, красный восклицательный знак, глаза, важность, марш 3; attention, забота, развитие, отсутствие, учеба, цель, привлекать, память, мозг, осторожно, на старт, обратить 2; 187+114+0+90.

Первая цифра в формуле — всего ассоциаций;

Вторая — различных ассоциаций;

Третья — отказов;

Четвертая — единичных ассоциаций.

Анализ общенародных значений и этимологии лексемы *внимание* показал, что терминологическое значение данной лексемы основан на общенародном: в новом значении сохраняются ядерные семы ‘сосредоточенность (мысли)’ и ‘направленность (мысли)’. Проведенный ассоциативный эксперимент подтверждает, что в сознании специалистов-носителей языка в значении лексемы *внимание* главными оказываются данные семы. Наибольшее число на стимул у реакции *концентрация*. В Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой словарная статья слова *концентрация* отсылает к значению глаголов *концентрировать / сконцентрировать*, переносное значение которых включает сему ‘направленность (мысли)’¹². Синонимичной является реакция *фокус*, переносное значение данной лексемы также включает сему ‘сосредоточие’. Наконец, реципиенты давали

¹² Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: https://www.efremova.info/word/kontsentrirovat.html#.Y_uUYK9BzGg (дата обращения: 07.06.2022).

прямую реакцию *сосредоточенность*. Отдельные реакции связаны с понятием сосредоточенности, направленности мысли на что-либо и ментальными процессами, например *память, мозг, мышление*. Интересны реакции, связанные с идеей опасности (*опасность, красный цвет, attention* и др.). Возможно, понятие опасной ситуации предполагает внимание как сосредоточенность мысли на обстоятельствах, которые могут привести к опасности. Таким образом, важнейшей семой, повторяющейся в общенародном и терминологическом значениях лексемы *внимание*, оказывается ‘сосредоточенность (мысли)’.

Перейдем к рассмотрению лексемы *восприятие*.

Восприятие. В Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова у данного слова два значения. Первое значение — отсылочное, авторы словаря отсылают к значениям глагола *воспринять*. В 1 значении данный глагол обозначает ‘ощутить, распознать органами чувств’, во втором значении ‘Понять и усвоить’¹³. При дальнейшем анализе будет учитываться данное обстоятельство, и значения глаголов *воспринять / воспринимать* рассматриваются как напрямую связанные с возможными значениями и семантическими оттенками существительного *восприятие*.

Второе значение слова *восприятие* имеет терминологический характер, данная лексема обозначает форму чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образ¹⁴. Таким образом, первое значение слова *восприятие* является общенародным и значение его дается с помощью общенародных синонимов, второе значение терминологическое, хотя и не имеет специальной пометы. Нужно отметить, что между общенародным и терминологическим значениями есть общие семы: ‘ощущение’, ‘различение’, ‘усвоение’ как в виде процесса и как форма этого процесса. Данные семы представляют *восприятие* как психический процесс, связанный с отражением действительности и одновременным усвоением результатов этой действительности в сознании человека. Идея присвоения оказывается главенствующей, она проистекает от старого бытования данного слова как отглагольного существительного от глагола *воспринять* в значении ‘брать’, ‘принимать’, ‘получать’. Эти значения фиксирует Толковый словарь В.И. Даля, но не для лексемы *восприятие*, а для глагола *воспринимать*¹⁵, хотя

¹³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3856> (дата обращения: 07.06.2022).

¹⁴ Там же. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3857> (дата обращения: 07.06.2022).

¹⁵ В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 14.05.2022).

в комплексе словообразовательного гнезда в словаре В.И. Даля существительное *восприятие* наличествует.

Разные значения глагола *воспринять* (*воспринимать*) и отглагольного существительного *восприятие* в словаре В.И. Даля не разведены не даются как отдельные, в одном ряду фиксируются значения ‘братъ’; ‘наследовать’; ‘принимать ребенка из купели при крещении’. Таким образом, для носителей русского языка 19 века понятия физического присвоения предмета, усвоение информации из окружающей среды, принятие на себя духовного или нравственного обязательства (при наследовании или крещении) были соположенными.

В обобщенном значении ‘усваивать, постигать’ без уточнения, о материальном или психическом процессе идет речь, — дает слово *воспринять* (*воспринимать*) Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, существительное же *восприятие* имеет стилистическую помету «псих.»¹⁶, что говорит только о терминологическом бытовании данной лексемы в русском языке 30–40-гг. XX в.

В семантическом отношении лексема *восприятие* прошла путь от церковно-славянского синонима к древнерусскому глаголу *братъ* (этимология слова восходит к общеславянскому глаголу *имѣти* в значении ‘братъ’¹⁷). Идея присваивания себе оказывается центральной в семантике данного слова, более конкретные значения ‘наследовать’ (в том числе и продолжать чье-то дело) и ‘быть крестным родителем’ выделяются из этого ядерного значения, демонстрируя важность этих явлений для русского менталитета до XX века. Однако в начале XX века эти значения замещаются терминологическим значением слова *восприятие*, что отражает толковый словарь Д.Н. Ушакова. В дальнейшем термин проникает в общенародный язык, Толковый словарь С.И. Ожегова уже не фиксирует стилистической пометы для этого слова, хотя формулировка значения не отличается от формулировки в словаре Д.Н. Ушакова. Из узко научного дискурса лексема снова возвращается в общенародный язык.

Новый словообразовательный словарь русского языка А.Н. Тихонова¹⁸ показывает словообразовательное гнездо меньшего объема, чем словарь В. Даля, так как не отражает уже устаревшие производные, подобные слову *восприемник*. Основные деривационные связи слова сохраняются (слово

¹⁶ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6678> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁷ Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: в 4 т./ М. Фасмер; пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М.: АСТ, 2003. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%B2/%D0%B2%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁸ Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. С. 114.

восприятие образовано от глагола *воспринять*, находится в одном гнезде со словами *воспринимать*, *восприимчивый*, *восприимчивость*) и показывают важность психического процесса узнавания предметов и явлений внешнего мира.

Далее покажем, как функционирует термин *восприятие* в научных источниках по когнитивной лингвистике.

Статья «Восприятие» в нашем словаре, составленном по данным собранного корпуса, содержит следующие сведения о терминологическом функционировании слова.

Под ВОСПРИЯТИЕМ в терминологическом значении понимается «сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа» [4. С. 74], обобщение «сенсорного или чувственного опыта **в виде отражения окружающей нас объективной действительности** и в образе мира и его отдельных фрагментов»¹⁹.

Синонимичная замена термина: *осознанность*, *отражение действительности*, *первичный фактор познания*, *перцепция*, *постижение внешнего мира*, *способность воспринимать*; антоним к термину — *игнорирование*.

Термин *восприятие* находится в отношениях расширения с терминами *высшая психическая функция*, *когнитивное действие*, *когнитивная операция*, *познание*, *постижение внешнего мира*, *форма знания*, и в отношениях сужения (спецификации) с терминами *восприятие движения*, *восприятие пространства*, *перцепция*, *понимание*, *реакция*, *рецепция*, *созерцание*, *самовосприятие*, *цветовое восприятие*.

Термин *восприятие* обнаруживает следующие деривационно-эпидигматические связи: *воспринять* — *восприятие*; *воспринять* — *воспринимать* — *воспринимаемый*; *воспринять* — *воспринимать* — *восприимчивый* — *восприимчивость*, *воспринять* — *восприимчивый*.

Коллокации термина *восприятие*: *процесс* (9.87), *текст* (9.21), *особенность* (8.88), *понимание* (8.09), *мир* (8.01), *зрительный* (7.65), *информация* (6.85), *чувственный* (6.67), *способ* (6.46), *глагол* (6.38), *речь* (6.34), *действительность* (5.74), *осмысление* (5.63), *субъективный* (5.48).

Н-граммы для термина *восприятие*: *текст* (102), *процесс* (83), *мир* (75), *особенность* (57), *понимание* (55), *информация* (50), *речь*, *глагол* (49), *зрительный* (48), *человек* (41), *действительность* (34), *время* (32), *чувственный* (30).

Для термина *восприятие* частотными способами интерпретации его содержания являются предикация (*Восприятие — это психологический механизм когниции*), свернутая предикация (*Восприятие как высшая психическая функция*), дескрипция, предикация (*Совокупностью ощущений является восприятие объекта или явления, под которым будем понимать осознанность*

¹⁹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 17.

чего-либо в сознании человека в конкретный момент времени в виде образов (Немов, 2007: 72), иными словами, восприятие — это процесс построения описания окружающего мира (Pike, Edgar, 2004: 73) [5. С. 80], которые часто сопровождаются цитированием.

Интерпретация термина может быть оценочной: *Процесс восприятия — явление многоплановое, полиморфное и полидетерминированное* [6. С. 9].

Ассоциации, полученные путем эксперимента, показывают своеобразное наложение общенародного и терминологического значений лексемы у респондентов. Ассоциат *чувство* в количественном отношении стоит на первом месте (29 реакций), значение его синонимически соотносится с общенародным значением слова *восприятие*, так как называет способность ощущать окружающий мир с помощью органов чувств²⁰. Сема ‘ощущать’ в общенародном значении слова *восприятие* объясняет появление ассоциата *ощущение* на втором месте среди результатов эксперимента, а сема второго значения глагола *воспринять* — ‘понять’ — является основной реакцией испытуемых: *понимание*. Частотность ассоциата *перцепция* (5) объясняется наличием соответствующего синонимичного термина в психологии и когнитивистике²¹. Также среди ассоциатов обнаруживаются лексемы разной частеречной принадлежности, которые называют различные органы чувств, оценки, основывающиеся на работе органов чувств, процесс чувствования, например *слух, ухо, осязание, тактильный*. Таким образом, общенародное понимание восприятия пересекается с терминологическим в целом ряде сем: ‘осознание’; ‘отражение окружающей действительности’; ‘система действий органов чувств’.

Терминологизация лексемы *память*

Рассмотрим процесс терминологизации слова *память*.

Понятие памяти оказывается важным для русской культуры и русской картины мира. Анализ значений слова *память* в словарях разного вида показал особенности национального восприятия данного понятия. В толковом словаре А.П. Евгеньевой (МАС) слово *память* имеет несколько значений, которые представляют память как психический процесс сохранения и воспроизводства в сознании впечатлений; закрепленные в сознании события, ‘воспоминания о ком-, чем-л.’ и само сознание.²² Однако наибольший интерес

²⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35307> (дата обращения: 22.03.2023).

²¹ Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998. Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/1637/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 23.04.2023).

²² Словарь русского языка: В 4-х т. под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 3. С. 16.

представляют оттенки значений и примеры словоупотреблений, данные в словарной статье. Так, память может оцениваться как хорошая и плохая, по способу запоминания — зрительная, слуховая, речедвигательная, образная, моторная. Данные качества отражают бытовое восприятие памяти и отчасти научное, а именно психолого-педагогическое. В словаре под редакцией С.И. Ожегова также дается значение с пометой спец.: память ЭВМ как совокупность устройств и процессов записи, хранения и воспроизведения информации²³; в современном русском языке данное значение лексемы *память* актуально в более широком понимании — как хранение и воспроизведение информации в различных устройствах (*компьютерная память, память телефона, память смартфона* и т.п.).

Словоупотребления, приведенные в качестве примеров в словаре А.П. Евгеньевой, показывают, что память может ассоциироваться у носителей языка с живым существом и сверхсуществом. Например, память может воскрешать: «Память услужливо воскрешала...» (цит. Шолохова). Воскрешать, оживлять — это действия Бога, однако *услужливо* — это скорее характеристика человеческих действий. Память одновременно воспринимается как нечто твердое, подобное камню, т.к. информация может как врезаться в память, так и изгладиться: *врезаться* ‘войти режущей частью, острием...’²⁴, *изгладиться* ‘стереться’²⁵, одновременно память — некое пространство, в котором заключена информация: *покрыться туманом в памяти*, туман ‘погодное явление, характерное для открытого пространства’. Судя по фразеологизмам, данным в словарной статье, память может обладать протяженностью во времени (*куриная память, девичья память, короткая память*).

Данные словаря В.И. Даля предоставляют дополнительные характеристики памяти, подчеркивающие важность данного психического процесса для говорящих на русском языке. По В.И. Далю, *память* — это ‘свойство души’, т.е. процесс хранения информации является сферой не только разума, но и духовной. Интересно также, что память у В.И. Даля противопоставляется догадке, воображению и ясновидению. В толковом словаре (МАС) значения лексем *воображение, догадка, ясновидение* имеют общую сему ‘предугадывание, предположение’²⁶, таким образом, понятие *память* — это нечто точное.

Также в определении лексемы *память* отмечены такие свойства данного мыслительного процесса, как безотчетное заучивание (внешняя память) и, наоборот, разумное осмысление научных знаний и нравственных

²³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений М.: Азбуковник, 1999. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19838> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988/1988. Т. 1. С. 226.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 640.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 210; Т. 1. С. 414; Т. 4. С. 786.

истин.²⁷ Интересным здесь является то, что память относится к области нравственности и духовного начала. Это нечто большее, чем обычный процесс мышления.

В устойчивых выражениях, приводимых В.И. Далем в словарной статье, память уподобляется острому предмету: *острая память, тупая память, притупить память*. Память — часть человека, подобная частям тела, об этом свидетельствует пояснение ‘утрата ее болезненна’, ее можно повредить физически (*отбить память*). Определения *старая, слабая* к слову *память* также создают образ памяти как живого существа, имеющего возраст. И наконец, память — нечто предметное, данное понимание реализуется в пословице, приводимой В.И. Далем: *Пришьешь пуговку — пришьешь память*.

Таким образом, словари современного русского языка (МАС, Словарь Ожегова) и Словарь живого великорусского языка показывают общие характеристики памяти как одновременно живого существа и неодушевленного твердого предмета; МАС фиксирует в значениях слова *память* и словоупотреблении восприятие памяти как пространства, а словарь В.И. Даля обнаруживает связь памяти и нравственности, духовной стороны человека.

О важности данного понятия для русского менталитета свидетельствует также словообразовательно гнездо, приводимое в словаре В.И. Даля, с ядром *память: памятца (памяток)* ‘тетрадь, куда вписывали имена усопших для поминовения’; *памятка* ‘наука’; *памятух* (памятуха), *памятчик* (памятчица) ‘старожил’; *памятный* ‘относящийся к памяти’; *памяткий* ‘у кого хорошая память’; *памятливый* ‘человек с хорошей памятью’; *памятность* ‘свойство по прилагательному *памятный*’; *памятливость*; *памятник* ‘все, что сделано для облегчения памяти’; *памятовать / памятствовать / запаятовать / допамятуй / вспаятовать / напамятуй / опаятуйся / припамятуй / памятимися* — ряд глаголов, называющих процессы, связанные с запоминанием или припоминанием. По мнению Т.В. Вендиной, словообразовательные связи отражают мыслительные операции по установлению связей между явлениями действительности [7. С. 9]. Количество слов, образованных от слова *память*, их разнообразие в частеречном отношении показывает необходимость работы памяти, предметов, предназначенных для сохранения информации, качества человека и предмета, связанные с памятью. Причем Морфемно-орфографический словарь под редакцией А.Н. Тихонова дает гораздо меньшее по объему словообразовательное гнездо для слова *память*, но основные направления образования производных слов

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 23.04.2023).

сохраняются: предметы (*памятка, памятник*); процесс (*памятование, памятовать*); признак (*памятный, памятливый*)²⁸.

Обращение к этимологии слова *память* дает следующие результаты: слово происходит от общеславянского корня мАти / мьн-, который связан с индоевропейским понятием мышления, разума, на это указывает М. Фасмер в Этимологическом словаре русского языка. Кроме отнесения процесса памяти в сферу мышления также присутствует идея суждения, или мнения, видимо, закрепленного в памяти²⁹.

Итак, значения и словоупотребления лексемы *память* отражают важность данного мыслительного процесса для говорящих, связь его с мнением и суждением, исторически относящегося и к области нравственного и духовного; с развитием педагогико-психологических наук бытовое восприятие памяти как части человека, пространства, живого существа, но одновременно твердого предмета совмещается с научным пониманием памяти как «устройства / вместилища», хранящего информацию.

Если обратиться к толкованию памяти как когнитивного термина, то память определяется как, во-первых, когнитивная способность, во-вторых, как процесс удерживания информации, сохранения накопленного опыта и знаний в виде определенных «следов» (энграмм), в-третьих, как способность упорядочивать массив знаний, «систематизировать все сведения, пришедшие к человеку по разным каналам и в известной мере интегрировать их в единую систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией»³⁰.

Синонимы термина в научной коммуникации выступают термины *вместилище, воспоминание, образ, отпечаток, порождающий механизм, резервуар, след*; антонимами — *забывание, беспамятство*. Термин вступает с другими терминами как в отношения расширения: (*мыслительная*) *когнитивная способность, (ментальное) действие, мысль/мышление, порождающий механизм, психологическое явление*, так и в отношения сужения (спецификации): *анамнетическая память, аниматорная память, архиварная память, воспоминание, долговременная память, монументальная память, оперативная память, эсхатологическая память, рабочая память*. В научном дискурсе выявлены частотные коллокации для рассматриваемого термина:

²⁸ Морфемно-орфографический словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: АСТ: Апрель, 2002. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/morphemic-orthographic/fc/slovar-207-1.htm#zag-49790> (дата обращения: 14.06.2023).

²⁹ Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М.: АСТ, 2003. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BF/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 16.05.2023).

³⁰ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 114.

культурная память (73), историческая память (57), долговременная память (50), метафора (33), коллективная память (30), единица памяти (29), рабочая память (28), слово (25), оперативная память (25); память человека (54), память народа (25), концепт память.

Среди наиболее частотных способов интерпретации содержания термина выявлены метафоры, свернутая предикация — приложение, «в качестве» «память как», дефиниция «память это», дескрипция: «мыслительное действие, которое».

Память как познавательный процесс и когнитивный механизм и способность подвергается оценочной интерпретации: «<...> **память** — это творческий акт, предполагающий наличие агенса, посредничества (mediation), так как для передачи воспоминаний необходим посредник, и пространственности (spatiality), поскольку память / воспоминание всегда привязаны к определенному месту» [8. С. 336].

Результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента в отношении слова *память* таковы:

ПАМЯТЬ: мозг 24; воспоминание 12; хранилище 11; хранение 6; флешка, хранение информации 4; оперативная, плохая, способность мозга, карта памяти, мысль, опыт, хранить 3; сознание, человек, компьютер, информация, время 2; желтый, сохранение, образ, телефон, забыл, карта, отсутствует, гигабайты, средство хранения информации, предкам, вечность, сила, объем информации, флёр, что-то мифическое, остается лишь, 3 гигабайта, запоминание, вечна, помять, фотография, опыт прошлого, что-то грустное, структурна, паззлы, письменная, устная, долгая, знание, brain, сети, образы, биология, машина, потеря, ухудшение, история, народ, сохранять, прошлое, мемори, процесс, помнить, дневник памяти, нейроны, проблемы, ограниченность, красный, объем, хранение знаний, розовый, ящик, короткий, путь, старость, запоминать, чертоги разума, шкатулка, процесс психики, события, накопление, хорошая, важность, мышление, кратковременная, долговременная, разум, словарь, процессор, восприятие, карта памяти телефона, рабочая память, память о предках, гиппокамп, категория, навык, сборник, краткосрочная, товарищ память, когнитивный процесс, запомнить, забывать, диск, жесткий диск, учеба, то, чем мы запоминаем, храним в сознании 1; 182+104+0+86

Анализ общенародных лексико-семантических вариантов слова *память* и его терминологического значения показывает, что основная функция памяти — сохранение информации, причем как в мозгу человека, так и на различных устройствах. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-лингвистов, можно разделить на 2 группы. Первая группа обозначает связь лексемы *память* с мыслительным действием, работой головного мозга (например, реакции *мозг, воспоминание, способность мозга* и т.п.); вторая группа объединяет реакции, имеющих сему ‘хранение информации’

(хранилище, хранение информации, флешка и т.п.). Первая группа многочисленнее, что говорит о преобладании в сознании реципиентов терминологического значения лексемы *память*, подкрепленного общенародным восприятием данного психического процесса.

Заключение

У общеупотребительных лексем перцептивной семантики в диахронии развивается терминологическое значение, которое базируется на семантических компонентах нетерминологического значения рассмотренных лексем. Так, терминологическое значение слова *внимание* связано с общеупотребительным компонентом значения ‘включение человека в окружающую реальность’; слова *восприятие* — с семой ‘чувственное отражение действительности в сознании’; слова *память* — с семантическим компонентом ‘хранение и воспроизведение информации’. В текстах научной тематики рассматриваемые слова используются преимущественно в терминологическом значении.

В словообразовательной последовательности рассмотренные в статье слова, как правило, теряют свое терминологическое значение.

Верификация понятийного тезауруса посредством ассоциативного тезауруса выявила значительную долю совпадений в связях компонентов терминосистемы.

Библиографический список

1. Щербатых Ю.В. Общая психология. М.: Питер, 2008.
2. Кулигина Е.Д. Внимание как когнитивная функция. Режим доступа: <https://kpfu.ru/portal/docs/F631736573/Kuligina.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).
3. Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Общая психология. М.: Юрайт, 2016.
4. Мецераков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Прайм-Евразия, 2003.
5. Рябых Е.Б., Захарова М.А. Отражение процессов мышления и вербализации в метафорической картине мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 42. С. 79–85.
6. Лаенко Л.В. Восприятие-сознание-язык: проблема взаимосвязи // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 5–15.
7. Вендина Т.В. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микроскоп). М.: Индрик, 1998.
8. Денисова Н.В. Концептуальное искусство как способ консолидации коллективной памяти // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3. С. 335–339.
9. Батюшкина М.В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138–154. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>
10. Беднарова-Гибова К. Синонимы-ловушки отдельных терминов лексической семантики английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 754–760. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-754-760>
11. Божженкова Н.А., Рублева Е.В., Бахарлу Х. Словарь IT-терминов как инструмент русистики и лингводидактики в контексте цифровизации образования // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473>

12. *Гринева-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А.* Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
13. *Kotarova V., Koroļova S., Ruža O.* Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 9–35. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-9-35>
14. *Осокина Е.А.* Сравнительная авторская лексикография: постановка проблемы, возможности и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 416–438. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438>
15. *Романова Т.В., Колчина О.Н.* Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988>
16. *Shkapenko T.M., Vaulina S.S.* Semantic Transformations of the Lexeme Икона in the Russian Language of the Newest Period // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1139–1153. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1139-1153>
17. *Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V.* Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. № 2. P. 73–89. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89>
18. *Grishechko E.G.* Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7. № 2. P. 80–92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
19. *Langlois J.* Language and cognitive science: How language affects reasoning and memory // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. № 3. P. 66–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-66-76>
20. *Radyuk A.V.* Accounting terminology in English economic discourse (based on India's The Company Act 2013) // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6. № 4. P. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-9-19>

References

1. Shcherbatykh, Yu.V. (2008). *General psychology*. Moscow: Piter. (In Russ.).
2. Kuligina, E.D. *Attention as a cognitive function*. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F631736573/Kuligina.pdf>. (accessed: 14.05.2022). (In Russ.).
3. Nurkova, V.V. & Berezanskaya, N.B. (2016). *General psychology*. Moscow: Jurajt. (In Russ.).
4. Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (2003). *Big psychological dictionary*. Moscow: Prajm-Evroznak. (In Russ.).
5. Ryabykh, E.B. & Zakharova, M.A. (2020). Reflection of the processes of thinking and verbalization in the metaphorical picture of the world. *Cognitive Language Studies*, 42, 79–85. (In Russ.).
6. Laenko, L.V. (2006). Perception-consciousness-language: the problem of interconnection. *Vestnik NSU Series Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 5–15. (In Russ.).
7. Vendina, T.V. (1998). *Russian language picture of the world through the prism of word formation (microcosm)*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
8. Denisova, N.V. (2021). Conceptual art as a way to consolidate collective memory. *Cognitive Language Studies*, 3, 335–339. (In Russ.).
9. Batyushkina, M.V. (2021). Legal and linguistic uncertainty of terms and norms of Russian laws. *Russian Language Studies*, 19(2), 138–154. (In Russ.).

10. Bednárová-Gibová, K. (2019). Synonymic Traps in Selected English Lexical Semantics Terms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 754–760. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-754-760> (In Russ.).
11. Bozhenkova, N.A., Rubleva, E.V. & Baharloo, H. (2023). Dictionary of IT terms as a tool for Russian language studies and linguodidactics in the context of digitalization in education. *Russian Language Studies*, 21(4), 457–473. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473>
12. Grinev-Griniewicz, S.V. & Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022) Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
13. Komarova, V., Koroļova, S. & Ruža, O. (2023). Methodology and Technique for Assessing the Terminology Consistency in Translations: Based on Latvian and Russian Economic Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 9–35. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-9-35>
14. Osokina, E.A. (2018). The author's comparative lexicography: problem statement, opportunities and prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 416–438. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438> (In Russ.).
15. Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2022). Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> (In Russ.).
16. Shkapenko, T.M. & Vaulina, S.S. (2023). Semantic Transformations of the Lexeme Икона in the Russian Language of the Newest Period. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1139–1153. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1139-1153>
17. Antipova, A.S., Rabeson, M.D. & Smirnova, O.V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture*, 5(2), 73–89. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89>
18. Grishechko, E.G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*, 7(2), 80–92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
19. Langlois, J. (2020). Language and cognitive science: How language affects reasoning and memory. *Training, Language and Culture*, 4(3), 66–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-66-76>
20. Radyuk, A.V. (2022). Accounting terminology in English economic discourse (based on India's The Company Act 2013). *Training, Language and Culture*, 6(4), 9–19. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-9-19>

Сведения об авторах:

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор, руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (603014, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30), сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, лингвистика текста; e-mail: tvromanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1833-2711; SPIN-код: 6424-1929; Author ID: 56556988800.

Колчина Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (603014, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30), сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, языковая личность, языковая картина мира, русский как иностранный, e-mail: on-kolchina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5206-5103; SPIN-код: 3638-1427; Author ID: 348380, Researcher ID: AAC-2133-2022.

Information about the authors:

Tatiana V. Romanova, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Professor, Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School Of Economics (30, Sormovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603014), *Research interests*: cognitive linguistics, discourse analysis, text linguistics; *e-mail*: tvromanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1833-2711; SPIN-code: 6424-1929; Author ID: 56556988800.

Olga N. Kolchina, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School Of Economics (30, Sormovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603014); *Research interests*: cognitive linguistics, linguistic personality, linguistic picture of the world, Russian as a foreign language; *e-mail*: on-kolchina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5206-5103; SPIN-code: 3638-1427; Author ID: 348380; Researcher ID: AAC-2133-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-348-363

EDN: QFIOPU

UDC [811.161.1:811.581]’373:2

Research article / Научная статья

Comparative Analysis of Animal Phraseological Units with Religious Component in Russian and Chinese

Lina Ding , Marina V. Lysyakova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 1042215065@pfur.ru

Abstract. The phraseological units analyzed in a comparative aspect reflect the peculiarities of the national worldview. The purpose of the study is to identify and compare the semantics and linguocultural properties of animal phraseological units with religious component in Russian and Chinese languages. The relevance of the topic is due to the insufficient study of idioms with the name of an animal component in the aspect of religious beliefs and traditions. The linguistic focus of this study is the phraseological units of the Russian language, reflecting the Christian and pagan ideas of the Russian people. The selection of the analyzed Chinese language material is due to the significant influence of Confucianism, Taoism, and Buddhism on Chinese culture. In the work, using a set of methods and techniques, such as linguocultural analysis, comparative analysis, and classification, the phraseological units of the Russian and Chinese languages with names of marine animals components birds, and terrestrial animals are studied. Similar and different figurative and symbolic meanings of animals are revealed in the two linguocultures. Discrepancies in the national and cultural connotations of animal images among speakers of Russian and Chinese languages against the background of religious and confessional differences have been established: the image of the same animal in different linguistic cultures generates different meanings. In addition to the discrepancies, Russian and Chinese idioms reveal semantic similarities due to the commonality of moral and ethical doctrines of Russian and Chinese speakers.

Keywords: animal phraseology, comparative analysis, language and culture, religious component, Christianity, Confucianism, Taoism, Buddhism

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Ding, Lina & Lysyakova, M.V. (2024). Comparative Analysis of Animal Phraseological Units with Religious Component in Russian and Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-348-363>

© Ding Lina, Lysyakova M.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Сопоставительный анализ зоонимосодержащих фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках

Лина Дин , М.В. Лысякова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 1042215065@pfur.ru

Аннотация. Фразеологический состав, изучаемый в сопоставительном аспекте, отражает особенности национального мировоззрения. Цель исследования — выявить и сопоставить образно-семантические и лингвокультурологические свойства зоонимосодержащих фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках. Актуальность темы обусловлена не достаточной изученностью фразеологизмов с компонентом-наименованием животного в аспекте религиозных верований и традиций. Лингвистическим фокусом исследования в русском языке являются фразеологизмы, отражающие христианские и языческие представления русского народа, в китайском языке — языковой материал, обусловленный влиянием конфуцианства, даосизма, буддизма. В работе с применением комплекса методов и методик, таких как лингвокультурный анализ, сопоставительный анализ, классификация, исследованы фразеологизмы русского и китайского языков с компонентами-названиями морских животных, птиц, наземных животных. Вскрыты сходные и различные образно-символические значения животных в двух лингвокультурах. Установлены расхождения в национально-культурных коннотациях образов животных у носителей русского и китайского языков на фоне религиозных и конфессиональных различий: образ одного и того же животного в разных лингвокультурах порождает различные смыслы. Помимо различий, русские и китайские фразеологизмы обнаруживают семантическую близость, обусловленную общностью морально-этических доктрин носителей русского и китайского языков.

Ключевые слова: зоонимосодержащий фразеологизм, сопоставительный анализ, язык и культура, религиозный компонент, христианство, конфуцианство, даосизм, буддизм

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Ding Lina, Lysyakova M.V. Comparative Analysis of Animal Phraseological Units with Religious Component in Russian and Chinese // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-348-363>

Introduction

“A man lives not just in the physical environment, he lives in a symbolic Universe” [1. P. 95]. Symbols do not emerge by themselves but represent products of human conscience. Nationally specific symbols allow analyze peculiarities of national worldview, world perception. Multidimensional studies of a symbol caused an academic interest of a large number of scholars, such as A.F. Losev [2], A.A. Potebnya [3], V.V. Kolesov [4], Yu.M. Lotman [5]. A.A. Potebnya stated that

“it’s only from the point of view of language that one can arrange symbols, put them in order, correlating with the people’s worldview, but not with the arbitrariness of a writer [3. P. 6]. In the linguocultural aspect, a symbol might be treated as a stereotyped phenomenon of the context characteristic for any culture due to which “a symbol is encoded into the context of various cultures possesses different meanings in them” [6. P. 178]. For instance, in the conscience of the Russian people the image of a fish is associated with freedom, which is reflected in the idiom *как рыба в воде* (lit.: ‘like a duck to water’). In the Chinese linguoculture, a fish means ‘welfare’, ‘prosperity’ because the hieroglyph 鱼 ([yú] ‘a fish’) has a homonym 余 ([yú] ‘plenty of’), meaning ‘abundance’, ‘reserve’.

A symbol is close to an image which allows speaking about symbolic images. From the start, a man and animals existed on the Earth; animals accompany people in their everyday life in business activity which is why in the zoonymic lexis and phraseology with a zoonymic component which are passed from generation to generation, there is reflected a cognitive process of the world around. Images of phraseological units with an animal name component are motivated by the folk living, legends, mythology, history, custom, etc. But “the imagery should be based on the objective linguistic criteria which would primarily take into account the factors, influencing the appearance of the images given” [7. P. 137]. One group of those factors makes up religious and confessional beliefs and traditions.

The relevance of the topic under consideration is determined by the insufficiency of studying the phraseological units with animal names containing a religious meaningful component. The present study treats Russian and Chinese phraseological units involving animal names and religious imagery-semantic component on the basis of comparative analysis. The study is based on the complex of methods: the method of continuous sampling, descriptive method, component analysis, contextual analysis and statistical analysis. The aim of the study is to reveal general and specific linguocultural peculiarities of the mentioned above phraseological units among the bearers of Russian and Chinese.

The research material makes up 35 Russian phraseological units retrieved from “The Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseology” by K.N. Dubrovina (2010) [8] and “The Dictionary of Russian Phraseology, Historical-and-Etymological References Book” [9] by applying the method of continuous sampling, and 153 Chinese phraseological units retrieved from two dictionaries: “The Buddhist Phraseology”¹ and “The Large Etymological Dictionary of Chinese Phraseology”². Translation into Russian

¹ Zhu, Ruiwen (2006). *Buddhist phraseology*. Shanghai: Gezhi Publ.

² Zhu, Ruiwen (2010). *A Large Etymological Dictionary of Chinese Phraseological Units*. Peking: Chinese Emigrant Publ.

of the Chinese linguistic materials is retrieved from the resources of the site “Large Chinese-Russian Dictionary”³. In modern Russia, the predominating confession is the Orthodox Christianity; in before-Christian ancient Russian society the sufficient influence on the Slavonic life and culture was rendered by pagan beliefs. And accordingly, for the goals of the given study, there were chosen phraseological units reflecting both Christian and pagan ideas of the Russian people. A significant influence on the Chinese culture was made by Confucianism, Taoism and Buddhism, which determined the sampling of the Chinese phraseological materials.

The carried out study has shown that in the Chinese phraseological units with a religious component the animal world is represented more vastly than in the Russian ones. Thus, In Russian, different from Chinese, there are lacking phraseological units with the names of such animals as *tiger, deer, hare, duck, ant, mouse, mantis, monkey, swan, silkworm, bear, fox, scorpion, wolf, crane, dragon, kylin, night moth, eagle owl, parrot, fly, quail, owl, phoenix, magpie, turtle dove, crow, bee, sparrow, turtle, lobster, frog, whale*.

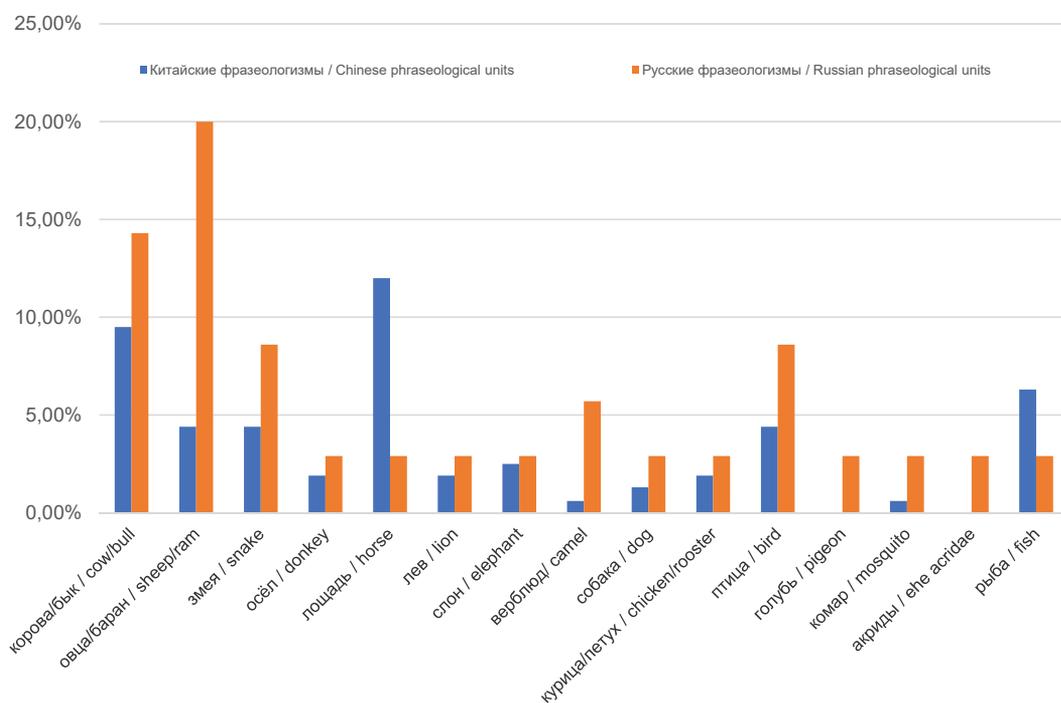

Fig. 1. Animal names in Russian and Chinese phraseological units with a religious component
Source: compiled by the authors.

³ The CKRS — A Large Chinese-Russian dictionary [Electronic resource]. URL: <https://bkrs.info> (accessed: 11.03.2024).

The Book of Genesis reads that on the fifth day, the God created the first living creatures which live in the water and fly in the air. On the sixth day, the God created a rather higher form of life — cattle and animals living on the dry land which possess higher type of conscience to compare with fish and birds⁴.

Let's analyze the phraseological units with similar zoonymic components in both languages (in order of the God's creation of those animals).

Sea animals

Fish

Among Russian phraseological units, the component *fish* is of a high frequency and often nominates negative human qualities, e.g. in Russian: *нем как рыба* (about a taciturn, quiet person); *как рыба об лёд биться* (about useless efforts of no result); *рыба с головы гниёт* (about dishonest administrators), etc. The Russian expression *из порося в карася; порося превратить в карася* is motivated by a peculiarity of the Russian religious ritual to refrain from eating, or eating restrictions on the religious observance like a fast. In course of a fast it's forbidden to eat meat, but an evil cunning monk impudently neglected the strictest Church prohibition – he tasted pork, and at that he said, “Well, a piglet, turn into a fish, into a crucial carp!”. This phraseological unit is used when some circumstances make believe something real for a wish, make a deal with someone's conscience.

In the Chinese culture, *fish* symbolizes not only wealth, but also love and happiness. The symbolism of love is connected with fish's dependence on the water, and, on the other hand, the fertility of fish itself renders positive attitude: the more children — the happier the family is. The component *fish* while symbolizing a wish and something positive take place in such Chinese phraseological units, like *缘木求鱼* (lit.: ‘climb a tree to seek a fish’; fig.: ‘make something useless known beforehand’, ‘waste time’); *鱼网鸿离* (lit.: ‘in fish nets swans are never found’; fig.: ‘to get something you didn't want or strived to’, ‘misfortune took the innocent’); *得鱼忘筌* (lit.: ‘catching a fish to forget about a bow net’, fig.: ‘be thankless’); *为渊驱鱼* (t'o move fish into a whirlpool'. According to Man-Tzu, an otter does so, and so do similar to it evil rulers from whom the people runs away to good tsars'. Fig.: ‘push into embrace of one's enemy’). In Taoism, the black fish (*dallia*) is a symbol of the son's fidelity: in the eating habits of big black fish species, the essential part makes the younger species. But there exists the folk belief: having pity for the parents, the small fry sacrifice themselves not to leave the parents hungry [10. P. 9].

⁴ Witness, Lee (1998). *The Bible (restorative translation)*. Ed. by the Living Stream Ministry Department. Anaheim: Living Stream Ministry.

The Russian proverb *рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше* translates the strife of a man to change his life for the better. Fish habitation in water reserves is reflected in the Chinese phraseological unit rethought in the Taoism philosophy: 渊鱼之察 (lit.: ‘if to look attentively, you would see a fish even in the whirlpool’; fig.: ‘learn about someone’s secret’). People thought that to see a fish in the whirlpool is a bad omen bringing misfortune. One shouldn’t follow a life principle: ‘more means better’. In the book “Yi Jing” (易经) [11. P. 9] there’s a wise maxim: everything reaching its maximum is inevitably to change into its contrast.

Birds

A bird

In Biblical storylines, fairy-tales, mythology there are existing images of birds symbolizing freedom, force, divinity, human soul, etc. The Russian phraseological units: *Как птица небесная (Божия); Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают; Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда* originate from the Gospel of St. Mathew 6:26: «Взгляните на небесных птиц. Они не сеют, и не жнут, и не собирают в амбары, однако ваш небесный Отец кормит их. Разве вы не дороже их?» (In Russian) [10. P. 46]. The image of a bird primarily symbolizes a careless, easy-going life, and besides, it contains a negative evaluation of a man being a vagabond, an idle person who lives at the expense of the others. The second meaning which in the Russian language appeared later, became rather widespread.

Confucianism as a moral-and-aesthetic trend influenced the worldview which was formed in the Chinese culture. In the book “Lun yu” — Analects of Confucius [12. P. 1] tells that 孝 – ‘son’s respect’ and 弟 — ‘respect of the elderly’ is the root of mercy. In the phraseological unit 鹑在野 (lit.: ‘a wagtail in the plain’. Fig.: ‘about brothers in trouble’) there’s a reflection of an idea: 弟. 鹑 — ‘a kind of a bird with a sharp beak, long wings and tail’, and after disappearing from the flock the others chitter and look for the disappeared one. The metaphorical use of the name of this bird also means ‘a talented capable worker’. Thus meaning is manifested in the expressions like 良禽择木 (lit.: ‘a good bird can differentiate trees’. Fig.: ‘a good person can evaluate people, which he serves to’), and 鹤鸣之士 (‘a great scholar but without a job position’ (according to Shijin); a crane chitters at the far away marshes, and chitter spreads over the fields’).

The background of the Taoism teaching is simplicity, the strife for the origins and natural approach — it is the rejection of the luxury way of life and active work, the lessening of extreme wishes towards a person himself. The morals and ideals of Taoism are fixed in such set expressions as: 鹪鹩一枝 (lit.: ‘a jenny wren nests just on a single branch. Fig.: ‘have just one accommodation or one job); 鹑居鷃食 (lit.: ‘live like a quail and feed like a small bird. Fig.: ‘live without a permanent accommodation

and the possibility to choose food; have a humble way of life and modest eating habits). It's worth to remark that Taoists consider useless the moves that disregard natural rules of life. The phraseological unit of the Taoism origins 断鹤续凫 (lit.: 'sever the crane's legs and attach those to a ducko. Fig.: 'about something unnatural) state that the unnatural causes only harm, seems funny and absurd.

A rooster / a cock

Since the old times a rooster is close to people. Men know the habits of this animal very well and transfer the rooster's behavior peculiarities onto people, who resemble this domestic bird by their actions. In Russian songs, fairy-tales, proverbs and sayings the rooster's image is associated with a man who demonstrates importance and bullying, e.g., *важный как петух; ходить петухом*, etc. In legends and superstitions of both nations a rooster has got a magic force: "his singing drives away evil spirits, night demons and ghosts" [13. P. 422]. In the Russian linguoculture a rooster also allots special features depending on the color of its feathers: "red is opposed to black. A red rooster is considered to bring good portent, while a black one used to bring a bad one and be a devil's procreation" [13. P. 423]. As to the Chinese, such color symbolization doesn't exist. The Russian phraseological unit *пустить красного петуха* is connected with the mythological symbolization of a rooster. Among the Slavonic people, according to the old Slavonic myth, the red rooster embodied the God of fire as it was sacrificed to Svarog — the God of the Sun and Light, personifying the Heaven.

Chinese phraseological units with a *rooster* component to a greater extent render a negative evaluation, although in China, the rooster's image is positive as it denotes light, hope, diligence, etc. As is known, a rooster is a kind of 'singing clock' because it's a rooster but not a hen, who crows during the day-and night cycle. The Chinese treat a 'singing hen' to be an evil token. In the phraseological unit of 牝鸡司晨 (lit.: 'a hen instead of a cock announces a sunrise'; fig.: 'a wife handles a husband and his business', 'a mistress governs the state') which forms one of the five rules of great interrelations of the Confucius teachings: a divine attitude of a husband towards his wife and the wife's subordination to her husband. Consequently, the wife's management means the family destruction. The phraseological unit with the given component 鸡犬升天 (lit.: 'one of the members of a family became divine, his cocks and dogs went to live in heaven'; fig.: 'a man has got an upper position in the hierarchy of the Civil Service, and his relatives go up after him') reflects the most serious Taoism idea of learning the essence of the matter, to reach immortality and turn into a divinity.

Field and land animals

Fig. 1. "The animal names in the Russian and Chinese phraseological units with a religious component shows that by the frequency to use, the first three positions are occupied by such animal names (In Russian): овца/баран/агнец, корова/бык/

телец and змея. The Russian phraseological units on religious topics with the given components overtake in number the similar Chinese ones: “To denote a kind of an animal in Russian it’s possible to use in some aspects masculine gender nouns (*крот, як*), and in the others — feminine gender nouns (*пантера, мышь*). In the Chinese language, the words signifying a kind of an animal have no gender parameter’ [14. P. 60]. Thus, in Russian there are distinguished the animal names of male and female sexes: *баран/овца, козёл/коза, бык/корова*; while in Chinese there is more often used a general name of an animal without indicating a sex parameter, e.g., 羊 (yáng) и 牛 (niú).

A ewe / mutton; a she-goat / he-goat

In the Russian worldview the images of *ewe/mutton; she-goat/he-goat* symbolize weakness and are associated with a sacrifice, and render a negative evaluation. But in the Christianity, a lamb/agnus is a symbol of Christ the Savior, a symbol of purity, innocence and an innocent victim. *Agnus Dei* is one of the names of Jesus Christ, known from the Gospel of John 1:29. In the figurative meaning *agnus* denotes ‘a humble obedient man’. The Biblical phrase of *Agnus Dei*, Jesus Christ is likened to an innocent lamb/agnus to be an animal sacrifice which abolish human sins. In modern Russian the given phraseological unit primarily denotes an innocent, open-hearted, obedient man. With time, the phrase *Агнец Божий (непорочный) / Agnus Dei (innocent)* “changed its semantics for the opposite; thus rather often people call a hypocrite, who pretends to be an innocent unprotected victim” [8. P. 19]. Similar meaning characterizes the Russian phraseological unit *прикидываться/прикинуться агнцем <Божьим>*.

In the Biblical phrase *заблудшая овца [овечка] (душа)* meaning ‘a lost sheep (soul)’ God believers are compared with sheep, and Christ — with a shepherd. Symbolizing good and evil Jesus counter-opposed sheep and goats which was reflected in the Russian phrases: *отделять/отделить овец [овнов] от козлиц* (lit.: divide the sheep from the goats; rel. (Latin): ‘ab haedis segregate oves’). *Козёл отпущения* (‘scapegoat’) is a rather widely used phraseological unit belonging to different languages including Chinese; it signifies a person who had to be responsible for the actions and failure of other people so that to hide its real reason and a real culprit. In Christian theology Scapegoat is often interpreted as a prototype of a self-sacrifice of Jesus Christ.

In Chinese, the most frequently used are the phraseological units with the component 羊 to signify ‘happiness’, ‘well-being’. In “The Explanatory Dictionary if Chinese Hieroglyphs” the word 羊 bears the meaning of “an omen, a token; the good, happiness” [15. P. 114]. The outdated phrase 吉羊 was changed for the modern phrase 吉祥. The left element of the hieroglyph 禘 means ‘spirits’, ‘divinities’, ‘gods’. According to the Taoism doctrine, during the sacrificial offering the ancient Chinese people while putting a mutton near the tablet with the names

of ancestors or gods, wished to obtain the fortune given by spirits and happiness. In the phraseological unit 三阳开泰 *words* 羊 (yáng) and 阳 (yáng) there are used homophones signifying the arrival of spring, the active bright beginning, complete well-being.

The political ideal of Confucius consisted in humanistic government over the state, in creating a harmonic society, in governor's caring of his subjects, in love for the neighbors. The Confucius teachings served as a source of the phraseological unit 素丝羔羊 ('white silk and lamb's skin'), while white silk symbolizes the innocence and honesty, and lamb's skin means transparency).

In both – Russian and Chinese linguocultures — there is seen analogical perception of a lamb/agnus as an animal-sacrifice, e.g.: 屠所牛羊 (lit.: 'a cow and a sheep at the slaughter house'; fig.: 'a man at the edge of death (coffin); 爱礼存羊 (the phrase is retrieved from the Avot : 41 of the Book "Talk and Judgement". A disciple of Confucius Tzu Gun wanted to forbid the sacrifice offering of a mutton in the New Moon period. The wise man said, "Tzu, it's a mutton which is dear to you, but for me the observance of a rite is dear" (fig.: 'preserve a rite with the aim not to forget the important radical idea') [12. P. 16].

The phraseological unit with the component 歧路亡羊 dates back to the Taoism classical treatise "Le-Tzu" [16. P. 235], and it tells that people couldn't find a mutton because they didn't know which road it took to go away. The figurative meaning of the following is: 'in a difficult situation it's not easy to find a proper decision'. Le-Tzu gave a piece of advice to his disciples: 'in search of the truth a man is in a difficult situation, and if he wouldn't follow the right way, he would get lost, lose the true direction'.

A cow/a bull/an ox/a calf

Many nations have an idea of 牛 ('cow') as a symbol of wealth and well-being. In religious assumptions the Chinese, the Buddhist component 牛 means a name of a sacred animal, a symbol of strength and a wealthy life, the embodiment of Buddha himself. In the Bible both — a bull and an ox — are the sacrificial animals (Exodus 24:5; Leviticus 1:1, 7, 8).

The golden calf is an idol, the cult object of those who refused the God of Israel. In the Bible the golden calf means a hand-made cult-figure, an idol which is forbidden to worship in Ten Commandments. In the new European culture *the golden calf* is the symbol of profit, power, money, wealth, greed. In Russian, *поклоняться золотому тельцу / to worship the golden calf* means 'to see the main life value in wealth, money' [8. P. 229].

There's quite a big number of the phraseological units of the Biblical origin based on the well-known stories and legends, and in modern Russian they've got a new interpretation, e.g., *фараонова тощая корова* and *семь тощих коров и семь коров тучных*. The phrase *фараонова тощая корова* (lit. 'Pharaoh's thin cow') in the singular is used to denote a man primarily thin, emaciated and

also to characterize the people, “who can’t do anything useful, decent but use the fruit of the labor of the other active and talented people (In despise)” [17. P. 665]. “The Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseology” by K.N. Dubrovina (2010) contains the following interpretation of the given phrase: “People, groups, communities which through their outdated ideas and fruitless activity spoil, ruin everything new and progressive” [8. P. 681].

In the Chinese culture the image of 牛 is closely connected with Lao-Tzu, the Taoism founder who is usually portrayed with a long beard riding on the green ox to the West. The ox’s character is calm, soft, patient and together with the green color symbolizing life, nature and harmony embodies a Taoism assumption of “reaching immortality” [18. P. 93]. With time, the green ox becomes the symbol of Tao and even Taoism, e.g., 青牛道士 (‘Tao riding the green ox’).

The phraseological unit 呼牛呼马 (lit.: ‘name it as you like — either a cow or a horse’; fig.: ‘be indifferent to any evaluation’) emphasizes the essence of the Lao-Tzu teaching which is considered as the Tao embodiment. The image of 牛 (‘a cow/an ox’) making the base of the given phrase is associated with a man of the low social position. According to some teachings, and not only those by Lao-Tzu, but another Taoism founder — Zhong-Tzu, to reach peace and spiritual well-being one has to escape overabundance and return to the primitive community life, to respect objective rules and forms of life existing in nature. Proverbial expressions 庖丁解牛 (lit.: ‘a cook cuts a cow’s body’) and 目无全牛 (lit.: ‘to look at a bull’s body not like at the integral whole’; fig.: ‘be a foremost worker’, ‘to know a trade in the smallest details’) prove that learning the natural regulations leads to reaching perfectness.

It’s worth to remark that phraseological units of the Buddhist origin with a component 牛 (niú), e.g., 牛头阿旁 (lit.: Epan is a monster with the bull’s head, which in the Hell tortures sinners’; fig.: ‘a hypocrite’, ‘a cruel person’); 牛头马面 (lit.: ‘a bull’s head and ‘horse-like face’. In the Chinese traditional culture, in the afterworld there’re two servants: one with a bull’s head, and another — with a horse-like face. Fig.: abominable and evil angry person, dark forces); 牛鬼蛇神 (lit.: ‘a bull’s demon and shake’s spirit’; fig.: ‘an abominable monster’) — all of those possess negative shades of meaning, and the image of 牛 symbolizes an abominable personality because “a bull’s head (the most important part as it keeps the living principle) symbolizes a victim and death” [19].

A serpent / a snake

In the assumptions of the bearers of the Russian and Chinese languages a *snake* is primarily allotted with a vivid negative features, it’s an embodiment of the evil, thanklessness, cunningness. On the one hand, the component *snake* is contained in the biblical phrases signifying the Satan, the Devil, e.g., *змий* [змея] *искуситель* (‘a serpent’). On the other hand, the image of a snake is accompanied with an attribute *мудрая* (‘wise’) fixed in the phraseological unit *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (‘Be wise as a snake and simple as a dove’).

This is a Jesus's addressing to his disciples with a call to be prudent and cunning as snakes. Wisdom is understood as "safety and smartness of those animals in case of danger, when they can protect themselves and reveal a surprising inventiveness and skills" [8. P. 60].

In Chinese like in Russian, the word *snake* has a connotative meaning 'a cunning person' actualized in the phraseological expressions of the Buddhist origin: 佛口蛇心 (lit.: 'Buddha's lips and snake's heart'. Fig.: 'sweet talk, but angry heart'), 龙蛇混杂 (lit.: a mix of dragons and snakes' Fig.: 'disheveled, mixed society'). The expression 一朝被蛇咬, 十年怕井绳 (lit.: be once bitten by a snake and for ten years be afraid of a well-water rope') means 'as a result of hard trials a person becomes a coward and very careful'. The exterior of a snake, its skills, the ability to bite mean a threat and the evil, fixed in the phraseological unit: 封豕长蛇 (lit.: 'big wild boar and long boa'. Fig.: 'greedy and cruel aggressor'). Phraseological units of Confucian origin contain Chinese wisdom: 龙蛇之蟄 (lit.: 'dragons and snakes hide underground to stay alive'. Fig.: 'in order to reach further success it's reasonable to feel offends and injustice for some time); 打蛇打七寸 (lit.: 'beat a snake on its sore spots'; fig.: 'beat the heel of Achilles, hit the target').

Let's observe the Russian and Chinese phraseological units which don't comply in meaning and components.

In Russian

A pig

The group of the Russian phraseological units chosen by means of the continuous sampling method contains three idioms with an animal component *pig*, and the two of those have a biblical origin while the last one is Islamic. In the Russian tradition, the imagery-connotative idea of a *pig* presents it to be a dirty rude and unthankful animal. In Christianity the dominant image of a *pig* used to correlate with a person who doesn't strive for spiritual values, the truth and the God's words. The given figurative meaning is realized in such biblical phrases like: *метать (рассыпать) бисер <перед свиньями>* (lit.: 'spray out beads <before pigs>') and *свинья грязи найдёт* (lit.: 'a pig will always find mud'). In Christian and Muslim traditions a *pig* belongs to impure animals and serves as a symbol of a sin. For Muslims, the Koran prohibits eating pork, and due to this an intended blind serving pork to a Muslim will cause his anger, lead to misfortune: *подложить свинью* (lit.: 'play a dirty trick on someone').

A dove

In Russian phraseological units a *dove* is primarily associated with light, peace and peace-making which is reflected the expression *голубь мира* (lit.: 'a dove of peace'); and also with the obedience and leniency of Christians, e.g.: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (lit.: 'Be wise as snakes and simple as doves'). In the Bible dove is a symbol of St. Spirit (John 1:32) [9].

In Confucian theory

In the Chinese mythology, 凤凰 ('Phoenix') is understood as a tsar-bird. In the world perception of the Chinese peoples this bird along with a dragon, kylin and turtle, is an embodiment of such Confucian ideas as enterprising skills, noble behavior, happiness, humanism and justice. The bird looks like that: "on its head there is an ornamentation of the hieroglyph 'virtue' 德 (de), "co-humanity" on its back — 仁 (ren), on the shoulder "justice" — 义 (yi), "honesty" on the chest — 信 (xin). "The Catalogue of Mountains and Seas" speaks of details: 'justice' (义) marks dove's wings; 'honesty' (信) is on the belly, 'perfectness' (仁) is on the chest, and 'good behavior' (礼) is on its back" [20. P. 289]. According to the ancient Chinese legends, when Phoenix appeared on the Earth, peace and calmness and happiness descended on China: 凤凰来仪 (lit.: 'appearance of a couple of Phoenixes'; fig.: 'a happy omen').

The Chinese work *fenghuang* is formed of two hieroglyphs: the first one 凤 means 'a male bird' symbolizing 'the God of Winds — the envoy of the Heavens Master' [17. P. 402], the second hieroglyph 凰 denote 'a female bird' which associates with the word 皇, a symbol of power and force, supernatural entities. 凤 is although to be a bird announcing good news and able to bring happiness, 凤鸣朝阳 (lit.: 'Phoenix sings for the morning sun'. Fig.: 'everything promises happiness'). Besides, 凤 became a synonym of love, and in China it is principally a symbol of a married couple: 鸾凤和鸣 (lit.: 'harmonic singing of luan and Phoenix. Fig.: 'a happy marriage, to live in perfect harmony').

In the Russian worldview there exist another idea of Phoenix — it's a mysterious bird with a woman's head. It's a mythological bird which burns itself and again it resurrects, comes out of the ashes being still young and reborn. Thus in the Russian linguoculture Phoenix is a symbol of eternal renewal, immortality, and it signifies rebirth and resurrection.

In Taoism

It's worth mentioning that in the Western culture, sleazy appearance, strange habits inherent to such animals like bats, toads, crows are often meaning death, bad tokens, but in the Chinese linguoculture especially in the Taoism, they were connected with the ideas of happiness, life longevity and other good awaited events.

In Chinese, a bat is expressed in 蝙蝠. Symbolism of this animal is based on the homonymy of 蝠 and 福 ('happiness', 'well-being') coincide in pronunciation. Due to it, on the gate of ancient Chinese there were depicted five bats signifying 五福临门 ('let the happy five knock on the doors ('life longevity', 'wealth', 'tranquility', 'virtue' and 'death in declining years')). There's a belief among the people that "Tyan-Guan bestows happiness. Di-Guan absolves sins, and Shu-Guan remits misfortunes" [21. P. 22]. The God Tyan-Guan surrounded with beautiful clouds and five bats stepped on the perch symbolizing life longevity. This is the background of the phraseological unit 多福多寿 ('much happiness', 'long life').

A frog is a useful animal but in phraseological units the imagery component of a *frog* renders negative features of a person of contracted views, or narrow worldview — 井底之蛙 (‘a frog in the bottom of a water-well’); 井蛙之见 (‘a worldview of a frog in the bottom of a water-well’. Fig.: ‘a person with a narrow worldview’). In the Chinese mythology a toad is one of the totems worshiped from the ancient times. There are many tokens and beliefs connected with a toad. In the legend well-known to every Chinese :Chang-E arises to the Moon, and gods to punish him turned a beauty Chang E into a three-legged toad which is why the Moon Palace is also called The Palace of a Moon Toad. According to the traditional ideas, 登蟾宫 (‘enter the Moon Palace’); 蟾宫折桂 (‘slip off a branch of a cinnamon tree in the Moon Palace’) as a great honor, getting an academic degree was compared to visiting the Moon Palace. In the Chinese linguoculture a toad means not only life longevity, but also wealth, so it’s not at random that a statuette of a money toad with a small coin in its mouth is possible to see in Chinese homes, offices, and restaurants: it’s considered to be the God of wealth, the symbol of material well-being.

In Taoism, except the mentioned above animals, there are many other ones symbolizing life longevity, e.g., a turtle, a dragon, a deer, a crane. As a symbol of life longevity, a deer image is depicted in the treatise “Baotou-Tzu”, created by a well-known Taoist philosopher Ga-Hu: “A deer who lived 500 years has turned white” [22. P. 63]. On the homonymy basis the component *deer* 鹿 is equal to the word 禄 (‘prominent, successful career’). According to the national assumptions, the God Fu 福 is thw patron of happiness; the God Lu 禄 is the protector of wealth and the God Shu 寿 is the patron of life longevity: in the Chinese New Year picture all the three gods are depicted as images of wise old men accompanied by a deer. The symbolic meaning of a *deer* fixed in the phraseological unit 高官厚禄 (‘high position’, ‘lavish salary’) reflects the Chinese dream of happy life.

Taoists worship the sacred crane. In Taoism its images is met everywhere to symbolize immortality, life longevity, experience, virtue. In national mythology Celestial Fathers travel on the crane among the clouds, and the Taoists who reached Tao pass away from life on the crane. See the phraseological unit 松鹤延年 (‘a pine tree and a crane are the symbols of wishing long life’). At this, in Buddhism the imafe of a crane is often used to describe free monk’s way of life: 孤云野鹤 (lit.: ‘a single raincloud and a wild crane’; fig.: a hermit scholar or a monk who escape the society’).

In Buddhism

In the traditional Chinese culture according to the Feng-Shui teaching, an elephant is considered to be a nice animal symbolizing wealth, stability, health and tolerance. In ancient China, during the development of Buddhism, the Chinese people got to know the elephant image, in particular, the white elephant, and they felt more and more sympathy to this animal. In Buddhism an elephant is the Buddha’s reincarnation; as the legend speaks, Buddha was born as an elephant of the white

color symbolizing purity and innocence. It's just due to the fact, the Buddhists worship the white elephant. Elephant also embodies the ideas of spiritual evolution and spiritual stability: 香象渡河 (lit.: 'like an elephant crossing the river'; fig.: 'a man who knows the truth'); 盲人摸象 (摸象众盲) (lit.: 'blind people are touching the elephant (a parabola about the blind people who touching the elephant gave very different opinions on what that could be). Fig.: 'one can't see a forest behind the trees', 'narrow-minded people').

In both languages under the comparison there are phraseological units with the component *ivory* 象牙 and the equivalent expressions to *the Ivory Tower* — 象牙之塔. As is known, elephants were hunted to get the ivory, a precious material to create luxury goods. Consequently, in the Chinese language there is a phraseological unit: 象齿焚身 (lit.: 'an elephant is destroyed by its tusks'; fig.: 'wealth').

Conclusions

The comparative study of the phraseological units with animal names and a religious component in the Russian and Chinese languages allows determine semantics and interpret significant pieces of the phraseological worldview of the two nations. The carried out analysis establishes the background to conclude that the similarity of the component sets and semantics of the phraseological units under the study is primarily based on the coincidence and unification of the universal panhuman doctrines. The differences of the national and cultural connotations of the animals' images incorporated in the phraseological units concerning one and the same animal in different cultures, are determined by the cultural-and-historical reasons, by linguocultural peculiarities, traditional beliefs, religious and confessional assumptions.

References

1. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademia. (In Russ.).
2. Losev, A.F. (1982). *Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics*. Moscow: Unita. (In Russ.).
3. Potebnya, A.A. (1914). *On some symbols in Slavic folk poetry*. Kharkov. (In Russ.).
4. Kolesov, V.V. (1995). Symbols in the «Word». In: *Encyclopedia «Words about Igor's regiment»*: In 5 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 287–291. (In Russ.).
5. Lotman, Y.M. (1992). Symbol in the system of culture. In: *Selected articles*. Vol. 1. Tallinn. pp. 191–199. (In Russ.).
6. Maslova, V.A. (2007). *Homo lingualis in culture*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
7. Sadykhova, G.R. (2012). Comparative analysis of animal images in the Koran and the Bible (phraseological aspect). *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 135–144. (In Russ.).
8. Dubrovina, K.N. (2010). *Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseological Units*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
9. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998). *Dictionary of Russian Phraseology: hist.-etymol. references*. St. Petersburg. State University. St. Petersburg: Folio-press. (In Russ.).
10. Liao, Yu. (2012). *Analysis of the causes of dietary contraindications in Taoism*. Hebei: Journal of Hebei Pedagogical University of Science and Technology.
11. Wang, Zi Jian (2019). *I Ching*. Lijiang: Lijiang Publ.

12. Xu, Yaping (2021). *Interpretation of phraseologies in «Lunyu»*. Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Press.
13. Tan, Lin (2019). *Russian Linguistics and Cultural Studies*. Jilin: Jilin University Press.
14. Kai, Kahn (2008). Grammar of the Russian noun on the background of the Chinese. *Russian language abroad*, 1(206), 58–65. (In Russ.).
15. Xu, Shen (2021). *Explanatory dictionary of Chinese characters*. Hunan: Hunan Yuelu Bookstore.
16. Zhang, Shen (2014). *Lie Zi*. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publ.
17. Serov, V.V. (2005). *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions: more than 4000 articles*. Moscow: Lokid-press. (In Russ.).
18. Deng, Guojun (2022). «The Green Bull» and the Image of Laozi. *Journal of Harbin Institute of Technology (Social Sciences Edition)*, 24(2), 90–97.
19. Bull — Encyclopedia of signs and symbols (symbolarium.ru) [Electronic resource]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%8B%D0%BA> (accessed: 01.10.2022).
20. Somkina, N.A. (2008). Historical morphology of the Chinese phoenix. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 4–2, 288–292.
21. Korolev, K.M. (2007). *Chinese mythology. Encyclopedia*. Moscow: Midgard Publ., Eksmo.
22. Guo, Yu. (1987). *Speeches of Kingdoms*, V.S. Taskina (Transl.); M.V. Kryukov (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
2. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
3. *Потебня А.А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
4. *Колесов В.В.* Символы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 287–291.
5. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. 1992. С. 191–199.
6. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007.
7. *Садыхова Г.Р.* Сопоставительный анализ образов животных в Коране и Библии (фразеологический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 135–144.
8. *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010.
9. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справ. С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998.
10. *Liao Yu.* Analysis of the causes of dietary contraindications in Taoism. Hebei: Journal of Hebei Pedagogical University of Science and Technology, 2012.
11. *Wang Zi Jian.* I Ching. Lijiang: Lijiang Publ., 2019.
12. 徐亚斌. 《论语》中的成语解读. 上海社会科学院出版社, 2021. (*Сюй Япинь.* Интерпретация фразеологизмов в «Луньчунь». Шанхай, 2021).
13. 谭林. 俄语语言国情学. 吉林大学出版社, 1997 (*Тань Линь.* Русское лингвострановедение. Гирич: Jilin University Press, 2019).
14. *Кай Кан.* Грамматика русского существительного на фоне китайского языка // Русский язык за рубежом. 2008. № 1(206). С. 58–65.
15. 许慎. 说文解字. 杭州: 浙江古籍出版社, 2016 (*Сюй Шэнь.* Толковый словарь китайских иероглифов. Хунань, 2016).
16. 张湛, 卢重玄, 殷敬顺, 陈景元, 陈明. 列子. 上海: 上海古籍出版社, 2014. (*Чжан Шэнь, Лу Чжунсюань, Инь Цзиншунь, Чэнь Цзинюань, Чэнь Мин.* Ле-цзы. Шанхай: Shanghai Ancient Books Publ., 2014).

17. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-пресс, 2005.
18. 邓国均. 青牛与老子形象的神仙化 — 以老子出关故事为考察中心 [J]. 哈尔滨工业大学学报 (社会科学版). 2022. 24(2): 90–97 (*Дэн Гоцзюнь*. «Зелёный бык» и образ Лаоцзы // Journal of Harbin Institute of Technology (Social Sciences Edition). 2022. 24(2). С. 90–97).
19. Бык — Энциклопедия знаков и символов (symbolarium.ru) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%8B%D0%BA> (Дата обращения 01.10.2022).
20. Сомкина Н.А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2008. № 4–2. С. 288–292.
21. Королев К.М. Китайская мифология. Энциклопедия. М.: Издательство Мидгард, Эксмо, 2007.
22. Го Юй. Речи царств / пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина; Отв. ред. М.В. Крюков. М.: Наука, 1987. (In Russ.).

Information about the authors:

Lina Ding, PhD student, the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: phraseology, comparative linguistics, linguoculturology; *e-mail*: 1042215065@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-0379-6839.

Marina V. Lysyakova, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: linguistic typology, comparative semantics; *e-mail*: lysyakova-mv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-2592-6067; SPIN-code: 3813-5660; AutorID:499716.

Сведения об авторах:

Дин Лина, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: фразеология, сопоставительное языкознание, лингвокультурология; *e-mail*: 1042215065@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-0379-6839.

Лысякова Марина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвистическая типология, сопоставительная семантика; *e-mail*: lysyakova-mv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-2592-6067; SPIN-код: 3813-5660; AutorID:499716.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-364-375

EDN: PNJPNY

УДК [811.161.1:811.581]’373:004.8

Научная статья / Research article

Цифровой страт парадигмы языка

К.П. Жикулина , Н.В. Перфильева , Мань Ли

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 zhikulina_kp@pfur.ru

Аннотация. Специфика функционирования искусственного интеллекта и цифрового языка в современном мире является актуальным направлением междисциплинарных, в том числе, лингвистических исследований. Предмет анализа — голосовой помощник Алиса от компании Яндекс со встроенной нейросетью Yandex GPT2. Объект исследования — функционирование ИИ на материале фразеологических единиц и устойчивых выражений китайского и русского языков с универсальным семантическим компонентом *смерть*. Концептуальная категория *смерть* выбрана потому, что в русской и китайской культурной традиции существует богатая база, восходящая к фольклорным образам. Новизна исследования заключается в том, что понятие цифрового страта как отдельного компонента языковой парадигмы, по Н.И. Толстому, вводится и рассматривается впервые. Выделено 4 типа генерации на слова-стимулы в ИИ: 1) отсутствие генерации; 2) генерация существующих фразеологизмов и устойчивых выражений с прямой и непрямой номинацией; 3) гибридная генерация; 4) цифровая или произвольная генерация. Методом сплошной выборки было получено 50% генераций ИИ на русском и на переводном материале. Результаты исследования показали, что происходит формирование цифрового страта парадигмы языка за счет развития виртуальной среды языкового функционирования. Со временем текстовые генерации, которые в настоящее время представляются алогичными, могут войти в живой разговорный стиль и стать общеупотребительными за счет массового использования голосовых систем в различных областях жизнедеятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственная среда языкового функционирования, цифровой язык, голосовой помощник Алиса, машинный фонд русского языка (МФРЯ), фразеологические единицы, устойчивые выражения, китайский язык

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238–1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

© Жикулина К.П., Перфильева Н.В., Ли Мань, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Жикулина К.П., Перфильева Н.В., Ли Мань. Цифровой страт парадигмы языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 364–375. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-364-375>

The Digital Stratum of a Linguistic Paradigm

Christina P. Zhikulina , Natalia V. Perfilieva , Man Li

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 zhikulina_kp@pfur.ru

Abstract. The specific of functioning for artificial intelligence and digital stratum is an important direction of interdisciplinary, including linguistics, researches in the modern world. The subject of the study is the voice assistant Alice of the Yandex company with the inbuilt Yandex GPT2 neural network. The object under the study is the AI functioning on the materials of phraseological units and set phrases of the Chinese and Russian languages with the universal semantic component *смерть* / *death*. The conceptual category of *смерть* / *death* was chosen due to the existence of the Russian and Chinese cultural tradition represented on the rich background ascendant to folklore images. The novelty of the study consists in understanding the notion of “a digital stratum as a separate component of the linguistic paradigm, according to N.I. Tolstoy, and it is introduced and discussed for the first time. In course of linguistic experiment, we managed to reveal four types of generations on the AI stimulus words: 1) the absence of generation; 2) the generation of the existing phraseological units and set phrases of direct and indirect nominations; 3) the hybrid generation; 4) the digital or arbitrary generation. By means of the continuous sampling method there were identified 50 % of the AI generations both in Russian and in translated into Russian materials. The results of the study allow conclude that there takes place of forming the digital stratum of the linguistic paradigm owing to the evolution of the virtual environment of language functioning. With time, textual generations which at present seem to be antilogical, could enter the live conversational style and become widely-used ones due to the mass use of voice systems in various spheres of daily living activities.

Keywords: artificial intelligent (AI), artificial field of language operations, digital language, voice assistant Alice, the machine fund of the Russian language (MFRL), phraseological units, set phrases, Chinese

Financing. Acknowledgements:

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238–1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Zhikulina, Ch.P., Perfilieva, N.V. & Li, Man (2024). The Digital Stratum of a Linguistic Paradigm. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 364–375. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-364-375>

Введение

Необходимость применения электронной вычислительной машины (далее — ЭВМ) в лингвистике возникла в Советском Союзе в XX в. Производство тех времен предъявляло много требований к использованию автоматизированных систем типа *человек-машина* и взаимодействию гуманитарных наук с естественными [1. С. 3]. В этой связи стала актуальной задача расширения базы многоаспектных исследований русского языка с целью обеспечения большего круга пользователей к новым разработкам.

Потребность применения ЭВМ в сфере автоматической обработки информации на естественном языке привела к созданию «Машинного фонда русского языка» (далее — МФРЯ) [1. С. 4], идея создания которого принадлежала академику А.П. Ершову: «любой прогресс в области построения моделей и алгоритмов останется <...> академическим упражнением, если не будет решена наиважнейшая задача создания Машинного фонда русского языка», решение которой будет иметь «большую научную, общекультурную и прикладную ценность» [2. С. 14]. В то время было опубликовано работы, сохраняющие свою актуальность и сегодня, обсуждающие вопросы архитектуры и концепции МФРЯ [3]; автоматизации лексикографических работ и результатов применения ЭВМ [4]; проектов создания Диалектологического текстового подфонда МФРЯ [5]; состояния и перспектив автоматического словаря народного говора [6] и др.

Машинный фонд — это лингвистический резерв, который в настоящее время поддерживает технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) и затрагивает сферы технологического мира от электронных словарей до банковских услуг. *Машине* необходимо обрабатывать огромные пласты информации, которую ИИ получает из поисковых систем Интернета, однако есть примеры, когда для генерации ответов *машиной* также используется Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ). Прогрессируют технологии, когда ИИ подражает естественной речи, «запоминая» и употребляя в текстах или речи фразы пользователя. Прогнозируется, что в скором времени появится универсальная версия *искусственного разума*, которая, подобно человеку, будет способна соединять знания из разных тематических областей и демонстрировать *гибкость ума и здравый смысл* [7. С. 16].

Концепция развития искусственных технологий до уровня человеческого мышления разрабатывалась российскими и зарубежными учеными: А.В. Напалков, занимался «кибернетическими методами изучения работы мозга» [8]; Ю.В. Орфеев исследовал возможности электронных систем [9]; Н.К. Рябцева разрабатывает прикладные аспекты «естественного и искусственного интеллекта» [10]; А.А. Кибрик пишет об общественной значимости искусственного интеллекта [11. С. 59]; Т. Таулли рассматривает традиционные

и современные статистические методы машинного обучения [12]; Э. Беркли описывает интуитивное мышление *машины* [13]; А. Тьюринг разработал тест для оценки интеллекта компьютера с помощью вопросно-ответного алгоритма [14]; Д. Сёрл пытался доказать, что машины никогда не смогут стать «разумными» [15].

Известный труд «Методические предпосылки продуктивного диалога с ЭВМ на естественном языке» академик А.П. Ершов начинает со следующего объяснения: изначально пользователи не возлагали на *машину* большие надежды на понимание естественного языка, им было достаточно, что искусственные системы могли давать «более или менее лексическое оформление абстрактных объектов» [2. С. 1]. Однако уже тогда появились и противники идеи, высказывающие мнение о том, что «попытка механизировать язык чужда его природе» [2. С. 2]. Понимание *механизации* сводилось к тому, что создается *искусственная среда языкового функционирования*. Так, Д.Н. Ушаков пишет, что живым языком является тот, «который может изменяться в устах говорящих», а тот язык, «который передается из поколения в поколение, <...> известный лишь в письменных памятниках, называется мертвым» [16. С. 7]; литературный язык сам «имеет искусственную сущность» [там же]. Опасения чрезмерной искусственности языка и обесценивания естественного языка возникали еще до появления ИИ. Таким образом, термин *искусственный язык* неоднозначен: он условно применим и к общелитературному языку, и к цифровому языку, созданному ИИ.

В книге «Славянская литературно-языковая ситуация» (1998) Н.И. Толстой так описывает пятичленную парадигму языка (рис. 1):

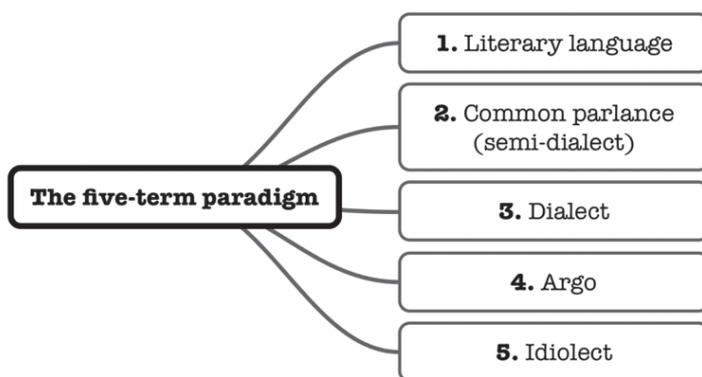

Рис. 1. Пятичленная лингвистическая парадигма Н.И. Толстого
 Источник: составлено авторами.

Fig. 1. The five-term paradigm by Nikolay I. Tolstoy which is used by linguists in research
 Source: compiled by the authors.

В представленной парадигме литературному языку соответствует художественная литература и литература книжная (по стилевой окраске) с тысячелетней историей. Просторечие, по мнению Н.И. Толстого, — это народно-городская литература; фольклор и устную словесность он относит к диалекту. Тюремный, школьный и студенческий жаргоны — особый вид «фольклора», поэтому они соотносятся с арго. Авторское произведение (или творчество) соответствует идиолекту, так как язык или речь определенного индивидуума нельзя назвать абстракцией, «создаваемой для строгой структурной или логической системы координат» [17. С. 13]. В свою очередь, еще младограмматики считали, что идиолект выступает таким видом страта, в котором сходятся все «координаты языковой реальности» [17. С. 14]. На основании вышеописанного, считаем возможным согласиться с Н.И. Толстым и предложить дополнить пятичленную лингвистическую парадигму шестым стратом — цифровым языком, в наше время объединяющим в себе множество координат цифровой и языковой реальности, включая идиолектику.

Цель исследования — описать трансформацию парадигмы Н.И. Толстого в результате развития цифрового страта. Цель исследования определила следующие **задачи**: 1) описать особенности функционирования ИИ на материале фразеологических единиц и устойчивых выражений с универсальным семантическим компонентом СМЕРТЬ; 2) установить, может ли система ИИ преодолевать табуированные темы, если их задавать с помощью фразеологических единиц и устойчивых выражений; 3) определить возможность свободной генерации фраз при заданных условиях.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты можно использовать при создании курсов в высших учебных заведениях по направлениям «Цифровая филология» и «Корпусная лингвистика». Разработчики российских голосовых помощников и нейронных сетей могут использовать эти результаты для корректировки и исправления ошибок, связанных с функционированием языка в цифровой форме.

Обсуждение и результаты исследования

Нами были отобраны 100 русских и 100 китайских устойчивых выражений, включающих в себя лексему *смерть* или выражающих идею *смерти*. Китайские выражения были использованы с переводом на русский язык. Идея *смерти* выбрана не случайно, так как и в русской, и в китайской культурной традиции есть своеобразные модели осмысления рассматриваемой универсальной категории, проявляющейся наиболее яркими образами в фольклоре. Китайское понимание *смерти* выступает контрастом русскому пониманию *смерти*, так как в русском мировидении *смерть* является средоточием Бытия [18. С. 54], а в китайском — *смерть*

мыслится как предел проблем человеческой жизни [19. С. 95] и как одна из форм жизни.

В 2016 году ученые Стэнфордского университета обучили систему ИИ предсказывать вероятность смерти человека в течение ближайших 3–12 месяцев. Предсказатель смерти, или Death Algorithm, обучали на данных 170 тысяч пациентов, умерших от разных заболеваний. По итогам эксперимента 9 из 10 пациентов, которым система ИИ предсказала смерть, действительно умерли, а 95 % тех, кому Предсказатель смерти напророчил более 12 месяцев жизни, действительно прожили дольше [20. С. 211]. Врач Сиддхартха Мукерджи говорит: «Система глубокого обучения учится, но не может объяснить нам, как именно; она назначает вероятности, но не способна внятно их обосновать <...> Алгоритм непонимающе смотрит на нас, когда мы спрашиваем: «Почему?». Это еще один черный ящик — как и сама смерть»¹ [21]. Как мы видим, попытки людей научить ИИ «понимать» *смерть*, выражаются в разных формах: в медицинском осмыслении искусственного интеллекта, в практическом применении ИИ для предсказания или предотвращения смерти и т.д. В эксперименте предполагается, что ИИ, предназначенный для массового использования, учится у пользователей, поэтому в нем обнаруживается тенденция к имитации живой разговорной речи. Помимо этого ставилась задача установить, способен ли ИИ генерировать реплики без опоры на ресурсы НКРЯ и русскоязычную сеть Интернет, свободно генерировать фразы, независимо от языка-источника и лингвокультурных составляющих.

Д. Сёрл критически рассматривал системы ИИ и их способность мыслить еще в 1980 г.; в эксперименте «Китайская комната» задачей ставилось доказать, что программа не может заставить *машину* быть разумной следующим образом: человек сидит в закрытой комнате, а через небольшое окно ему передают лист бумаги с китайскими иероглифами — вопросами на китайском языке. Испытуемый в комнате не знает этого языка, но он может пользоваться справочниками, словарями и инструкциями, чтобы записать ответ на вопрос на китайском языке. За дверью стоит другой испытуемый, который должен определить по записям, знает ли человек в комнате китайский язык. Д. Сёрл делал вывод о том, что это иллюзия: человек, сидящий в комнате, как *машина* выдал ответ на основе заданных ему алгоритмов, но китайским языком при этом не овладел [15. С. 420]. В настоящее время уровень глубокого обучения *машины* показывает, что она оперирует знаниями из разных источников и подбирает данные во много раз быстрее человека, генерируя ответы и обладая неким *искусственным сознанием*.

¹ Mukherjee, S. This Cat Sensed Death. What if Computers Could, Too? *New York Times*, January, 3. URL: <http://tinyurl.com/yajko6pv> (accessed: 21.12.2023).

В ходе лингвистического эксперимента из 200 устойчивых выражений ИИ сумел дать реакцию на 50 % заданных фразеологических единиц (ФЕ) и устойчивых выражений (УВ). Не были получены реакции на следующие группы:

1. ФЕ со словом *гроб*: *заколотить в гроб, пойти в гроб, вгонять в гроб, в гробу всех видеть*;
2. ФЕ со словом *могила*: *одной ногой в могиле, свести в могилу*;
3. ФЕ и УВ с идеей *самоубийства*: *наложить на себя руки, покончить с собой*;
4. ФЕ и УВ с непрямой номинацией *смерти*: *Кондрашка хватил, отойти в вечность, кровавый пир*.

Почти все данные ФЕ и УВ являются не частотными вариантами использования в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Известный фразеологический оборот *Кондрашка хватил* содержит всего 5 примеров в общем подкорпусе ². Из представленных УВ только *покончить с собой* в НКРЯ содержит более 2000 примеров, однако система ИИ все равно не дает на него реакцию. Голосовой помощник Алиса отвечает: «*Есть темы, в которых глупость недопустима, а я еще учусь и могу случайно ошибиться. Когда-нибудь я научусь, а пока промолчу*», «*Вряд ли вам нужно мнение бота по такому вопросу*», «*Я считаю, что об этом говорить не стоит*», «*Ваш вопрос вызывает у меня когнитивный диссонанс*» и «*Это сложный вопрос, быстро не разобратся*». Данные примеры мы выделяем в отдельную группу «отсутствие генераций».

Голосовому помощнику Алиса со встроенным Яндекс GPT2 предлагались слова-стимулы, из которых он должен был составить выражение: вводился запрос «*Алиса, придумай выражение со словами ...*». Из сгенерированных ответов получились следующие группы: 1) генерации ФЕ и УВ с прямой и непрямой номинацией *смерти* 2) гибридные генерации; 3) цифровые или произвольные генерации.

Рассмотрим подробнее отдельные примеры.

В данной группе (таблица 1) находятся ФЕ и УВ, которые являются частотными вариантами в поисковых запросах НКРЯ — более 200 примеров³. Алиса и Яндекс GPT2 легко генерируют данные выражения. Стоит обратить внимание на то, что слова-стимулы задаются в чат ИИ в произвольном порядке, но независимо от этого система выдает существующие ФЕ и УВ. Важно отметить, что в рассматриваемой группе находятся в основном ФЕ и УВ с прямой номинацией *смерти* и являющиеся употребительными как в литературном языке, так и в разговорной речи. Также присутствуют примеры, в которых идея *смерти* выражена эксплицитно.

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Там же.

Таблица 1 / Table 1

Генерации фразеологических единиц и устойчивых выражений с прямой и непрямой номинацией смерти / Constructs of phraseological units and set phrases with direct and indirect nomination of death

№	Слова-стимулы / Words-stimula	Конструкты системы ИИ / AI-system Constructs	Оригинал / кодифицированный вариант / Original / Codified variation
Переводы слов-стимулов китайских устойчивых выражений / Translations of Chinese words-stimula in Chinese fixed expressions			
1	смерть, голод	голодая смерть	饿殍遍野 ‘смерть от голода’
2	стать / становиться и бессмертие	стать бессмертным	羽化登仙 ‘вступать в бессмертие’
3	смерть и одр	на смертном одре	弥留之际 ‘на смертном одре’
Слова-стимулы русских фразеологизмов / Words-stimula of Russian phraseological units			
1	играть, ящик	сыграть в ящик	сыграть в ящик
2	жить, приказать и долгий / долго	приказать долго жить	приказать долго жить
3	дыхание / дышать, последний	последнее дыхание	последнее дыхание
4	бить, барабан и смерть	бить в барабан смерти	бить в барабан смерти
5	жизнь / жить и смерть	между жизнью и смертью	между жизнью и смертью
6	царство и небо / небесное	царство небесное	царство небесное
7	ходить / уходить и небытие	уйти в небытие	уйти в небытие
8	пускать / испускать и дух	испустить дух	испустить дух

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Таблица 2 / Table 2

Гибридные генерации / Hybrid operations

№	Слова-стимулы / Words-stimula	Конструкты системы ИИ / AI-system Constructs	Оригинал / кодифицированный вариант / Original / Codified variation
Переводы слов-стимулов китайских устойчивых выражений / Translations of Chinese word-stimula in Chinese fixed expressions			
1	смерть, девочка и милая	девочка с косой	死丫头 ‘милая девочка’
2	смерть, усы и одинаковый	усы смерти одинаковы для всех	死胡同 ‘смерть, одинаковый и усы (тупик)’
Слова-стимулы русских фразеологизмов / Words-stimula of Russian phraseological units			
1	давать / дать и дуб / дубеть	давать дубу	дать дуба
2	жить / отжить и время и свой	отжить время	отжить своё время
3	жилец / жить, свет и белый	белый свет клином сошёлся	не жилец на белом свете
4	быть, порог и смерть	стоять на пороге смерти	быть на пороге смерти
5	смерть и лекарства	лекарства от смерти не существует	от смерти нет лекарства

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

В данной группе (таблица 2) генерация фраз происходит по гибриднему принципу конструирования, под которым мы понимаем: 1) сложение частей УВ; 2) частичное изменение УВ.

В китайском УВ значение ‘милая девочка’ передается сочетанием иероглифов *смерть*, *милая* и *девочка*. Стимулом для голосового помощника стали русские слова: *смерть*, *милая* и *девочка*. В результате получился конструктор *девочка с косой*, который является примером семантического блендинга: контаминация русской ФЕ *смерть с косой* и китайского УВ *милая девочка*. Для носителей русского языка данный конструктор алогичен, так как *коса* имеет значение не только инструмента, но и прически: в древних погребальных обрядах на Руси девушкам и женщинам не заплетали волосы, считалось, что *заплести* — значит ‘запутать’, поэтому покойница может заблудиться в другом мире.

Слова-стимулы *смерть*, *одинаковый* и *усы*, представляющие собой буквальный перевод китайского фразеологизма 死胡同 ‘тупик’, распознаются голосовым помощником как *усы смерти одинаковы для всех*. В древней китайской погребальной традиции мужчинам подстригали усы и брови, тем самым уравнивая статус правителей, воинов и простых людей в «другой жизни». В китайской лингвокультуре *смерть* сравнивалась с тупиком или концом жизненного цикла. Русский голосовой помощник предложил гибридный конструктор, семантика которого представляет синтез значений, образующих его элементов.

Примером частичной генерации также может служить конструктор *дать дубу*, при создании которого Алиса и Яндекс GPT2 распознают *дуб* не как состояние *смерти*, происходящее от глагола *задубеть*, а в прямом значении ‘дерево’. В данном конструкторе утрачивается смысл русской ФЕ и появляется новое значение ‘что-то дать или передать дубу’.

Таким образом, в данной группе представлены виды гибридной генерации, в которых полностью или частично менялся смысл исходного УВ, но сами слова — не менялись.

В данной группе (таблица 3) представлены ФЕ и УВ, которые система ИИ создает самостоятельно. Нередко слова-стимулы и семантика УВ утрачиваются в конструкторах. Например, русскую ФЕ *доживать век* голосовой помощник Алиса и Яндекс GPT2 трансформирует в *дожить до седин*. Система ИИ генерирует фразу, основываясь на своем «мировидении»: человек, у которого седой цвет волос, прожил век.

Китайское УВ со значением ‘казнь’, состоящее из иероглифов *дарить* и *смерть*, голосовой помощник Алиса и Яндекс GPT2 трактуют по-своему. Мы получаем цифровой конструктор *дарить цветы жизни, продлевая смерть*. Появляются новые слова, такие как *цветы*, *жизнь* и *продлевать*. Система ИИ подбирает их самостоятельно. По-видимому, *цветы* и *жизнь* у Алисы и Яндекс GPT2 привязаны к глаголу *дарить*, так как в корпусе ИИ частота словосочетаний *дарить цветы* и *дарить жизнь* выше, чем частность словосочетания *дарить смерть*.

Цифровые генерации / Digital constructions

№	Слова-стимулы / Words-stimula	Конструкты системы ИИ / AI-system Constructs	Оригинал / кодифицированный вариант / Original / Codified variation
Переводы слов-стимулов китайских устойчивых выражений / Translations of Chinese words-stimula in Chinese fixed expressions			
1	жизнь и край	вдали от жизни	命若悬丝 'жизни край'
2	менять / изменять, жизнь и смерть	смерть изменила жизнь	图国忘死 'до смерти не изменится'
3	защищать, стоять, стража и смерть	стоять на страже смерти	死守 'не беречь свою жизнь'
4	смерть и дарить	дарить цветы жизни, продлевая смерть	赐死 'дарить, смерть = казнь'
Слова-стимулы русских фразеологизмов / Words-stimula of Russian phraseological units			
1	держать / держаться и душа	душа не задержится	в чём душа держится
2	умирать, смерть и нож	нож смерти	под ножом умереть
3	смерть и ладан	ладан смерти	дышать на ладан
4	смерть и порошок	белый порошок смерти	смерть в порошок
5	умереть и встать	умереть стоя	умереть — не встать
6	жить / дожить и век	дожить до седин	доживать век

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors

Отдельно отметим способ генерации, представленный в конструкте *ладан смерти*. Из слов-стимулов *дышать* и *ладан* система ИИ использует только лексическую единицу *ладан*, при этом она усиливает семантику, добавляя слово *смерть*. У голосового помощника Алиса и Яндекс GPT2 *ладан*, скорее всего, напрямую связан с состоянием *смерти*, так как он часто используется в христианских погребальных обрядах: *ладан* — символ перехода в другой мир.

Заключение

Главной особенностью функционирования ИИ на материале ФЕ и УВ с универсальным семантическим компонентом *смерть* является вариативность фраз, которые могут создавать нейросети и голосовые

помощники. В 50 % случаев голосовой помощник Алиса и Яндекс GPT2 сумели создать ФЕ и УВ разными способами: с использованием контаминации, с помощью частичного упрощения, с добавлением новых смыслов и лексем, с помощью семантического блендинга, способом подмены понятий и т.д. В алгоритмах ИИ в настоящее время заложен большой потенциал по созданию текстового материала, однако система требует доработки в области словарного запаса и доступа к исторической и национальной культурной традиции. Как представляется, подобное расширение позволило бы голосовому помощнику Алиса и Яндекс GPT2 быть точнее в использовании естественного языка в цифровой среде.

Исследование также показало, что система ИИ не всегда преодолевает табуированные темы, так при введении запроса с помощью слов-стимулов *могила, гроб и самоубийство* голосовой помощник Алиса следует *цифровой морали*, ссылаясь на то, что не может поддерживать разговоры на подобные темы.

Фразы, сгенерированные ИИ, ввиду частотности их употребления, могут со временем войти в живую разговорную речь. В ходе лингвистического эксперимента система ИИ показала, что она способна создавать произвольные конструкты.

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что с помощью цифровых технологий сегодня формируется шестой цифровой страт согласно языковой парадигме Н.И. Толстого. Чем больше системы ИИ будут использоваться человеком для создания текстовых и фразовых конструктов, тем быстрее цифровой страт будет развиваться и укрепляться в современной языковой парадигме. В настоящее время глобальная сеть Интернет отступает на второй план, уступая место таким системам ИИ как нейросети и голосовые помощники.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986.
2. *Ершов А.П.* Методологические предпосылки продуктивного диалога с ЭВМ на естественном языке // Вопросы философии. 1981. № 8. С. 109–119.
3. *Андрющенко В.М.* Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 26–44.
4. *Вертель В.А., Вертель Е.В., Рогожникова Р.П.* К вопросу об автоматизации лексикографических работ (некоторые результаты применения ЭВМ) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 104–110.
5. *Гольдин В.Е.* К проекту Диалектологического текстового подфонда Машинного фонда русского языка // Третья всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: тез. докл. Ч. 2. М., 1989. С. 3–5.
6. *Раков Г.А.* Автоматический словарь народного говора как фрагмент МФ РЯ (состояние и перспективы) // Третья всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: тез. докл. Ч. 2. М., 1989. С. 11–14.
7. *Schneider S.* Artificial you: AI and the future of your mind. Princeton: Princeton University Press, 2022.

8. *Напалков А.В., Прагина Л.Л.* Мозг человека и искусственный интеллект. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
9. *Орфеев Ю.В.* Философские проблемы соотношения мышления человека и возможностей ЭВМ в процессах решения задач: дис. ... канд. фил. наук: 09.00.08. М., 1974.
10. *Рябцева Н.К.* Естественный и искусственный интеллект в процессах перевода // А.В. Вдовиченко (ред.) Язык и искусственный интеллект. М.: ЯСК, 2023. С. 237–261. <https://doi.org/10.37892/978-5-6049527-2-6-42>
11. *Кибрик А.А.* Язык и когнитивная система // I Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Сб. пленарных и индустриальных докладов. Доклады симпозиумов. М.: Общероссийская общественная организация Российская академия естественных наук, 2020. С. 59–61.
12. *Таулли Т.* Основы искусственного интеллекта: нетехническое введение / пер. с англ. СПб.: БХВ-Петербург, 2021.
13. *Berkeley E.C.* Giant Brains, or Machines that Think. New York: Wiley, 1963.
14. *Turing S., Turing J.* Computing Machinery // Alan M. Turing: Centenary Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 125–132. <https://doi.org/10.1017/SVO9781139105736.017>
15. *Searle J.R.* Minds, Brains and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3(3). P. 417–424. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>
16. *Ушаков Д.Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1928.
17. *Толстой Н.И.* Славянская литературно-языковая ситуация // Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998.
18. *Лисицина Т.А.* Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия // Альманах «Фигуры Танатоса». Материалы второй международной конференции. СПб.: 1995. С. 54–59.
19. *Tao M.* Трактровка концептов жизни и смерти в китайском философско-культурном контексте // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1(61). С. 89–96.
20. *Pickover A.C.* Artificial Intelligence: An Illustrated History: From Medieval Robots to Neural Networks, Alexander Korzhenevski (Ed.). New York: Sterling Publishing Co., 2021.

Сведения об авторах:

Жикулина Кристина Петровна, аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: искусственный интеллект, когнитивистика, голосовые помощники, современный русский язык; *e-mail*: zhikulina_kp@pfur.ru
ORCID: 0000-0003-2488-4616; SPIN-код: 5871-9336.

Перфильева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: лексикология, семантика, ассоциативная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: perflyeva_nv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-1018-809X; SPIN-код: 5097-4564; Researcher ID: X-8776-2019; Scopus ID: 57193135449.

Ли Мань, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: фразеология, семантика, китайский язык, русский язык; *e-mail*: 1042218157@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393

EDN: PLHQIG

UDC 811.512.122:398.91(-055.1/.3)

Research article / Научная статья

Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings

Amangul S. Igissinova¹ , Gulzat Raeva² ,
Ziba Kulamanova¹

¹Dulaty University, Taraz city, Republic of Kazakhstan

²Kazakh National Pedagogical Abai University, Almaty, Republic of Kazakhstan

 kas-id-3@mail.ru

Abstract. The study reviews how traditional gender norms are parodied in Kazakh. Stereotypes of “male” and “female” characteristics are evolving in the age of cultural globalization. The old notion that a man provides for the family needs financially and a woman tends to the home has evolved. In modern Kazakh society, a woman can earn significantly more than a male or serve as the family primary breadwinner. Many men believe that raising children and taking care of the home is the domain of women, so they do not want to be involved in these roles. Gender stereotypes prevailing in society prevent both women and men from living, determining their behavior and lifestyle. The relevance of the problem under consideration lies in the fact that the factors contributing to the formation of gender stereotypes have not been sufficiently studied. The parodies of the Kazakh people reflect traditional family and tribal relations based on patriarchal attitudes. The purpose of the study is to analyze gender stereotypes in Kazakh proverbs and sayings. Due to the large number of entries of the main sample, 154 paremias were taken through a representative sample and grouped into five categories according to their content: 1. The role of men and women in the family, 2. Education of girls — education of the nation, 3. Preservation of family life, 4. Feminine and masculine qualities, 5. A woman mother gives birth to offsprings. The study used comprehensive research, contextual analysis, comparison and descriptive methods. As a result of the study, the stereotype “A woman is the basis, and a man is the breadwinner of the family” has partially lost its relevance today. In modern Kazakh society, the wife not only supports family comfort, but also earns quite well. The stereotype “A mother woman gives birth to offspring” always remains the same relevant, since the main function of a woman is procreation. The traditional stereotype of “Educating girls — educating the nation” is formed in relation to the upbringing of girls in the family. Since girls are future mothers and guardians of the hearth, from an early age they are prepared for family life, motherhood and household chores. The stereotype associated with the preservation of family life depicts a woman as a man’s support, an incomparable companion, his luck and even paradise. The key to a happy family life is a good spouse, so stereotypes are formed regarding the preservation of family life.

© Igissinova A.S., Raeva G., Kulamanova Z., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: gender, gender stereotype, stereotype, masculinity, femininity

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Igissinova, A.S., Raeva G. & Kulamanova, Z. (2024). Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 376–393. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393>

Гендерные стереотипы в казахских пословицах и поговорках

А.С. Игиссинова¹ , Г.М. Раева² , З.А. Куламанова¹

¹Таразский региональный университет имени Мухамеда Хайдара Дулати, Тараз,
Республика Казахстан

²Казахский Национальный педагогический университет имени Абая, Алматы,
Республика Казахстан
 kas-id-3@mail.ru

Аннотация. Изменение «мужских» и «женских» черт и стереотипов по отношению к мужчинам и женщинам становится характеристикой культурной глобализации: стереотип о том, что мужчина — добытчик семьи, а женщина — хранительница очага сегодня претерпел изменения. Актуальность рассмотрения традиционных гендерных стереотипов в паремиях казахского народа, в которых отражены традиционные семейно-родовые отношения, основанные на патриархальных установках, заключается в недостаточной изученности факторов, способствующих формированию гендерных стереотипов. Целью исследования является анализ гендерных стереотипов в казахских пословицах и поговорках. В связи с большим количеством основного материала исследования через репрезентативную выборку паремии были взяты 154 единицы, сгруппированные в пять категорий в соответствии с их содержанием: 1. Роль мужчины и женщины в семье, 2. Воспитание девочек — воспитание нации, 3. Сохранение семейной жизни, 4. Женские и мужские качества, 5. Женщина-мать рождает потомство. В ходе исследования были использованы контекстный анализ, сравнение и описательные методы. В результате исследования было доказано, что стереотип «Женщина — основа, а мужчина — кормилец семьи» частично утратил свою актуальность. Стереотипы «Женщина-мать рождает потомство», «Воспитание девочек — воспитание нации» остаются актуальными. Стереотипы, связанные с сохранением семейной жизни и ролью женщины как опоры мужчины, его спутницы, а также стереотипы о хорошем супруге находятся на этапе формирования.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, стереотипы, маскулинность, фемининность

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Igissinova A.S., Raeva G., Kulamanova Z. Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 376–393. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393>

Introduction

The modern era of globalization is characterized by the transformation of traditional cultural property in society and changes in life priorities. In these difficult situations the social roles of men and women, attitudes towards family and professions is changing. Changes in gender roles and stereotypes exacerbate gender asymmetries in society.

Due to specific religious and cultural traditions, gender relations vary throughout cultures. Changing gender stereotypes in ethnic culture is a vivid manifestation of its internal values and ethnic consciousness. The pace of gender stereotype changes in various ethnocultural communities depends on religion, domestic traditions, mores and customs, mentality, and family relations which are passed down from generation to generation. The study of gender stereotypes in various cultures makes it possible to reveal gender relations, peculiarities of marriage and family, couples, masculinity / femininity concepts, strategies and models of gender socialization of children.

Ethnic culture makes special demands on the behavior of men and women and strongly affects the content of gender stereotypes.

Gender stereotypes reflected in the language system have not yet been sufficiently studied. The gender code in the language system determines the norms and standards of men and women behavior in everyday consciousness [1. P. 21].

Paremas are one of the information sources on the content of gender relations. Since they enable the metaphorical, compelling, succinct, and unambiguous expression of a complex of cultural notions pertaining to the human phenomenon, human awareness, and human society, paremas play a significant part in the language picture of the world.

Paremic units are short words with deep meanings used for educational purposes, affecting both young and old [2. P. 985–986]. Due to a variety of functional and semantic characteristics, as well as their strong semantic potential, paremas are presented in a unique way within national and cultural categories.

Proverbs and sayings are a part of folklore. Oral literature describes the age-old dreams of people, their aspirations for a happy life and justice. Paremia reflects the national history, social status and life, reason and teaching. Proverbs also deeply, accurately and concisely describe the condition, customs, lifestyle and common culture of the people. A. Kaidar says: “Kazakh proverbs and sayings are very important from the worldview, logical and ethnolinguistic point for understanding the past and present of the people, because proverbs apply to all phenomena in the world, society and nature. From the very beginning, the natural order has existed in the natural world. This sequence can be seen only by grouping all objects and phenomena into three large areas and to focus them in accordance with their internal system and meaning” [3. P. 142].

Passed down from generation to generation, proverbs and sayings tell about the behavior, age characteristics of men and women. “*Ayel — uidin korki, erkek — tuzdin korki*” (lit. A woman beautifies the house, a man adorns the outdoor) means that a woman is the soul and a man is the keeper of the family. The social nature of genes is different from its biological significance. Various classifications of these concepts began with the famous thesis of the philosopher Simone de Beauvoir. The author of the work “The Second Sex” claims that “the difference between a man and a woman is not by nature, but an outcome of development of society...”¹.

The English term “gender”, revealing only the meaning of the grammatical category (gender), in the Kazakh language means “sex”, that is, the anatomical differences between a man and a woman. Male and female are biological sexes. However, the term “gender” is the structure specific to social groups. To determine the social status of men and women in society, it is important to determine the behavioral characteristics of representatives of the sexes. In this regard, it is obvious that the concept of “gender” is an object of study in sociology, social philosophy, history, political science, intercultural communication and psychology. The volume of gender studies has expanded, so the term “gender” has acquired an interdisciplinary status, and has become an object of linguistics. Contemporary sociology distinguishes between the concepts “sex” and “gender”.

This concept was first introduced to the scientific community in the book “Sex and Gender” by the American psychoanalyst Robert Stoller in 1968. Based on the study of transgender identity, he comes to the conclusion that changing the patient’s sex by surgery is much easier than changing the identity of a man and a woman psychologically².

The general gender category consists of two components: biological sex (sexus) and social sex (gender). Unlike the sex category, the gender status, gender hierarchy, and behavioral features are not inherited by nature, but are formed in society and social environment, and implemented by social institutions and cultural traditions.

According to A.A. Denisova, “gender is a set of social and cultural norms that society obliges to fulfill in accordance with the biological sex of people. Psychological characteristics, behavioral patterns, activities of women and men are characterized by socio-cultural norms, not by biological sex. To be a man or a woman in a society means not only to have certain anatomical features, but also to fulfill certain gender roles enshrined in society” [4. P. 15].

¹The Second Sex / S. de Beauvoir-1949-E. Orlova, translation, 1997 © A. Sabashnikova, translation, 1997. The publication is in Russian, the design. Azbuka-Atticus Publishing Group LLC, 2017 AZBUKA®Publishing House Learn more at livelib.ru: <https://www.livelib.ru/book/160869/readpart-vtoroj-pol-simona-de-bovuvar/~2>.

²Glossary (cawater-info.net). Glossary "Gender". Compiled by B.K. Turdybaev.

Gender is a set of social and cultural norms and roles that determine the behavior of men and women, as well as social relations between them³. Sociologists (K.N. Akhmadeeva [5], T.B. Ryabova [6] et al.) come to common conclusions in assessing the stereotypes that underlie usual “female” and “male” qualities .

The stereotypical image of a man includes the following qualities associated with their activities: resourcefulness, commitment and competitiveness, risk taking behavior, courage, perseverance, self-control, self-confidence, striving for uniqueness, and business ability. Traditional “masculine” qualities in relation to power and management are the desire for leadership, arrogance, passion for domination, responsibility, justice, strength, ability to make decisions, and intelligence. Making rational arguments and self-restraint are also masculine abilities.

Women are characterized by passivity, inability of rapid decision-making, caution, and a tendency to comply with norms. The “feminine” qualities include good nature, helplessness, dependence, irresponsibility, weakness, confidence in the superiority of a man. Feminine traits are sensitivity, quick wit, rapid change in emotional state, tendency to anxiety, tears, complaints, and fragility.

Based on the femininity and masculinity concepts, the researcher N.A. Konopleva created a complex of binary oppositions:

- consistency — intuition,
- instrumentality — expressiveness,
- consciousness — unconsciousness,
- power — submission,
- order — chaos,
- independence, individuality — closeness, collectivity,
- strength — weakness,
- impulsivity, activity—static, passivity,
- inconstancy, infidelity, radicalismconstancy, loyalty, conservatism⁴.

Gender stereotypes, like other stereotype kinds, are created based on information from the outside world and personal experience:

- parental example, established as the norm in childhood;
- example of perception and detachment of others;
- works of art and culture;
- media products.

³ Glavnaia (stat.gov.kz). Biuro natsional’noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniuu b reformam Respubliki Kazakhstan [The Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. URL: stat.gov.kz (accessed: 25.01.2023).

⁴Konopleva, N.A. (2002). *Gender stereotypes. Dictionary of gender terms*.

Materials and methods

The materials of the analysis are taken from “7777 Kazakh proverbs and sayings” by J. Keikin⁵ and the collection “Kazakh proverbs” Babalar sozi (Words of ancestors) volume 65⁶ and Internet sources. Owing to the size of the core sample, 154 paremias were sorted into five categories based on their content after being passed via a representative sample: *The role of men and women in the family*, *Raising girls — raising the nation*, *Preserving family life*, *Feminine and masculine qualities*, *Woman-mother gives birth to offspring*. Every category’s percentage has been established.

Table 1

Classification of proverbs and sayings related to gender stereotypes

№	Categories	Frequency	%
1	Preserving family life	40	26
2	Raising girls — raising a nation	39	25.3
3	Woman-mother gives birth to offspring	35	22.7
4	Feminine and masculine qualities	26	16.9
5	The role of men and women in the family	14	9.09
	Total	154	100.0

Source: author’s study

The proportion of collected proverbs and sayings based on the stereotype of *The woman is the basis and the man is the breadwinner of the family* is 9,09 %. The paremia of *Woman as a continuer of life*, reflecting female maternal love, care and respect of the Kazakh people for women-mothers amounted to 22,7 %. There are many proverbs and sayings about girls in the paremic fund of the Kazakh people, who treat their daughters with special respect and pay great attention to their upbringing. We considered 25,3 % of the collected paremias from the sources. 26 % of paremias is associated with the stereotype of *Only a person who has chosen the right spouse can live a happy life*. 16,9 % of proverbs and sayings are devoted to the qualities characteristic both to men and women.

In the paremias about “a splendid gender” women are given as *katyn* (wife or married woman), *kыз* ‘girl’ depending on age, and *ana*, *sheshe* ‘mother’ as a continuer of life. Men are represented by the words *erkek* ‘man’, (*er*) *zhigit* ‘brave guy’, *ake* ‘father’, *ata* ‘grandfather, ancestor’, and *ul* ‘son, boy’. Table 2 below shows the frequency of occurrence of these words.

⁵ Zhardem, Keikin (2002). *7777 Kazakh proverbs and sayings*. Almaty: Olke Publ.

⁶ Word of ancestors: Centenary (2010). Astana: Foliant. Vol. 65. : Kazakh proverbs and sayings.

Words used to refer to women and men

	Frequency	%
kyz 'girl'	46	29.9
katyn 'wife'	37	24.02
ana 'mother'	34	22.07
aiel 'woman'	28	18.2
epkek 'man'	12	7.8
(er) zhigit 'brave guy'	12	7.8
ul 'son, boy'	10	6.5
ake 'father'	3	1.9
sheshe 'mother'	3	1.9
ata 'grandfather, ancestor'	2	1.3
Total	154	100.0

Source: author's study

Theoretical Sources

The most prevalent kind of social stereotypes are gender stereotypes, which are based on systematised, simplified normative views about how men and women should be perceived, or more specifically, about what characteristics a man and a woman should possess. Gender stereotypes are found in all spheres of human life and relate to social images of femininity and masculinity. A gender stereotype is a generalized view of attributes or characteristics or a preliminary idea about the roles of women and men⁷.

In the study “Ethnocultural characteristics of the concept “Kazakh woman”, A.M. Baigutova reflects the social nature of the concept “a Kazakh woman” through gender stereotypes. The author expresses the opinion that the stereotypes are a special form of knowledge preservation and evaluation, and the behavior oriented concepts [7. P. 8].

G. Shokym defines the gender stereotypes as certain socio-cultural opinions and the linguistic expression of the true part of the attributive opinion about behaviors, properties, and norms of the sexes. When studying the concepts of masculinity and femininity, it is important to identify gender stereotypes in the language inherent in the collective consciousness [8. P. 120]. One of the proverbs that have formed in the collective consciousness is “*Ayeldin shashy uzyn, akyly kyska*” (*lit.* Women have

⁷United Nations Human Rights Office of the High Commissioner (2014). URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/1_The_whole_Report_2014.pdf (accessed: 23.07.2021).

long hair and short mind) in Kazakh, “*Volos u zhenshchiny dolog, da um korotok*” (lit. A woman’s hair is long and mind is short) in Russian, and “*Frauen haben langes Haar und kurzen Sinn*” in German.

Gender stereotype is a predetermined set of attitudes and behaviors that are considered characteristic to all men and women⁸. In the Kazakh language gender stereotypes are often based on the customs, behavior and traditions, that have been passing from father to son. One of these traditions is to marry off the girls under twenty. After the age of twenty the girl was considered an old maid. Therefore, the proverb “*Kari kyz bai talgamaidy, olgen adam zher talgamaidy*” (lit. The old maid doesn’t choose her husband, and the deceased doesn’t choose the burial place) means that a girl shouldn’t choose her life partner for a long time and start a family as soon as possible, but at the same time men can marry at any age.

One of the linguistic sources, reflecting the gender stereotypes, is paremia. Paremia is the academic notion for proverbs and sayings, which comes from the ancient Greek word *paroimia* and means ‘proverbs and sayings’, ‘wise teachings’; *para* ‘near’, *oime* ‘poem, legend’, i.e. ‘something that stands next to the statement’⁹.

Paremiology has “taken shape in a separate, independent direction in terms of object and tasks” as a field of linguistics at this time [9. P. 4]. Proverbs, sayings, riddles, omens, sayings, and other brief genres of folklore are typically included. A proverb with the following qualities is the most common type of paremiological fund: dialogic, frequently used, ethnolinguistic markers present in the structure, traditional, anonymous, generalizing, brief, aphorism, imagery, didacticism, closure of the syntactic structure, and situationality [10. P. 64].

Paremiology is distinguished by an important cumulative-communicative function as phraseology: they accumulate the cognition of the world experience and distribute it not only among the descendants of one linguocultural community, but also in other cultures. This expands the prospects for the perception and recognition of paremia [10. P. 80].

V.M. Mokiyeenko defines proverbs as “a minimal artistic text” perceived in different ways. Proverbs and sayings are not the same for “everyone”, because they take individual tastes and linguistic competence into account [10. P. 17].

According to A.A. Bredis, experience stands out as a defining aspect of proverbs and sayings, “a commonly used set of human experience, standardized for life situations and presented in speech as a complete and stable sentence with a figurative meaning” [11. P. 86].

⁸ Gender Stereotype. Encyclopedia of Sex and Gender: Culture Society History. Encyclopedia.com. URL: <https://www.encyclopedia.com> (accessed: 23.07.2021).

⁹ Großes Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: wissen.de (accessed: 23.07.2021).

Paremiyas are particularly stable in any language. They are still widely used today, although the described realities might have long disappeared from everyday life. These artistic miniatures of folk wisdom are based on human experience, and as D.P. Moiseeva, “they fly from century to century, from generation to generation on wings” [12. P. 94].

According to T.G. Bochina, proverbs are the essence of a dialogue, a proposition (proverb = sentence), as well as generalized information (proverb = text) [13. P. 27]. The main feature of proverbs is their common use. When people hear a part of a proverb they immediately recognize it. If any Kazakh person is told: “*Enbek etsen erinbei, ...*” (If you work hard ...”), he can immediately pronounce the second part of the proverb as “*Toyady karnyn tilenbei*” (Then you will be full, not begging).

Results

The results of the analysis show that the stereotype *a woman is the basis and a man is the breadwinner of the family* was formed in connection with the functions of the woman in the family. The Kazakh wife is engaged in housekeeping: cooking, cleaning, raising children, and serving the guests, while man works and earns money to support the family. This traditional stereotype has not lost its relevance today: “*Ayel — uidin korki, erkek — tuzdin korki*” (lit. A woman beautifies the house, a man adorns the outdoor). In modern Kazakh society women do household chores, but they also earn money, pursue a career and support the family. However, the main responsibility of a woman is to take care of the family. They say that there is no good in the house without a wife: *Katyn olse, uyin ketedi, Basyynnan kuiyn ketedi* (lit. If the wife dies, the house will be empty, and you will lose well-being). None of the analyzed paremiyas mentions that women worked and earned money, but were only relegated to family roles. This can be seen in the frequent combination of the words *ayel-ui* (woman-home), *katyn-ui* (wife-home). Men were relegated to the role outside the home.

One of the main responsibilities of a woman in society is procreation. The next 22,7% includes the stereotype *A mother is a woman giving birth to offspring*, which is one of the most relevant concepts today. The Kazakh people consider the mother to be the most important person in human life:

Anasyz omir — songen komir (lit. Life without a mother is an extinguished hearth);

Anasyz ui — panasyz (A home without a mother is roofless);

Anandy Mekkege ush arkalap barsan da, karyzynan kutyla almaisyn (lit. Even if you take your mother to Mecca three times on your back, you cannot repay your debt to your mother);

Alty zhenge birigip ana bolmas (lit. Six daughters-in-law cannot replace a mother);

Zhannattyn kilti — anany tabanynda (lit. The key to paradise is at the mother’s feet);

Ananyn sutin akta, zhuregine kuye zhakpa (lit. Repay your debt to your mother, do not tarnish her good name).

As a result of the analysis of the collected proverbs and sayings, we can see the special respect of the Kazakh people for women in the phrases as *maternal milk*, *maternal soul*, *maternal wish*, *mother's rights*, *mother's hands*, *mother's heart*. The image of a mother is given in a positive way by mother-child relationship:

Zhalgyz balasy atka shapsa, Anasy uinde takymyn kysady (lit. When a child mounts a horse, his mother, sitting at home, squeezes her knees);

Balasyнын byldyryn anasy gana ugady (lit. Only the mother can understand her child's babbling);

Ana balasyn arystannyn auzynan alady (lit. The mother will snatch the child from the lion's mouth);

Analy balanyn ozi tok, Anasyz balanyn kozi tok (lit. A child who has a mother is always well fed, a motherless child eats the food only with eyes);

Anana rakym etpesen, Balannan rakym kutpe (lit. If you do not show mercy to your mother, do not expect mercy from your children).

The traditional stereotype “*Raising girls — raising the nation*”, which ranks second with 25,3 %, is associated with upbringing girls in a family. Since girls are expectant mothers and hearth keepers, they are prepared for family life, motherhood and household chores from an early age. After all, mothers bring up brave, courageous, intelligent and hardworking men. We know that the native language and national upbringing have a special place in the formation and preservation of any nation.

It is known that the preservation of family life and peace in the family is very important for a person's life. The Kazakh woman's respect for her husband and the man's respect for his wife and family preservation are our centuries-old tradition.

The analyzed paremias show that the woman is the man's supporter, incomparable companion, good luck and even his paradise. The woman is recognized as a person, who conceals her husband's flaws and exaggerates his merits:

Zhaksy ayel zhaman erkekti tuzetedi (lit. A good wife will make a bad husband a better person);

Zhaksy ayel — teni zhok zholdas, tubi zhok syrlyas (lit. A good wife is an incomparable companion and close friend);

Zhaksy katyn zharyнын zhaksysyn asyrrar, zhamanyn zhasyrrar (lit. A good wife conceals her husband's shortcomings and exaggerates his merits);

Zhaksy zhar — zhumak, Zhaman zhar — tozak (lit. A good wife is heaven, a bad wife is hell).

In the Kazakh paremias the categories as “a good woman”, “a bad woman” and “a good man”, “a bad man” are parallel, and stereotypical images of women and men in the public mind are shown by comparison. The stereotype about *the*

preservation of family life is being formed out of the conviction that a good spouse is the key to a happy family life.

Family life in peace and harmony depends on their behavior, actions and social status of a married couple in society.

The concepts as “a good woman — a good man”, “a bad woman — a bad man” are associated with the behaviors characteristic to women and men. The analyzed paremias show the woman as talkative, cunning, gossiping, and with no managerial ability:

Otka bargan katynnyn otyz auyz sozi bar (lit. The woman, who goes next door for some matches, brings a lot of talking);

Ayeldin kushi zhok, ailasy kop (lit. A woman has no strength, but many tricks);

Katyn bastagan kosh onbaidy (lit. The caravan headed by a woman will fail);

Eki ayeldin basy kosylsa, ushinshi ayeldin sory (lit. If two women came together, it is misfortune to the third woman).

From the perspective of the Kazakh people, the man is the breadwinner, defender of the country, hero, successor, and master of the house. In the proverbs and sayings the man is described as hardworking: “*Zhaksy bolar zhigittin zhumyssyz zhurgen kuni zhok, Zhaman bolar zhigittin zhumyska esh kyry zhok*” (lit. The good guy is never idle, the bad guy can’t do anything), “*Akyldy zhigit atka da otyrar, takka da otyrar*” (lit. A wise guy can sit both on a horse and on the throne), skillful: “*Zhigitke zhetpis turli oner az*” (lit. Mastering the seventy skills are not enough for a man), strong: “*Zhigittin kushin surama, Bitirgen isin sura*” (lit. Do not ask the man how much effort he put in, ask what he did), and managerial skills: “*El baskarar zhigittin, etek-zheni ken bolar*” (lit. The man leading the country has a generous spirit).

Discussion

Gender stereotypes are spread through social institutions such as mass media, family, education, religion, government, other social and political institutions. The most important is the mass media, broadcasting information about gender roles, masculinity and femininity, and how men and women should behave in different situations.

Gender stereotypes are socially defined concepts. A person demonstrates his socially acceptable behavior to look suitable for society. The results of some experiments show that men and women behave differently when talking with an employer, depending on the gender of the employer [14; 15]. We usually notice and blame those, who do not follow the established order. For example, if a man goes on maternity leave because of his wife’s high salary, his actions will cause a negative reaction in society. Sometimes even the choice of profession can cause public criticism, because it is determined by gender roles, and for a man these norms are stricter than a woman. If for a man works as a nanny in kindergarten, he will

be publicly blamed for gender inconsistency. Consequently, gender stereotypes are a powerful mechanism of social control.

Second, gender stereotypes can negatively affect the life needs and achievements of women. According to J. Allport, people who became victims of discrimination usually develop the qualities that correspond to this discrimination. A number of western researchers agree to it. If society perceives femininity as a negative trait, then a woman agrees with this, programs herself for failure and develops these traits in herself (see: [15. P. 27]).

Roles defined by gender stereotypes in society also negatively affect men. According to the masculine stereotype, men are characterized by dominance, goal achievement, and high competition. So they program their behavior and actions according to this stereotype. However, when men fail, they are more stressed than women and have lower self-esteem.

The stereotype of a selfish rude man, along with gender inequality, reinforces the image of a weak, neglectful woman.

Society, social institutions and groups, political forces, and people can deliberately use gender stereotypes with different intentions. It is a way of using a person's gender identity to achieve a desired type of behavior or direction. This approach defines the relationship between the behavior of individual and certain patterns of masculinity / femininity like "You are a man, so you must be able to support your family. If you can't, then what a man you are!"

One of the possibilities for using gender stereotypes in the social space is the political sphere, which is one of the strongest resources for the formation and restoration of masculinity and femininity. In androcentric culture "power" is traditionally associated with masculinity, and "submission" with femininity, where "a real man" has power, and the "the real man's" qualities affect not only the ideal of power, but also the masculine ideal. This is a mechanism for maintaining gender asymmetry. Those who are in power are considered more competent, and who have no power are considered more emotional and incompetent.

As a result of the analysis of paremias, 26 proverbs and sayings which describe the characteristics of men and women were identified. Women are described as wordy, cunning, gossiping, and with no managerial ability, and men are hardworking, intelligent, with managerial skills. Historical records indicate that the Scythian queens Tomiris and Zarina were active in political power and government. Women are also smart, hardworking and can take responsibility for their actions. Today, women in power work side by side with men. According to official statistics, 55,5 % of civil servants in the country are women, and the number of women in leadership positions is 39,8 % [16].

For the Kazakh women the family is above all and they are three times less likely to seek leadership positions than men. To overcome such stereotypes as *Katyn bastagan kosh onbaidy* (*lit.* The caravan headed by a woman will fail),

gender education is being carried out in our country. Career opportunities have been created for women at all levels. Women as well as men have made great strides in their careers, in the government, family and science.

The stereotype *A woman is the basis, a man is the breadwinner of the family* never loses its relevance. In family relationships the man was the ruler and the woman was a level below her husband. Hierarchical relationships reflected the rights and responsibilities of family members. Men worked outside and women worked around the house. As the head of the family a man was always in a place of honor at home, which is also given to an elderly person or a guest. Men started the meal first in the family. The man was engaged in cattle, haymaking, sowing and harvesting, and also protected the family and the country from external enemies. In traditional Kazakh families women do half of the housework themselves. For example, a woman has to milk cows, making dairy products (airan, sour cream, cottage cheese, kurt, koumiss, butter). Woman was helpmate to man in Kazakh society. Her responsibilities included cooking, sewing, spinning, weaving, washing, cleaning the house, assembling and setting up the yurt during the nomadic migration, raising children, and caring for her husband's elderly parents. This is why a woman with so many responsibilities was considered the mainstay of home.

The number of paremias in relation to women-mothers is 22,7%. The Kazakh people's special respect for the mother has been developing along with the history of statehood, ethnogenesis, culture and spiritual life of the people. Mothers not only procreate, they contribute to the formation of an entire ethnic group. Gabit Musirepov's statement about women is true: "If you praise, then you should praise and respect a woman. Mother is an inexhaustible force that overcomes all difficulties, a source! ... It's true. Any mother can say: We are stronger than death. We give life to poets, thinkers, geniuses and heroes. Death tries to destroy people, but we have defeated it by giving birth to people! ..."¹⁰. The national spirit given through mother's milk is important in the formation of any nation. In the Kazakh society women with children, especially those who gave birth to a son, were highly respected. Our ancestors said: "*Bala tappagan katynnan, laktagan eshki artyk*" (lit. Better a lambing goat than a childless woman).

The proverbs and sayings confirming the stereotype of "*Raising girls — raising a nation*" is 25,3%. This is the second largest among the categories we have classified. Consequently, the Kazakh people paid special attention to the upbringing of girls, as the girl is a future mother. In the family it was important for the girl to be flexible in household chores, for example, cooking, preparing tea, knitting and beautifully folding the bed. The girls were brought up from all sides: parents, grandparents, uncles and aunts, as the saying goes "*Kyzga kyryk uiden tyiym*"

¹⁰ Alpysbe, M. (2015). Ult shezhiresindegi aituly ate analary men khanymdar. "Kazak khandygy tusyndagy khanymdar men arular": halykaralyk gylim-tazhiribelik conference materialdary / (dayarlagan D. Kamzabekuly). Astana: Form Plus baspasy.

(*lit.* The girl is banned from forty families). The dignity of the girl was especially strictly observed, it was believed that “*Kyzdyn zholy zhinishke*” (*lit.* a girl’s path is narrow), as she was going to be a respectful mother, a loving wife and a bride, showing respect for the elders and the younger.

National identity was and is given by mother’s upbringing. Therefore, mothers prepared daughters for family life from an early age. Parents indulged their daughter and gave freedom, but not too much. Parents are obliged to raise their daughter, “*Kyzyn kanattyga kaktyrmai, tumsykyta shoktyrmai*” (*lit.* not allowing the winged to touch with its wing and pecking with its beak) (not giving offense). They did not spare anything for their daughter, saying that “*Kyzga bergendi Kydyr oter*” (*lit.* Everything that was given to the girl is compensated by Kydyr (a saint in human form)). The proverb “*Kyz bergen zherge dau zhurmeidi*” (*lit.* You will not go with reproaches to the place, where you have given your daughter) means that in the Kazakh history girls and women played a consolidating role in the unification of Kazakh tribes and formation of the nation¹¹.

As is known, the preservation of family is very important. The family is not only an important group which accompanies a person the entire life cycle, but also the basis for the sustainable and lasting development of society, and well-being of the state. In real life, there are many family examples, starting from the moral and spiritual situation to the financial and economic period. Family performs a number of functions related to reproduction, upbringing, comprehensive socialization, continuity of traditions, and preservation of ethnocultural traditions. If a man chooses the right wife, he will have a happy life. The Kazakh people say: “*Zhaksy ayel omirindi uzartar, Zhaman ayel ustine tuz artar*” (*lit.* A good woman prolongs your life, a bad woman puts a heavy burden on you). In the Kazakh society women are brought up to respect and honor men, and to keep the family from an early age. In any nation the preservation of family values depends on women.¹²

Conclusions

Proverbs and sayings expressing gender stereotypes in the Kazakh paremia have been divided into five categories.

First, the stereotype that *woman is a mainstay, man is a breadwinner* has not lost its relevance today. A Kazakh woman does housework as cooking,

¹¹ Kazakhstan Republikasyndagy 2030 zhyлга deyingi otbasylyk zhane genderlik sayasat tuzhyrymdamasyn bekitu turaly — “Adilet” AKZH (zan.kz) [On approval of the concept of family and gender policy in the Republic of Kazakhstan until 2030 — IAS “Adilet”]. URL: zan.kz (accessed: 25.01.2023).

¹² Alpysbe, M. (2015). Ult shezhiresindegi aituly ate analary men khanymdar. “Kazak khandygy tusyndagy khanymdar men arular”: halykaralyk gylım-tazhiribelik conference materialdary / (dayarlagan D. Kamzabekuly). Astana: Form Plus baspasy. 31. Alpysbes, M. (2015). “I don’t know,” she said. “Ladies and beauties in the Kazakh Khanate”: materials of the international scientific and practical conference / (prepared by D. Kamzabekuly). Astana: Form Plus Publ.

cleaning, raising children, and serving guests. Man earns money to support his family. None of the analyzed paremias mentions about woman's working and earning money. Women are assigned only family roles, men — a role outside the home, that is, outside the family.

Second, the stereotype *Woman-mother gives birth to offspring* biologically distinguishes a woman from a man. The woman's main task in society is the birth of a new descendant. As a result of analyzing the proverbs, we made sure that the Kazakh people treat the mother with special respect and love, and that she is the most important person in human life.

Third, the traditional stereotype *kız tarbiesi-ult tarbiesi* (raising girls is raising a nation) is associated with upbringing of girls in a family. Since girls are expectant mothers and hearth keepers, they are prepared for family life, motherhood and household chores from an early age. The girls were brought up in a complex way (from all sides). In the Kazakh history girls and women played a consolidating role in the unification of Kazakh tribes and the formation of the nation.

Fourth, the stereotype associated with *the preservation of family life* depicts a woman as the man's supporter, incomparable companion, good luck and even his paradise. A woman is the person who conceals her husband's flaws and exaggerates his merits

Fifth, in the Kazakh paremias the categories as “a good woman”, “a bad woman” and “a good man”, “a bad man” are parallel, and stereotypical images of women and men in the public mind are given by comparison. Hence, the stereotype about *preservation of family life* is being formed out of the conviction that a good spouse is the key to a happy family life. Many proverbs and sayings about woman's negative traits. Women are described as talkative, cunning, gossiping, and without managerial ability.

Biological differences between women and men become social expectations of which behaviors are masculine / feminine. Gender models of behavior are characterized by a strict hierarchy: the masculine is associated with leadership and power, the feminine is associated with submission. However, many of these qualities are not necessarily feminine or masculine. A variety of behaviours are disseminated and relationship individualization is considered in the context of cultural revolution.

The constant dynamics of gender dispositions, elimination of stereotypes in the normative cultural environment, gender imbalance inherent in the traditional patriarchal pattern, dominance of female factor in fostering a culture, deviations from gender socialization required by gender schemes, gender intolerance to the issues related to gender identity of a person, insufficient informativeness and contradictory positions lead to deviant behavior and gender tension. These social modifications are also changing cultural stereotypes of masculinity and femininity. Traditional and modern characteristics intersect, reflecting the views of not only men, but also women.

Putting the world in order of male and female characteristics, sexual symbolism in culture represents and upholds the gender hierarchy that exists in society, and power and dominance relationships that are developed via stratification.

Stereotypes about gender exist in every aspect of our lives. It is employed, for instance, in political conflict. They are also used in economics, group interaction and interpersonal communication, as well as in the discourse of international relations.

Future study is required to learn how to transcend gender preconceptions and alter gender consciousness through them. These studies include: examining the cultural aspects of gender stereotypes and how they are distributed in society based on age, social class, and nationality; recognising the contribution of gender stereotypes to the growth of gender asymmetry in the domains of politics and the economy; examining how political and economic discourse affects societal gender stereotypes.

References / Библиографический список

1. Egorova, A.I., Kondakova, A.P. & Kuzhuget, M.A. (2020). Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *The New Research of Tuva*, 1, 19–34. <https://dx.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2> (In Russ.).
Егорова А.И., Кондакова А.П., Кужугет М.А. Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 19–34. <https://dx.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
2. Zhulduz, R., Zhankara, D. & Ali, N.L.B.H. (2019). Various Aspects of Paremiological Units. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*, 4(3), 985–996. <https://dx.doi.org/10.20319/pijss.2019.43.985996>
3. Kaidar, A. (2004). *Folk wisdom*. Almaty: Tolganay publ. (In Kazakh).
Kaidar A. Khalyk danalygy. Almaty: Tolganay Publ., 2004.
4. Denisova, A.A. (Ed.). (2002). *Dictionary of Gender Terms*. Moscow: Information XXI century. (In Russ.).
Денисова А.А. (ред.). Словарь гендерных терминов. М.: Информация XXI век, 2002.
5. Akhmadeeva, K.N. Stereotypes as a problem of gender studies [Electronic resource]. URL: http://www.isras.ru/abstarct_bank/1214469800.pdf
6. Ryabova, T.B. (2001). Gender stereotypes and gender stereotyping: Methodological approaches. *A woman in Russian society*, 3–4, 3–12. (In Russ.).
Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.
7. Baigutova, A.M. (2008). Ethno-cultural nature of the concept of “Kazakh wife” [dissertation]. Almaty. (In Kazakh).
Baigutova A.M. «Kazak aieli» kontseptisinin etnomadeni sipaty. Almaty.
8. Shokym, G. (2012). *Fundamentals of gender linguistics*. Almaty: Ekonomika. (In Kazakh).
Shokym G. Genderlik lingvistika negizderi: okulyk. Almaty: Ekonomika.
9. Zykova, I.V. (2011). Phraseological Images and their National Conditionality. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 80–88. (In Russ.).
Зыкова И.В. Фразеологические образы и их национальная обусловленность // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 80–88.

10. Mokienko, V.M. (2015). Aspects of the study of Slavic paremiology. In: *Paremiology in discourse*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow. pp. 4–25. (In Russ.).
Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: коллективная монография. М.: Ленанд, 2015. С. 4–25.
11. Bredis, M.A. (2017). *Representations of monetary relations in proverbs (based on the material of Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале латышского, литовского, немецкого и английского языков): дисс. ... кандад. филол. н. М., 2017.
12. Moiseeva, D.P. (2015). “The Experienced Space” in the Paremiology of Valle D’aosta (based on Franco-Provencal Material). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 93–100. (In Russ.).
Моисеева Д.П. Переживаемое пространство» в паремиях Валле-д’Аосты (на франкопровансальском материале) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 93–100.
13. Bochina, T.G. (2015). Dialogic character of Russian parems. In: *Paremiology in discourse*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: Lenand. pp. 26–47. (In Russ.).
Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии // Паремиология в дискурсе: коллективная монография. М.: Ленанд, 2015. С. 26–47.
14. Smagulova, G. (2017). Gender issues in Paremia. *Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University. Philological series*, 4, 198–203. (In Kazakh).
Smagulova G. Paremiadagy genderlik maseleler // Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University. Philological series. 2017. № 4. С. 198–203.
15. Lips, H.M. (1997). *Sex and Gender: An Introduction*. Radford: Radford Univ. Press. P. 27.
16. Williams, C.L. (1992). The Glass Escalator: Hidden Advantages for Men in the “Female” Professions. *Social Problems*, 39(3), 253–267. <https://doi.org/10.2307/3096961>

Information about the author:

Игиссинова Амангуль Сейткасымовна, магистр филологии, старший преподаватель кафедры «Иностранная филология и переводческое дело», Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати (080000, Республика Казахстан, г. Тараз, ул. Толе би, 60); *сфера научных интересов*: лингвистика, гендерная лингвистика, социолингвистика; *e-mail*: kas-id-3@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9646-316X.

Раева Гулзат Магауовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского языка и литературы имени академика С.Кирабаева, Казахский Национальный педагогический университет имени Абая (050001, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 13); *сфера научных интересов*: лингвистика, гендерная лингвистика, тюркология; *e-mail*: raeva09@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7041-4856.

Куламанова Зибя Абдуллакызы, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры «Филология и журналистика», Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати (080000, Республика Казахстан, г. Тараз, ул. Толе би 60); *сфера научных интересов*: ономастика, методика преподавания казахского языка, лексикология; *e-mail*: kulamanovaziba@gmail.com
ORCID: 0009-0008-6427-5560.

Сведения об авторах:

Amangul S. Igissinova, Master of Philology, Senior Teacher of the Department «Foreign Philology and Translation Studies», Taraz regional university after M.H. Dulati (080000, Republic of Kazakhstan, Taraz, ul. Tole bi 60); *Sphere of scientific interests*: linguistics, gender linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: kas-id-3@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9646-316X.

Gulzat Raeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Kazakh Language and Literature named after Academician S.Kirabaev, Kazakh National Pedagogical Abai University (050001, Republic of Kazakhstan, Almaty, Dostyk ave. 13); *Research interests*: linguistics, gender linguistics, Turkology; *e-mail*: raeva09@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7041-4856.

Ziba Kulamanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and Journalism, M.H. Dulati Taraz Regional University (60 Tole bi str., Taraz, 080000, Republic of Kazakhstan); *Research interests*: onomastics, methods of teaching the Kazakh language, lexicology; *e-mail*: kulamanovaziba@gmail.com

ORCID: 0009-0008-6427-5560.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414

EDN: PFWYGZ

УДК 811.161.1'27

Обзорная статья / Review article

Современное состояние теории лингвокультурных типажей

Е.М. Дубровская

Новосибирский государственный технический университет, *Новосибирск,*
Российская Федерация

✉ schitat.do.sta@gmail.com

Аннотация. В обзоре конкретизируются и обобщаются современные подходы к описанию и моделированию лингвокультурных типажей: даются краткие сведения о возникновении теории лингвокультурных типажей и основных этапах ее развития, приводятся основные признаки лингвокультурных типажей, сформулированные В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой. Путем сплошной выборки из числа опубликованных исследований лингвокультурных типажей была составлена авторская картотека, насчитывающая около 300 единиц. Репрезентативные примеры послужили иллюстративным материалом статьи. При использовании описательно-аналитического метода в статье демонстрируются существующие подходы к типологизации и классификации смоделированных и описанных лингвокультурных типажей, а также обосновывается закономерно возникшая необходимость в систематизации и параметризации существующих типажей. Представлены два подхода к моделированию лингвокультурных типажей и комментируются типы источников, на материалах которых лингвокультурные типажи определяются и описываются.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, лингвокультурный типаж, модельная личность, классификация лингвокультурных типажей, моделирование лингвокультурных типажей

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Дубровская Е.М. Современное состояние теории лингвокультурных типажей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 394–414. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>

© Дубровская Е.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Current State of the Theory of Linguocultural Types

Elena M. Dubrovskaya

Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk, Russian Federation*

✉ schitat.do.sta@gmail.com

Abstract. The review article specifies and summarises modern approaches to the description and modelling of linguocultural types: it gives brief information about the emergence of the theory of linguocultural types and the main stages of its development, presents the main features of linguocultural types formulated by Vladimir. I. Karasik and Olga. A. Dmitrieva. The author's card index of linguocultural types was compiled with the help of continuous sampling from the number of researchers' studies on this theory. The card index is totalling about 300 units. The most representative examples are used as illustrative material for the article. Using the descriptive-analytical method, the article demonstrates the current approaches to typologisation and classification of modelled and described linguocultural types, and substantiates the need for systematisation and parameterisation of existing types. Two main approaches to the modelling of linguocultural types are presented and main types of sources are commented on, on the materials of which linguocultural types can be modelled and described.

Keywords: linguopersonology, linguistic personality, linguocultural type, model personality, classification of linguocultural types, modelling of linguocultural types

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Dubrovskaya, E.M. (2024). The Current State of the Theory of Linguocultural Types. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 394–414. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>

Введение

Актуальная для антропоцентрической научной парадигмы потребность в изучении менталитета, культуры различных народов, языковой картины мира посредством персонифицированного подхода к личности привела к возникновению множества исследований, посвященных изучению языковой личности, отдельной отрасли науки, центральным понятием которой является как раз языковая личность — лингвоперсонологии, а внутри этой отрасли и теории лингвокультурных типажей.

Лингвоперсонология как интегративная область гуманитарного знания базируется на достижениях лингвистики, литературоведения, психологии, социологии, культурологии. Классификации личностей с позиции культурологии предполагают выделение и описания таких личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры и на культуру в целом.

Лингвокультурный типаж (ЛКТ) как термин появился в отечественной лингвистике относительно недавно — в 2005 году в работе В.И. Карасика,

который считается основоположником теории ЛКТ и дает следующее определение: «лингвокультурные типажи — узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [1. С. 15]. О.А. Дмитриева расширяет дефиницию: «Лингвокультурный типаж — это обобщенный образ личности, чьи поведение и ценностные ориентации существенным образом влияют на культуру и являются показателем культурно-языкового, социального и этнического своеобразия общества» [2. С. 13].

Будучи разновидностью лингвокультурного концепта, типаж, по мнению В.И. Карасика, наделен следующими характеристиками: разными, понятийными и ценностными. ЛКТ в своем воплощении отражают ценности общества (современного или общества рассматриваемого периода), что позволяет исследователям моделировать представления о лингвокультуре и лингвокультурных реалиях. Теория ЛКТ полипарадигмальна и соотносится с такими областями гуманитарного знания, как лингвистика, литературоведение, культурология, психология и социология; в основе выделения лингвокультурного типажа лежат возрастные, гендерные, поведенческие характеристики, социальный класс, место проживания, контекст событий, в которых пребывает типаж. При этом немаловажно учитывать, что основа ЛКТ может быть как реальной (основываться на образе реально существующего человека), так и фикциональной (термин Г.Г. Слышкина) (воссоздаваться на основе образа героя художественного текста).

Согласно В.И. Карасику ЛКТ обладает следующими признаками: «типизируемость личности; культурная значимость; наличие ценностной составляющей в концепте; фактическое или фикциональное существование; возможность конкретизации в реальном индивидууме либо в персонаже художественного произведения; возможность упрощенной и карикатурной репрезентации; возможность описания с помощью специальных приемов социолингвистического и лингвокультурологического анализа» [3. С. 28].

Дополняя параметры, выделенные В.И. Карасиком, О.А. Дмитриева отмечает следующие необходимые элементы для выделения ЛКТ, делая акцент на их узнаваемости:

1. *Ассоциативность* (наличие устойчивых ассоциаций у представителей культуры с данным типажом — образ зафиксирован в культуре (литературе, кинематографе).
2. *Хрестоматийность* (типажи общеизвестны, упоминаются в разных видах дискурса, принадлежат к фонду общекультурных знаний).
3. *Рекуррентность* (повторяемость воссоздания типажа в массовой культуре, наличие определенной рефлексии при обсуждении конкретных типажей в текстах культуры).
4. *Знаковость* (типаж имеет символическое значение для культуры).

5. *Типичность* (типаж обладает яркими характерными чертами, богатым семантическим полем, позволяющий создавать концептуальный каркас образа).
6. *Прецедентность* (типаж является узнаваемым и репрезентативным для какой-то конкретной культуры, при этом может репрезентироваться в качестве концепта или прецедентного имени в конкретных нарицательных номинациях, а также иметь воплощение в СМИ и в литературных произведениях любых стилей и жанров) [4].

Одна из основных проблем теории ЛКТ — отсутствие единой системы унификации — вытекает из разнообразия подходов к изучению типажей. Они анализируются различными способами, а исследователи при их моделировании руководствуются разными целями, что, безусловно, влияет как на методы, так и на использование материалов, по которым описывают типаж. Так становится очевидно, что возникает потребность в выявлении закономерностей и оснований для классификации возможных подходов к моделированию.

Методология и материал исследования

При работе над анализом эмпирического материала использовался описательно-аналитический метод. В данной статье продолжается работа автора над комплексным изучением теории ЛКТ и особенностей их классификации и параметризации, начатая в работе над монографией, посвященной динамике и трансформации ЛКТ [5], с опорой на которую ведется исследование и в данной статье; упоминается задача различения ЛКТ и квази-образований, которые, согласно некоторым исследователям, причисляются к ЛКТ, но, по нашему мнению не принадлежат к этой теоретической области [6]; в качестве перспектив озвучивается лингвокультурнографическое описание ЛКТ [7].

Приемом сплошной выборки автором была собрана картотека, насчитывающая 315 единиц. В картотеку вошли все описанные и опубликованные исследователями ЛКТ, описанные в период с 2005 по 2023 год, моделирование которых производилось на русском языке. Картотека постоянно пополняется и расширяется.

Подходы к типологизации лингвокультурных типажей

На сегодняшний день исследователи выдвигают множество оснований для классификации и параметризации описываемых ЛКТ, перечислим основные из них: по распространенности ассоциативного ряда [3]; по степени выраженности узнаваемых характеристик [1]; по признаку принадлежности к тому или иному социуму [8]; по признаку реальности языковой личности [9]; по признаку широты распространения [10]; по оценочному признаку [11]; по степени включенности в общекультурный контекст [5].

Рассмотрим каждое из описанных оснований подробнее:

1. *По распространенности ассоциативного ряда:*

Жестко фиксированные типажи в сознании носителей языка связываются с теми или иными представителями лингвокультуры или конкретной личностью посредством ассоциаций, слабо фиксированные тем же образом связываются с небольшим кругом личностей; дисперсные типажи вовсе не ассоциируются ни с конкретной личностью, ни с узким кругом личностей [3].

2. *По степени выраженности узнаваемых характеристик:*

Яркая модельная личность по В.И. Карасику и О.А. Дмитриевой — это «социокультурные типы, которым подражают или противопоставлены представители той же самой культуры» [1. С. 9]. Важно подчеркнуть тот факт, что «модельность» в самом термине не предполагает (или не всякий раз предполагает) использование в качестве образца для подражания, *role model*, а может считываться и как негативная оценка такой репрезентации теми, кто противопоставляет себя, свой образ жизни и образ мысли, такому типу. Если же речь идет об этнокультуре в целом, то яркие модельные личности зачастую и заключают в себе стереотипное представление о национальности и народе с точки зрения представителей других национальностей и этносов.

3. *По признаку принадлежности к некоей социальной группе:*

Этнокультурные типажи подчеркивают национально-культурное своеобразие определенного этноса и выражают его ценности (например, «*типичный американец*»), социокультурные — характеризуют какую-либо социальную группу, выделяемую в обществе (например, «*русский интеллигент*») [5], однако, на наш взгляд, не все типажи можно с уверенностью отнести к конкретной группе, в соответствии с предложенной типологией, как, например, «*светский москвич*» (говоря о таком типе, по крайней мере, пока он еще не смоделирован и не описан, трудно с уверенностью утверждать, будет в нем преобладать «светскость» или все-таки этническая принадлежность), или, как в случае с типом «*британская королева*», можем ли мы назвать королеву представителем какой-либо социальной группы, если мы говорим о довольно ограниченном числе представителей, действующих к тому же в разные временные отрезки.

4. *По принципу реальности языковой личности:*

Исследователями рассматриваются как реальные ЛКТ (имеющие в своей основе реально существующие прототипы и ассоциируемые с конкретным человеком или группой лиц), так и фикциональные. «Референтной основой фикциональных типажей являются вымышленные типы личностей, модифицирующие систему ценностей тех лингвокультур, которые принимают этот концепт» [12. С. 20].

5. *По признаку широты распространения:*

В.А. Резник предлагает постулировать три вида ЛКТ по признаку их распространенности: глобальные, региональные и этнические. Тем

самым дополняя предложенный в пункте 3 вариант систематизации типажей (а именно социокультурные и этнокультурные), затрагивая, в первую очередь, широту охвата и «узнавания» представителей рассматриваемых типажей. Рассмотрим предлагаемую В.А. Резник классификацию подробнее:

- Глобальные типажи существуют в общемировом масштабе, основные черты таких типажей совпадают в восприятии разных народов, такой типаж должен быть известен каждому носителю любой языковой культуры мира (например, такие типажи как «врач», «учитель» или «друг»).
- Региональные типажи включают в себя обобщенные образы, узнаваемые среди представителей определенной общности на территории какого-либо крупного региона. Так, например, клерикальный типаж «имам» широко известен жителям Среднего и Ближнего Востока вне зависимости от их национальной принадлежности.
- Этнические типажи существуют функционируют среди субъектов определенной этнической группы, в их названия за частую включены этнонимы, касающиеся локализации того или иного типажа, например, «японская гейша», «американский ковбой» [10].

6. По оценочному принципу:

Типажи могут быть пейоративными и мелиоративными. О.И. Берельковская классифицирует ЛКТ, представленные в саге «Беовульф», сопоставляя предлагаемые ей пейоративные типажи [11] с пейоративными персонажами саги. Однако нельзя не заметить, что отрицательная маркированность рассматриваемых персонажей и, соответственно, типажей, обусловлена и самим содержанием саги, и особенностями отображения конкретных образов в традициях англосаксонской саги. К моменту написания статьи подробнее основания для классификации описаны не были, но, как нам кажется, в случае с вымышленными, фикциональными типажами небезынтересно было бы проследить преобладание в них пейоративных или мелиоративных характеристик как в соответствии с авторской задумкой, так и в восприятии потенциальных реципиентов (слушателей, читателей, зрителей).

7. По степени включенности в общекультурный контекст:

Предлагаемый нами в монографии «Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамика и трансформация» [5] тип ЛКТ — узкоориентированные, включает в себя такие типажи, которые актуальны лишь для определенной среды или региона. Иными словами, это те типажи, которые нельзя считать общедоступными и значимыми для всех носителей лингвокультуры. По словам исследователя, актуальность узкоориентированных типажей зависит от временного отрезка исследования (ЛКТ «*гризетка*» [2]), национально-территориальных особенностей (ЛКТ «*калмыцкий аристократ*» [13]) или же иных факторов (ЛКТ «*Uncle Tom*» [14]).

Также, проанализировав смоделированные и описанные к данному моменту типажи, мы пришли к выводу о том, что все классификации,

существующие в современной науке, охватывают слишком широкий круг ЛКТ и, на наш взгляд, являются недостаточно точными и требуют тематической конкретизации. Мы предлагаем 9 тематических групп, основываясь на которых, можно классифицировать и параметризовать ЛКТ, а именно: 1) *профессия*; 2) *хобби*; 3) *склад ума*; 4) *стереотип*; 5) *неявный прецедент*; 6) *прототип*; 7) *территориально-ориентированный типаж*; 8) *исторический персонаж*; 9) *концепт*.

Прокомментируем вышеуказанные тематические группы:

1. Группа «типаж — профессия» включает в себя такие ЛКТ, которые прямо или косвенно связаны с профессиональными навыками, родом занятий или сферой деятельности описываемого типажа (важно оговорить, что к данной группе нами были отнесены те типажи, о которых мы с уверенностью могли заявить, что именно этот вид занятости является для них приоритетным). Часто именно характерные черты, связанные с деятельностью персонажа, формируют его речевое и коммуникативное поведение, см.: *русский купец* [1]; *вахтерша* [15] и др.
2. Группа «типаж — хобби» выявляется нами на основании видов и типов досуга, предпочитаемых представителями описываемого типажа. Важным условием является и тот факт, что в случае совпадения хобби с основной деятельностью (как, например, типаж *рокер* [16]), языковая личность и речевой портрет представителей подобных типажей формируется на основе досуга, предпочитаемого представителями типажа. Особенностью этой группы можно назвать использование жаргона и/или сленга, характерных для подобных социальных групп, см.: *волонтер* [17]; *геймер* [18] и др.
3. Группа «типаж — склад ума» включает в себя такие лингвокультурные типажи, которые отражают какие-либо черты характера, особенности образа мыслей, поведения, воспитания и т.д. Принадлежность к таким типажам определяется в первую очередь особенностями мировосприятия и мировоззрения, а также образом жизни, которые личность выбирает осознанно или под влиянием тех или иных окружающих обстоятельств, см.: *русский интеллигент* [19], *мать семейства* [20], *суеверный человек* [21] и др.
4. Группа «типаж — стереотип» объединяет типажи, узнаваемые особенности которых настолько типичны, что в сознании носителей языка закрепляются как конкретные характеристики для конкретного устойчивого образа, см.: *американский супермен* [1], *тургеневская девушка* [22].
5. Группа «типаж — неявный прецедент» выделяется, поскольку типажи, входящие в ее состав, известны не всем носителям русского языка, например, в связи с отсутствием необходимых фоновых знаний, или образования, или словарного запаса. Сюда относятся такие ЛКТ, которые, несомненно, знакомы и значимы для определенных групп носителей русского языка,

но способны вызвать сомнения в «типажности» у современного «среднего носителя языка», см.: *Uncle Tom* [14], *гризетка* [2], *ламер* [23], *маклер* [24] и др.

6. Группа «типаж — прототип» содержит лингвокультурные типажи, вызывающие в сознании «среднего носителя языка» образ конкретного человека, конкретной личности. В их основе лежит яркая модельная личность (или несколько ярких модельных личностей, дифференциальные признаки которых не всегда могут повторяться или совпадать), являющаяся первоосновой для последователей, см.: *британский премьер-министр* [25], *британская королева* [26], *юный маг* [27]; *древнерусский князь* [28] и др.
7. Группа «территориально-ориентированный типаж», по нашей задумке, объединяет ЛКТ, бытование которых свойственно определенной местности. Думается, что живущие в иных регионах могут либо не иметь представления вовсе, либо слабо и стереотипизировано представлять, что являет собою такой типаж, см.: *калмыцкий аристократ* [13], *русский европеец* [29]; *астраханский носитель ногайского и русского языков молодого поколения* [30] и др.
8. Группа «типаж — исторический персонаж» включает ЛКТ, которые в силу разных причин к настоящему моменту утратили актуальность, то есть по сути стали анахронизмами, и исследовать их можно преимущественно на основе художественных или публицистических текстов, в меньшей мере прибегая к сознанию современных носителей русского языка (поскольку их представления о таком лингвокультурном типе будут также основаны на каких-либо литературно-исторических источниках), см.: *британский колониальный служащий* [31], *светский москвич* [2], *светский парижанин* [2], *декабрист* [32], *гусар* [2], *казак* [2] и др.
9. Группа «типаж — концепт». Как нам представляется, к данной группе можно отнести описанные ЛКТ, которые нельзя считать таковыми в полной мере: это тот случай, когда трудно соотносить с лингвокультурным типажом конкретную модельную личность: *hero* [33], *бедняга* [34], *друг* [35].

Также можно выделить и группу 10 — «типаж — топоним», А.Н. Деревяго рассматривает представления о топонимических объектах (*Санкт-Петербург*, *Витебск*) с позиции семантического наполнения топонима, а также определения его конститутивных признаков с ориентацией на сигнификативный, денотативный и, в особенности, прагматический компоненты внутренней формы [36; 37]. На наш взгляд, рассмотрение топонимического объекта в качестве антропоморфного образования является довольно спорным, как минимум по причине того, что указанные топонимы не являются типизируемыми или типичными в ряду подобных единиц, сопоставление топонимических объектов происходит, скорее, на уровне сравнения по каким-то определенным признакам, нежели на основании узнаваемости ряда других объектов,

не имеющих отношения к описываемым топонимам, в качестве описываемого топонима.

Говоря о классификации ЛКТ, вслед за И.А. Мурзиновой [38], можем констатировать тот факт, что имеющиеся классификации расширяются и дополняются, основываясь как на уже существующих описанных типажах и необходимости их как-то систематизировать и сгруппировать, так и благодаря описанию исследователями новых лингвокультурных типажей, которые также нуждаются в параметризации и встраивании в определенные классификации и системы.

Подходы к моделированию лингвокультурных типажей

С нарастанием популярности теории ЛКТ и распространения моделирования среди исследователей, возникает множество различных подходов к анализу и исследованию типажей, в целом. Отсутствует единая унифицированная система, которая бы применялась абсолютно всеми исследователями при работе с типажами, т.е. основу для моделирования типажа составляет схема моделирования В.И. Карасика, дополненная паспортом типажа, предложенным О.А. Дмитриевой, но в дальнейшем подходы и материалы для анализа существенно отличаются и, на наш взгляд, нуждаются в систематизации.

На сегодняшний день науке известны два основных подхода к моделированию лингвокультурного типажа:

1. Алгоритм моделирования лингвокультурного типажа по В.И. Карасику, который представляет собой 3 этапа: 1) описание понятийного содержания рассматриваемого типажа; 2) определение ассоциативных признаков в индивидуальном языковом сознании; 3) выявление оценочных характеристик ЛКТ в самопредставлении и представлении других социальных групп [3]
2. Модель описания ЛКТ по О.А. Дмитриевой, которая включает следующие компоненты: «1) паспорт лингвокультурного типажа (внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, место жительства и характер жилища, речевые особенности); 2) социокультурная справка; 3) дефиниционные характеристики; 4) ценностные характеристики» [1].

Обе представленные модели являются начальным и обязательным этапом моделирования, однако сам процесс моделирования может выходить за их рамки.

М.В. Голомазова предлагает конкретизировать цели моделирования ЛКТ и, в зависимости от этих целей, выбирать способ работы с материалом для моделирования:

- 1) выявление прецедентности (обосновать существование типажа как определенного абстрактного образования и убедиться в его узнаваемости в той или иной языковой культуре); 2) установление средств вербализации типажа в языке (описать языковые средства, посредством которых функционирует типаж, поработать с речевым портретом рассматриваемого образа);

3) определение роли типажа в определенной лингвокультуре (определить, в какой степени описываемый типаж оказал влияние на становление культуры); 4) сравнение представлений носителей языка о типаже с его реальным воплощением [39].

Исследователи обращаются к различным источникам материалов для последующего моделирования типажа, если обобщить подходы, представленные в работах различных исследователей, можно выявить 5 групп основных источников: 1) произведения художественной литературы; 2) языковое сознание носителей языка (социо- и психолингвистические эксперименты); 3) различные лингвистические корпуса и подкорпусы НКРЯ; 4) медиадискурс; 5) паремиологический текст. Рассмотрим каждую из групп подробнее:

1. Художественная литература

Как мы уже упоминали ранее, лингвокультурный типаж возможен как в реальном, так и в фикциональном, вымышленном воплощении. Фикциональный ЛКТ имеет утрированную природу, максимизирует все признаки его реального первоисточника. Однако важно помнить о том, что художественная картина мира включает в себя как индивидуальный авторский, так и коллективный опыт. Художественный текст содержит как эксплицитную, так и закодированную культурным фоном информацию. Лингвокультурные типы нередки предстают в качестве героев художественных произведений, но при работе с художественным текстом важно помнить о том, что далеко не всегда есть возможность установить, повлияло ли общественное представление и видение типажа на образ, представленный в фильме или книге, или же само бытование образа привело к такому варианту его художественного воплощения и интерпретации. Описанные на материале художественных текстов к данному моменту типажи делятся на два типа: типы, рассматриваемые на одном конкретном примере (Джеймс Бонд как репрезентант ЛКТ «секретный агент», Шерлок Холмс как репрезентант ЛКТ «английский сыщик»); или же типы, рассматриваемые на материале нескольких художественных текстов («романтический герой», «мать семейства»).

Работа с несколькими художественными текстами в целом напоминает работу с корпусами, но важным отличием является тот факт, что художественный текст рассматривается более целостно, с учетом фабулы и сюжета, в то время как работая с корпусом исследователь вправе ограничиться анализом контекста, приведенного в отрывке.

Нередким является также обращение к кинодискурсу. А.И. Казакова формулирует следующее определение: «Кинодискурс — это кинотекст, а также сам кинофильм, интерпретация фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [40. С. 231]. Исследователи, занимающиеся анализом произведений кинематографического дискурса, анализируют ЛКТ:

- по уровням языка и речи, выделяя фонетические, грамматические, лексико-синтаксические и стилистические особенности персонажа, причисляемого автором исследования к воплощению исследуемого лингвокультурного типажа;
- сквозь призму жанровых характеристик кинодискурса, его коммуникативных целей и дискурсивных стратегий;
- с точки зрения аксиологии — рассматривая процентное соотношение лексических единиц с позитивной и негативной коннотацией, применяемых по отношению к типуажу и при описании этого типажа внутри произведения.

В работе Стивена Принса говорится о том, что «связь кино и реального мира является вопросом репрезентации, а репрезентация, в свою очередь, является предметом дискурса ... по крайней мере в этом смысле фильм — это ряд различных языков, историй, кодов» [41. Р. 16]. И именно этот ряд различных языков, историй и кодов позволяет проследить и описать наиболее точное представление о ЛКТ, воплощенном в кинематографическом произведении.

2. Обращение к сознанию носителей языка (экспериментальные исследования)

Наиболее популярным способом работы с ЛКТ является обращение к ассоциативным психолингвистическим экспериментам. Это объясняется тем, что психолингвистический эксперимент — наилучший способ определить репрезентацию типажа в сознании носителя лингвокультуры, что помогает доказать его прецедентность.

Наиболее распространенный метод психолингвистического эксперимента в работе с ЛКТ — свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент помогает построить семантическое поле и связи внутри него, функционирующие в сознании испытуемого. Исследователи, работающие над моделированием ЛКТ, по-разному используют возможности ассоциативного эксперимента, например:

- И.В. Щеглова при работе над ЛКТ «чиновник» опрашивала представителей молодого поколения носителей русского языка и делила полученные оценочные характеристики на несколько категорий [42];
- О.И. Десюкевич в описании ЛКТ «белорусский партизан» предложила респондентам закончить предложение «Он по-партизански...», используя метод дополнения. На основе полученных результатов автор доказала положительное отношение респондентов к образу партизана [43];
- В.Г. Дидковская в исследовании ЛКТ «журналист» составила ассоциативное поле, где в центре находится слово-стимул *журналист*, и разделила реакции на группы: профессия, сфера деятельности и оценочная сфера (стереотипы представления) [44].

При работе с данными опросов важно учитывать тот факт, что реакции, выдаваемые информантами, представляют лишь их частную, субъективную оценку, и для полноценного моделирования необходимо как обращение

к лексикографическим источникам, так и работа с аксиологической стороной представления о ЛКТ.

3. Материалы лингвистических корпусов

Обращение к лингвистическим корпусам может быть предпринято как для описания особенностей языка и проверки гипотез, сформулированных в различных языковых рамках, так и в качестве источника информации, необходимой для социолингвистических или дискурсивно-аналитических исследований.

Одним из преимуществ корпусного анализа, используемого при моделировании лингвокультурных типажей, можно считать возможность выборки определенного типа текстов, датированного ограниченным отрезком времени. Это представляется релевантным, если учесть, что ЛКТ может существовать лишь в определенный этап развития общества, соответственно находить свое отражение в текстах данного периода. Так, О.В. Зюлина в работе «Лингвокультурный типаж “Англичанин” в русской культуре (опыт идеографического описания)» исследует лингвокультурный типаж в корпусе художественных текстов XIX—XX вв. Автор также проводит количественный анализ: например, сравнивает количество упоминаний в корпусе слов «англичанин» и «англичанка» [45].

Также использование лингвистического корпуса позволяет рассматривать разные типы дискурса (предварительно задаваемые при отборе материала), что помогает сделать исследования ЛКТ более комплексными и разносторонними, а также более доказательными и аргументированными. Именно обращение к данным корпуса позволяет отследить осмысление лингвокультурного типажа в культуре и сознании носителей и собрать необходимое количество материала, чтобы доказать объективность полученных данных.

4. Медиадискурс

Медиадискурс составляет следующие жанровые группы, обусловленные коммуникативной целью, заложенной автором: информационная, аналитическая и художественно-публицистическая. Различные средства массовой информации (пресса, телевидение, Интернет) также дают повод для жанрового деления массмедийного дискурса. В структуре медиадискурса прослеживается многообразие жанров и пересечение его с другими типами дискурсов. М.Р. Желтухина заключает, что все жанры, относящиеся к средствам массовой информации, следует относить к пространству медиадискурса, т.к. именно язык СМИ, проходящий через различные типы дискурса, создает его границы [46].

Исследователи ЛКТ, как правило, обращаются к институциональному (публичному) типу дискурса, т.к. его ресурсы наиболее репрезентативны и в большей степени показывают представления большинства о рассматриваемых типажах:

- Н.В. Хорошева и Н.В. Бисеров при анализе ЛКТ «иммигрант» использовали метод сплошной выборки, опираясь на материалы электронных текстов центральных французских и русских печатных изданий, а также фрагменты публичных выступлений французских политических деятелей. Таким образом, авторы вывели образные и ценностные характеристики типажа на основе стереотипизированных представлений носителей русской и французской культуры [47].
- Л.А. Донскова, Л.Б. Здановская, Т.С. Непшекуева провели исследование ЛКТ «эстет» в английской лингвокультуре, материалом которого стали статьи-интервью раздела *The Aesthete* журнала-приложения *How To Spend It* к газетному изданию *Financial Times*. Авторы использовали два новых подхода к исследованию: внешний и внутренний, где анализ вопросов, задаваемых эстетам журналистами, является внешним подходом, а анализ ответов на эти вопросы самими эстетам — внутренним [48].

Вследствие того, что границы медиадискурса весьма размыты, он может перекликаться и с другими видами дискурсов, такими как корпоративный дискурс, интернет-дискурс и т.д., и соответственно изучаться на предмет моделирования ЛКТ. Л.Ю. Щипицина определяет интернет-дискурс как «устойчивый поликодовый тип интернет-коммуникации, в котором особенности функционирования языка обусловлены техническими характеристиками» [49. С. 16]. Языковую личность, функционирующую в рамках данного дискурса, называют «онлайновой» или «виртуальной». К основным источникам данного дискурса относят сайты, чаты, социальные сети и т.д. Интернет-дискурс характеризуется креолизированностью, т.е. воздействием на несколько каналов восприятия путем применения визуальных, графических и прочих инструментов; гипертекстуальностью как свойство текстов ссылаться друг на друга; интерактивностью, т.е. возможностью взаимодействия читателя с текстом; наличием электронного носителя [49].

Выбор исследователем дискурса для изучения типажа напрямую зависит от того коммуникативного пространства, в котором типаж существует и функционирует.

5. Паремнологический текст

В состав используемого для моделирования лингвокультурных типажей паремнологического текста входят пословицы, поговорки и анекдоты.

Анекдот относится к жанрам юмористического дискурса. В.И. Карасик дает следующее определение юмористическому дискурсу: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения», и выделяет три признака модели его анализа: юмористическая интенция, юмористическая тональность и стереотипы юмористического поведения [3]. Анекдот относится к жанрам

разговорного общения, создается по принципу устного народного творчества и отражает характерные черты лингвокультуры. Анекдот не может изучаться в отрыве от социокультурного фонда языка, т.к. представляет собой многоуровневое образование пресуппозитивной культурно специфической информации.

Г.Г. Слышкин утверждает, что жанр анекдотов помогает раскрыть содержание концепта в прецедентном тексте. Наличие элемента прецедентности в анекдоте создает благоприятную среду для существования в нем и прецедентных личностей, т. е. лингвокультурных типажей [50].

Анекдот — это национально-специфическое явление, утрирующее реальность с целью достижения юмористического эффекта, это концентрация культурного опыта и способ саморефлексии. С одной стороны, анекдот — это отражение оценки ценностей в обществе, попытка регуляции и стабилизации социальных отношений путем высмеивания основных пороков определенных представителей общества, с другой — это намеренное обесценивание ценностей, попытка таким образом облегчить внутренние переживания. Юмор заостряет внимание на специфичных чертах объекта и таким образом обнажает проблему, преподнося ее в более доступной и легкой форме. Из этого следует, что обращение к анекдоту как к средству моделирования лингвокультурных типажей может быть оправдано для выявления аксиологической доминанты типажа.

Паремии обладают свойствами антропоцентричности и антропоморфичности, что говорит о направленности на субъект. Часто действие в паремии происходит от третьего лица. Гипертекстуальность, свойственная паремиям, выражается в тех прецедентных именах и феноменах, на которые они зачастую ссылаются. Модальность в паремии выражается определенными семантическими и синтаксическими структурами, а также стилистическими приемами.

Паремии раскрывают национальную идентичность, отражают глубинные ценности народа и являют собой концентрацию народного опыта. Смысловое содержание паремий фиксирует представления общества о действительности на данный момент времени, обнажая острые социальные проблемы и явления, становясь морально-нравственным ориентиром и общенациональным идеалом.

Часто паремии становятся материалом для более полного изучения ЛКТ. Для этого исследователи, как правило, прибегают к анализу паремиографических изданий.

Как и анекдоты, паремии — это результат народного творчества, требующий базы фоновых знаний, они могут трансформироваться и изменяться, отражая национальную картину мира в определенный этап развития общества. Соответственно, паремии могут обоснованно использоваться как средство моделирования ЛКТ. Таким образом, изучение паремиологического фонда

языка представляется эффективным при анализе ценностного аспекта ЛКТ, так как пословицы, поговорки и афоризмы являются отражением национального менталитета и культуры на определенном этапе развития.

Заключение

Рассмотрев существующие подходы к моделированию лингвокультурных типажей, средства их параметризации и классификации, а также источники, используемые авторами для моделирования лингвокультурных типажей, можно сделать следующие выводы: при том, что каждый из подходов имеет свои преимущества и особенности, для успешного и эффективного их применения требуется разработка собственной методологической базы для каждого из подходов.

Источники, служащие основанием для моделирования типажа, зависят от цели моделирования:

- если целью является выявление прецедентности лингвокультурного типажа или сопоставление представлений носителей языка о типаже с его реальным воплощением, то наиболее эффективным ресурсом будет опрос информантов, анализ подкорпусов лингвистических корпусов и художественных текстов, отобранных в соответствии с задачами исследования;
- для описания вербализации типажа в языке продуктивнее обратиться к анализу художественных текстов и материалов Национального корпуса русского языка, с целью наиболее полного раскрытия речевого портрета рассматриваемого типажа. Опрос информантов в данной ситуации может представляться менее удачным источником, по причине субъективности восприятия информантов и, соответственно, невозможности отражения полного спектра языковых средств, репрезентирующих функционирование лингвокультурного типажа в языке;
- в случае необходимости установления места и роли типажа в определенной лингвокультуре необходимо приведение социокультурной справки о типаже (по О.А. Дмитриевой), лингвокультурологического комментария о включенности типажа в культурный и социальный контекст эпохи, прослеживание функционирования и возможных трансформаций типажа в динамике — в таких случаях проводимый анализ должен быть наиболее полным и комплексным.

Важно также учитывать особенности, характерные для определенных источников, оказывающие влияние на последующее моделирование, например:

- произведения кинодискурса, медиадискурса и художественные тексты зачастую имеют определенные коммуникативные задачи и/или воплощают представление конкретного автора/авторов, следовательно, видение создателя дискурсивного текста может повлиять на итоговые представления, формируемые посредством произведения;

- паремиологическим текстам свойственно содержать в себе аксиологические характеристики и ценностную составляющую типажа, в то время как образно-перцептивные характеристики могут представляться в них довольно редуцированно.

Таким образом, можно говорить о том, что для формирования наиболее полного и объективного представления о типаже нужно использовать большее количество подходов к его рассмотрению и задействовать большее количество источников для формирования целостной картины.

Библиографический список

1. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5—25.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. Волгоград: Перемена, 2007.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер.: Соц.-экон. науки и искусство. 2006. № 2 (15). С. 29—35.
5. Дубровская Е.М. Лингвокультурный типаж: динамика и трансформация (на примере «человека богемы»): монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019.
6. Дубровская Е.М. Типажи и квазипажи: о развитии теории лингвокультурных типажей // Пушкинские чтения — 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 25 междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 344—350.
7. Дубровская Е.М. Словарь лингвокультурных типажей: к определению границ словарной статьи = Dictionary of linguocultural types: on defining the boundaries of a dictionary entry // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов междунар. симп., Томск, 24—25 сент. 2021 г. Томск: Изд-во ТГУ, 2021. С. 394—397. <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-131>
8. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006.
9. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
10. Резник В.А. Содержание, объем и структура лингвокультурного типажа «британский лорд» в синхронии и диахронии: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015.
11. Берельковская О.И. К вопросу о классификации лингвокультурных типажей (на примере лингвокультурного типажа «злодей» / «антигерой» в англосаксонской саге «Беовульф»)// Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2016. № 30. С. 33—38.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2004.
13. Босчаева Н.Ц. Лингвокультурный типаж «калмыцкий аристократ» // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: материалы постоянно действующего семинара. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2008. С. 68—73.
14. Буланов П.Г. Лингвокультурный типаж Uncle Tom в афро-американском дискурсе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 264—271.
15. Волкова Я.А., Скрипникова М.А. Лингвокультурный типаж «вахтерша» // Грани познания. 2016. № 2(45). С. 147—152.
16. Ворошилова М.Б. Лингвокультурный типаж рокера (на материале анекдотов) // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 65—72.

17. Волнухина Н.В. Лингвокультурный типаж «волонтер»: к вопросу изучения // Наука. Образование. Личность. 2014. Т. 2. С. 83—87.
18. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «геймер» // Антропологическая лингвистика: Сб. научных трудов. Волгоград: Колледж, 2008. С. 23—30.
19. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. М.: Гносис, 2006. С. 25—61.
20. Соловьева А.Ю. Лингвокультурный типаж «мать семейства» в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники» // Инновации в науке. 2014. № 35. С. 118—124.
21. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «Суеверный человек» // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: междисциплинарный подход в гуманитарных науках: Материалы VII международной научно-практической конференции, Волгоград, 10—12 мая 2017 года. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. С. 77—82.
22. Акимова Э.Н. Лингвокультурный типаж «тургеневская девушка» в романе И.С. Тургенева «Рудин» // И.С. Тургенев: русская и национальные литературы: Материалы международной научно-практической конференции к 195-летию со дня рождения И.С. Тургенева, Ереван, 26—28 октября 2013 года. Ереван: Лусабац, 2013. С. 34—41.
23. Васильева О.В., Ворошилова М.Б. Ассоциативное поле лингвокультурного типажа «ламер» в современном информационном пространстве // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 47—52.
24. Змиёва И.В. Лингвокультурный типаж маклер: структурные особенности концепта // Вестник ХНУ. 2010. № 930. С. 10—16.
25. Енина Л.А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр» как предмет лингвистического изучения // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 152—155.
26. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
27. Шкотова А.С. Юный маг как фикциональный лингвокультурный типаж // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 46—50.
28. Чумаченко В.И. Лингвокультурный типаж древнерусского князя (на материале житийных текстов) // Материалы Научной сессии, Волгоград, 20—25 апреля 2020 года. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2020. С. 449—453.
29. Лапто М.А. Дискурс идентичности и национальное самосознание («Русский европеец» Андрей Тарковский) // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 121—125.
30. Щеглова И.В. Коммуникативный паспорт лингвокультурного типажа «астраханский носитель ногайского и русского языков молодого поколения» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12—2 (90). С. 402—406.
31. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
32. Дмитриева О.А. Паспорт лингвокультурного типажа «декабрист» // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции, Бийск, 30 ноября — 01 декабря 2006 года. Бийск: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 2006. С. 131—136.
33. Юшко О.Ю. Понятийное поле лингвокультурного типажа «герой» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1(13). С. 184—189.
34. Щеглова И.В. Проблемы определения дефиниционных характеристик лингвокультурного типажа «бедняга» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (97). С. 152—155.
35. Глушкова Н.М. Значение гендерного аспекта для лингвокультурного типажа «друг» в испаноязычной современной литературе // Lingua Mobilis. 2014. № 5 (51). С. 13—21.

36. Горегляд Е.Н., Деревяго А.Н. Топонимные средства создания лингвокультурного типажа «Витебск» в региональном публицистическом тексте // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2019. № 7. С. 81—88.
37. Деревяго А.Н. Топонимный компонент создания лингвокультурного типажа Санкт-Петербурга в поэзии И. Бродского // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. С. 233—235.
38. Мурзинова И.А. Критерии классификации лингвокультурных типажей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 114—117.
39. Голомазова М.В. Этапы и подходы к моделированию лингвокультурных типажей // Дни науки НГТУ-2022: Материалы научной студенческой конференции (итоги научной работы студентов за 2021–2022 гг.), Новосибирск, 14 марта — 18 2022 года. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2022. С. 213—216.
40. Казакова А.И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014.
41. Stephen P. The Discourse of Pictures: Iconicity and Film Studies // University of California Press. 2014. № 47 (1). P. 16—28.
42. Щеглова И.В. Эволюция ценностных характеристик лингвокультурного типажа «чиновник» в сознании молодого поколения носителей русского языка // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: IX международная научно-практическая конференция, сб. ст., Волгоград, 06 февраля 2015 года. Т. 9. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2015. С. 129—132.
43. Десюкевич О.И. Лингвокультурный типаж «белорусский партизан» // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 57—59.
44. Дидковская В.Г. Лингвокультурный типаж «журналист» в словаре и массовой литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3(45). С. 110—112.
45. Зюлина О.В. Лингвокультурный типаж «Англичанин» в русской культуре (опыт идеографического описания) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 112—114.
46. Желтухина М.Р. Медиадискурс. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2016. С. 292—296.
47. Хорошева Н.В., Бисеров Н.В. Репрезентация лингвокультурного типажа «Иммигрант» в медиадискурсах Франции и России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 116—120.
48. Донскова Л.А., Здановская Л.Б., Непишекуева Т.С. Лингвокультурный типаж «эстет» в английской лингвокультуре // Эпомен. 2019. № 27. С. 130—141.
49. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2009.
50. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

References

1. Karasik, V.I. & Dmitrieva, O.A. (2005). Linguocultural type: to the definition of the concept. *Axiological linguistics: linguocultural types: Collection of scientific works*. Volgograd: Paradigma. pp. 5—25. (In Russ.).
2. Dmitrieva, O.A. (2007). *Linguocultural types of Russia and France in the XIX century: a monograph*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

3. Karasik, V.I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
4. Dmitrieva, O.A. (2006). Linguocultural type from the position of cultural values. *Izv. Volgograd State Pedagogical University. Ser.: Social and economic sciences and art*, 2 (15), 29–35. (In Russ.).
5. Dubrovskaya, E.M. (2019). *Linguocultural type: dynamics and transformation (on the example of “bohemian man”)*: monograph. Novosibirsk: NSTU publ. (In Russ.).
6. Dubrovskaya, E.M. (2020). *Types and quasi-types: on the development of the theory of linguocultural types. Pushkin Readings — 2020. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the 25th international scientific conference*. St. Petersburg: Pushkin LSU. pp. 344–350. (In Russ.).
7. Dubrovskaya, E.M. (2021). *Dictionary of linguocultural types: on defining the boundaries of a dictionary entry. Lexicography of the digital age: proceedings of the International Symposium*. Tomsk: TSU publ. pp. 394–397. (In Russ.).
8. Karasik, V.I. (2006). *Linguocultural type “English weirdo”*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. (2009). *Language keys*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Reznik, V.A. (2015). *Content, volume and structure of the linguocultural type “British Lord” in synchronicity and diachrony* [dissertation]. Samara. (In Russ.).
11. Berelkovskaya, O.I. (2016). Towards the classification of linguocultural types (on the example of linguocultural type “villain” / “anti-hero” in the Anglo-Saxon saga “Beowulf”). *Theory and practice of linguistic description of spoken speech*, 30, 33–38. (In Russ.).
12. Slyshkin, G.G. (2004). *Linguocultural concepts and meta-concepts* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
13. Bosschaeva, N.Ts. (2008). *Linguocultural type “Kalmyk aristocrat”. Ethnocultural conceptology and modern directions of linguistics: materials of the permanent seminar*. Elista: Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov publ. pp. 68–73. (In Russ.).
14. Bulanov, P.G. (2010). Linguocultural type Uncle Tom in African-American discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 8, 264–271. (In Russ.).
15. Volkova, Ya.A. & Skrypnikova, M.A. (2016). Linguocultural type “Janitor”. *Borders of Cognition*, 2(45), 147–152. (In Russ.).
16. Voroshilova, M.B. (2008). Linguocultural type of a rocker (on the material of anecdotes). *Linguoculturology*, 2, 65–72. (In Russ.).
17. Volnukhina, N.V. (2014). Linguocultural type “volunteer”: to the question of study. *Nauka. Education. Personality*, 2, 83–87. (In Russ.).
18. Lutovinova, O.V. (2008). Linguocultural type “Gamer”. In: *Anthropological linguistics: Collection of scientific papers*. Volgograd: Kollege. pp. 23–30. (In Russ.).
19. Karasik, V.I. (2006). Linguocultural type “Russian intellectual”. In: *Axiological linguistics: linguocultural types: a collection of scientific works*. Moscow: Gnosis. pp. 25–61. (In Russ.).
20. Solovieva, A.Yu. (2014). Linguocultural type “Mother of the family” in D.G. Lawrence’s novel “Sons and Lovers”. *Innovations in Science*, 35, 118–124. (In Russ.).
21. Dmitrieva, O.A. (2017). Linguocultural type “Superstitious person”. In: *Modern problems of linguistics and linguodidactics: interdisciplinary approach in the humanities: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*, Volgograd, 10–12 May 2017. Volgograd: Volgograd State University publ. pp. 77–82. (In Russ.).
22. Akimova, E.N. (2013). Linguocultural type “Turgenev’s girl” in I.S. Turgenev’s novel “Rudin”. In: *I.S. Turgenev: Russian and National Literatures: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on the 195th anniversary of the birth of I.S. Turgenev*. Yerevan: Lusabats Publ. pp. 34–41. (In Russ.).
23. Vasilieva, O.V. (2008). The associative field of the linguocultural type “Lamer” in the modern information space. *Linguoculturology*, 2, 47–52. (In Russ.).
24. Zmiyova, I.V. (2010). Linguocultural type of broker: structural features of the concept. *The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University*, 930, 10–16. (In Russ.).

25. Yenina, L.A. (2007). Linguocultural type “British Prime Minister” as a subject of linguistic study. *Bulletin of Chuvash University*, 4, 152–155. (In Russ.).
26. Murzinova, I.A. (2009). *Linguocultural type “British Queen”* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
27. Shkotova, A.S. (2014). Young magician as a fictional linguocultural type. *Izvestia Volgograd State Pedagogical University*, 10(95), 46–50. (In Russ.).
28. Chumachenko, V.I. (2020). Linguocultural type of Old Russian prince (on the material of hagiographic texts). In: *Proceedings of the Scientific Session*. Volgograd: Volgograd State University publ. pp. 449–453. (In Russ.).
29. Lappo, M.A. (2014). Discourse of identity and national self-consciousness (“Russian European” Andrei Tarkovsky). *Linguokulturology*, 8, 121–125. (In Russ.).
30. Shcheglova, I.V. (2018). Communicative passport of linguocultural type “Astrakhan speaker of Nogai and Russian languages of the young generation”. *Philology. Theory & Practice*, 12–2(90), 402–406. (In Russ.).
31. Derevyanskaya, V.V. (2008). *Linguocultural type “British colonial servant* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
32. Dmitrieva, O.A. (2006). Passport linguocultural type “Decembrists”. In: *Linguistic picture of the world: linguistic and cultural aspects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Biysk: V.M. Shukshin Altai State Humanitarian and Pedagogical University publ. pp. 131–136. (In Russ.).
33. Yushko, O. Yu. (2011). The conceptual field of the linguocultural type “Hero”. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1(13), 184–189. (In Russ.).
34. Shcheglova, I.V. (2015). Problems of determining the definitional characteristics of the linguocultural type “Poor man”. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(97), 152–155. (In Russ.).
35. Glushkova, N.M. (2014). The significance of the gender aspect for the linguocultural type “Friend” in Spanish-language modern literature. *Lingua Mobilis*, 5(51), 13–21. (In Russ.).
36. Goreglyad, E.N. (2019). Toponymic means of creating a linguistic and cultural type “Vitebsk” in a regional journalistic text. *Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research*, 7, 81–88. (In Russ.).
37. Derevyago, A.N. (2016). Toponymic component of the creation of the linguistic and cultural type of St. Petersburg in the poetry of I. Brodsky. In: *Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific. Articles*. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov. pp. 233–235. (In Russ.).
38. Murzinova, I.A. (2021). Criteria for classification of linguistic and cultural types. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 6(159), 114–117. (In Russ.).
39. Golomazova, M.V. (2022). Stages and approaches to modeling linguistic and cultural types. In: *Days of Science of NSTU-2022: Materials of the scientific student conference (results of scientific work of students for 202–2022)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University publ. pp. 213–216. (In Russ.).
40. Kazakova, A.I. (2014). *Features of the formation of phraseological semantics in the discursive space of Russian cinema* [dissertation]. Astrakhan. (In Russ.).
41. Stephen, P. (2014). The Discourse of Pictures: I conicity and Film Studies. *University of California Press*, 47(1), 16–28.
42. Shcheglova, I.V. (2015). Evolution of value characteristics of the linguocultural type “Official” in the minds of the younger generation of native speakers of the Russian language. In: *Changing communication in a changing world: IX International Scientific and Practical Conference, collection of articles*. Volgograd. pp. 129–132. (In Russ.).
43. Desyukevich, O.I. (2017). Linguocultural type “Belarusian partisan”. In: *Media linguistics: Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ. pp. 57–59. (In Russ.).

44. Didkovskaya, V.G. (2014). Linguocultural type “journalist” in the dictionary and mass literature. *Problems of history, philology, culture*, 3(45), 110–112. (In Russ.).
45. Zyulina, O.V. (2014). Linguocultural type “Englishman” in Russian culture (experience of ideographic description). *Problems of history, philology, culture*, 3(45), 112–114. (In Russ.).
46. Zheltukhina, M.R. (2016). *Mediadiscourse*. Volgograd: Volgograd State Socio-Pedagogical University publ. pp. 292–296. (In Russ.).
47. Khorosheva, N.V. (2013). Representation of the linguocultural type “Immigrant” in the media discourse of France and Russia. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 4(24), 116–120. (In Russ.).
48. Donskova, L.A. (2019). Linguocultural type “aesthete” in English linguoculture”. *Epomen*, 27, 130–141. (In Russ.).
49. Shchipitsina, L.Yu. (2009). *Genres of computer-mediated communication*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov publ. (In Russ.).
50. Slyshkin, G.G. (1999). *Linguocultural concepts of precedent texts* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Дубровская Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет НГТУ НЭТИ (630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория лингвокультурных типажей, паремиология, лингвокультурология; *e-mail*: schitat.do.sta@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5239-8995; SPIN-код: 9821-8529; Author ID: 850932.

Information about the author:

Elena M. Dubrovskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Faculty of Humanities Education, Novosibirsk State Technical University (20, Prospekt K. Marksa, Novosibirsk, Russian Federation, 630073); *Research interests*: linguoculturology, theory of linguocultural types, paremiology, linguoculturography; *e-mail*: schitat.do.sta@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5239-8995; SPIN-code: 9821–8529; Author ID: 850932.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-415-429

EDN: OUWBAY

UDC 811.161.1'27:2

Research article / Научная статья

Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction

Olga A. Kadilina^{1,2} , Elena N. Ryadchikova³ ¹RUDN University, *Moscow, Russian Federation*²Kutafin Moscow State Law University, *Moscow, Russian Federation*³Kuban State University, *Krasnodar, Russian Federation* olgakadilina@gmail.com

Abstract. A linguistic personality is capable of transforming consciously and unconsciously under the influence of a number of factors and it can change qualitatively, including turning from a strong and average into a weak linguistic personality, moving to a lower, presystemic semantic-structural level. Among such factors, various influences in religious organizations play an important role. The relevance of the proposed article on the one hand, is due to the active use of “speaking in tongues” by believers in a number of religious organizations, and on the other hand, to the lack of an unambiguous understanding of this phenomenon and its impact on people, the lack of linguistic studies of such speaking. The purpose of the research conducted in the article is to identify the essence, goals and consequences of such a phenomenon as “speaking in tongues”, which is practiced in particular by adherents of the Pentecostal religious organization “Bethany” and compare these parameters with what is promoted. There is a reason to imply some difference between the interpretations. The definition of the so called “angelic languages”, which the Bethanyians consider to be real, serving communication, leads to the conclusion that its use puts a person into a trance, plunges into an altered state of consciousness, deprives the ability to reflect. This is indicated by certain lexical and syntactic means found in the statements of Pentecostals, including adherents of Bethany, analysis of videos and texts posted on the websites of these religious organizations. The article examines the religious origins “speaking in tongues”, modern interpretations of this phenomenon by believers, reveals the distortion of the concept of “speaking in tongues” by Pentecostals and adherents of Bethany, unfolds the means of manipulating believers in explaining the phenomenon of glossolalia (e.g., interpretation of religious texts, manipulation of numbers, affecting the emotions and feelings of believers, sometimes odd explanations). Subsequently, the authors come to the conclusion that in some cases Bethany representatives deliberately build their speech communication to immerse the flock as often as possible in a state of altered consciousness, affect, ecstasy, when a person renounces reality, becomes unable to answer for his words and actions. Then people might become vulnerable to the necessary suggestion.

Keywords: linguistic personality, speech influence, speaking in tongues, angelic languages, altered state of consciousness, Pentecostals

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

© Kadilina O.A., Ryadchikova E.N., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Kadilina, O.A. & Ryadchikova, E.N. (2024). Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 415–429. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-415-429>

Трансформация языковой личности в процессе репродукции речи

О.А. Кадилина¹ ² , Е.Н. Рядчикова³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация,

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Российская Федерация

³Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 olgakadilina@gmail.com

Аннотация. Языковая личность способна сознательно и бессознательно трансформироваться, что характеризуется семантико-структурными потерями на пути превращения из сильной и средней в слабую языковую личность. Факторами, влияющими на трансформации, являются практики, используемые в религиозных организациях. Актуальность статьи обусловлена активным использованием «говорения на языках» верующими в отдельных религиозных организациях и отсутствием однозначного понимания и лингвистических исследований рассматриваемого явления. Цель — выявить сущность, цели и последствия явления глоссолалии / «говорения на иных языках», которое практикуется, в частности, приверженцами пятидесятнической религиозной организации «Вифания». Определение так называемых «ангельских языков», которые беготники считают реальными, служащими общению, приводит к выводу, что их использование вводит человека в транс (измененное состояние сознания), лишает способности размышлять. На это указывают определенные лексические и синтаксические средства, встречающиеся в высказываниях пятидесятников, в том числе приверженцев Вифании, анализе видео и текстов, размещенных на сайтах этих религиозных организаций. В статье рассматриваются религиозные истоки «говорения на языках», современные интерпретации этого явления верующими, выявляется искажение понятия «говорение на языках» пятидесятниками и приверженцами Вифании, раскрываются средства манипулирования верующими в объяснении феномена «говорения на языках» / глоссолалия (например, интерпретация религиозных текстов, манипуляция числами, затрагивающая эмоции и чувства верующих, иногда странные объяснения). Авторы приходят к выводу, что в ряде случаев представители религиозной организации «Вифания» сознательно строят свое речевое общение так, чтобы как можно чаще погружать паству в состояние измененного сознания, аффекта, экстаза, когда человек отрекается от действительности, становится уязвимым для необходимого внушения и неспособным отвечать за свою жизнь, слова и действия.

Ключевые слова: речевое воздействие, говорение на иных языках, глоссолалия, ангельские языки, измененное состояние сознания, пятидесятники, религиозная организация Вифания

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Kadilina O.A., Ryadchikova E.N. Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 415–429. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-415-429>

Introduction

In relation to the linguistic personality, we adhere to a classification that includes three components: 1) weak linguistic personality; 2) average linguistic personality; 3) strong (elite) linguistic personality [1; 2]. Our research has shown that not only speech acts differ in complexity, but also the ability to perceive and create them with varying degrees of structural and linguistic complexity in people is different, that a *strong linguistic personality is incompatible with underdeveloped intellectual activity, that highly developed intelligence is prerequisite for a strong linguistic personality* [1], suggesting that among other things, creativity and reflection as the ability to self-knowledge, tracking and evaluating the events of the surrounding reality.

It seems important to delineate how different types of linguistic personalities react to attempts from the outside to transform them in order to achieve certain goals of the addressee. The long-term practice of one of the authors of this study as a forensic linguist has shown that the linguistic personality undergoes this kind of transformation in a number of religious organizations [3].

The official website of the religious organization “Bethany” provides the following information: “The Russian Church of Evangelical Christians is one of the branches of the Pentecostal trend of Christianity in Russia. Pentecostals are Evangelical Christians, followers of Pentecostalism, one of the branches of Protestantism. They attach special importance to the Baptism of the Holy Spirit, understanding it as a special spiritual experience, when the power of the Holy Spirit descends on the regenerated believer. Pentecostals consider this experience to be identical to that experienced by the apostles on the fiftieth day, after the resurrection of Christ. And since this day has been called the day of Pentecost, hence the name ‘Pentecostals’”¹.

In the religious organizations of Pentecostals, including the Evangelical Christians of Bethany, which are actively operating in Russia, it is accepted and even necessary “speak in tongues”. Adherents of these religious movements present it as a way to achieve a bliss, as an overshadowing of the Holy Spirit, as a means of separation from the mundane and even as a direct conversation with God in his language. Members of organizations spread the idea that when the Holy Spirit descends on them, they receive the gift of speaking in angelic tongues². However,

¹ Церковь Вифания. Режим доступа: vifanija.ru (дата обращения: 23.07.2023).

² Исупов Б.Г. О крещении Духом Святым // Церковь Вифания. Режим доступа: <http://xn--80adsby4b2e.xn--p1ai/2020/06/06/o-kreshhenii-duhom-svjatym> (дата обращения: 23.07.2023).

for an outsider, such a speech appears as a set of words or individual sounds, it is incomprehensible, does not correspond to any of the languages of the Globe. We shall try to consider the causes of its occurrence, what it means and what it is intended for.

Religious texts on “speaking in tongues”

The religious origins of “speaking in tongues”

In the section “Confession of faith. The Baptism of the Holy Spirit”, the website of “Bethany” among other things, indicates the obligation for baptized believers to speak in other languages, otherwise baptism is not recognized as accomplished: “The physical proof of receiving the baptism of the Holy Spirit is the sign of ‘speaking in tongues’”.³ The word ‘sign’ has the meaning ‘a boding, auspices; a natural phenomenon that serves as an omen of something according to religious concepts (fixed collocation is “a celestial sign”)⁴. From this interpretation, it clearly follows that it doesn’t imply learning foreign languages; what is meant is a sudden illumination from above, a momentary miraculous discovery of the ability to speak a hitherto unfamiliar language.

“Speaking in tongues” is discussed in detail on the official website of “Bethany”, e.g., in the sermon “On the Baptism with the Holy Spirit”. It retells a passage from the Gospel, when on the day of Pentecost, the Holy Spirit descended on the apostles in the form of flame tongues. “*The apostles began to speak in tongues and received supernatural power from God to carry the gospel ‘to the ends of the earth’. This is the main purpose of the baptism with the Holy Spirit*”⁵. Quoting the words that Jesus Christ uttered shortly before His ascension, “*I will send the promise of my Father upon you; but you remain in the city of Jerusalem until you are clothed with power from above (Luke 24:49)*”, the author of the sermon focuses on how on the fiftieth day after the ascension of Christ, the apostles gathered in the house and suddenly felt there was a noise from the sky, as if from a rushing strong wind. “And there appeared to them parting tongues, as if of fire, and rested one on each of them. And they were all filled with the Holy Spirit, and began to speak in other tongues, as the Spirit gave them utterance” (Acts 2:1-5)⁶. This miraculous phenomenon was perceived as a sign of God’s promise fulfillment of the Holy Spirit outpouring on earth. Speaking about the main purpose of the baptism with the Holy Spirit, the preacher calls the main task of the Bethanyians as Christians to be led by the Holy Spirit and to hear from Him when and to whom to testify about Christ.

³ Исповедание веры // Церковь Вифания. Режим доступа: xn--80adsby4b2e.xn--p1a (дата обращения: 23.07.2023).

⁴ Знамение // Википедия. Режим доступа: wikipedia.org (дата обращения: 23.07.2023).

⁵ Там же.

⁶ О крещении Духом Святым // Христианская газета от 06.06.20. Режим доступа: cgazeta.ru (дата обращения: 23.07.2023).

The sermon mentions new languages in the sense that “*The Holy Spirit will give common words that will penetrate to the depths of the heart*”, that those who believe in Jesus “will speak in new tongues (Mark. 16:17–18)”⁷.

Modern interpretations of “speaking in tongues” phenomenon by believers

The described phenomenon is called “glossolalia”, the use of this term serves as a distinguishing feature from the ability to speak foreign languages, in the human languages of the planet. We emphasize that Wikipedia has an indication of the antisemantic and anti-communicative principle of “speaking in tongues”: “Glossolalia (prayer in other languages) in Christianity — a special manifestation of glossolalia, the so-called ‘speaking in tongues’, described in the New Testament and again became popular in various Protestant denominations since the beginning of the 20th century. Originating from the Greek word ‘γλωσσολαλία’, the term ‘glossolalia’ is a combination of two words — ‘γλῶσσα’ (language) and ‘ἀλλέω’ (to speak, proclaim, babble). Thus, in modern Christianity, ‘glossolalia’ is the practice of speaking, which is widespread in different churches, and which is hardly meaningful to the speaker”⁸.

The practice of glossolalia is openly used in Catholic, Pentecostal, Charismatic and neo-Charismatic churches, sometimes used in some Protestant communities, as well as by individual believers belonging to various denominations. However, most modern Christian movements (including Orthodoxy, Baptism, and some movements in Protestantism) do not accept such practice, as they have come to the conclusion that modern glossolalia is not identical to the phenomenon described in the New Testament. “So, some opponents of glossolalia believe that the Pentecostal practice is an autosuggestion, or a mental aberration. According to another point, modern glossolalia does not originate ‘from God’, since the divine gift of different languages is supposed to have irrevocably disappeared around the 4th century (according to the testimony of the Church fathers). The third widespread theological concept says that the current ‘Pentecostal languages’ are not identical to other languages, as evidenced by the Holy Scriptures”⁹.

“Speaking in tongues” mind alterations

Some scholars consider glossolalia to be incoherent utterance of meaningless sounds and exclamations, an arbitrary combination of sounds that do not exist as meaningful semantic units in any language of the world. Psychologists are

⁷ О крещении Духом Святым // Христианская газета от 06.06.20. Режим доступа: sgazeta.ru (дата обращения: 23.07.2023).

⁸ Глоссолалия в христианстве // Википедия. Режим доступа: wikipedia.org (дата обращения: 23.07.2023).

⁹ Там же.

convinced that this happens even to people who do not have firm religious beliefs at all. Glossolalia is observed in cases of predominance of the unconscious. It throws a person back to the childhood, to infantile linguistic communication, becoming a mechanism for regulating the state of mind, since it practically does not involve the mind, but is provided with a high level of emotions. Glossolalia is also related to childish babble by its focus on finding the “addressee” of children’s language messages, which expresses the need for omnipotent parental or maternal compensation.

The experience of glossolalia is associated with a pleasant feeling, relaxation, and an altered state of consciousness, which protect the body from stress. Numerous observations on adherents of glossolalia have shown that this is achieved in the following way. Religious chants are heard, the leader of the meeting calls on believers to be filled with the Holy Spirit and speak to him with “angelic tongues”. Adherents tune in to complete detachment from all worldly things, striving to lose control of their body and consciousness for a while, utter incoherent sounds vaguely resembling speech. Reaching the point of tension during the ritual changes the behavior of the adept, leads to short-term amnesia accompanying the trance state. After leaving the altered state of consciousness (ASC), the adept returns to the pre-trance functioning of consciousness.

Particularly fanatical Bethanyians strive to achieve this state not only while worshipping rooms, but also in any living environment. However, the deep level of mind alterations is possible only within the framework of a collective ritual, providing sufficiently high level of psychological stress, which is difficult to achieve in private. “Bethany” videos show that the participants demonstrate special behavior: they sing along with enthusiasm, sway to the beat of the music, raise their hands to the sky (gestures of inspiration), their faces express empathy and pleasure. This contributes to emotional liberation, weakening of the critical function of consciousness; experiencing positive emotions of high intensity contributes to the formation and maintenance of a stable positive attitude towards a religious organization.

Personal charisma of the leader is important to be able to influence believers within the framework of the ritual. Glossolalia of this type can be classified as a self-sufficient type of ecstatic trance. Glossolalia is associated with a vivid emotional experience, with an experience that is different from what a person usually experiences. People practicing glossolalia in the church noted phenomena that were interpreted as mystical: extraordinary sensations in the body, insights related to understanding the meaning of life, and even unaddressed erotic feelings. Ecstatic experiences are exciting, and after them comes a state of calm, enlightenment, and peace, as described by glossolalia practitioners. Having gained such an experience in religious organization, in the future, whenever a person experiences positive emotions, they will be associated with faith and positive emotions. However, people who have been

exposed to such an impact, at least for a while, lose the ability to be a strong and even average linguistic personality and become a weak linguistic personality, unable to reflect.

Distortion of “speaking in tongues” concept by religious adherents

The publications of religious adherents of glossolalia ignore the fact that “speaking in tongues” (glossolalia) is actually meaningless, that no one understands such “languages”, including the speakers themselves. The absence of interpreters also does not bother anyone. And this is also a violation of what is commanded in the Holy Scriptures since it prescribed the mandatory presence of an interpreter. If there is no interpreter, it is recommended to remain silent. The adherents of “Bethany” in their explanations refer to the description in Acts, when the Spirit descended in the form of fiery tongues, the believers spoke in tongues, and everyone around them was amazed that the Holy Spirit reveals the secrets of their hearts and exposes them in their native languages. The adherents completely ignore the fact that the Acts speak about the **native languages** of believers, about languages that were understandable for their native speakers. For the people, “speaking in tongues” nowadays is incoherent mumbling, meaningless shouting. It is impossible to distinguish any words or sentences in any real language there, that is, it is impossible to determine the lexical and syntactic means of such languages — for the reason that they simply do not exist.

Hence, it reveals the assumption that the religious adherents have distorted what was written in the Holy Scriptures.

Notwithstanding this, the adepts of “Bethany” justify their interpretation of “speaking in tongues” by the fact that, firstly, there are many people in this practice, and secondly, by the fact that God understands any prayer addressed to him.

However, the Holy Scriptures condemned the utterance of meaningless, incomprehensible words and speeches; such “speaking” was equated with emptiness as throwing words to the wind: *“Now, if I come to you, brethren, and speak in [unfamiliar] tongues, what good will I do you when I am not speaking to you either by revelation, or by knowledge, or by prophecy, or by teaching?.. So what if you, too, use INARTICULATE tongue to find out what you are saying? You will speak to the wind”* (1Corinth.14:6-9).

The adherents of “Bethany” distort the words of the Apostle Paul about saying prayers in unfamiliar languages. Paul, as it appears from his words, certainly spoke about saying prayers in a language unfamiliar not to people of earth in general, but only to the speaker — for example, native Russian-speakers say the Lord’s Prayer not in Russian, but in Church Slavonic language foreign to them, similarly to other canonical Orthodox prayers. Correspondingly, Catholics, being, for example, by origin, Russians, Germans, Armenians, Bashkirs, etc., say prayers not in their native language, but in Latin, which they may not know at all. Considering

Spanish-speaking countries — prayers are said in Latin and Spanish (although after the reforms that occurred after the Second Vatican Council, you can say prayers in your native language) (1Corinth.14:5). Many Muslims, who do not speak Arabic, nevertheless say their prayers in Arabic.

Apostle Paul said, “I wish that you all speak languages” (1Corinth.14:18). “I thank my God: I speak languages more than all of you” (1Corinth.13:15). No data is provided here that non-human, meaningless languages shall be spoken; the apostle Paul thanks God for sending him the gift of the knowledge of foreign languages, so he encourages his readers to study. Apostle Paul points out that he speaks languages that are not native to him and obviously, he expresses the wish that everyone succeeds in speaking foreign languages.

Apostle Paul insisted on the need to understand the prayers that a person utters: *“Therefore, speaking in an unfamiliar language, pray for the **gift of interpretation**. For when I pray in a [foreign] language, although my spirit prays, my mind remains barren. What is to be done? I shall pray with the spirit, I shall pray with the mind; I shall sing with the spirit, I shall sing with the mind”* (1Corinth.14:19). *“But in church, I’d rather say five words with my mind **to instruct others, than a thousand words in an unfamiliar language**”.*

Considering the knowledge of at least two major world religions — Judaism and Christianity — the chaotic “reproduction” of languages, the presence of “individual” languages is a big problem, a disaster, a sin, contradicts the plan of God, which is clearly reflected in the story of the Tower of Babel: God sent punishment to the proud in the form of multiplication of tongues, as a result of which mutual understanding between the builders disappeared: “Speaking in ‘other languages’, one becomes a stranger to himself. The consequence of this sin was complete misunderstanding between people”¹⁰.

Means of manipulating believers in explaining the phenomenon of “speaking in tongues”

The leaders of “Bethany” understand and actively use the power of influencing parishioners [4] with modern prayers and speeches at general meetings.

The analysis of the texts made it possible to identify the following key manipulative techniques of forcing believers to “speak in tongues”.

A. False interpretation of religious texts

Referring to the words of the Apostle Paul, “If I speak with the tongues of men and angels” (1Corinth.13:1), the preachers of Bethany contrast human speech and “angelic tongues”, commit themselves to the mission of speaking on behalf of God, expressing his wishes: “It turns out that there are angelic

¹⁰ Иные языки пятидесятников — история столетнего обмана // livejournal.com. Режим доступа: <https://m-e-l-n-i-k-o-v.livejournal.com/10352.html?ysclid=lb9ry84xp9852896470> (дата обращения: 23.07.2023).

languages. And God wants us to communicate with Him in spirit in a spiritual language, not limited by the possibilities of our mind. After all, we often do not know what to pray about right now. Sometimes we know what to pray for, but there are not enough words. Or emotions overwhelm us so much that we are unable to express all the gratitude we feel to God for one or another of His benefits to us. Then we pray in tongues and in the spirit we say exactly what God wants to hear, because we are led at this moment by the Holy Spirit. God gave us this ability through the gift of other languages”¹¹. The preacher insists that ordinary human language is too poor, meager in its means, that the cognitive capabilities of a person fetter him, do not allow him to rise above the mundane and soar in spirit to the heavenly abode that is, human capabilities are presented with a minus sign, in a negative way. In contrast, the supramundane is presented in a positive way. The gift of “speaking in tongues” is also included here as a means of approaching the divine. Due to this confusion of concepts, believers are inspired with a sense of inferiority in the implementation of ordinary, everyday life and language communication and a high ideal is drawn, achievable exclusively through “speaking in tongues”.

B. Manipulating of emotions and feelings

If glossolalia is not implemented issues of faith might be doubted: “Unfortunately, some baptized with the Holy Spirit neglect this and are not filled with the Holy Spirit. Many who have received the gift of ‘speaking in tongues’ do not pray ‘speaking in tongues’. This is dead capital for them. The result is a joyless Christianity, believers with sad faces. People of the church have communion with the living God. Therefore, the anointing that comes with the baptism of the Holy Spirit is called the oil of joy. It brings the joy of being in God!”¹². From the context one can guess that sometimes people are implicitly inspired with a sense of guilt according to the following scheme: if you are not happy, then you are a bad Christian, and you cannot rejoice because you do not pray in other languages.

Emotional experience during divine services performs the function of repressed emotions abreaction. A person who is under regular stress of everyday life, experiencing the problems of modern society, is freed from negative experiences at worship services — it is not surprising that personality and consciousness quickly acquire a religious orientation. Therefore, the efforts of the leaders of some religious assemblies e.g., “Bethany” and Pentecostals aimed at stimulating ecstatic trance states among believers at meetings are accompanied by glossolalia are understandable, since these states are a powerful means of influencing the personality and consciousness of the believer.

¹¹ О крещении Духом Святым // Христианская газета. 06.06.20. Режим доступа: cgazeta.ru (дата обращения: 27.07.2023).

¹² О крещении Духом Святым // Христианская газета. 06.06.20. Режим доступа: cgazeta.ru (дата обращения: 27.07.2023).

C. Manipulating numbers

Religious adherents of glossolalia, in order to defend their position, did not hesitate to mix the numbers of believers, often bringing up assumed figures. For example, in the publication “Why do Pentecostals speak languages they don’t understand?” religious advocates of such speaking cite impressive data: *“To begin with, not only Pentecostal and Charismatic Christians, but also some Adventists, Baptists and Catholics (more than 120 million) speak other languages. And in Orthodoxy, too, there are such people, but they do not display themselves.*

Even 300 years ago in Russia, Molokans and possibly Doukhobors and others (half a million people), also spoke in tongues.

And 2000 years ago, the first church created by God, consisting of apostles and hundreds of thousands of disciples, did this.

For the record, today there are in the world more than 644 million people (from 600 to 800 million, including 120 million Catholics) are in the world baptized with the Holy Spirit and speak in tongues.

Think about these numbers before you outrage ‘sects’ — this is more than the entire population of Europe, 2 times more than the entire population of America, and 4 times more than the entire population of Russia”¹³. Furthermore, in the same publication, a large number of African, American, and southeastern countries are mentioned, where many people pray “speaking in tongues”.

Such powerful data should serve as a convincing reasoning, remove possible uncertainty about the righteousness of the religious actions being carried out, and encourage people to join the majority practicing “speaking in tongues”.

D. “In the name of God interpretation”

The above-mentioned publication “Why do some Christians speak in tongues they do not understand?” is based on the questions of people who criticize glossolalia, and on the answers of its supporters, interpreting God’s will as follows: *“Do they really not understand what they are praying for? Yes, this is what God intended, this is a special prayer language that only God understands, it goes past the human mind, so the worshipper does not know what he is praying for, but he always prays EXCLUSIVELY according to the will of God”¹⁴.*

Alteration of consciousness as the main goal of «speaking in tongues»

The attitude of the leaders of Pentecostals and “Bethany” to “speaking in tongues”, glossolalia, to a certain extent demonstrates the manipulative origin [5] of their activities. Some consider, the announcement of the obligation

¹³ О крещении Духом Святым // Христианская газета. 06.06.20 Режим доступа: sgazeta.ru (дата обращения: 27.07.2023).

¹⁴ Почему пятидесятники говорят на языках, которых не понимают. | Ключи разумения. Апокалипсис // Дзен. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/X4pGIUq3w3ZaUPwQ> (дата обращения: 23.07.2023).

of glossolalia by representatives of “Bethany” is made in order to turn off the rational thinking of believers of “Bethany”, to put them into a trance, into an altered state of consciousness, which allows you to reduce or completely remove critical thinking and easily lead, manage such people.

Alteration of consciousness has relatively recently come to the attention of linguistics — since the 1980s [6]. It turned out that in the language of fiction such a condition is represented quite widely, and it can be identified by the speech of the characters and the author’s description of their thoughts and actions, including the state of prayer.

Alteration of consciousness is not a disease, but it is not a regular status either. This state may or may not be related to pathology and is divided into artificially induced (hypnosis, psychoactive substances), psychotechnically conditioned (religious rituals, dreams, etc.) and spontaneously occurring in normal human conditions — “under significant stress, listening to music, playing sports, or in unusual, but in natural circumstances (for example, during normal childbirth), or in unusual and extreme conditions (for example, peak experiences in sports, near-death experiences of various etiologies)”¹⁵. In addition, linguistic studies have established that “an altered state of consciousness can be caused by contact with phenomena such as prayer, dance, music, emotional shock, shock, events and memories of them, sleep, words of another person, etc.” [7].

Universal means of speech immersing into an altered state of consciousness, as well as reflecting this state in descriptions, are special words and word combinations, the use of extremes or absolute word forms (always, all, all), syntactic constructions — parallelism, repetitions, pauses, omissions, rhythmicity, etc., various techniques and means of depiction (metaphors, comparisons, oppositions, etc.) [8].

Given the fact that in the “Bethany” believers are strongly recommended to “speak in tongues”, to resort to glossolalia, not understanding their saying, thereby falling out of everyday life, from common society, a person immerses in a state of “speak in tongues” prayer, enters an altered state of consciousness in order to isolate oneself from the regular, non-religious environment [9]. A believer who says prayer “in tongues” experiences internal tension and a kind of split consciousness: to convey his aspirations to God, but in no case utter meaningful phrases, that is, he is about to use language in a completely unusual function, moreover, in a function directly opposite to what language is for it exists as a means of communication and a means of expressing the inner world, thoughts, feelings, emotions.

The maximum, peak state of altered consciousness is a state of affect. “Affective is the opposite of logical, it is an irrational category designed to express the feelings and emotions of the subject. The linguistic term ‘affectivity’ (‘affective’ is the term

¹⁵ Измененное состояние сознания. Что это? // Нарколикбез. Режим доступа: <http://narcolikbez.ru/holo.htm> (дата обращения: 23.07.2023).

of Sh. Bally) is interpreted as the potential possibility of a linguistic sign to express the fact of the maximum emotional experience by the subject of a certain phenomenon of reality, the phenomenon that constitutes the subject content of the word” [10].

Wanting to turn off reason, rational and critical thinking, certain representatives of “Bethany” church strive hard to constantly be in a state of joy, to experience love and bliss. Critical perception hinders this. Prolonged stay in such emotions can cause a state of affect: “Affective means include means with the scheme ‘strong impulses of affection, love, passion’. Affective means are characterized by subjectively oriented components of meaning: intensity, imagery, evaluativeness, the presence of stylistic coloring. We consider all means to be effective, which both name and express a strong emotional state of mind... The criterion of excessiveness, extreme manifestations of feelings allows speak not just about the emotionality of the text, but specifically about affectivity... As rhetorical techniques for the formation of affectivity, we consider tropes and figures (figures of thought and words), which relate to the means that ensure the speech expressiveness, its impact on the addressee, speech transformation into something other than normative”¹⁶.

The achievement of religious ecstasy is by no means hidden by the adherents of glossolalia. Thus, the article “Historical information on the emergence and activities of the Church of Christians of the Evangelical Faith ‘Bethany’” reports: “*The religious content of Pentecostal organizations were the ideas of returning to the times of the true Apostolic Church, overcoming social evil and human vices through moral renewal based on ecstatic individual religious experience*”¹⁷.

The adjective “ecstatic” is formed from the noun “ecstasy”: “Ecstasy (from other Greek. ἔκστασις — ‘displacement, frenzy, admiration, sidestepping, delight’, from ἐκ — ‘from, with’ and ἵστημι — ‘to stand’) — an elevated mood with an experience of the highest degree joy, delight, inspiration, exultation, extraordinary, exciting happiness, with detachment from reality. The term was also used in the Greek translation of the Tanakh Septuagint: Deuteronomy, Psalms, the Book of Daniel, the Book of Habakkuk, the Book of Zechariah, as well as in the books of the New Testament: the Gospel of Mark, the Acts of the Holy Apostles, to denote a special state of consciousness in which the boundaries between the external and internal are lost.

This state is accompanied by a feeling of ecstasy. In psychiatry, ecstasy is an ecstatically enthusiastic emotional state accompanied by an **affective narrowing of consciousness**, a feeling of dissolution of one’s ego in the object of an enthusiastic attitude (**self-identity deprivation**), significant limitation of contacts with the real word and mental motor blocks (In some cases excitement) ¹⁸.

¹⁶ Историческая справка о возникновении и деятельности Церкви христиан веры евангельской «Вифания». Режим доступа: <http://cgazeta.ru/church.html> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Экстаз // Википедия. Режим доступа: [wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org) (дата обращения: 23.07.2023).

In affective state, ecstasy, it is easy to transfer subthreshold information against the background of music. This technique is used in neuro-linguistic programming, which is confirmed by the following statement: "... Of course, in this, as in many other similar cases known to experts, we are talking about the use of neuro-linguistic programming, suggestive practices, for the purpose of manipulating the consciousness, which contributes to the introduction into an altered state of consciousness. Alcoholism or drug addiction do not differ much from sect addiction. Considering such precedents, chemical dependence may not be the most difficult kind of dependent behavior manifestation in terms of treatment and further prognoses"¹⁹.

Thus, the religious practice of glossolalia is aimed at forming a mental split in the believer, since the task in this case is a kind of "talking not talking". Such a split causes a rejection of common ideas and of one's own personality since it leads to an affective narrowing of consciousness. However, believers do not perceive this as a tragedy — on the contrary, they are inspired with a state of lightness, joy, bliss, unity with the Holy Spirit and with God. In this regard, their transformation, relegation to the level of a weak linguistic personality does not cause them anxiety, agitation, or rejection. People capable of being subjected to an altered state of consciousness in religious organizations certainly belong to the type of weak linguistic personalities who are led, rather than leading, in a communicative act. The linguistic analysis conducted by N.G. Zakutskaya showed that "weak, limply" personalities, often with low self-esteem, unreasonably resort to the use of suggestions (directive speech acts expressing advice) where requestive (encouraging beneficial action for the addressee) or even prescriptive (prescribing the addressee's action) directive speech acts would be more reasonable [11. P. 109].

Conclusions

Taking into account the fact that religious "speaking in other languages", glossolalia, differs from the average normative everyday speech, it should be concluded that the leaders of "Bethany" deliberately build their ideology and speech communication to immerse their flock in altered mind state as often as possible, introducing affect, ecstasy, when a linguistic personality undergoes transformation and a person becomes detached from reality, unable to answer for his words and actions. Then he is as open as possible to the necessary suggestion. It seems that a strong linguistic personality will not voluntarily be exposed to this kind of influence, so as not to the loss of the ability to reflect and not transform into a lower, weak linguistic personality.

¹⁹ «Вифания» — дом безбедных мошенников // Антисекта.гу. Режим доступа: (дата обращения: 23.07.2023).

References

1. Ryadchikova, E.N. & Kadilina, O.A. (2009). Organization of linguistic personality as a linguistic-communicative phenomenon. In: *Research in theoretical and applied linguistics. Collective monograph*. Krasnodar: KubSU. pp. 50–83. (In Russ.).
2. Kadilina, O.A. & Ryadchikova, E.N. (2018). Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspekts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 859–882. <https://doi.org/110.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>
3. Ivanova, M.S. & Ryadchikova, E.N. (2022). Strategies of speech manipulation when working with adherents in sects & In: *Materials of the VII International Scientific and Practical Conference “Topical Issues of Modern Philology: Theory, Practice*. Krasnodar: KubSU. (In Russ.).
4. Issers, O.S. (2011). *Speech influence*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
5. Dotsenko, E.L. (2003). *Psychology of manipulation*. Moscow. (In Russ.).
6. Spivak, D.L. (1985). Linguistics of altered states of consciousness: problems and prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 50–57. (In Russ.).
7. Ryadchikova, E.N. (2015). Paradoxes of the altered state of consciousness of characters in fiction. In: *Continuity and discreteness in language and speech: materials of the V Intern. scientific conf*. Krasnodar: KubGU. pp. 216–219. (In Russ.).
8. Ryadchikova, E.N. & Ikhlova, A.B. (2016). Lexical and syntactic means of representing an altered state of consciousness in works of fiction. In: *Materials of the International Scientific and Practical. conference of young scientists “Current issues of modern philology: theory, practice, development prospects” (April 9, 2016)*. Krasnodar: KubGU. pp. 33–36. (In Russ.).
9. Ryadchikova, E.N. & Ikhlova, A.B. (2015). Artistic description of a prayerful state as an altered state of consciousness of a character. In: *VII International Scientific and Practical. conference “Science in the modern information society” (November 9–10, 2015)*. North Charleston-Krasnodar. Vol. 2. pp. 200–204. (In Russ.).
10. Peskova, E.A. (2006). On the criteria for identifying affective means of language and speech. In: *Language and thinking: psychological and linguistic aspects. Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Ulyanovsk, May 17–20, 2006)*. Moscow; Ulyanovsk: Institute of Linguistics RAS; Ulyanovsk State University. pp. 56–57. (In Russ.).
11. Zakutskaya, N.G. (2001). Directive speech acts as a means of characterizing the psychological characteristics of a person. In: *Social power of language*. Voronezh. pp. 106–112. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Рядчикова Е.Н., Кадиллина О.А.* Организация языковой личности как лингво-коммуникативного феномена // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике. Коллективная монография. Краснодар: КубГУ, 2009. С. 50–83.
2. *Kadilina O.A., Ryadchikova E.N.* Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspekts // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. Т. 9. №4. Р. 859–882. <https://doi.org/110.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>
3. *Иванова М.С., Рядчикова Е.Н.* Стратегии речевой манипуляции при работе с адептами в сектах // *Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика*. Краснодар: КубГУ, 2022. С. 122–128.
4. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011.
5. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. М., 2003.
6. *Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // *Вопросы языкознания*. 1985. № 1. С. 50–57.

7. Рядчикова Е.Н. Парадоксы измененного состояния сознания персонажей художественной литературы // *Континуальность и дискретность в языке и речи: мат-лы V Междунар. науч. конф.* Краснодар: КубГУ, 2015. С. 216–219.
8. Рядчикова Е.Н., Ихлова А.Б. Лексические и синтаксические средства представления измененного состояния сознания в произведениях художественной литературы // *Материалы Международной научно-практич. конференции молодых ученых «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития»* (9 апреля 2016 г.). Краснодар: КубГУ, 2016. С. 33–36.
9. Рядчикова Е.Н., Ихлова А.Б. Художественное описание молитвенного состояния как измененного состояния сознания персонажа // *VII Международная научно-практич. конференция «Наука в современном информационном обществе»* (9–10 ноября 2015 г.). Северный Чарльстон — Краснодар. Т. 2. С. 200–204.
10. Пескова Е.А. О критериях выделения аффективных средств языка и речи // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции* (Ульяновск, 17–20 мая 2006 г.). М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2006. С. 56–57.
11. Закутская Н.Г. Директивные речевые акты как средство характеристики психологических особенностей личности // *Социальная власть языка.* Воронеж, 2001. С. 106–112.

Information about the authors:

Olga A. Kadilina, PhD in Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Kutafin Moscow State Law University (9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, Russian Federation, 1259933); Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *e-mail*: olgakadilina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9471-6143; Author ID: 1090271.

Elena N. Ryadchikova, Dr.Sc. (in Philology), Professor, Professor of the General, Slavic and Russian Linguistics Department, Faculty of Russian Philology, Kuban State University (149, Stavropolskaya str., Krasnodar, Russian Federation, 3500402); *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5239-8995; SPIN-code: 2752-1490; Author ID: 425533.

Сведения об авторах:

Кадиллина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9); старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института Российский университет дружбы народов (125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9); (117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *e-mail*: olgakadilina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9471-6143; Author ID: 1090271.

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания филологического факультета, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149); *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5239-8995; SPIN-код: 2752-1490; Author ID: 425533.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-430-442

EDN: OULQIZ

UDC 811.62:070(910)

Research article / Научная статья

R. Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian Case

Bekti Istiyanto¹ , K.Y. S. Putri² , Valerii L. Muzykant³ ,
Adelina M. Siregar², Anter V. Khadiz¹

¹UPNVJ, Jakarta, Indonesia

²Universitas Negeri Jakarta, Jakarta, Indonesia

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

 muzykant-vl@rudn.ru

Abstract. The study of semiotics is closely related to the reader's interpretation of the text. Narrative is our fundamental means of comprehension and expression for this time-locked condition. Any semiological system is a system of meanings, but the consumer of myths takes meaning for a system of facts. The purpose of this study is to use R. Barthes's semiotic analysis to study the process of news consumption that causes negative perceptions of government policies by recipients. The research concept uses critical media theories to view news with negative connotations as leading to panic, making people more marginalized in meeting their daily needs. According to R. Barthes, all cultural phenomena, like types of communication, are encoded in sign systems, which are the product of myth-making activity, where any culturally significant phenomenon is a speech utterance that is the carrier of a mythical message. The subject of the study is an emergent discourse in which there is a "meaning effect" for Indonesian audiences located on dozens of islands, affecting their core interests. Previous studies support this research. The unit of analysis is news regarding the policy of increasing gasoline prices in the largest Muslim country with 300 million population in the both national and local media in 2022–2023. The results of Barthes's semiotic analysis of the signifier show that people are becoming more marginalized as the results of increasing petrol price policy. Signified without the approval of the people's representative institutions, petrol prices continued to increase. The denotative sign for policy makers to increase gasoline directly increases the price of gasoline, which makes it more difficult for people to engage in economic activities. The connotative signifier in the title and content of the news has a very detrimental effect on people when purchasing petrol. The connotative sign means that the news can annoy the people because of the increase in petrol prices to run their economy. On the other side the government's advice is to listen to institutions like media that represent the people and get involved in units that communicate directly with the people.

Keywords: semiotics Roland Barthes, encoding or decoding messages, semiotic analysis, connotative signifier, semic code, marginalized society

© Istiyanto B., Putri K.Y.S., Muzykant V.L., Siregar A.M., Khadiz A.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Financing. Acknowledgments:

The researchers would like to thank the Ministry of Education, Research, Culture and Technology, Republic of Indonesia, the Chancellor of Jakarta State University, the Chancellor of Jenderal Soedirman University and the research team and research participants from RUDN-University.

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Istiyanto, B., Putri, K.Y.S., Muzykant, V.L., Siregar, A.M. & Khadiz, A.V. R. Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian Case *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 430–442. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-430-442>

Семиотический подход Р. Барта к сообщениям СМИ: индонезийский кейс

Б. Истиянто¹ , К.И.С. Путри² , В.Л. Музыкант³ ,
А.М. Сирегар², А.В. Хадиз¹

¹UPNVI, Джакарта, Индонезия

²Университет Negeri, Джакарта, Индонезия

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 muzykant-vl@rudn.ru

Аннотация. Изучение семиотики тесно связано с интерпретацией текста адресатом. Повествование — основное средство понимания и выражения этого состояния, ограниченного временем. Любая семиологическая система есть система значимостей, но реципиент мифа принимает значение за систему фактов. Целью работы является применение семиотического анализа Р. Барта для исследования процесса получения новых сообщений, вызывающих негативное восприятие адресатами реализуемой правительством политики. В концепции исследования используются критические теории СМИ, рассматривающие новости с негативными коннотациями, приводящие к паническим настроениям, что делает людей более маргинализированными в удовлетворении своих повседневных потребностей. Согласно Р. Барту, культурные феномены, как и виды коммуникации, кодируются в знаковых системах, которые являются продуктом мифотворческой деятельности, где любое культурно значимое явление представляет собой речевое высказывание, являющееся носителем мифического сообщения. Предметом исследования является дискурс, в котором присутствует «эффект значимости», и затрагивающий базовые интересы индонезийской аудитории, расположенной на десятках островов. Предшествующие исследования, в которых единицей анализа являлись новости о повышении цен на топливо в национальных и местных СМИ в 2022—2023 гг. в крупнейшей мусульманской стране с 300-миллионным населением, подтверждают наши выводы. Результаты семиотического анализа означющего, проведенного благодаря методике Р. Барта, показывают, что индонезийцы становятся все более маргинализированными в результате интерпретации, затрудняющей участие людей в экономической деятельности. Коннотативное значение в названии и содержании новости пагубно влияет на поведение при покупке топлива. Коннотативный знак демонстрирует тот факт, что новости могут раздражать людей из-за роста цен на бензин, который является необходимым условием для поддержания их экономиче-

ской деятельности. С другой стороны, правительство советует прислушиваться к сигналам, исходящим от медиа как институтов, представляющих народ, и коммуницировать со структурами, напрямую работающими с населением.

Ключевые слова: семиотика Ролана Барта, кодирование или декодирование сообщений, семиотический анализ, коннотативное означающее, семикод, маргинализованное общество

Финансирование. Благодарности:

Исследователи выражают благодарность Министерству образования, исследований, культуры и технологий Республики Индонезия, ректору Джакартского государственного университета, ректору Университета Джендерала Содирмана, а также исследовательской группе и участникам исследования из РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Istiyanto B., Putri K.Y.S., Muzykant V.L., Siregar A.M., Khadiz A.V.R. R. Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian Case // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2024. Т. 15. № 2. С. 430–442. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-430-442>

Introduction

Connotation is intended to express emotional or evaluative shades of a statement and reflects the cultural traditions of a society, representing a type of pragmatic information that reflects not the objects and phenomena themselves, but a certain attitude towards them. The French scientist R. Barthes approaches the problem of the origin and essence of myth from the point of view of connotative semiology, which studies sign systems of any type of social practice in the aspect of latent meanings that cannot be directly actualized in the minds of perceivers in the process of communication, but require decoding or “reading”. Barthes considers myth as a semiological system, turning to the well-known model of the sign of Saussure, who identified three main elements in it: the signifier, the signified, and the sign itself, which acts as a result of the association of the first two elements. According to Barthes, in myth the same three-element system is framed, however, its specificity is that myth is a secondary semiological system built on top of the first language system or language-object.

Developing countries like Indonesia still need cheap fuel to support development in every sector. The news about need for gasoline in Indonesia is very high and gasoline prices jump in Indonesia is of great interest. The government reported that the price of pertalite¹ and diesel will experience an increase in prices starting on September 1 2022. Regarding this, the Minister of Energy and Mineral

¹ Pertalite is a 90 octane gasoline that provides an interim solution for consumers currently using Premium

Resources Arifin Tasrif has given a signal that on August 31 2022 the government will announce an increase in subsidized fuel for pertalite and diesel. Apart from that, *the prices of pertalite and diesel which will soon rise is part of the government's plan to provide subsidies for the community*².

According to the Minister of Finance Sri Mulyana, there are two additional social assistances that will be distributed to the public in the subsidies that have been prepared by the government. The government distributed a fuel subsidy budget of Rp. 9.6 trillion for the worker social assistance program. So that the total social assistance from the transfer of fuel subsidies of IDR (Indonesian rupiah) 24.17 trillion will be distributed and it is hoped that it will reduce people's difficulties and also poverty in facing life amidst rising fuel prices. Apart from that, the Ministry of Finance also provides transportation subsidies for public transportation including online motorcycle taxis and also fishermen in line with the increase in fuel, *which is taken from the general allocation fund (DAU) and profit sharing funds*³.

*On September 8, 2023, the price of crude oil increased further and remained at the level of US\$ 90 per barrel. The increasing price of crude oil has decided that Saudi Arabia will reduce oil production by up to 9 million barrels per day. Not only Saudi Arabia, Russia will also extend its voluntary reduction of 300,000 until December and ban gasoline exports throughout the world except for four countries in the former Soviet Union to stabilize the domestic market. So it is predicted that the increase in fuel prices will have an impact on the new prices sold by PT. Pertamina. The increase in oil prices allows PT. Pertamina increase the price of certain types of non-subsidized fuel in October 2023*⁴.

The government itself has increased fuel prices based on the provisions of Minister of Energy and Mineral Resources Decree No. 19 K/10/MEM/2019 concerning the Basic Price Formula in Calculating Retail Selling Prices for Types of Fuel. The formula for this price uses the average published price of Mean of Platts Singapore (MOPS) which uses units of US\$/barrel. Apart from that, the increase in non-subsidized fuel prices can also be caused by the weakening of the rupiah exchange rate. In September 2023 the average value of the rupiah was recorded at IDR 15,349.21/US\$ 1, lower than August which was IDR. 15,240.65/US\$ 1, resulting in an increase in fuel prices. *There are four types of fuel that have experienced increases in fuel prices, namely, Pertamina, Dexlite, and also Pertamina Dex.*

² CNN Indonesia. (2022). *Siap — Siap Harga Pertalite Dan Solar Dikabarkan Naik Per 1 September*. URL: <https://www.cnnindonesia.com/ekonomi/20220830190953-85-841055/Siap-Siap-Harga-Pertalite-Dan-Solar-Dikabarkan-Naik-Per-1-September> (accessed: 20.12.2023).

³ CNN Indonesia. (2022). *Siap — Siap Harga Pertalite Dan Solar Dikabarkan Naik Per 1 September*. URL: <https://www.cnnindonesia.com/ekonomi/20220830190953-85-841055/Siap-Siap-Harga-Pertalite-Dan-Solar-Dikabarkan-Naik-Per-1-September> (accessed: 20.12.2023).

⁴ CNBC Indonesia. (2023). *Sinyal Kuat Harga Bbm Non-Subsidi Naik 1 Oktober*. URL: <https://www.cnbcindonesia.com/research/20230927154049-128-476082/Sinyal-Kuat-Harga-Bbm-Non-Subsidi-Naik-1-Oktober> (accessed: 20.12.2023).

The Ministry of Energy and Mineral Resources is proposing regulations on purchasing pertalite. This regulatory plan is in line with the consequences of rising world oil prices. The conflict between Israel and Hamas has the potential to influence the increase in world oil prices. Not only that, the need for crude oil ahead of winter also increases so that crude oil prices experience an increase which can affect fuel prices. With this, the government also proposes *to issue a revision of Presidential Regulation Number 191 of 2014 concerning reference regulations for the distribution of subsidized fuel so that it is right on target* [1].

The content of this revision is to regulate in more detail and examine the criteria for vehicles that can be filled by pertalite and to make differences in the price of pertalite according to the type of people's vehicles. So far, in an effort to implement this regulation, Pertamina is conducting trials on restrictions on purchasing pertalite for four-wheeled vehicles in various regions. And *every purchase is required to have a QR-code which will be scanned by the gas station officer before making the purchase* [1].

What is the research focus of the news analysis regarding the gasoline increase policy from Barthes' perspective? The aim of the research is to look at the process at the macro level of news analysis regarding the petrol increase policy seen from Barthes' semiotic analysis with his own unconventional terminology where the signifier is viewed from two angles: as the resulting element of the first linguistic system and as the initial element of the mythological system.

Definitions of Terms

Communication

Fiske defines communication as a form of social interaction conveyed through messages [2]. Message transmission is a process in which an individual's personality will influence the personality of other individuals through encoding messages or decoding messages. A new categorization of a sign in semiotics was presented by M.G. Shilina and M. Zarifian [3]. The transmission will focus on the act of communication. John Fiske put forward two main schools in communication studies, namely the "semiotic school" which is signs and also the "process school" which views communication as the transmission of messages. John Fiske's approach to semiotic studies is one that can be used in research [4].

Roland Barthes's Semiotics

In order to organize textual multiplicity, to make it at least to some extent accessible to analytical objectification, Barthes introduces the concept of code. According to semiotics expert Roland Barthes, the study of semiotics is related to the reader's interpretation. Barthes, [5] mapped the function of signs into six parts, namely markers, signs, denotative signs, connotative markers, connotative signs, and connotative signs. Thus, Roland Barthes' sign function can be applied

to help analyze news from a sign perspective [6]. Barthes believes that language is a sign system that reflects the assumptions of a certain society in a certain time period. Barthes' semiotic analysis is known as two stages of signs (order of signification), the first stage of identification as a relationship between signifier and signified in a sign outside reality. This stage is called the denotation stage where the meaning of the sign is the most obvious. Barthes also defines the second stage of significance as connotation. This is due to the interaction when the sign meets the reader's feelings and emotions as well as their cultural values [7].

Barthes also said that the signifier is the text and the signified is the context of the sign. Barthes emphasizes that myth performs various functions: it simultaneously designates and notifies, inspires and prescribes, and is motivating in nature. According to Barthes, myth does not hide its connotative meanings, it "naturalizes" them. Naturalization of a concept is the main function of myth. Semiotic analysis is a research method for interpreting the meaning of a communication or message, whether implicit or explicit. The intended meaning starts from partial meaning to comprehensive meaning so that the communicator's motives can be known [8]. The results of the analysis of a series of signs will describe the concept of thought conveyed by the communicator, and the series of signs are interpreted as answers to ideological questions and cultural values behind a text.

Social media

Social media is the internet service most popular with internet users today. The way social media works is more preferred than traditional media such as television, radio, newspapers and so on. The ease of interacting and spreading information is the attraction of social media [9].

R.M. Chebib and N. Sohail wrote that, social media is used to communicate by a number of people in society and consists of interactive websites, social news sites, social networking sites as well as photo, video, etc. sharing websites [10]. Social media allows users to do things such as interactivity, building networks, and providing information to other audiences [11]. According to Holton et al. 2016 [12] social media facilitates access to news, as well as providing opportunities to engage in the news process, through commenting, sharing and posting online

Government policy

Policy is an aspect of action that has a purpose that is passed by a number of individuals or someone to handle a problem [13]. The concept of a policy is to focus interests based on what is actually implemented, not what the government proposes [14].

Previous research on Roland Barthes' semiotics came from M. Muhammadiyah with the title "A Semiotic Analysis of Political News Featured in Indonesian Newspapers". This research aims to evaluate the application of semiotics in Indonesian news articles relating to the election

of Candidates for Governor and Deputy Governor in South Sulawesi for the period 2013–2018. This research uses semiotic analysis methods, and the results of the research. It shows that the application of semiotics in newspaper articles related to election campaigns only highlights the struggles of political actors by providing imagery to build public attention by participating in media coverage to be elected as future leaders.

Furthermore, there is an outstanding research regarding semiotics entitled *The Ideology of Racism in Contemporary Hollywood Films on Netflix: A Case Study on “All the Boys I’ve Loved Before” Movie* [4]. The aim of this research is to analyze the ideology of racism in Hollywood films broadcast on Netflix. “To All the Boys I’ve Loved Before” is a film based on the “New York Times” best seller novel. This research applies a qualitative text analysis method, namely the Semiotics method. This film is analyzed through Roland Barthes’ semiotic analysis, which is known for its denotative, connotative and mythical meaning. The results of this research show that the use of Asian faces as the main character and protagonist in “To All the Boys I’ve Loved Before” shows that the racism depicted in this film is a myth.

Methods

This study uses Roland Barthes’s discourse research strategy. Myth feeds the consciousness of people living in the world of material values. Barthes’s theoretical research played an outstanding role in revealing the semiological nature of myth, the “mystery” of its origin and functioning. All classes, all human groups, have their narratives, enjoyment of which is very often shared by men with different, even opposing, cultural backgrounds. Barthes calls the signifier meaning, in terms of myth — form. The signified of a mythological system is called a concept, which represents the meaning. This is due, according to Barthes, to the fact that the expression sign is ambiguous, since the signifier of the myth is already formed from the signs of language. According to Barthes, meaning or myth itself is created due to the deformation of the relationship between concept and meaning as the very form of myth is formed by linguistic meaning, subordinate to the concept. Caring nothing for the division between good and bad literature, narrative is international, transhistorical, transcultural: it is simply there, like life itself. Researcher V. Savitsky described correlation of the main functions of language [15], emblems are the object of semiotic analysis presented in a number of articles as well [16]. As to Barthes the myth performs various functions: it simultaneously designates and notifies, inspires and prescribes, and is motivating in nature. Addressing his audience, it imposes its own intentions on addressee. One of Barthes’s most outstanding works, “*Mythologies*” [17], was conceived as a series of revealing essays on the mystified consciousness of mass society. According to the researcher, semiology should serve to destroy the dominant ideological languages and perform a critical function.

There are several articles in our focus regarding government policy about the increase of gasoline prices during 2022–2023 in Indonesia. The research is done at the micro level. The validity of the data uses triangulation in this research. The coding used is open coding.

Results

The results of the research stated that at the micro level of the DC mass media text, the signifier for the policy of increasing petrol in Indonesia was “scary”. The significance of this text for society is a frightening sign. In denotative signs as well as connotative markers, the title and content of mass media text news have a frightening meaning for the public. Because it can cause price increases in various aspects of people’s lives. We use narrative to describe on a personal level who we are, where we have been, and where we are going: our life stories — to ourselves and to other people [18. P. 283].

At the first level, connotation is the first level, while connotation is the second level. Denotation is more associated with closure of meaning and censorship or political repression.

Table 2

Analyzing Roland Barthes’s Map of Signs

Marker / Signifier Soaring oil prices have caused the prices of pertalite and diesel in Indonesia to increase	Signed/Signified Scary/terrifying/creepy
Denotative sign The increase in fuel prices in Indonesia makes it more difficult for people and increases people’s poverty, because increasing fuel prices also causes price increases in various aspects, such as food.	
Connotative Signifier The trial regulations limiting the purchase of pertalite for 4-wheeled vehicles in various regions affect losses in purchasing this gasoline.	Connotative Signified The transfer of subsidies will be distributed and is expected to reduce people’s hardship and poverty in facing the economy amidst rising fuel prices
Connotative Sign The news about the increase in fuel prices made people angry in running the people’s economy.	

Source: compiled by the authors

In the table of signifier results of this research, the soaring price of oil has caused the price of pertalite and diesel in Indonesia to increase with scary/terrifying significance, which means that the fuel increase policy causes the prices of other necessities to also increase, which can increase poverty and hardship in the community, making the news frightening. When linked to previous research from Vercia Muhammad on the results of the signifier, namely, Jaguar brand cars are made in England with the signified luxury/style, because these luxury and stylish cars are made in England with high quality

like Jaguar cars [19]. The results of other research related to Barthes' analysis are entitled "An Alternative Approach for Personal Narrative Interpretation: The Semiotics of Roland Barthes" [20].

The results of this research use analysis based on Barthes' five codes, namely the hermeneutic code this makes it possible to trace the transition experienced by the narrator from a firm approach to an approach where the narrator asks questions and examines possible alternatives due to the situation of finding oneself. The semic code in this study allows tracking the narrator's transition from rescue status and dealing with isolated cases and focusing on personal problems. Then the symbolic code allows for signs of changes experienced by the narrator with subjective feelings towards the surrounding environment. Furthermore, the results of the proairetic code analysis make it possible to reveal the dialogue that occurs between the states of destruction and creation by identifying the dominant verb in the narrative. Lastly, namely the cultural code in this research, the cultural code makes it possible to trace the transition experienced by the narrator from a situation of gaining power through personal ties to gaining professional knowledge power [21].

That policy is a process that has certain goals to be followed and implemented by a person or group of actors to solve certain problems. The essence of a policy is a guideline for action, which may be simple or complex, general or specific to achieve certain goals. As explained above, policies can be carried out individually or in general, and in fact policies are more often implemented and used in government and state actions or behavior which are better known as state policies or public policies.

In the news text, the Government distributed a transfer of the fuel subsidy budget of IDR 9.6 trillion for the worker social assistance program. So that the total social assistance from the transfer of fuel subsidies of IDR 24.17 trillion will be distributed and it is hoped that it will reduce people's difficulties and also poverty in facing life amidst rising fuel prices. In this text, the government distributes social assistance to the poor as a government policy to reduce people's difficulties due to the increase in fuel prices, so this shows the marginalization of society. Marginalized society is a society that is unable to adapt and involve itself with this increase in fuel prices. These marginalized or marginalized communities are considered to be powerless compared to other communities [22].

The selection of events, the relative importance attached to each, and the way in which subjective time is managed are all entirely dependent upon the point of view of the narrator. A narrative is a re-presentation of reality from a particular perspective. According to Yu.M. Lotman, semiotics should be understood as the science of communication systems and signs used in the process of communication [23]. Like all narratives they are selective though somehow related to planning and problem solving. It is a whole, an internally consistent, self-contained unit of expression; reality reconfigured in order to create meaning. From the news on the mass media, this fuel increase has caused controversy and

unrest in society, especially the lower class because this fuel increase will burden their activities. This increase in fuel has a very bad impact on class society, because, due to the increase in fuel prices, the prices of goods and services such as making bread and other goods will also increase along with the increase in fuel prices. Not only that, the increase in prices of basic commodities has resulted in rapid inflation. This inflation is an increase in commodity prices in general due to a mismatch between people's income levels and commodity procurement systems such as production, pricing, money issuance, and others [24]. Therefore, this is what makes society, especially the lower class, anxious, afraid and marginalized by the policy of increasing fuel prices.

Conclusions

According to R. Barthes, the “reading” of a myth is instantaneous, since it produces an immediate effect, which is much stronger than any rational explanations that can refute it later. Narrative is often implicated in the functioning of memory. Narrative is first and foremost a prodigious variety of genres, themselves distributed amongst different substances — as though any material were fit to receive man's stories. Barth's innovation lies in the fact that he gave a semiological interpretation of ideology: he tried to consider ideology as a special sign formation. The psychological weighting of time is itself reciprocally related to the processes of event selection and event sequencing. A provided analysis based on Barthes' five codes like the hermeneutic one for tracing the transition experienced by the narrator from a firm approach with questions examining possible alternatives as well as the semic and symbolic cods which allows tracking the narrator's transition and detects signs of changes experienced by the narrator with subjective feelings towards the surrounding environment, while the proairetic code analysis reveal the dialogue between the states of destruction and creation and the cultural code traces the transition experienced by the narrator from a situation of gaining power through personal ties to gaining professional knowledge. Connotative meanings are suggestive, uncertain, vague, and therefore their decoding always involves a significant amount of subjectivity; one can be sure of the real presence of such meanings only if they are clearly redundant. Ordinary language, according to Barthes, is most often “abducted” by myth, since it itself contains the prerequisites for mythologization as a sign mechanism designed to manifest the speaker's intentions, what is called the expressiveness of language.

The results of the research at the first level mean that the mass news text makes people scary because gasoline is a tool in community development in terms of economics and community infrastructure development. At the second level, the information myth about the increase in petrol makes the public a sign that there will be an increase in prices in all aspects of life. As it seen the appeal to latent signifieds of connotative sign systems is associated with an attempt

to reorient semiology towards identifying meanings and meanings that are directly unconscious to people, mechanisms for manipulating people's consciousness in information society.

References

1. Detikcom. (2023). *Kementerian Esdm Buka-Bukaan Rencana Terbaru Atur Pembelian Peralite*. <https://www.instagram.com/p/Cylxqczmdcu/?igshid=Mtc4mmllymi2ng%3d%3d>
2. Duvall, Spring-Serenity. (2012). Fiske, John. In: *Encyclopedia of Gender in Media*, M. Kosut (Td.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publ. pp. 120–21. <https://doi.org/10.4135/9781452218540.n51>
3. Shilina, M.G. & Zarifian, M. (2023). *Rethinking Semiotics: a new categorization of sign?* *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>
4. Briandana, R., Marta, R.F., Mijan, R. & Fauzi, E.P. (2022). The Ideology of Racism in Contemporary Hollywood Films on Netflix: A Case Study on “All The Boys I’ve Loved Before” Movie. *Komunikasi Indonesia*, 11(1), 5. <https://doi.org/10.7454/Jkmi.V11i1.1025>
5. Barthes, R. (1977). Image, music, text, S. Heath (Ed.). *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 37(2), 235–236. <https://doi.org/10.2307/429854>
6. Rudrakumar, S. & Venkatraman, R. (2022). A Semiotic Analysis of Saussure and Barthes's Theories Under the Purview of Print Advertisements. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18(1), 386–396. <https://doi.org/10.52462/Jlls.189>
7. Muhammadiyah, M., Muliadi & Hamsiah, A. (2020). A Semiotic Analysis of Political News Featured in Indonesian Newspapers. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 13(9), 1627–1640.
8. Barthes, R. (1966). Introduction à l'analyse structurale des récits. *Communications*, 8(1), 1–27 (transl. as R. Barthes (1977). Introduction to the Structural Analysis of Narratives. In: *Image–Music–Text*. New York. pp. 79–124).
9. Mukhtar, S. & Putri, K.Y.S. (2021). Technology Integrated on Media Literacy. In: *Economic Studies on Higher Education*. *Journal of Social Studies Education Research Sosial*, 12(1), 95–123.
10. Chebib, R.M. & Sohail, N. (2011). The Reasons Social Media Contributed to the 2011 Egyptian Revolution. *International Journal of Business Research and Management (IJBRM)*, 2(3).
11. Kombol, M.A. (2014). Uses of Social Media Among Selected Labour Unions in Abuja During Nigeria's (January 2012) “Oil Su Bsidy” Removal Protests. *Studies in Media and Communication*, 2(1), 102–114. <https://doi.org/10.11114/Smc.V2i1.401>
12. Holton, M., Kim, B., Adam, E. & Chaney, D. (2015). *Employee stress management: An examination of adaptive and maladaptive coping strategies on employee health*. <https://doi.org/10.3233/WOR-152145>
13. Winarno, B.D.P. (2007). Kebijakan Publik. URL: <https://repository.uinsuska.ac.id/20598/12/12.%20DAFTAR%20PUSTAKA%20%281%29.Pdf> (accessed: 23.12.2023).
14. Sari, D.N., Rahmadani, D.Z. & Wardani, M.Y. (2020). Implementasi Kebijakan Pemerintah Kota Surabaya Dalam Mewujudkan Inovasi Smart City Tentang Kebijakan Strategi Nasional Kepada Masyarakat Maupun Lembaga Bahwa Adanya Inovasi Daerah Ini. *Journal of Governance Innovation*, 2(2), 112–130.
15. Savitsky, V.M. (2023). On the correlation of the main functions of language. In: *Language: life of meanings vs meaning of life*. N.A. Bozhenkova, M.R. Zheltukhina (eds.). Moscow: Infra-M. pp. 17–23. (In Russ.).
Савицкий В.М. О соотношении основных функций языка // Жизнь смыслов vs смысл жизни, под ред. Н.А. Боженковой и М.Р. Желтухиной. М.: Инфра-М, 2023. С. 17–23.

16. Karasik, V.I. (2023). *Discourse. Emblems as the Object of Semiotic Analysis*. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 14(4), 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138> (In Russ.).
Карасик В.И. Дискурсивные эмблемы как объект лингвистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1122–1138. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138>
17. Barthes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Editions de Suil.
18. Linde, C. (1997). Narrative: Experience, Memory, Folklore. *Journal of Narrative and Life History*, 7 (1–4), 281–289.
19. Muhammad, V. (2023). The Illusion of Consumer: Ads Influence for Agent of Intelligence. The Illusion of Consumer: Ads Influence for Agent of Intelligence. *Jurnal Komunikasi Indonesia*, 12(2). <https://doi.org/10.7454/Jkmi.V12i2.1206>
20. Tohar, V., Asaf, M., Kainan, A. & Shahar, R. (2007). An Alternative Approach for Personal Narrative Interpretation: The Semiotics of Barthes. *International Journal of Qualitative Methods*, 6(3), 57–70.
21. Muadi, S., Mh, I. & Sofwani, A. (2016). Konsep Dan Kajian Teori Perumusan Kebijakan Publik. *Jurnal Review Politik*, 6, 195–224.
22. Ahriani, A., Agustang, A. & Asrifan, A. (2013). Studi Pada Pranata Sosial Masyarakat Muslim Suku Kokoda Kota Sorong. *Ideas*. <https://doi.org/10.31219/osf.io/942y8>
23. Lotman, Yu.M. (2010). People and signs. In: *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB. pp. 9–14. (In Russ.).
Лотман Ю.М. Люди и знаки // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 9–14.
24. Hrp, G.R. & Aslami, N. (2022). Analisis Damfak Kebijakan Perubahan Publik Harga Bbm Terhadap Perekonomian Rakyat Indonesia. *Jurnal Ilmu Komputer, Ekonomi Dan Manajemen (Jikem)*, 2(1), 1464–1474.

Information about the authors:

Bekti Istiyanto, Dr.Sc. in Communication Science, Associate Professor, Associate Professor of the Communication Science, Universitas Pembangunan Nasional Veteran (Jalan Fatmawati Pondok Labu Jakarta Selatan, Jakarta, Indonesia, 12450); *Research interests*: Media and developmental communication, Interpersonal communication, Multicultural communication; *e-mail*: bekti.istiyanto@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0002-9031-8666; Scopus ID: 57205023689.

K.Y.S. Putri, Dr.Sc. in Communication Science, Associate Professor, Associate Professor of the Communication Science, Universitas Negeri Jakarta (RT.11/RW.14, Jalan Rawamangun Muka, Rawamangun, Pulo Gadung, Kota Jakarta Timur, Daerah Khusus Ibukota Jakarta, Indonesia, 13220); *Research interests*: Study media, Public health, Public relations, Communication Method; *e-mail*: kinkinsubarsa@unj.ac.id
ORCID: 0000-0002-1622-5189; Scopus ID: 57205025978.

Adelina M. Siregar, Research Asisstant of Communication Science, Assistant Professor of the Communication Science, Universitas Negeri Jakarta (RT.11/RW.14, Jalan Rawamangun Muka, Rawamangun, Pulo Gadung, Kota Jakarta Timur, Daerah Khusus Ibukota Jakarta, Indonesia, 13220); *Research interests*: Study media, Interpersonal communication; *e-mail*: kyuliatys@gmail.com

Valerii L. Muzykant, Dr.Sc. in Sociology, Full Professor, Full Professor of the Mass communication Department of Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Media Economics,

New Media, International Branding, Mass Media Sociology and Integrated communications;
e-mail: muzykant-vl@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9422-351X; Scopus ID: 57194704701; SPIN-code: 4071-1550;
Research ID: AAE-1181-2020.

Anter Venus Khadiz, Dr.Sc. in Communication Science, Associate Professor, Associate Professor of the Communication Science, Universitas Pembangunan Nasional Veteran (12450, Jalan Fatmawati Pondok Labu Jakarta Selatan); *area of scientific interests*: Campaign Management, Sustainability Communication, Media Educations, Lobbying and negotiations; *e-mail*: antar.venus@unpad.ac.id
ORCID: 0000-0002-1913-4055; Scopus ID: 57210436904.

Сведения об авторах:

Бекти Истиянто, доктор коммуникационных наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных наук, Национальный университет развития ветеранов (12450, Джалан Фатмавати Пондок Лабу, Южная Джакарта); *область научных интересов*: Медиа и развивающаяся коммуникация, Межличностное общение, Мультикультурная коммуникация; *e-mail*: bekti.istiyanto@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0002-9031-8666; Scopus ID: 57205023689.

К.И.С. Путри, доктор коммуникационных наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных наук, Джакартский государственный университет (13220, Джалан Равамангун Мука, RT.11/RW. 14, Равамангун, Пуло Гадунг, город Восточная Джакарта, особый столичный регион Джакарты); *область научных интересов*: исследование СМИ, общественное здравоохранение, связи с общественностью, метод коммуникации; *e-mail*: kinkinsubarsa@unj.ac.id
ORCID: 0000-0002-1622-5189; Scopus ID: 57205025978.

Аделина М. Сирегар, научный сотрудник коммуникационных наук, доцент кафедры коммуникационных наук Джакартский государственный университет (13220, Индонезия, Джакарта, Джалан Равамангун Мука, Равамангун, Пуло Гадунг, RT.11/RW.14); *область научных интересов*: исследование СМИ, межличностное общение; *e-mail*: kyuliatys@gmail.com

Музыкант Валерий Леонидович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *область научных интересов*: экономика СМИ, новые медиа, международный брендинг, социология масс-медиа и интегрированные коммуникации; *e-mail*: muzykant-vl@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9422-351X; Researcher ID: 57194704701; SPIN-код: 4071-1550; Researcher ID: AAE-1181-2020.

Антер Венус Хадиз, доктор коммуникационных наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных наук, Национальный университет развития ветеранов (12450, Индонезия, Джакарта, Джалан Фатмавати Пондок Лабу); *область научных интересов*: управление кампаниями, коммуникации в области устойчивого развития, медиаобразование, лоббирование и переговоры; *e-mail*: antar.venus@unpad.ac.id
ORCID: 0000-0002-1913-4055; Scopus ID: 57210436904.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА FUNCTIONAL SEMANTICS AND GRAMMAR

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-443-456

EDN: OLOKET

UDC [811.161.1:811.581]’367.625

Research article / Научная статья

Functional Features of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese Languages

Xiuyu Li , Vladimir N. Denisenko , Aksinia A. Malenkova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 lixuyu0525@yandex.ru

Abstract. The article studies functional features of verbs involved in the expression of interpersonal relations in the Russian and Chinese languages. Considering this group of verbs as a subfield of the general lexical-semantic field of attitude verbs is primarily conditioned by the fact that it expresses relations arising among people in the form of feelings, judgments and appeals to one another in course of everyday life. The group of verbs with a variety of both direct and figurative meanings, which are used in different spheres of human communication, is analyzed. The analysis of the studied verbs allows us find out the ways of their realization and appropriate the means to describe human relations in the Russian and Chinese languages. In accordance with the aim and objectives of the study, the article considers cases of expressing relations using adverbs in some constructions of fiction texts, which allows us reveal such features of relations as multiple repetition, duration and length. The analysis of this group of verbs of interpersonal relations helps us understand the semantic structure of the verb that plays a leading role in the context and show the characteristics of the author’s individual expression of interpersonal relations. It was revealed that in isolated cases the verb in Chinese can fulfill the function of a subject, which is explained by the syntactic peculiarities of the structure of this language. The results of the study confirm the hypothesis of incomplete correspondence between the functional features of verbs of interpersonal relations in the two languages under comparison.

Keywords: verbs of interpersonal relations, function, functional features, speech style

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Li, Xiuyu, Denisenko, V.N. & Malenkova, A.A. (2024). Functional Features of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 443–456. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-443-456>

© Li Xiuyu, Denisenko V.N., Malenkova A.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Функциональные особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках

Сююй Ли , В.Н. Денисенко , А.А. Маленкова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 lixiuyu0525@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрение группы глагольной лексики как подполя общего лексико-семантического поля глаголов отношений обусловлено тем, что они выражают чувства, суждения и обращение друг к другу в повседневной жизни. В данной статье представлены функциональные особенности глаголов, участвующих в выражении межличностных отношений в русском и китайском языках. Анализу подвергается группа глаголов с прямыми и переносными значениями, которые употребляются в разных сферах человеческого общения. Авторами установлены способы и средства реализации глаголов с прямыми и переносными значениями для описания человеческих отношений в русском и китайском языках: выражения отношений неоднократной повторяемости, продолжительности и длительности с использованием наречий в конструкциях художественных текстов. В ходе исследования определена смысловая структура глагольной лексики, функционирующей в контексте, и особенности индивидуально-авторского выражения межличностных отношений. Выявлено, что в единичных случаях глагол в китайском языке может выполнять функцию подлежащего, что объясняется синтаксическими особенностями китайского языка. Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о неполном соответствии функциональных особенностей глаголов межличностных отношений в двух языках.

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, функция, функциональные особенности, стиль речи

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Li Xiuyu, Denisenko V.N., Malenkova A.A. Functional Features of Verbs of Interpersonal Relations in Russian and Chinese Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 443–456. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-443-456>

Introduction

Language is understood as an instrument and means of communication. It's a sign system of means and rules of speech which is common to all members of a certain society. In the opinion of N.N. Boldyrev, "language-speech representing an ontologically single object possesses structural and functional continuity; a meaning of a word is represented within a language system and in speech promotes a corresponding concept making the base to form various functional senses existing only in the frames of certain contexts" [1. P. 197].

The notion of function is one of the principle linguistic background features. Language is thought to be a certain system of means of expression and possesses

a set of proper functions, i.e., language serves to realize some definite goals, and those ideas are reflected in the work of *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* (1929) [2. P. 486]. The idea of linguistic function is also described in the work by a German linguist K. Bühler *The Theory of Language: The Representational Function of Language (Sprachtheorie)* (1934). For the further elaboration of the theory of linguistic functions K. Bühler paid attention to the multifunctional character of language while distinguishing the function of expression, the function of addressing and the function of passing a message, or the communicative function [2. P. 486]. Three types of utterances correlate with those three functions — declarative, exclamatory and imperative utterances.

An essential feature of the development of modern linguistics is its transformation from studying the language form to studying its functions and the laws of their use.

The notion of “function” as a separate entity of language and the functional-and-semantic field theory are the basic functional grammar terms [3. P. 343]. The theoretical and methodological background of the present study make the works of Russian and Chinese linguists in the spheres of lexicology and functional grammar studies: A.V. Bondarko, V.N. Denisenko, L.M. Vasiliyev, L.G. Babenko, E.V. Kuznetsova, Lu Shuxiang, Zhang Huisen, et al. [4–8].

Studies on functional semantic fields and functional grammars compose an important sphere, which the Russian linguist A.V. Bondarko had been developing for many years. Proceeding from the theory of functional grammar, he had primarily elaborated the complex analysis of the functional-and-semantic fields. Among the put forward principles of the analysis he specifies the so-called “shuttle descriptive principle”, which preset the means direction being “not only from functions and meanings towards their formal expression, but, as well, from the means of expression to their functions and meanings” [4. P. 8].

The main functional-and-semantic approach to study functional-and-semantic fields is grouping grammatical and lexical units according to some certain semantic categories possessing common features. In the opinion of V.N. Denisenko, “it is indeed the functional approach to meanings which allows demonstrate not just a deeper insight of the nature of the category’s paradigmatics or show the interior integral interdependence of the general semantics of classes and their units, but also make more vivid and regularly functioning of the use of those units” [5. P. 92].

The description and study of the categories of verbs are playing an important role in forming and developing functional researches.

In Russian and foreign linguistic research the key position belongs to topics on the verbs because in many studies of the Russian parts of speech involving the lexical system, the verb has got the leading role overtaking other word classes both due to the richness and depth of its content, the lexical meaning and the variety of forms and grammatical categories [9. P. 414]. The work “Verbal categories in the system of functional grammar” by A.V. Bondarko contains

the most detailed description of the most essential verbal categories in Russian and components of the verbal lexical and syntactical environment. He promoted the unified functional semantics pertaining both — lexis and grammar. The study and description of functional peculiarities of verbs seems essential for the linguistic theory and as well, for the practice of teaching languages in foreign auditorium.

In general, the multiplicity of lexical-and-semantic classifications of verb classes is determined by the unique verbal semantics. According to A.A. Ufimtseva, semantics of a verb as a word, does reflect real minimal pieces of the reality which approximate elementary events and situations, but more often the phenomena denoted by a verb differently to a noun, make a complex feature. The verb, being the most complex and significant part of speech, reflects not just separate phenomena, but the kind of phenomena-situations, phenomena-relations, actions-relations [10. P. 111].

On the whole the interpersonal relations are understood as a total of interconnections of a man with people around him in various spheres of activity. They are based on social links resulting from a certain interaction. The existence of a society is impossible without interpersonal relations as it's a crucial constituent of our life. The background of interpersonal relations is communication — a human need being a social rational being, a bearer of conscience.

At present, in the academic literature the question on how to classify the verbs of relations and what verbs belong to the lexical and semantic group of interpersonal relations is still relevant and argumentative. The meanings of the majority of Russian verbs under the study combine two types of categorical semes: 'relation' and 'feeling', e.g., the Russian verb *восхищаться* ('admire'). In Chinese, the hieroglyphs 生气 'shēng qì' also have a complex semantics, and each of its semes could cause different meanings while forming different lexical-and-semantic groups. For example, 生气 'shēng qì' could denote *сердить/рассердить* 'make angry' and *жизненная сила* 'life strength'. Thus the verbs under the study could be distributed into different lexical-and-semantic groups both in Russian and Chinese depending on the seme considered to be the basic one [11. P. 1].

In the system of the Russian language the group of verbs denoting interpersonal relations consists of the three different semantic groups [12. P. 593–606]: the verbs of emotionally-evaluative relation which could denote both — positive: *уважать* 'respect', *ладить* 'get along' and negative relation: *конфликтовать* 'conflict', *попрекать* 'reproach'; the verbs of outer, exterior relation which could be expressed by means of mimics as well: *улыбаться* 'smile', *хмуриться* 'frown', or speech: *оскорблять* 'insult', or gestures: *приветствовать* 'salute', *брезговать* 'loath', or action: *аплодировать* 'applaud', *обнять* 'embrace', or behavior *нежить* 'caress', *свирепствовать* 'be in a rage'; the verbs of contact: *знакомиться* 'make acquaintance', *торговаться* 'bargain', *роднить* 'appease' etc.

In the article we're going to discuss the verbs collected by means of continuous sampling method and belonging to the three already mentioned above semantic groups.

The specifics of the realization of expressing interpersonal relations in line with the system of functions in the Russian and Chinese languages

In modern Russian and Chinese the verbs of interpersonal relations are widely used in ever functional speech style. The functional speech style is represented as a conscious variety of speech means characterized by speech systemicity and fulfilling a certain function in communication and activity (e.g., science, politics, art, law, religion, etc.).

The theory of linguistic functions was laid as a base of various linguistic constructions. In understanding stylistic theory Acad. V.V. Vinogradov proceeded from various functions of language. Depending on the target and environment of communication there are classified five main speech styles: “journalistic (publicistic) style, artistic or literary fiction style, conversational style, academic style and official style”¹ [13; 14]. The description of stylistic specifics and peculiarities of the verbs of interpersonal relations in Russian and Chinese wouldn't be sufficient or complete “if not to disclose their functional origins, not to show those really existing in language ‘mechanisms’, which determine the origins and form the background of their real existence in language” [2. P. 372].

1. Journalistic style maintain a vast domain of social relations, e.g., political, economic, cultural, sportive, and so on. It's also called ‘the style of mass media’, the style of newspapers, journals and magazines, radio and TV broadcast, etc. Its main function is the influential function. And the verbs of interpersonal communication are widely used, e.g.:

1) in Russian:

*Фактически нынешняя Польша превращается в государство времен Ю. Пилсудского, когда Варшава **конфликтовала** со всеми соседями и жаждала территориальной экспансии* (Новости первого канала, 23.04.2023). The verb **конфликтовала** ‘**conflicted with**’. Source: News of Channel 1, 20.05.2023.

*Мы решительно **осуждаем** боевые действия в Судане. Они угрожают безопасности мирных граждан, подрывают усилия по демократическому переходу в Судане и могут повлиять на стабильность в регионе* (РИА Новости, 20.05.2023). The verb **осуждаем** ‘**blame**’, ‘**denounce**’. Source: RIA News, 20.05.2023.

¹ Dictionary of literary terms. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/406-функциональные%20стили%20речи?ysclid=lhymfaq42x488980138> (accessed: 22.05.2023).

In the above mentioned sentences the verbs denoting emotional-evaluative relations are used in their direct lexical meanings.

In some constructions verbs with prefixes are used, e.g.: *сдружиться, задружиться* and others. E.g., *За время боевого слаживания они сдружились друг с другом и знают, на что способны, и что надеются скоро вернуться домой* (РИА Новости, 07.11.2022). The verb *сдружились* ‘made friends’. Source: RIA News, 07.11.2022.

Special attention is drawn to the sentence in which there are simultaneously used the verbs expressing both — negative and positive emotional-evaluative relations. In one context there are often used antonyms, for example: *Еще год назад толстосумы таких презирали, а теперь благоговеют* (Комсомольская правда, 24.12.2009). The verbs: *презирали* ‘despise’ and *благоговеют* ‘adore’, ‘worship’. Source: Komsomol’skaya Pravda, 24.12.2009.

2) In Chinese:

无论国际风云如何变幻, 中国与中亚各国始终相互尊重、睦邻友好、同舟共济、互利共赢 [wú lùn guó jì fēng yún rú hé biàn huàn, zhōng guó yǔ zhōng yà gè guó shǐ zhōng xiāng hù zūn zhòng, mù lín yǒu hǎo, tóng zhōu gòng jì, hù lì gòng yíng] lit.: ‘Never mind changing international situation, China and Central Asian countries used always **pay respect** to one another, conserve good neighborhood relations, sail in one boat and abide mutual profits and mutual victory’ (Xinhua News, 19.05.2023); The verb: 尊重 ‘pay respect’. Source: Xinhua News, 19.05.2023.

As is known, love and hatred cause different and opposite emotions of every man, and sometimes they could be felt at once. In Chinese, in journalistic style this idea is also confirmed by the context: 但正如科比所说: 在你恨我的同时, 也有很多人爱我, 而他们的原因也是一样的 [dàn zhèng rú kē bǐ suǒ shuō: zài nǐ hèn wǒ de tóng shí, yě yǒu hěn duō rén ài wǒ, ér tā men de yuán yīn yě shì yī yàng de] lit.: ‘But, as Kobi said, while you **hate** me, there are many people who **love** me on the same basis’. The verbs: 恨 ‘hate’ and 爱 ‘love’.

It’s also worth mentioning that a number of words expressing positive values in the journalistic style are often used as the verbs of interpersonal relations.

In Chinese, the verb as a part of speech denotes action or condition of an object, and also the target of action or the way, the manner of it [15. P. 708]. Sometimes a verb indicates a relative feature of an object [16. P. 92]. “Signifying the action or the condition of an object, a verb used to realize the function of a predicate. Signifying the action target or a manner of action, it plays the role of a circumstance. Indicating a relative feature of an object a verb fulfils the attributive function. In a few single cases a verb might function as a subject of a sentence” [16. P. 49].

In modern Chinese one can rather often observe the situation when a verb used in non-typical syntactic position for it, could realize the function either of a subject or a complement. *For instance*: 这等待是相当痛苦的 [zhè děng dài shì xiàng dāng

tòng kǔ de] ‘Это **ожидание** было довольно мучительным’. The verb: 等待 ‘**ожидание**’/‘**waiting**’.

The given phenomenon could cause difficulties in translation or use in speech. It also takes place in the group of verbs of interpersonal relations, e.g., 尊老爱幼是中华民族的传统美德 [zūn lǎo ài yòu shì zhōng huá mín zú de chuán tǒng měi dé] ‘**Уважение** к пожилым и **забота** о младенцах — традиционная добродетель китайской нации’. The verbs: 尊 ‘**уважение**’/‘**respect**’ and 爱 ‘**забота**’/‘**care**’. Here the Chinese verbs 尊 ‘**уважать**’ and 爱 ‘**заботиться**’ are the subjects. So, Chinese verb could function as a subject or complement, and at this, it doesn’t acquire formal features of a noun, and consequently, conserves the former categorial qualification.

To compare with other languages, Chinese verb is characterized as an element of language which could lose its predicative meaning while it’s the predicativity to form the verb as the main part of speech.

2. Artistic style represents the style of literary fiction and art, and its main function means to influence appealing to an artistic or fiction image. It’s used to convey artistic and fiction images and phenomena, to create a certain spirit of some reader’s emotional attitude or feeling. Literary fiction text makes the material for the studies. Indeed, the discussed group of verbs is most often used in the artistic style works; their functions are rather various. An author has to express emotional attitudes among the characters of a text. On the one hand, it gives the opportunity to present the rules and regularities of a linguistic system functioning, and on the other hand, to reveal the peculiarities of author’s individual expression of interpersonal relations. For instance:

1) in Russian:

Этот Оливьер, как рассказывал мне отец, презирал русских за невежество и глумился над ними жестоко (А.П. Чехов, Соседи, 1892). The verb: *глумился* ‘**mocked**’.

*Я имел самые странные понятия о красоте... поэтому каждый намек на мою наружность больно **оскорблял** меня* (Л.Н. Толстой, Детство, 1852). The verb: *оскорблял* ‘**insulted**’.

The use of adverbs in some structures of fiction texts could also point out such peculiarities of relations as multifold repetitions, continuity, duration and longevity [10. P. 112–113]. In this study we are considering the following use of adverbs:

a) The use of the adverb *давно* ‘**long time ago**’ which could give evidence of the duration of relations, e.g., *Он так **давно влюблен**, и мне его очень жаль* (Л.Н. Толстой, Анна Каренина, 1878); — *Ах, я **давно так не смеялась!** — сказала Варенька, собирая зонтик и мешочек* (Там же). The adverb and predicate: *давно влюблен* ‘**long time in love**’; *давно... не смеялась* ‘**didn’t laugh so long**’.

- b) The use of the adverb **никогда** ‘never’, which correlates with the negative verbal form, e.g., *Я тебя никогда так не любила, Ваня* (Ф.М. Достоевский, *Униженные и оскорбленные*, 1861); The collocation: **никогда ... не любила** ‘have never loved’ — *no negative verbal form in English!*
- c) The use of adverb **не раз** ‘not once’ indicating the repetition of relations, e.g.: *Хотя и знала, что старик их подозревает в ней и даже не раз попрекал ее косвенным образом* (Там же). The collocation: **не раз попрекал** ‘not once reproached’.
- d) The degree of the intensity of feelings could be demonstrated by the use of a predicate’s amplifiers, e.g., the use of the adverb **очень** ‘very’, meaning ‘at the great, significant degree’. For example: *Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны* (А.С. Пушкин, *Барышня-крестьянка*, 1830). The collocation: **очень любила** ‘loved very much’.
- e) The use of the adverb **страшно** ‘very much horrifying’, ‘greatly’, ‘extremely’ meaning ‘the significantly intensive revelation’ E.g., *Он был как убитый; Нелли страшно оскорбила его; все поднялось, во мне* (Ф.М. Достоевский, *Униженные и оскорбленные*, 1861). The collocation **страшно оскорбила** ‘greatly insulted’.
- f) The adverb **так** ‘so’, ‘so much’ also denotes the degree of a feature. For example: *Должно быть, это вышло ужасно глупо, и потому-то, вероятно, Наташа так странно улыбнулась тогда моему восторгу* (Там же). The collocation: **так ... улыбнулась** ‘smiled so...’.

2) in Chinese:

但她渴望这件婚事成功, 特别是要使自己定心, 就更相信女儿的话了 [dàn tā kě wàng zhè jiàn hūn shì chéng gōng, tè bié shì yào shǐ zì jǐ dīng xīn, jiù gèng xiàng xìn nǚ ér de huà le] ‘However, she didn’t want so much this marriage, and moreover, the comforting feeling of her worries’, so that she **believed** it’. The verb: 相信 ‘believed’.

我嘲笑世界上的一切, 特别是感情. 这使她感到害怕 [wǒ cháo xiào shì jiè shàng de yī qiē, tè bié shì gǎn qíng. zhè shǐ tā gǎn dào hài pà] ‘I **laugh** at everything in the world especially at the feelings: and it starts to frighten her’. The verb: 嘲笑 ‘laugh’.

Emphasizing the peculiarities of relations by means of adverbs is characteristic in Chinese as well. In following sentence the adverb **никогда** ‘never’ in combination with the negative verbal form is expressed like that: как **а**, **я не** **знала**, **не** **встречала** **б** **его** **никогда**; and the adverb **очень** ‘very’, ‘very much’: **老两口十分相爱** [lǎo liǎng kǒu shí fèn xiàng ài] ‘*Старики очень любили друг друга*’/‘The old ones *loved* each other *very much*’.

The examples given above are taken from fiction works and give evidence that the functioning of the verbs under consideration reflects both general linguistic regularities and the author's peculiarities to depict characters and convey the content of the story, and create the large range of relations among the people.

3. For the conversational speech style the informal communication is rather typical, when the author shares his thoughts and feelings with the people around him, exchanges the information on everyday topics in the informal circumstances². Here the main function becomes the communicative function. In the spoken speech style there are used simple words, verbal expression of emotions, every day or substandard lexis. One of the typical features of the spoken speech style is emotional expressiveness which involves that in course of communication, communicants use gestures and mimics, and intonation which make clear and understandable the mood of the narrator; there are inserted pauses or the accent is put on specific phrases. For example:

1) in Russian:

Эх, ты... тихая моя! [Елена]. *При мне — не любезничать* ‘not to be polite)!

Ведь ты насмешишься ‘mock’ ‘make fun’, *над докторами* (АНТОНОВ).

И Брюсов весьма любопытничал ‘be curious’. «*Весь тот период густо окрашен мне Мережковскими; куда ни придешь*», — *говорят о них; в лаборатории говорим о них.*

It's worth mentioning that such verbs, which denote the amiability towards oneself like *приворожить* ‘bewitch’ figuratively meaning ‘очаровав, привлечь к себе, обворожить’ ‘having charmed, to attract, to enchant’ are characteristic for the spoken speech style/ Here comes an example: ‘Она его *приворожила*’/ ‘She has **bewitched** him’.

1) In Chinese:

卡佳, 我和你父亲最近这段时间相处得不太融洽, 这也难免 [kǎ jiā, wǒ hé nǐ fù qīn zuì jìn zhè duàn shí jiān xiāng chù dé bù tài róng qià, zhè yě nán miǎn] ‘Катя, мы с твоим отцом в последнее время не **ладили**, бывает’/ ‘Katya, we **didn't use to be on good terms** with you father’ during the latest time.

In Chinese, the figurative meaning of the verb *приворожить* ‘bewitch’ is expressed like that: *她怎么会把他迷到这个地步?* [tā zěnmé huì bǎ tā mí dào zhè gè dì bù] ‘Чем она его так **приворожила?**’ / ‘How **has she bewitched** him?’.

Such verbs as *брезговать* ‘loath’, *любезничать* ‘flirt’, *переглядываться* ‘exchange glances’, *торговаться* ‘bargain’, *привораживать* ‘bewitch’ do function in the everyday speech style, e.g.

² Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1114967> (accessed: 20.05.2023).

我知道你们这些外地人喜欢讲价,但这我可不擅长 [wǒ zhī dào nǐ men zhè xiē wài dì rén xǐ huān jiǎng jià, dàn zhè wǒ kě bú shàn zhǎng] ‘Я знаю, вы, чужаки, любите **торговаться**, но это не мой конек’/ ‘I know, you, men like **to bargain**, but it’s not my hot short’.

好吧,我们可以接受,对吧?他四下看了看 [hǎo ba, wǒ men kě yǐ jiē shòu, duì ba? tā sì xià kàn le kàn] ‘Хорошо. Нас ведь это устраивает? Он **переглядывается** со своими друзьями’/ ‘OK. Would it suit us? He **is exchanging glances** with his friends’.

4. Official speech style presents a functional variety of modern literary language to serve in the spheres of law, power, administration, trade inside the country and on the international arena. For instance:

1) In Russian:

Опекуны и попечители несовершеннолетних должны заботиться ‘have to take care’ об их обучении и воспитании.

In the conversational style there is often used a construction to express primarily the meaning of the “obligatory must”: a word with this meaning (*следует, надлежит, обязуется, должны, обязаны*) — all those mean ‘must’, ‘have to’, ‘should’ depending on the context, + a verb of interpersonal relations. For example: *Опекуны и попечители обязаны заботиться ‘should have to take care’ о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы.*

2) In Chinese:

万一涉及您和您的亲人的欺诈行为,执法人员请求您立即与最近的警察部门联系或致电: 02 [wàn yī shè jí nín hé nín de qīn rén de qī zhà háng wéi, zhí fǎ rén yuán qǐng qiú nín lì jí yǔ zuì jìn de jǐng chá bù mén lián xì huò zhì diàn] ‘Правоохранители просят в случае совершения в отношении вас и или ваших близких мошеннических действий незамедлительно **обращаться** в или по телефону: 02’ / ‘Law enforcement structures ask you **must** immediately **turn to** the nearest police station personally or by phone 02’, in case there were made fraud actions against you or your relatives.

It’s necessary to remark that the Chinese official speech style abandons with linguistic formulas containing lexical means typical for official speech [18. P. 40], e.g.: 对贵方热情的款待表示感谢 [duì guì fāng rè qíng de kuǎn dài biǎo shì gǎn xiè] ‘**Thank you** for the warm reception’ / ‘**Благодарим за** теплый прием’.

5. Academic style functions in the academic sphere of communication and speech activity; it reflects theoretical thinking in the notional-and-logic form. The message-sending function is the main one here. In the academic style, Russian and Chinese verbs of interpersonal relations are functioning as following:

1) In Russian:

*Отношения личности к другим являются, в сущности, взаимоотношениями, ...люди определенным образом **относятся** ‘relate’ друг к другу;*

Педагог обязан быть строгим и требовательным, не должен проявлять ‘reveal’ личных отношений... в присутствии других воспитанников или иных посторонних.

In this style the use of the verbs of interpersonal relations is usually revealed in the frames of a syntactic structure with the following verbs, e.g.: *быть* ‘be’, *являться* ‘appear’, *казаться* ‘seem’, *считаться* ‘take into account’, *обладать* ‘possess’, *отличаться* ‘differ’, *иметь* ‘have’.

2) In Chinese:

溺爱综合症是指家长对儿童过于娇生惯养和溺爱, 以致儿童在成长过程中产生一系列行为、品行和习惯方面的问题 [nì ài zōng hé zhèng shì zhǐ jiā zhǎng duì ér tóng guò yú jiāo shēng guàn yǎng hé nì ài, yǐ zhì ér tóng zài chéng zhǎng guò chéng zhōng chǎn shēng yī xì liè háng wéi, pǐn háng hé xí guàn fāng miàn de wèn tí] ‘Баловство — это ситуация, при которой родители **балуют** своих детей, что в процессе взросления приводит к большим проблемам с поведением, характером и привычками’ / ‘Desipience is the situation when the parents **spoil** their children, and it causes big problems in course of maturing concerning the character and habits’.

In Chinese, a specific feature of the academic style is a simplification trend expressed by means of specific syntax and text structure. “Simplification is inherited in academic texts because it has to contain maximum of information implied in the minimal volume” [19], as is used in the example given above: ...是 [shi] ..., 以致 [yizhi]... ‘что является..., что приводит к тому, что.../в результате чего...’ / ‘what appears ... what leads to/what results in...’.

It’s worth mentioning that using in the academic style of the verbs of interpersonal relations is characterized in both languages under the study with vivid logic, exactness and proof in comparison to other styles.

Conclusions

Main conclusions of the given study demonstrate that the verbs of interpersonal relations are frequently used in both languages and mainly reveal direct meanings. It is proved that in some singular usages a Chinese verb could fulfil the function of a subject which is due to the specifics of syntactic structures of the Chinese language.

We’d remark that under certain conditions when there takes place a semantic transformation of the verbs used in a certain context there are possible changes in meanings of some verbs that should be taken into consideration while to distribute the verbs among various lexical-and- semantic groups.

The results of the undertaken study confirm the hypothesis of incomplete correlation of functional peculiarities of the verbs of interpersonal relations in both languages — Russian and Chinese. In addition, it’s necessary to mention that the singularly functional approach to describe the given group of verbs

allows reveal the main specifics of these units in both languages under the study, and the comparative aspect of analysis makes it possible to put forward prognosis on the possible range of difficulties in translation and studying languages as the foreign ones.

References

1. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics*. Tambov: Tambov State University publ. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol. 1. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
3. Matveeva, A.S. (2014). Functional-semantic directions in modern linguistics. *Young scientist*, 11(70), 342–344. (In Russ.).
4. Bondarko, A.V. (2017). *Verbal categories in the system of functional grammar*. Moscow: House Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.).
5. Denisenko, V.N. (2005). *Semantic field “change” in the Russian language picture of the world (Structural, functional, cognitive aspects)*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
6. Babenko, L.G. (Ed.). *Russian verb lexicon: paradigm intersection: In memory of Era Vasilevna Kuznetsova*. Yekaterinburg. (In Russ.).
7. Lu, Shuxiang (2020). Objects of Grammatical Research. *The History of the Chinese Language and the Study of Sino-Tibetan Languages*, 2, 244–249. (In Chinese).
8. Zhang, Huisen (1989). Problems of functional grammar — A Review of A.V. Bondarko’s view of functional grammar. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 1, 17–23. (In Chinese).
9. Shvedova, N.Y. (1995). The verb as the dominant of the Russian lexicon. In: *Philological collection: To the 100th anniversary of the birth of Acad. V.V. Vinogradov*. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.).
10. Fakharova, G.R. (2011). Functions of verbs of interpersonal relations in the language of I.A. Bunin’s works. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2, 111–116. (In Russ.).
11. Frolova, M.V. (2016). *Linguistic expression of interpersonal intrafamily relations*. URL: http://www.rusnauka.com/9_NND_2013/Philologia/8_132081.doc.htm (accessed: 21.05.2023). (In Russ.).
12. Babenko, L.G. (Ed.). *Explanatory dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms*. Moscow: AST-PRESS. (In Russ.).
13. Han, Dong (2022). *A Review of Studies on Chinese Stylistic Grammar*. URL: <https://www.fx361.com/page/2022/0223/10080603.shtml> (accessed: 23.05.2023). (In Chinese).
14. Zhu, Jun. (2012). A Review of Studies on Chinese Stylistic Grammar. *Chinese Language Learning*, 5, 72–79. (In Chinese).
15. Kozlova, R.P. (2011). Lexical meaning of the Russian verb word. *Tomsk State University Journal*, 12(2), 707–712. (In Russ.).
16. Katuntseva, A.A. (2015). Features of verbs of the Chinese language. *Vestnik naučnogo obšestva studentov, aspirantov i molodyh učenyh*, 3, 92–95. (In Russ.).
17. Gorelov, V.I. (1989). *Theoretical grammar of the Chinese language*. Moscow: Prosveshchenie publ. (In Russ.).
18. Ulyanova, K.A. (2017). Comparative analysis of used expressions of business and colloquial styles of the Chinese language. *Lomonosov Philology Journal. Series 13. Oriental Studies*, 3, 30–45. (In Russ.).
19. Gong, Fuman. (1993). *Analysis of scientific style and its characteristics*. URL: <http://eyjx.com/view.asp?id=5991> (accessed: 29.11.2023). (In Chinese).

Библиографический список

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
2. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Семантика русского языка. Т. 1. М.: РУДН, 2001.
3. *Матвеева А.С.* Функционально-семантические направления в современной лингвистике // Молодой ученый. 2014. № 11(70). С. 342–344.
4. *Бондарко А.В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017.
5. *Денисенко В.Н.* Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты): дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2005.
6. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1997.
7. 吕叔湘. 语法研究的对象. 汉语史与汉藏语研究. 2020. №2. С. 244–249.
8. 张会森. 功能语法问题 — А.В. Бондарко功能语法观述评. 外语与外语教学. 1989. № 1. С. 17–23.
9. *Шведова Н.Ю.* Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М.: ИРЯ, 1995. С. 409–414.
10. *Фахарова Г.Р.* Функции глаголов межличностных отношений в языке произведений И.А. Бунина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2. С. 111–116.
11. *Фролова М.В.* Языковое выражение межличностных внутрисемейных отношений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/9_NND_2013/Philologia/8_132081.doc.htm (дата обращения: 21.05.2023).
12. *Бабенко Л.Г.* (ред.). Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ — ПРЕСС, 1999.
13. 韩冬. 汉语语体语法研究综述 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fx361.com/page/2022/0223/10080603.shtml> (дата обращения: 23.05.2023).
14. 朱军. 汉语语体语法研究综述. 汉语学习. 2012. № 5. С. 72–79.
15. *Козлова Р.П.* Лексическое значение русского глагольного слова // Вестник ТГУ. 2011. № 12–2. С. 707–712.
16. *Катунцева А.А.* Особенности глаголов китайского языка // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2015. № 3. С. 92–95.
17. *Горелов В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989.
18. *Ульянова К.А.* Сопоставительный анализ употребительных выражений делового и разговорного стилей китайского языка // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 3. С. 30–45.
19. *Гон Фумань.* Анализ научного стиля и его характеристики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eyjx.com/view.asp?id=5991> (дата обращения: 29.11.2023).

Information about the authors:

Li Xiuyu, PhD student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Interests semantics, lexicology, comparative study; *e-mail*: lixuyu0525@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8283-534X; SPIN-code: 8715-5942; Author ID: 1238280.

Vladimir N. Denisenko, Dr.Sc. in Philology, Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semantics, phonetics, morphology and lexicology of the modern Russian language, problems of General and Russian linguistics; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-code: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860, AAG-9635-2020.

Aksinia A. Malenkova, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer at the Foreign languages department, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: political discourse; cognitive semantics; connotation; conceptual sphere; *e-mail*: malenkova-aa@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7371-0404; SPIN-code: 3490-4963; Author ID: 375427.

Сведения об авторах:

Ли Сююй, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: проблемы семантики, лексикологии, сопоставительное исследование; *e-mail*: lixiuyu0525@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-8283-534X; SPIN-code: 8715-5942; Author ID: 1238280.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: разработка проблем семантики, фонетики, морфонологии и лексикологии современного русского языка, а также проблем общего и русского языкознания; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-код: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860, AAG-9635-2020.

Маленкова Аксиния Авенировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: политдискурс; когнитивная семантика; коннотация; концептосфера; *e-mail*: malenkova-aa@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7371-0404; SPIN-код: 3490-4963; Author ID: 375427.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473

EDN: OLJZNY

UDC [811.161.1:811.581]276.6:339

Research article / Научная статья

Peculiarities of Formation of the Term System of *International Trade*: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects

Yuhan¹ ², Olesya V. Lazareva¹ , Sergey A. Barov³ , Valeria T. Vered¹ ¹RUDN University, Moscow, Russian Federation²Inner Mongolia Normal University, Hohhot, People's Republic of China³Financial University, Moscow, Russian Federation

lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. The article discusses linguistic and cultural factors influencing the formation of Russian and Chinese terminology systems in the field of *international trade*. Associated with the inclusion of terms in the systems of Russian and Chinese languages trends are studied from the point of view of linguoculturology and linguoecology. *The relevance* of the work is determined by the practical need to establish similarities and differences between Russian and Chinese language terminological systems used within intercultural communication as part of economic (trade) relations. *The purpose* of the study is to identify linguocultural determinacy and dominants of linguoecology inherent in the differentiated Russian and Chinese terminological systems in the field of *international trade*. The factual *material* of the study was Russian and Chinese lexical units of international trade terminological systems (the sample contains more than 500 lexical units). In accordance with *the results* of the study, out of the total number of the terms examined, 36 % are Russian-language borrowed units adapted with the help of semantic calquing (9 % out of 36 %); 64 % of units are borrowed with the use of transcription, out of which — transliteration (52 %) and other methods (12 %). Of the total number of Chinese terms considered, only 18 % are borrowings that, when entering the Chinese language, had undergone only phonetic and graphic types of adaptation; 29 % of the units are borrowed with the help of morphemic and semantic calquing and hybrids; 9 % are terms written in the Latin alphabet; upon that, 44 % of the units are native terms. In *conclusion*, the article suggests, that the terminological systems of international trade in the Russian and Chinese languages are influenced by conditions associated with the specifics of the languages themselves and with the mentality of the peoples of Russia and China, on the one hand, and with the processes of globalization, on the other hand.

Keywords: terminology system, international trade, Russian, Chinese, extralinguistic factors, linguoculturology, linguoecology

© Yuhan, Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Financing. Acknowledgements:

This publication has been prepared with the support of research project № 124022500238–1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Yuhan, Lazareva, O.V., Barov, S.A., Vered & V.T. (2024). Peculiarities of Formation of the Term System of *International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473>

Особенности формирования терминосистемы сферы международная торговля: лингвокультурологический и эколингвистический аспекты

Юйхань^{1,2} , О.В. Лазарева¹ ✉, С.А. Баров³ , В.Т. Веред¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Педагогический университет Внутренней Монголии, Хух-Хото,
Китайская Народная Республика

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация
✉ lazareva-ov@rudn.ru

Аннотация. На формирование русскоязычной и китайскоязычной терминосистем в сфере международной торговли влияют языковые и культурные факторы. Авторы рассматривают тенденции, определяющие терминологию русского и китайского языков, которые исследуются с точки зрения лингвокультурологии и эколингвистики. *Актуальность* работы связана с практической потребностью в установлении сходств и отличий русскоязычной и китайскоязычной терминосистем, используемых в рамках межкультурной коммуникации в области экономических (торговых) отношений. *Цель* заключается в выявлении лингвокультурологической детерминированности и доминант, свойственных дифференцирующимся русскоязычной и китайскоязычной терминосистемам сферы *международная торговля*. *Материалом* исследования послужили русскоязычные и китайскоязычные лексические единицы терминосистем сферы *международная торговля* (выборка содержит более 500 лексических единиц). В соответствии с *результатами* исследования, в русскоязычном массиве терминов из общего числа 100 %) рассмотренных русскоязычных терминов 36 % составляют русскоязычные и адаптированные с помощью семантического калькирования заимствованные единицы (9 % из 36 %); 64 % единиц являются заимствованными с помощью транскрипции, из которых транслитерацией 52 %) и пр. способами 12 %). Из общего числа рассмотренных китайскоязычных терминов 100 %) — только 18 % составляют заимствования, которые при вхождении в китайский язык подверглись только фонетической и графической адаптации; 29 % единиц являются заимствованными с помощью морфемно-семантического калькирования, а также гибридами; 9 % составляют термины, записываемые латиницей; 44 % единиц — это исконные термины. В заключении авторы делают вывод о том, что на терминосистемы международной торговли русского и китайского языков влияют условия, сопряженные со спецификой самих языков и с менталитетом народов России и Китая, и с процессами глобализации.

Ключевые слова: терминосистема, международная торговля, русский язык, китайский язык, экстралингвистические факторы, лингвокультурология, эколингвистика

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238–1 «Модель мультиязычного терминологического словаря».

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Yuhan, Lazareva, O.V., Barov, S.A., Vered, V.T. Peculiarities of Formation of the Term System of *International Trade*: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473>

Introduction

Russia and China are major centres of international trade. The nature of intercultural interaction between the two countries and with other states depends, to a large extent, on the specifics of their inherent norms of business communication and, in relation to the topic, terminology systems in the field of *international trade*. Globalization processes contribute to the universalization of linguistic terminology systems, which is carried out mainly through borrowing. However, linguocultural and ecolinguistic factors provoke different influence of globalization on the formation of each of the systems of terms named above [1–3]. Thus, the *relevance* of this work is determined by the practical need to establish the similarities and differences between Russian-language and Chinese-language terminology systems used in intercultural communication in the field of economic (trade) relations. Today, the efficiency and availability of information are of great importance; they are all the more important the more serious the sphere of communication is [4]. Increasing business contacts between Russia and China reveal the need for systematization and structuring of accumulated knowledge not only about the specifics of their cultures, but also about terminological apparatus, as their use helps forward the success of intercultural interaction.

Characterizing the degree of scientific development of the problem under consideration, it should be noted that to date, we can find research carried out on the general theory of terminology (see, for example, [5–15]); on comparison of terminology systems of the analyzed languages [16; 17]; on the terminology of the field of *international trade* in the Russian and Chinese languages [18–20]. Some works study characteristic features of Russian-language and Chinese-language terminology systems in the field of economics, business and commercial communication, trade; and also consider individual features of terminology systems of Russian and Chinese from the perspective of symmetric-oriented approach and contactology. However, a comprehensive study of the features and a comparative

analysis of the formation of terminological systems in these languages are a relatively new direction. Previously, systematic research has not yet been carried out linking these two languages to study their relationship in the field of *international trade* terminology, incl. in linguoculturological and ecolinguistic aspects. Therefore, this article, the *purpose* of which is to identify the linguocultural determinacy and dominants of ecolinguistics inherent in differentiated Russian-language and Chinese-language terminology systems in the field of *international trade*, makes a certain contribution to the development of this area of scientific research.

Materials and research methods

The factual research material was Russian-language and Chinese-language lexical units of terminological systems in the field of *international trade*, presented in the dictionaries^{1,2,3}. The sample contains more than 500 units — 250 Russian and Chinese language facts each.

The following *methods* were used in the work: continuous sampling method; descriptive method, including observation of language material, its analysis, systematization, description; method of component analysis; comparative method.

Research results

The term system adopted by a specific linguistic community, alike their other standardized structures, embodies the propositions of collective consciousness, and, therefore, objectifies stable and dominant features of the linguistic mentality of society. By term system we mean a set of terms related to different areas of knowledge and differentiated according to the narrow focus of these areas. According to E.V. Chistova, a term is “a nominative unit that adequately reflects any concept of a certain field of knowledge, and also requires contextual verification” [20. P. 27]. S.V. Grinev-Grinevich proposes the following definition: “a term is a special lexeme that names a general concept” [6. P. 725]. The need to verify a term is determined by its following properties: “inconsistency, procedurality, formal semantic variation and dynamism” [20. P. 27]. Consequently, not every unit that is used in the interaction of people in any scientific communication paradigm can have the status of “term”, but only the one that fully meets all the above conditions.

The language of *international trade* is at the same time a type of language of business communication, “detecting various etiquette speech clichés and, in general, norms of verbal behaviour in relevant communication” [5. P. 9–10], besides, an independent discursive space. The discursive space of the macrosphere

¹ Козырская И.Е. Учебный словарь терминов по экономике и менеджменту. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017.

² Русско-английский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь под ред. И.Ф. Ждановой. М.: Русский язык, 1994.

³ 俄汉国际经贸词典 / 田宝新编著 Русско-китайский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь / под ред. Тянь Баосинь. Пекин: The Commercial Press, 2014.

of *international trade* absorbs terminological units that make up the linguistic framework of this sphere, i.e. its own terminological system. Due to the fact that for the field of *international trade* the main thing is always the achievement of the intended effect and effectiveness, its language (the field) is subordinate to the purpose of communication, i.e. it can be characterized as lexically neutral, not allowing any means of verbal expressiveness and recognized for standardization, brevity and accuracy. However, the filling of the terminological system in the field of *international trade*, its formation and transformation, to a sufficient extent “depend on the cultural and linguistic attitudes of the society, its preferences” [18. P. 145].

Specifics of the Russian-language terminology system in the field of *international trade*

The terminological system of the field of *international trade* in the Russian language embodies the mental and linguistic characteristics of representatives of the corresponding linguistic culture and demonstrates its ecolinguistic dominants. The Russian-language system of terms in the field of *international trade* consists mainly of borrowings that came from other European languages. As noted by E.V. Chistova, foreign vocabulary became widespread in the 1990s. after Russia became open to contacts with Western European countries. This is marked not only by increased intercultural interaction, but also by the flourishing of individual entrepreneurship, which over time entered the world market [20]. The country’s economy joined intensive global processes, and economic relations with European countries were subject to Western conventions. Since the dominant positions in the trade and economic sphere were occupied by English-speaking countries, which at a certain stage succeeded in scientific, technical and commercial terms, most borrowings into the Russian language came from the English language, or through its mediation.

The Russian mentality is to a large extent characterized by collectivism and desire to join the opinion of the authoritative majority, and, finitely, this is reflected in the conduct of business by Russian entrepreneurs [5]. The predominant language in the field of *international trade* was and is to this day English, which has a well-developed and appropriate terminological apparatus. The trade and economic terminology of the Russian language after the dissolution of the USSR required significant expansion and adaptation to the realities of the new era, in which the leading role was taken by English-speaking countries led by the United States. Borrowings in the Russian-language system of terms in the field of *international trade* were also caused by the need to nominate commercial concepts that came along with the new realities of the world economy after 1991. In addition, the English language, like the Russian language, belongs to the Indo-European language family, which, due to a number of their unifying features, contributes to “light” borrowing. We can say that the determining factors in the formation of the

term system (In the field of *international trade*) were the need to name new concepts, their connection with the “common language” of the world economy, functioning based on English, that is, the rapid adaptation of English terms to the Russian language system. At the same time, we note that the Russian-language terminology system has many original lexemes.

Let us turn to illustrative material in order to outline the features of the formation of the Russian-language terminology system in the field of *international trade*. So, in this system there are (examples are taken from^{4,5}):

1. terms that have primordial origin and reflect linguocultural propositional ideas about those concepts / objects of reality they call: *неустойка* ‘forfeit’, *счёт* ‘bill’, *сделка* ‘deal’, *торг* ‘bargain’, *прибыль* ‘profit’, etc.;
2. terms borrowed from other languages (mainly from English) and have undergone adaptation in the Russian language:
 - terms that appeared based on semantic calquing (sometimes with a borrowing word adapted through transcription, transliteration): *внешнеторговый баланс страны* (from the English *foreign trade balance*), *ёмкость рынка* (from the English *market capacity*), *наличный расчёт* (from English *cash settlement / cash payment*);
 - graphically and phonetically adapted terms: *бизнес* ‘business’, *варрант* ‘warrant’, *демпинг* ‘dumping’, *импорт* ‘import’, *экспорт* ‘export’, *маржа* ‘margin’, etc. (the given terms are borrowed from English, the term *маржа* ‘margin’ is of French origin — in this case, the English language acted as an intermediary);
 - terms consisting of Russian and English words: *внутрифирменная торговля* ‘intrafirm trade’, *бартерная сделка* ‘barter deal’, *аукционная цена* ‘auction price’ (these terms are borrowed from English; the word *аукцион* ‘auction’ is of Latin origin — in this case, the English language acted as an intermediary).

Separately, we should highlight the borrowing of abbreviations that undergo sound and graphic, syllabic and mixed adaptations, characterized by differentiation of the abbreviated complex with its decoding: *МБРР* (*Международный банк реконструкции и развития*) — from English IBRD (International Bank for Reconstruction and Development), *ЕАСТ* (*Европейская ассоциация свободной торговли*) — from English EFTA (European Free Trade Association).

Ecolinguistic properties of the terminological system of the field of *international trade* in Russian can be designated as:

- wide availability (*баррель* ‘barrel’ is used in different countries to name a unit of capacity and volume of bulk solids; the lexemes *литр* ‘litre’ and *галлон* ‘gallon’ are not widely used);

⁴ Козырская И.Е. Учебный словарь терминов по экономике и менеджменту. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017.

⁵ Русско-английский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь под ред. И.Ф. Ждановой. М.: Русский язык, 1994.

- the desire for brevity, which is absent in authentic Russian names (*дилер* ‘dealer’ — a trading partner who purchases products wholesale and sells them at retail);
- specification of lexemes (*дистрибьютор* ‘distributor’ — a trader who enters into an agreement with a manufacturer for the right to sell its products for an agreed period; the phrase *посредник сбыта* ‘sales intermediary’ does not specify a certain meaning of the nominated object);
- the average degree of preservation of propositional terminological units that correlate with units of the country’s internal trade structure (presence of original nominative units: *договор купли-продажи* ‘purchase and sale agreement’, *поставка* ‘delivery’, *выручка* ‘revenue’, *ценообразование* ‘pricing’).

Of the total number (100 %) of Russian-language terms examined, 36 % are Russian-language and borrowed units adapted with the use of semantic calquing (9 % of 36 %); 64 % of units are borrowed with the use of transcription, of which transliteration (52 %) and other methods (12 %) (see Fig. 1).

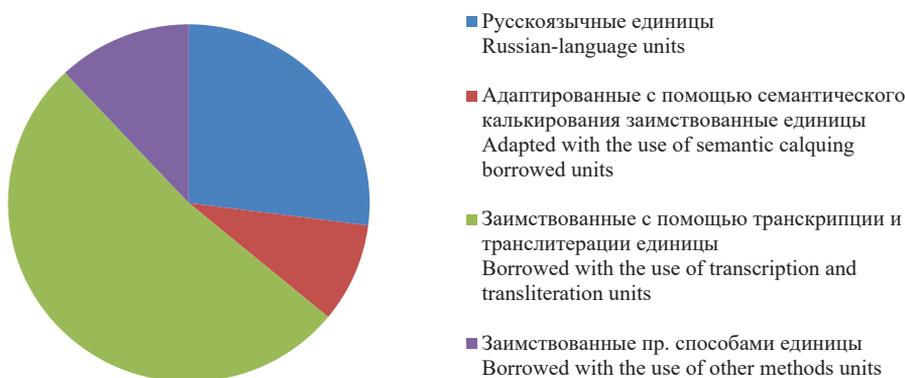

Fig. 1. Composition of the Russian language terminology system in the field of international trade
Source: authors' study.

Since borrowed terms are used in a narrow trade sphere, they almost do not acquire semantic connotations and do not have deep associative connections in the language, therefore they exist more often as monosemantic representatives: *штрих-код* ‘barcode’, *факторинг* ‘factoring’, *реимпорт* ‘re-import’, *рамбурс* ‘reimbursement’, *инфляция* ‘inflation’. In modern Russian these terms are implemented as follows:

- *При оформлении покупки в магазине необходимо предъявить товарный чек и убедиться, что штрих-код на упаковке соответствует указанному на кассовом чеке* ‘When making a purchase in a store, you must present a sales receipt and make sure that the **barcode** on the package matches the one indicated on the cash register receipt’;

- *В последние годы растет популярность **реимпорта** в России, так как многие потребители предпочитают приобретать товары из-за рубежа, используя специальные интернет-платформы и сервисы доставки ‘In recent years, the popularity of **re-import** in Russia has been growing, as many consumers prefer to purchase goods from abroad using special Internet platforms and delivery services’;*
- *По новому законодательству, магазинами при возвращении товаров осуществляется возврат денежных средств на банковскую карту покупателя, в том числе и в случае **рамбурса** товаров, приобретенных в иностранных интернет-магазинах ‘According to the new legislation, when goods are returned to stores, they (stores) return funds to the buyer’s bank card, including in the case of **reimbursement** of goods purchased in foreign online stores’.*

Moreover, in some cases, some trade terms, such as *штрих-код* ‘barcode’ or *рамбурс* ‘reimbursement’, sometimes acquire additional meanings and associations in the context of the trade language. For example, the sentence «**Штрих-коды** позволяют автоматизировать процесс инвентаризации и упростить учет товаров в магазине» ‘**Barcodes** can automate the inventory process and simplify the accounting of goods in a store’ [ibid.] indicates the functional use of a barcode for managing warehouse operations and inventory. The term *рамбурс* ‘reimbursement’, in turn, has the meaning of a foreign exchange transaction when the seller buys a product at a high rate and returns the difference between the purchase and sale rates. An example of a sentence with the use of *рамбурс* ‘reimbursement’ could be as follows: «Магазин предлагает ребейт-программу, которая позволяет получить **рамбурс** в размере 10 % от общей стоимости покупки» ‘The store offers a rebate program that allows you to receive a **reimbursement** in the amount of 10 % of the total purchase price’ [ibid.]. Thus, although trade terms are usually used without deep associations, they can still sometimes acquire new meanings and introduce lexical diversity into the language of trade.

Specifics of the Chinese-language term system in the field of *international trade*

The Chinese-language term system of the *international trade* field also embodies mental and linguistic characteristics of representatives of Chinese linguistic culture and demonstrates its ecolinguistic dominants. The system of terms in the field of *international trade* in the Chinese language consists mainly of original nominative units and borrowed, but specially adapted lexemes and phrases [19]. It should be noted that China has long been considered an economically successful

⁶ Trade and Economic Magazine. SyberLeninka [Electronic Resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/torgovo-ekonomicheskijzhurnal?i=1012332> (accessed: 11.07.2023).

country. China's isolation ensured its independence in choosing commercial solutions, including language ones. The traditions of China, stemming from the mental ideas of the Chinese about the importance of preserving their own culture, were reflected in the economic relations of the country, which for a long time did not allow elements associated with European civilization into its borders. However, in the 20th century China gradually began to open up to globalization processes and consistently enter into close economic interaction with Western countries [22]. Occupying one of the leading positions in the field of foreign trade, China is influenced by Euro-Atlantic economic conventions, incl. arriving through the language — terminological system.

The Chinese language is significantly distant from the Indo-European family, is isolating, and is characterized by “specificity manifested in cognitive-semantic terms” [21. P. 420]. This is the main reason for the irrelevance of borrowed words from European languages: the hieroglyphic system complicates the borrowing processes. This main feature of the Chinese language, that is, the complete absence of the use of alphabet (as, for example, is the case in the Japanese language) has ensured a high degree of integrity of authentic Chinese-language terminology in the field of *international trade*. One or two-morpheme structure of Chinese words in combination with the syllabic sound system of the Chinese language systematically prevented the borrowing of foreign vocabulary, in contrast, for example, to the Japanese language, where it is widespread and carried out with the help of *katakana* (a graphic form of the Japanese syllabary alphabet — *kana*). However, the presence of stable ties with Japan, with which China closely interacts and through whose language it perceives some borrowings, contributed to the entry into the Chinese-language terminology system of some words that can conventionally be called *Anglicisms*.

Let us consider the features of the formation of the Chinese-language terminology system in the field of *international trade* with the use of factual material (examples are taken from^{7, 8}):

1. terms that are primordially of Chinese origin and reflect linguistic and cultural propositional ideas about those concepts / objects of reality that they name:
 - 铺子 [pūzi] ‘a traditional store (shop) that offers various goods and services’. The term reflects long-held ideas about a typical retail location with a large, extensive range of products;
 - 零售 [língshòu] ‘retail trade (sale)’. This term literally means ‘to sell with an addition’ and reflects the original idea of trading with a markup;
 - 市场 [shìchǎng] ‘market (bazaar)’. The term represents traditional Chinese markets that offer food, consumer goods and handicrafts;

⁷ Козырская И.Е. Учебный словарь терминов по экономике и менеджменту. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017.

⁸ 俄汉国际经贸词典 / 田宝新编著 Русско-китайский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь / под ред. Тянь Баосинь. Пекин: The Commercial Press, 2014.

- 货品 [huòpǐn] ‘product (item of goods)’. The term reflects ideas about goods as specific products offered on the market or in a store;
2. terms borrowed from other languages (mainly from English), incl. through the mediation of the Japanese language, and having experienced adaptation in the Chinese language:
- a) terms that have undergone morphemic and semantic adaptation:*
- 营销 [yíngxiāo] ‘marketing’, adapted to Chinese, with subsequent morphemic meanings: ‘to engage in, strive for...’ ‘selling, marketing’;
 - 投资 [tóuzī] ‘investment’, adapted with subsequent morphemic meanings: ‘to invest’ ‘capital, funds’;
 - 财务 [cáiwù] ‘finance’, adapted with subsequent morphemic meanings: ‘wealth, fortune, property’ and ‘business, occupation’;
 - 电子钱包 [diàn zǐ qián bāo] ‘electronic wallet’, borrowed from Japanese イレクトロニックマネー — [erekutoronikku manee], short from English *electronic wallet*; adapted graphically and phonetically;
 - 电商 [diànshāng] ‘electronic commerce (online business)’. The term is a contraction and adaptation of the phrase 电子商务 [diànzǐ shāngwù] for the purpose of more compact denoting *online commerce* or *electronic commerce*;
 - 市场需求 [shìchǎng xūqiú] ‘market demand, demand in the market’. The term is adapted to refer to the needs and requirements of consumers in the market;
 - 营销策略 [yíngxiāo cèlüè] ‘marketing strategy’. Phrase 营销 [yíngxiāo] received new meanings, denoting ‘events to promote goods, services and brands’, and 策略 [cèlüè] means ‘plan’ or ‘strategy’;
- b) hybrid terms, including both a borrowed element and an original Chinese one:*
- 销售额 [xiāoshòu é] ‘volume of sales’. This term is adapted from the words 销售 [xiāoshòu] ‘marketing, sales’ and 额 [é] ‘amount, volume’;
 - 市场份额 [shìchǎng fèn’é] ‘market share’. This term is adapted for Chinese and represents a combination of words 市场 [shìchǎng] ‘market’ and 份额 [fèn’é] ‘share, part’;
 - 营收 [yíngshōu] ‘revenue, income’. The term 营 [yíng] is adapted and means ‘to engage’; 收 [shōu] means ‘collection’;
 - 运营 [yùnyíng] ‘management, operational activities’. In this case the word 运 [yùn] is adapted and means ‘transportation’, and the word 营 [yíng] means ‘business’ or ‘commerce’;
- c) terms written in the Latin alphabet, called graphically unadapted:*
- IPO [Initial Public Offering]. The term is used in the context of a company going public on the stock market;
 - M&A [Mergers and Acquisitions]. The term refers to the processes of acquisition and combination of companies;
 - CRM [Customer Relationship Management]. The term refers to the strategies and technologies used to support interactions with customers;

- O2O [Online-to-Offline]. The term refers to business models that combine online and physical presence of companies.

Ecolinguistic properties of the terminological system of the field of *international trade* in Chinese can be designated as:

1. prevalence of secondary borrowing over direct borrowing, which has significant differences with the system of the receiving language:
 - 消费 [xiāofèi] ‘consumption’. This term is secondarily borrowed from Japanese 消費 [shōhi] and transferred to Chinese;
 - 供应链 [gōngyìnglián] ‘supply chain, procurement’. The term, translated literally, means ‘connected supply’ and was secondarily adapted from the English *supply chain*;
2. contextual conditionality of the terminological unit, detecting its eventual special meaning:
 - 财务报表 [cáiwù bàobiào] ‘financial statements’. In the context of trade and economic activity, we are talking about a financial document that provides information about the financial condition and result of the company’s operations;
 - 供应链管理 [gōngyìng lián guǎnlǐ] ‘supply chain management’. In the context of the trade and economic environment, this term means strategic planning, coordination and control of the process of supplying and distributing products or services from the supplier to the final consumer;
 - 市场营销 [shìchǎng yíngxiāo] ‘marketing’. In a trade and economic context, the term refers to the process of positioning and promoting goods or services in the market to achieve maximum competitiveness and consumer satisfaction;
3. high degree of preservation of propositional terminological units that correlate with the units of the mental-linguistic sphere of the Chinese (the presence of original nominative units):
 - 电商巨头 [diànshāng jùtóu] ‘e-commerce leader’. In this term, 电商 [diànshāng] means ‘electronic commerce’, and 巨头 [jùtóu] — ‘giant’ or ‘leader’. This term reflects the position of large companies in the field of e-commerce;
 - 货币 [huòbì] ‘currency’. This term consisting of a word 货 [huò], which means ‘goods’ and ‘wealth’, and 币 [bì] ‘money’ or ‘currency’, reflects the concept of a monetary system or market medium of exchange in accordance with the mental-linguistic sphere of the Chinese;
 - 市场 [shìchǎng] ‘market’. This term consists of original Chinese hieroglyphs 市 [shì], which means ‘city’ or ‘market’, and 场 [chǎng] — ‘area’ or ‘place’ — and is used to denote the concept of the market in accordance with the mental-linguistic sphere of the Chinese.

Of the total number of terms examined, only 18 % are borrowings, which, when entering the Chinese language, underwent only phonetic and graphic adaptation. 29 % of units are borrowed with the use of morphological and semantic calquing and hybrids. 9 % are terms written in the Latin alphabet; while 44 % of the units are native terms (see Fig. 2).

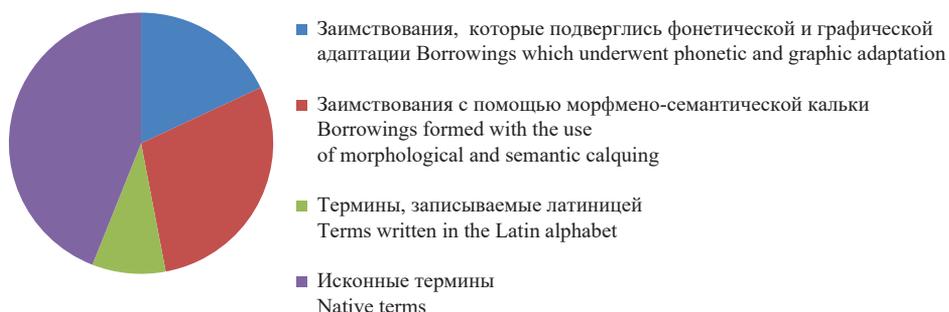

Fig. 2. Composition of the Chinese language terminology system in the field of international trade
Source: authors' study.

Since most of the units of the terminological system under consideration demonstrate authentic features of the Chinese language, their (units) wide semantic range is stated. It is determined by a wide range of associations and connotations, which, in turn, contributes to their distribution and use not only in the field of *international trade* relations, but in social and everyday life communications. As a rule, terms of the trade sphere are polysemantic: 零售 [língshòu] ‘retail / retail sales’; 批发 [pīfā] ‘wholesale / wholesaler’; 供应链 [gōngyìngliàn] ‘supply chain / procurer’; 追溯系统 [zhuīsù xìtǒng] ‘tracking system / direct tracking’; 商贸 [shāngmào] ‘trade / trader’. In Chinese, these terms are implemented as follows:

- 在当前的零售市场上，消费者的需求越来越多样化，品牌的重要性也日益突显 ‘In today’s **retail** market, consumer needs are becoming more diverse, and the importance of branding is becoming more prominent every day’;
- 中国的供应链发展迅速，实现了生产、物流、销售的高效衔接和整合，为消费者提供了更优质、更便捷的产品和服务 ‘The development of **supply chain** in China is progressing at a rapid pace, connecting production, logistics and sales, which ultimately contributes to providing consumers with quality products and convenient services’;
- 供应链透明化和追溯系统的建立是保障消费者食品安全和质量的重要措施 ‘Establishing transparency in the supply chain and implementing **tracking systems** are important measures to ensure consumers have access to safe and quality food’⁹.

Definitely, these terms are polysemantic and have a broad representativeness due to the variety of aspects that they can cover. This is due to the dynamism and diversity of the processes and operations in the trading sector. Such terms usually have multiple meanings or interpretations, and their specific meaning depends on the context in which they are used. For example, the term 商贸 [shāngmào]

⁹ 中時新聞網. 是台灣歷史最悠久的新聞網站 (Zhong news) [Taiwan News]-Resource Shiongzhong news: (Taiwan News) [Electronic Resource]. URL: <https://www.chinatimes.com/? chdtv> (accessed: 11.07.2023).

‘trade / trader’ can refer to both the act of selling goods and the general activities of trade professionals. Such a variety of meanings in trade terms requires special attention and precise definition of the context.

Thus, the formation of term systems of the Russian and Chinese languages in the field of *international trade* reflects the phenomena of linguoculturology and ecolinguistics, differentiated in the two compared languages:

1. in the Russian language there is an increased borrowing of terms in the field of trade from European languages, mainly from the English language, while the Chinese language strives to develop independent terminological solutions and, if it resorts to borrowings, then mainly through the Japanese language;
2. globalization “pushes” the term systems of the field of *international trade* of the Russian and Chinese languages to borrowings from English, but the ratio of their units in the systems under consideration is not the same, which, in turn, is determined by their (systems) internal properties and mentality of Russia and China;
3. these properties also influence the semantic content of the lexical units of the term systems of the Russian and Chinese languages: the terms of the Russian language demonstrate unambiguity and specificity, while the terms of the Chinese language have a complex semantic structure.

Conclusions

The Russian-language term system of the *international trade* field is formed based on linguocultural propositions expressed in the focus of mental preferences, characterized by a focus on the authority of borrowed vocabulary and a simultaneous desire for its transparency; the latter is achieved by preserving the original terms, which at the same time expresses the desire not to lose self-identity. The Chinese-language terminology system exhibits aspirations that are asymmetrical to the Russian-language terminology system. For the Chinese, the main thing is the preservation of culture, including language, therefore most of the terms in the field of *international trade* are of primordial Chinese origin or have undergone a special morphemic and semantic adaptation (they were created following the model, but based on the Chinese language). Features of the systems of the Russian and Chinese languages determine the relevance of borrowings and the process of their entry into these languages: the involvement of the Russian language in the Indo-European family detects some convenience when borrowing from related languages; Chinese is an isolating language and is very distant from the systems of Indo-European languages, therefore it tends to borrow terms through Japanese.

Ecolinguistic principles of the Russian and Chinese languages determine the adoption of lexemes in terminological systems, based on their differing linguocultural propositions of the influence of extralinguistic factors of globalization. The reason for the adoption of a lexeme into the Russian-language terminology system is often its (lexeme) highly specialized meaning, which,

in turn, is the prevailing criterion for selection and choice between native and non-native. The lexeme's originality often prevails when including in the Chinese terminology system. Thus, most Chinese foreign trade terms are characterized by polysemy and contextuality. The given indicators act as differentiators when comparing Russian-language and Chinese-language terminology systems in the field of *international trade*.

References

1. Bigayeva, E.S. & Tadtaeva, A.V. (2016). Lingvokulturological factors in the era of globalization. *Humanities and social sciences*, 2, 131–137. (In Russ.).
2. Sazonov, M.D. & Bukhareva, L.P. (2020). Lingvoecology and eco-linguistics. In: *Social and humanitarian sciences and practices in the 21st century: Human and society in a changing world: Sixteenth International Spring Scientific Conference, Yoshkar-Ola, 14 May 2020*. Yoshkar-Ola: Povolzh State University of Technology publ. pp. 74–75. (In Russ.).
3. Galankina, I.I., Perfilieva, N.V. & Tsibizova, O.V. (2022). Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> (In Russ.).
4. Voloshina, T.G. & Radovich, M.A. (2022). Lingvokulturological aspects during the contact. *Questions of journalism, pedagogy, linguistics*, 41(1), 114–124. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124> (In Russ.).
5. Tan, Han (2011). *Linguocultural specificity of Russian—Chinese business communication* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (In Russ.).
7. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
8. Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2022). Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> (In Russ.).
9. Bozhenkova, N.A., Rubleva, E.V. & Baharloo, H. (2023). Dictionary of IT terms as a tool for Russian language studies and linguodidactics in the context of digitalization in education. *Russian Language Studies*, 21(4), 457–473. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473> (In Russ.).
10. Ageeva, A.V., Abdullin, L.R. & Gabdreeva, N.V. (2023). Function and semantics of foreign language beauty vocabulary in the modern Russian language. *Russian Language Studies*, 21(4), 393–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> (In Russ.).
11. Saveliev, S.V., Kiseleva, N.S. & Strebkova, Zh.V. (2021). A cognitive and corpus perspective of metaphorical nomination in English nuclear terminology. *Issues of Applied Linguistics*, 41, 26–46. <http://doi.org/10.25076/vpl.41.02>
12. Davtyan, A.G. (2019). The method for forming of single-component and multi-component terms of international humanitarian law in Russian and English languages. *Issues of Applied Linguistics*, 33, 55–67. <https://doi.org/10.25076/vpl.33.03>
13. Lukovtseva, V.N. & Knyazeva, E.V. (2017). Specialized vocabulary in oil and gas discourse development. *Issues of Applied Linguistics*, 24, 43–54.
14. Bogomolova, E.N. (2023). Genre features of modern Chinese publicistic texts and issues of their linguistic analysis. *Issues of Applied Linguistics*, 52, 57–79. <https://doi.org/10.25076/vpl.52.03>

15. Massalina, I.P. & Sorokina, E.A. (2023). Cognitive approach experience to the metaphor analysis (on the basis of the navy language). *Issues of Applied Linguistics*, 52, 132–157. <https://doi.org/10.25076/vpl.52.06>
16. Galankina, I.I., Perfiljeva, N.V. & Perfiljev, A.K. (2024). Diversity of models of terminological units of the hydrotechnical industry and the sphere of state and municipal procurement. *Litera*, 1, 26–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.1.69596> (In Russ.).
17. Mohammed, S. (2022). Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language. *Training, Language and Culture*, 6(3), 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77>
18. Sigidov, Yu.I. & Kochkina, V.P. (2019). English-language borrowing in Russian economic terminology. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 30(1), 144–147. (In Russ.).
19. Ulyanova, K.A. (2019). Vocabulary of Commercial Chinese Language: Experience of Semantic Description. *Philological Sciences in MGIMO*, 3(19), 40–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-3-19-40-49> (In Russ.).
20. Chistova, E.V. (2014). *Symmetrical-oriented approach to the translation of branding terminology: Anglo-Russian-Chinese parallels*: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ. (In Russ.).
21. Demidova, T.V., Barov, S.A. & Soloveva, T.M. (2023). Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434> (In Russ.).
22. Lubomirov, A.V. (2010). Foreign Direct Investment in the Economy of China. *Russian Foreign Economic Journal*, 3, 13–17. (In Russ.).

Библиографический список

1. Бигаева Э.С., Тадтаева А.В. Лингвокультурологические факторы в эпоху глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 131–137.
2. Сазонов М.Д., Бухарева Л.П. Лингвоэкология и эколингвистика // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: Шестнадцатая международная весенняя научная конференция, Йошкар-Ола, 14 мая 2020 года. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2020. С. 74–75.
3. Галанкина И.И., Perfiljeva Н.В., Цибилова О.В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>
4. Волошина Т.Г., Радович М.А. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 41(1). С. 114–124. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124>
5. Тан Хань. Лингвокультурная специфика русско-китайского делового общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2011.
6. Гринева-Гринева С.В., Сорочкина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
7. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
8. Романова Т.В., Колчина О.Н. Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988>

9. *Боженкова Н.А., Рублева Е.В., Бахарлу Х.* Словарь IT-терминов как инструмент русистики и лингводидактики в контексте цифровизации образования // *Русистика*. 2023. Т. 21. № 4. С. 457–473. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473>
10. *Агеева А.В., Абдуллина Л.Р., Габдреева Н.В.* Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке // *Русистика*. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405>
11. *Saveliev S.V., Kiseleva N.S., Strebkova Zh.V.* A cognitive and corpus perspective of metaphorical nomination in english nuclear terminology // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2021. № 41. P. 26–46. <http://doi.org/10.25076/vpl.41.02>
12. *Davtyan A.G.* The method for forming of single-component and multi-component terms of international humanitarian law in Russian and English languages // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2019. № 33. P. 55–67. <https://doi.org/10.25076/vpl.33.03>
13. *Lukovtseva V.N., Knyazeva E.V.* Specialized vocabulary in oil and gas discourse development // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2017. № 24. P. 43–54.
14. *Bogomolova E.N.* Genre features of modern Chinese publicistic texts and issues of their linguistic analysis // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2023. № 52. P. 57–79. <https://doi.org/10.25076/vpl.52.03>
15. *Massalina I.P., Sorokina E.A.* Cognitive approach experience to the metaphor analysis (on the basis of the navy language) // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2023. № 52. P. 132–157. <https://doi.org/10.25076/vpl.52.06>
16. *Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Перфильев А.К.* Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок // *Litera*. 2024. № 1. С. 26–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.1.69596>
17. *Mohammed S.* Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6(3). P. 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77>
18. *Сигидов Ю.И., Кочкина В.П.* Англоязычные заимствования в русской экономической терминологии // *Вестник Академии знаний*. 2019. № 30(1). С. 144–147.
19. *Ульянова К.А.* Лексика коммерческого китайского языка: опыт семантического описания // *Филологические науки в МГИМО*. 2019. № 3(19). С. 40–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-3-19-40-49>
20. *Чистова Е.В.* Симметрико-ориентированный подход к переводу терминологии брендинга: англо-русско-китайские параллели: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014.
21. *Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М.* Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434>
22. *Любомудров А.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2010. № 3. С. 13–17.

Сведения об авторах:

Юйхань, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы института иностранных языков Педагогического университета Внутренней Монголии (010010, Китайская Народная Республика, г. Хух-Хото, ул. Чжаовуда, 81); аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: русистика, лингвистическая семантика; *e-mail*: 601247581@QQ.com
 ORCID: 0000-0003-3754-0257; SPIN-код: 1761-5400; Author ID: 474699.

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); ответственный секретарь журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»; *сфера научных интересов*: сопоставительная грамматика и лексика, язык для специальных целей, семиотика; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-1227-4493; Scopus ID: 57225183694; Researcher ID: AAB-6284-2019; SPIN-код: 3134-3369; Author ID: 627991.

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49); *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: sabarov@fa.ru

ORCID: 0009-0008-4844-1549; SPIN-код: 2325-8802; Author ID: 620017; Scopus ID: 57411308600; Researcher ID: A-8354-2017.

Веред Валерия Тарасовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология, функциональная грамматика; *e-mail*: vered-vt@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-0986-0229; SPIN-код: 8089-4849; Author ID: 1054782; Scopus ID: 57915128000; Researcher ID: IZD-8233-2023.

Information about the authors:

Yuhan, Senior Lecturer of the Department of Russian language and literature, Foreign Languages Institute of Inner Mongolia Normal University (81, Zhaowuda Road, Saihan District, Hohhot, 100010); Postgraduate Student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Russian Studies, Linguistic Semantics; *e-mail*: 601247581@QQ.com
ORCID: 0000-0003-3754-0257; SPIN-code: 1761–5400; Author ID: 474699.

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Executive Secretary of Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics; *Research interests*: language for special purposes, comparative grammar and lexis, semiotics; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1227-4493; Scopus ID: 57225183694; Researcher ID: AAB-6284-2019; SPIN-code: 3134-3369; Author ID: 627991.

Sergey A. Barov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Faculty of International Economic Relations (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 125993); *Research interests*: contrastive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: sabarov@fa.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549; SPIN-code: 2325-8802; Author ID: 620017; Scopus ID: 57411308600; Researcher ID: A-8354-2017.

Valeria T. Vered, PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: contrastive linguistics, linguoculture, functional grammar; *e-mail*: vered-vt@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0986-0229; SPIN-code: 8089-4849; Author ID: 1054782.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498

EDN: OANRME

УДК 811.16'373.423

Научная статья / Research article

К истокам межславянской омонимии: прототипическое и случайное

А.В. Савченко¹ , М.С. Хмелевский² ¹Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация chmelevskij@mail.ru

Аннотация. Межславянская омонимия на материале восточно-, западно- и южнославянских языков является актуальной проблемой в сравнительно-сопоставительном языкознании, переводоведении и в практике преподавания славянских языков. Авторы анализируют случаи проявления омонимии, описывают причины ее возникновения, определяют характер, лингвистические и экстралингвистические факторы, сопровождающие это семантическое явление. Межславянская омонимия рассматривается на всех основных уровнях языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, стилистики, а также фразеологии, дается теоретическое обоснование причин появления в языке (resp. языках) омонимов; особое внимание уделяется полным и неполным омонимам, которые развились на базе фонетической и этимолого-семантической общности лексики или же, наоборот, случайно совпали в произношении. Следует особо подчеркнуть актуальность этой проблемы и ее научно-практическое значение в рамках контрастивного изучения близкородственных языков, что также имеет особую значимость для теоретического изучения и практического решения лингвокультурологических вопросов славянской общности, которая в сравнении с другими индоевропейскими языковыми группами распалась сравнительно поздно (V—VI вв. н.э.). Несмотря на то, что в славистике данной проблеме уделяется большое внимание, а описанию случаев межславянской омонимии посвящено немало работ, включая словари, фиксирующие омонимы в двух или нескольких языках, актуальность настоящего исследования состоит именно в том, что его основной целью стал широкий лингвистический обзор с максимально возможным охватом всех трех групп славянских языков — начиная с русского и украинского на востоке, польского, чешского и словацкого на западе, сербского, хорватского, болгарского на юге славянского мира и заканчивая его «периферией» — словенским на его юго-западе. В качестве *tertium comparationis* для авторов предлагаемого исследования является генетическая общность славянских языков и, соответственно, этимологическое родство их лексического состава. В статье предложены одни из наиболее иллюстративных, употребительных и частотных лексем-омонимов, в т.ч. представляющих переводоведческую проблему т.н. «ложных друзей

© Савченко А.В., Хмелевский М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

переводчика». Хотя общий список рассмотренных омонимов далеко не исчерпывающий, материалы статьи могут послужить прочной теоретической и практической основой создания фундаментального словаря межславянских омонимов.

Ключевые слова: славянские языки, межъязыковая омонимия, лексика, семантика, контрастивная лингвистика, лексикология, сравнительное славянское языкознание

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Савченко А.В., Хмелевский М.С. К истокам межславянской омонимии: прототипическое и случайное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 474–498. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498>

Interlingual Slavic Homonymy: Prototypical and Occasional

Alexandr V. Savchenko¹ , Mikhail S. Khmelevsky²

¹National Chengchi University, *Taipei, Taiwan*,

²St. Petersburg State University, *St.-Petersburg, Russian Federation*

 chmelevskij@mail.ru

Abstract. The issues of interlingual Slavic homonymy are being examined in a multifaceted way on the material of the East, West and South Slavic languages. Given research problem is one of the most actual in comparative linguistics, translation studies, as well as in the practice of teaching Slavic languages. On specific examples cases of manifestation of homonymy are analysed, the causes of its occurrence are studied, the character, linguistic, as well as extralinguistic factors that accompany this semantic phenomenon are described. Among other things, unlike most scientific works devoted to this topic, the problem we touch on is considered at all basic levels of the language: phonetics, vocabulary, morphology, syntax, stylistics, and phraseology, a theoretical substantiation of the reasons for the appearance of homonyms in the language (resp. languages) is given. Special attention is paid to full and partial homonyms, which developed on the basis of both phonetic and etymological-semantic commonality of vocabulary or, conversely, accidentally coincided in pronunciation. It should be emphasized the relevance of this problem and its scientific and practical significance in the framework of the contrastive study of closely related languages, which is also of particular importance for the theoretical study and practical solution of linguistic and cultural issues of the Slavic community, which, in comparison with other Indo-European language groups, disintegrated relatively late (V—VI centuries AD). Despite the fact that much attention is paid to this problem in Slavic studies, and many works are devoted to describing cases of interlingual Slavic homonymy, including dictionaries fixing homonyms in two or several languages, the importance of this study lies precisely in the fact that its main goal has become a broad linguistic review with the maximum possible coverage of all three groups of Slavic languages — starting with Russian and Ukrainian in the East, Polish, Czech and Slovak in the West, Serbian, Croatian, Bulgarian in the South of the Slavic World and ending with its “periphery” — Slovenian in its South West. As tertium comparationis for the authors of the proposed study is the genetic commonality, genetic relationship of the Slavic languages and, accordingly, the etymological relationship of their lexical structures. The article presents some of the most illustrative, common and frequent homonyms, including that of representing the translation problem of the so-called “false friends of the translator”. Although

the general list of examined homonyms is far from exhaustive, the materials of the article can serve as a solid theoretical and practical basis for creating a fundamental dictionary of interlingual Slavic homonyms.

Keywords: Slavic Languages, Interlingual Homonymy, Lexis, Semantics, Contrastive Linguistics, Lexicology, Comparative Slavic Linguistics

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Savchenko, A.V. & Khmelevsky, M.S. (2024). Interlingual Slavic Homonymy: Prototypical and Occasional. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 474–498. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498>

Введение. Постановка проблемы

Среди широко изучаемых в современной славистике проблем можно выделить один из интересных лингвистических феноменов, наблюдаемых как в рамках одного отдельно взятого языка, так и в сопоставлении с другими языками или даже группой языков — о (межславянской) омонимии. Возникновение данного явления в рамках одного языка обусловлено рядом причин, при этом во многих случаях речь все же идет о случайном совпадении лексем (в произношении, написании, восприятии на слух; это может быть совпадение в отдельных грамматических формах и т.п.), например, рус. *брак*, серб. *странка* — ‘клиент’ и ‘партия’, рус. *куча* — серб., хорв. *kuća* ‘дом’ (в двух разных, не связанных друг с другом значениях), *среда* (также в двух разных значениях), *код* — *кот*, *род* — *рот* (неразличение в произношении) и т.п.; так же, как правило, случайным является и совпадение слов в неродственных друг другу языках: *jeden* — чеш. ‘один’, нем. ‘каждый’; общеславянское *more* — англ. *more* ‘больше’, рус. *магазин* — англ. *magazine* ‘журнал’, рус. *дурак* — турец. *durak* — ‘остановка’, рус. *кулак* — турец. *kulak* — ‘ухо’, рус. *башка* — алб. *bashkë* — ‘община, муниципальное образование’, рус. *мир упавшим* — алб. *mirupavshim* — ‘до свидания’) и т.д. В то же время довольно интересный и разнообразный материал, иллюстрирующий самые разные случаи и варианты проявления межъязыковой омонимии на всех основных уровнях языка, дают именно родственные языки. «Вольное или невольное» созвучие слов возникает здесь не всегда случайно — в большинстве своем оно обусловлено семантическими трансформациями, расхождениями в значении и смысловом переосмыслении генетически родственных однокоренных слов в лексическом составе близкородственных языков. Богатый материал в обозначенном научно-исследовательском направлении дают славянские языки: именно в них довольно часто обнаруживаются многочисленные «омонимические цепочки», образующие

пары омонимов не только в каких-либо двух отдельно взятых языках, но и целые параллели сразу в нескольких из них. Так, классическим примером межславянской омонимии уже стала, например, лексема *родина*, которая при общности этимологии и семантического значения в разных славянских языках выражает разные, хотя и историко-этимологически объяснимые значения.

Материал и методология исследования

Теоретическую основу исследования, главным образом, составляют работы ведущих специалистов в области изучения (меж) славянской омонимии (в узком и широком смысле). Среди наиболее авторитетных ученых упомянем, среди прочих, В.В. Виноградова, О.Н. Трубачева, О.С. Ахманову, В.С. Ващенко, В.В. Дубичинского, Н.В. Заславскую, Е.В. Федорчук, К.Ч. Кусалья, а также работы зарубежных славистов в этой области, таких как: Э. Лотко, Д. Баттлер, П. Дюрчо, З. Гросбарт, Л. Горалик, Е. Калишан, Д. Коллар, Я. Ставницка, Й. Влчек, М. Затовканюк и др. Практическим материалом настоящего исследования послужили данные различных славянских языков, этимологических^{1,2,3,4,5}, а также двуязычных словарей омонимии и толковых словарей украинского⁶, польского^{7,8,9}, чешского и словацкого^{10,11}, словенского¹², сербского и хорватского^{13,14,15} языков, а также наиболее иллюстративные омонимичные единицы, собранные в нами в ходе сплошной выборки как из работ, посвященных исследованию данного вопроса, так и в ходе наших полевых исследований в славянских странах и нашей картотеки, в которой зафиксированы наши наблюдения. В качестве ведущего метода анализа эмпирического материала в настоящей работе является сравнительно-сопоставительный

¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд /под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М: Наука, 1979.

² Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001.

³ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971–1974.

⁴ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: ČSAV, 1957.

⁵ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: UW, 1957.

⁶ Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1970–1980.

⁷ Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonymów międzyjęzykowych. Wrocław: Wyd-ctwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2022.

⁸ Słownik frazeologiczny PWN. Warszawa: PWN, 1995.

⁹ Wielki słownik języka polskiego PWN. Warszawa: PWN, 2018.

¹⁰ Kursar M., Sesar D. Slovačko-hrvatski i hrvatsko-slovački praktični rečnik s gramatikom. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

¹¹ Škerlj S., Aleksič R., Latkovič V. Slovenačko-srpskohrvatski rečnik. Ljubljana: DZS, 1964.

¹² Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: DZS, 2016.

¹³ Хлебец Б. Речник етимолошких парова. Београд: Просвета, 2010.

¹⁴ Толстой Н.И. Сербскохорватско-русский словарь. М.: Русский язык, 2010.

¹⁵ Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.

метод, а также научно-практическая методика классификации и теоретического структурирования имеющегося довольно разобщенного языкового материала.

История вопроса

К настоящему моменту различные аспекты омонимии — основные теоретические вопросы, источники и характер ее реализации на разных уровнях языка — можно считать уже довольно хорошо проработанными и детально описанными как на материале отдельно взятых славянских языков, так и в их сопоставлении друг с другом. Так, например, русско-польской омонимии посвящено подробное исследование К.Ч. Кусаля [1], белорусско-русская проблематика омонимии представлена, в частности, работами П.П. Шубы [2], И.С. Ровдо [3] и др., упомянем также и Н.В. Заславскую [4], в работах которой межъязыковая омонимия описывается на материале русского и украинского языков, украинско-польскую омонимию рассматривает М.А. Беднаж [5], а хорватско-русскую — К. Левис¹⁶, сербско-польскую — Д. Шипка¹⁷; польско-чешская омонимия представлена в исследованиях таких авторов, как М. Шалек и Й. Нечас¹⁸, Т.З. Орлощ¹⁹, польско-словацкие параллели омонимов анализируются в работе М. Панчиковой²⁰, словацко-словенская омонимия рассматривается Ю. Ванько [6], а с конфронтационной точки зрения она широко представлена в исследовании Р. Гораковой [7], а также в целом ряде прочих научных лингвистических трудов сравнительно-сопоставительного характера, посвященных межъязыковой омонимии в парах различных славянских языков.

Вместе с тем по-прежнему «лакунарным» остается рассмотрение случаев общей межславянской омонимии (в самых разнообразных ее проявлениях, на разных уровнях языка), т.е. с привлечением одновременно всех славянских языков: изучению широкого среза общеславянской омонимии на данный момент посвящено не так много научных лингвистических исследований. Вероятно, этот факт можно объяснить, с одной стороны, «необъятностью» рассматриваемого материала (славянские языки даже внутри одной отдельно взятой группы уже дают очень объемный исследовательский материал), с другой — подобное

¹⁶ *Lewis K.* Lažni prijatelji s Riječnikom hrvatsko-ruskih lažnih prijatelja. Zagreb: Institut za hrvatski jezik, 2016.

¹⁷ *Šipka D.* Rečnik srpsko-poljskih međujezičkih homonima i paronima. Poznań: Wyd-wo naukowe UAM, 1999.

¹⁸ *Szałek M., Nečas J.* Czesko-polska homonimia. Słownik. Poznań: Wyd-ctwo naukowe UAM, 1993.

¹⁹ *Orłoś T.Z.* Czesko-polska pozorna ekwiwalencja językowa. Materiały pomocnicze dla studentów, polskich bohemistów i czeskich polonistów. Kraków: Wyd-ctwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.

²⁰ *Pančíková M.* Zradné slova v poľštine a v slovenčine. 1. vyd. Bratislava: Vyd-vo UK, 1993.

общеславянское исследование требует от лингвиста-слависта практических знаний и владения всеми или, как минимум, несколькими славянскими языками, что довольно резко сужает круг ученых, способных провести подобный обзор [8. С. 12].

Значимость и актуальность изучения омонимии для славистики

Причинами возникновения омонимии в славянских языках, по нашему мнению, в основном являются расхождения, появляющиеся вследствие семантической конкретизации исходного древнего образа; подобные семантические трансформации начали происходить в период после распада славянской общности, что в каждом отдельно взятом славянском языке проходило по своим законам, путям и принципам. Таким образом, заявленная проблематика представляет собой неоспоримый научно-исследовательский интерес, а само исследование с привлечением максимально широкого славянского языкового материала, проводимое с позиций многоаспектности анализа и, по возможности, всеохватности его параметров (омонимия рассматривается параллельно сразу же на нескольких основных языковых уровнях), безусловно, является актуальным лингвистическим научным трудом. Значимость подобного комплексного обзорного описания значительного по объему межславянского лексического континуума обуславливается особым историко-лексикологическим вниманием к порой даже весьма парадоксальными семантическим трансформациям в семантике общеславянских и исконно схожих по значению однокоренных слов (ср. рус. *ужасный* и чеш. *úžasný* — ‘прекрасный, отличный’, рус. *вредный* и серб. *вредан* — ‘трудолюбивый, прилежный’, рус. *запомнить* и пол. *zapomnieć*, чеш. *zapomět* — ‘забыть’, рус. *черствый* и чеш. и словацк. *čerstvý* — ‘свежий’, рус. *понос* — серб. *понос* — ‘гордость’, рус. *баба* и серб. *бабо* — ‘отец, дед’, рус. *отрок*, словенск. *otrok* ‘ребенок’ — чеш. *otrok* ‘раб’ и многие другие).

Актуальность проведения подобного рода исследования обусловлена также еще целым рядом причин, среди которых, в первую очередь, отметим некоторую терминологическую «размытость» самого термина *омонимия*: так, в различных работах можно встретить следующие терминологические дефиниции данного явления: «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы / паронимы», «тавтонимы», «псевдоэквиваленты», «коварные слова», «междузязычные аналогизмы», «межъязыковая гетерофемия» и др. [1. С. 26]. В этом смысле отметим также отсутствие четкого унифицированного понимания понятия *омоним*, или *межъязыковая омонимия*. По замечанию К.Ч. Кусаля, «для контактирующих родственных славянских языков проблема лингвистического исследования и лексикографического описания межъязыковой омонимии — одна из сложных задач, ибо уже само определение

объема омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) и разграничение омонимов является необычайно трудным» [1. С. 6].

Прежде чем приступить к непосредственному анализу практического материала, в качестве важного вводного замечания отметим, что случаи проявления омонимии в славянских языках можно (а по нашему убеждению — необходимо) рассматривать с разных лингвистических позиций и с учетом различных критериев, в частности, с точки зрения ее проявления на всех основных языковых уровнях. Так, например, на фонетическом уровне это явление особенно четко прослеживается на примерах конкретных славянских языков у неполных, но ассоциативно связанных фонетически омонимах, скажем, рус. *плод* — *плот*, *код* — *кот*, а также и в межславянских параллелях, например, рус. *глаз* — чеш. *hlas*, серб. и хорв. *glas* ‘голос’, рус. *друг* — укр. *друж*, пол. *druk* ‘печать’, рус. *кут* — укр. *kit* ‘кот’, рус. *шум* — серб., хорв. *шума* ‘лес’, рус. *туя* — словенск. *tuja* ‘иностранная, чужая’, рус. *круг* и хорв. *kruh* ‘хлеб’ и мн. др. Особо показательными в отмеченном фонетическом аспекте являются языки сербско-хорватского языкового континуума: здесь обнаруживается целая группа слов, которые, являясь омографами, различаются по своему значению в зависимости от характера ударения, например, в таких парах, как, в частности: *grad* — ‘город’ и ‘град’ как осадки, *skup* — ‘дорогой’ и ‘собрание’, *dug* — ‘длинный, долгий’ и ‘долг’, *kuputi* — ‘купить’ и ‘собирать’ [9]. В чешском языке сходное явление встречается в словах, различающихся общим долгим или кратким гласным: *draha* — *drahá* ‘дорога’ и ‘дорогая’, *pas* — *pás* ‘паспорт’ и ‘пояс’ и т.п., и хотя в чешском они не будут являться ни омонимами, ни омографами, но для носителей восточнославянских языков, где отсутствует фонематическое различие по долготе и краткости, их можно отнести не столько к омонимам, сколько к омофонам, равно как и рус. *мóлодец* и *молодéц*, *зáмок* и *замóк* и т.п. для носителей западнославянских языков с фиксированным ударением также будут являться не только омографами, но и фонетическими омонимами [10. С. 89].

Что касается непосредственно представленного ниже языкового материала, то он преимущественно взят нами из словарей, в т.ч. тематических — словарей (меж) славянской омонимии (см. Библиографический список, а также целого ряда лингвистических работ: статей и научных монографий, а также на основе собственного научно-практического опыта (общение в межславянской аудитории, переводческая и преподавательская практика и т.п.). Исследование проводилось на принципах историко-этимологического, контрастивно-сопоставительного анализа с элементами контекстуально-прагматического и функционально-стилистического анализа лексем в живом употреблении (как в сфере устной коммуникации, так и письменной речи).

Межславянская омонимия на лексическом уровне

Обзор омонимов по тематическим группам

Итак, обратимся непосредственно к обзорному анализу отдельных наиболее иллюстративных примеров межславянской лексической омонимии и их лингвистическому описанию. Как уже говорилось, случаи омонимии в славянских языках могут быть случайным совпадением словоформ (в определенных грамматических формах фонетическим или лексическим), однако нередко она возникает благодаря семантическим сдвигам в исконном значении родственных однокоренных слов. В частности, это наглядно демонстрирует лексика, связанная с родовыми отношениями. Наиболее показательными в этом смысле можно считать примеры с корнем *-rod-*: рус. *родина* — с одной стороны, и с другой — укр. *родина*, чеш., словацк. *rodina*, пол. *rodzina* в значении ‘семья’; в сербском же *родина* имеет значение ‘урожай’, что этимологически объяснимо исконной семантикой общеславянского корня. Примечательна также и «обратная» омонимия. Так, в чешском языке русское *родина* соответствует лексеме *vlast* и словацк. *vlast'*, которые, в свою очередь, составляют омонимичную пару с рус. *власть*. Данную омонимичскую цепочку можно продолжить и дальше: в чешском и словацком слово *tos*, помимо семы «сила», имеет значение «власть»; данная лексема фактически оказывается омонимичной рус. *мощь* (в высоком стиле), а также сопоставимой со стилистически нейтральной сербской и хорватской лексемами *moć*, словенск. *moč* — ‘сила’.

Возвращаясь к русской номинации *семья*, приведем хорв. слово в этом значении — *'obitelj'*, вызывающее «омонимичную ассоциацию» с рус. *обитель* и также оказывающееся этимологически связанным с однокоренным русским омонимом. Семантически омонимичным в современных славянских языках в рамках этой лексико-семантической группы выступает общеславянский корень *-друж-* (праслав. **drugъ*, ст.-сл. *дрoугъ*) в таких лексемах, как *дружина* (в современных рус., серб., хорв., чеш. *družina*, пол. *drużyna*, болг. и макед. *дружина* это слово имеет схожее лексически, но не совсем стилистически тождественное значение: ‘команда, (небольшая) компания, (небольшое) общество’, а также ‘войско, воинский отряд’), однако в украинском его семантика расширяется и трансформируется вплоть до семы ‘супруга’ (ср. также укр. *одружитися* — ‘пожениться’); в словенском *družina* употребляется в значении ‘семья’ [11. С. 90]. В продолжение сказанного примечательно отметить, что в плане сдвига семантики как одного из механизмов возникновения межславянской омонимии является то, что однокоренные рус., чеш., пол., серб., хорв. *дружба* / *družba* в современных славянских языках не тождественны словенской лексеме *družba*, где это слово имеет значение «коммерческая компания, фирма». Сравнивая употребление этого лексико-семантического поля и его семантики в разных языках, мы прослеживаем общеславянский образ

некоторого сообщества людей, конкретизация и расхождение которого проходило у разных славян разными путями [12. С. 23], т.е. уже после распада общеславянского единства. При этом мотивировка новообразованных значений и их метафорических переносов, которая на современном этапе закрепились как основная в словарном запасе того или иного языка, вполне логично возводится к исконному значению праславянского корня.

В некоторых случаях омонимы можно объединить в условные тематические группы. Так, например, рассмотренную выше семантическую группу омонимов можно назвать как «Родственные, или близкие отношения». Еще одна группа омонимов может быть обозначена как «Названия жилища, помещений и предметы домашнего хозяйства». В этом смысле приведем показательный пример: рус. *комната* и укр. *кімната* соответствуют чеш. *pokoj*, польск. *pokój*, что опять-таки является омонимом русскому *покой* (аналогичное значение находим и в южнославянских языках). В данном случае следует говорить о частичной омонимии, поскольку значение лексемы (*приемный*) *покой* — ‘комната’ в современном русском сохраняется только в медицинском дискурсе — как обозначение типа помещения, предназначенного для приема, регистрации, первичного осмотра пациентов, при том, что в русском сохраняется и архаичная семантика данного слова, ставшего историзмом, как, например, в устойчивом сочетании *царские покои*. Напротив, в современных польском и чешском в этом архаизированном значении русского слова лексема *komnata* употребляется в значении ‘большое по размерам помещение с красивым убранством (как правило, в замке, дворце)’. Таким образом, мы имеем дело с «обратной омонимией», когда слова общего в славянских языках происхождения приобрели антонимичное по своей стилистической окраске значение, сохранив при этом общий денотат — ‘часть дома, предназначенная для жилья’. По аналогичному принципу пережило свою семантическую трансформацию и значение лексемы рус. *изба* — от праслав. **jьstьba*. В разных славянских языках эта лексема получила разное значение: в русском языке она означает ‘деревянный дом в деревне’, в словацком *izba* имеет стилистически нейтральное значение ‘комната, номер в гостинице’, а в словенском, сербском и хорватском — это ‘комната, погреб’, в польском — ‘комната, палата’, в болгарском — ‘землянка, хижина’. В связи с этим можно также привести пример неполной стилистической омонимии из словенского языка: стилистически нейтральное *hiša* — ‘дом’ и рус. *хижина* — ‘примитивное жилище человека’.

В продолжение сказанному приведем еще один пример из этой же лексико-семантической группы омонимов — польскую лексему *akademik*, которая по своему значению оказывается сразу «внутри-» и «внешнеязыковым» омонимом: в своем первом значении оно совпадает с рус. значением ‘академик’, ‘ученый’, однако в разговорном языке

akademik — это ‘студенческое общежитие’ (от *dom akademicki*), и в данном значении и словоупотреблении она уже рассматривается как межславянский языковой омоним. При этом подчеркнем, что данный пример иллюстрирует еще один тип межславянской омонимии, возникшей в результате неодинаковой семантической интерпретации разными славянскими языками заимствованных слов (ср. рус. *интернат* и словацк. *internát* — ‘студенческое общежитие’).

Украинская лексема *квартирка* — ‘форточка’ не является абсолютным омонимом, поскольку она не полностью фонетически или орфографически совпадает с русским словом *квартирка*, однако на слух носителем русского языка она как правило воспринимается именно как форма деминутива от слова *квартира*. Таким образом, в данном примере следует говорить еще об одной форме межъязыковой омонимии — случайной фонетико-ассоциативной (ср. словацк. *niech sa páči* — ‘пожалуйста’ и рус. *мех собачий*, укр. *незабаром* — ‘скоро’ и рус. *не за баром*, укр. *краватка* — ‘галстук’ и рус. *кроватька* (диминутив от *кровать*), серб. *za džabe* ‘бесплатно, на халяву’ и созвучное рус. *за жабу*, пол. *cześć* — ‘привет’ и рус. *честь* и т.п.).

Как логическое продолжение предыдущей тематической группы «Дом, жилище, место пребывания» можно провести также межславянские омонимические параллели лексем с общей номинацией «*Последнее пристанище человека*» — ‘могила, кладбище’. Так, например, украинское слово *домовина* в значении ‘гроб’ (в рус. оно является архаичным) омонимично серб., хорв., словенск. *domovina* — ‘родина, отечество’. В данном примере при общем этимологическом родстве этих однокоренных слов мы имеем дело с почти антонимичным переосмыслением семантики исконно славянского корня, метафорическая мотивировка которого исторически вполне объяснима. Толчком для такого семантического расхождения послужил общий славянский образ — ‘место постоянного пребывания человека’, различные коннотации которого, как мы видим из приведенных примеров, отдельные славянские языки актуализировали по-разному, что являет собой яркий пример еще одной причины возникновения межъязыковой омонимии в близкородственных языках. Это дает нам основание выделить следующий аспект причин возникновения межславянской омонимии, а именно — семантическая конкретизация одного из исконных значений общеславянского корня, или омонимичная метафоризация, как и в случае серб., хорв., словенск. *grob*, чеш., словацк. *hrob*, пол. *grób* — ‘могила’.

Омонимы, возводимые к общеславянскому корню

В дополнение к сказанному об актуализации одного из значений семантического гнезда исконного общеславянского корня *-трав-* приведем пример со словообразовательными производными от лексемы *трав*,

которая в разных языках приобрела разные коннотации и по-разному актуализировала исходное значение. Так, примеры омонимов рус. *отрава*, серб. *отров*, хорв. *otrov* — ‘яд’, с одной стороны, и чеш., словацк. *potrava*, *stráva* — ‘еда, пища’, *potraviny* — ‘продукты питания’ — с другой, — ярко иллюстрируют разницу в выборе тем или иным языком одной из семантических коннотаций праславянского корня *-трав-*, этимологически возводимого к значению «пища, корм для скота» от индоевропейского **trew* — ‘тереть, перетирать, переваривать пищу’ [13. С. 12]. С этим связаны и мотивированные данным корнем глаголы, которые в разных славянских языках также разошлись в значениях вследствие актуализации того или иного семантического признака, но объединяемые общим понятием ‘пища’: рус. *травить (ся)* — укр. *травити* — ‘переваривать пищу’, серб., хорв. *traviti* — ‘кормить травой’, чеш. *trávit se*, словацк. *trávit' sa* — ‘питаться’, пол. *trawić* — ‘1. переваривать, перерабатывать; 2. травить, отравлять, уничтожать’²¹. Как показывает данный случай, мы имеем дело еще с одним типом омонимии, а именно — результат переосмысления исконного значения общеславянского корня, его разложение на отдельные семы и актуализация в разных языках той или иной дефиниции, в том числе и вследствие омонимичных морфологических или словообразовательных трансформаций (префиксация, суффиксация).

Таким образом, как мы видим из приведенных примеров, одной из причин возникновения омонимии в славянских языках, по нашему мнению, в основном являются расхождения, появляющиеся вследствие семантической конкретизации исходного древнего образа; подобные семантические трансформации начали происходить в период после распада славянской общности, что в каждом отдельно взятом славянском языке проходило по своим законам, путям и принципам.

Приведем еще ряд примеров, где возникновение омонимии объяснимо семантической общностью наименования предметов или явлений, более четкая конкретизация значений которых проходила уже после распада общеславянского единства, т.е. в каждом славянском языке по-своему, что, в свою очередь, со временем и определило расхождение исконно родственных слов в общеславянском лексическом фонде. Так, например, от общеславянского глагола *печь* (от праслав. **pektь*) в чешском, словацком, сербском и хорватском языках соответственно образованы лексемы *pečeně*, *pečenie*, *pečenje* — ‘жареное мясо, шашлык, жаркое’, при этом «аналогичное» русское слово *печенье* связано не с мясом, а с видом выпечки, кондитерским изделием из печеного теста. Как нетрудно понять, толчком для формирования семантики служит общий древнеславянский образ,

²¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд /под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М: Наука, 1979.

мотивированный глаголом *печь* (**pekti*), однако, как мы видим, в разных славянских языках конкретизация (избирательность семы и ее актуализация) общего значения этимологически и семантически родственной лексемы проходит различными путями.

Показательным можно также считать случай сдвига семантического значения общеславянских лексем в рамках семантического поля глаголов, связанных с процессом говорения, что можно наблюдать, например, в таких случаях, как: рус. *слово* — сербское и хорватское *slovo* — ‘буква’, серб. *реч* — ‘слово’ — рус. *речь*; серб. *говор* — рус. ‘речь’, а рус. *говор* — ‘диалект, местное наречие’; чеш. *řeč*, словацк. *reč*, пол. *rzecz* ‘речь, язык’. Отсюда возникают омонимичные значения и у производных слов: чеш. *řečník*, словацк. *rečník*, пол. *rzecznik* ‘оратор, пресс-секретарь, спикер’ — и серб. *речник*, хорв. *riječnik* ‘словарь’; или же словенск. *besedilo* ‘текст’, мотивированное лексемой *beseda* ‘слово’ — ср. рус. *беседа*, чеш. *beseda* — ‘разговор’.

Аналогичное «уточнение» значения произошло также, например, в паре омонимов рус. *дух* — серб. *дух* ‘юмор’, при этом исходное, первое значение сербского слова соответствует русскому — ‘дух’. Этимологически связанными, но в ходе исторического развития семантики разошедшимися по значению оказались чеш., словацк. *vonět / voňat*, хорв. *vonjeti* ‘благоухать’ и рус. *вонять* ‘зловонно пахнуть, источать неприятный запах’; чеш. *zápach* ‘вонь’ — рус. *запах*; рус. *вонь* — хорв., словенск. *vonj* ‘приятный запах, аромат’. Словенский глагол *dihati* ‘дышать’, ‘приятно пахнуть’, где образ, значение ‘воспринимать и источать воздух’ еще более конкретизировались, — в результате семантических трансформаций оказывается омонимом для рус. *дышать*, пол. *oddychać*, чеш. *dýchat*, словацк. *dýchat*, серб. *dixати*.

Показательным примером расхождения семантики при очевидно кажущимся не только сходстве значений, но и словообразовательной модели (префиксально-суффиксальный способ с одинаковым префиксом), представляет собой рус. *беспечный*, *беспечность* и чеш. / словацк. *bezpečný* — ‘безопасный’, *bezpečnost / bezpečnosť* — ‘безопасность’, *nebezpečný* — соответственно, ‘опасный’. Если в русском слове префикс *без-* вносит в семантику оттенок значения ‘не нуждающийся в опеке, внимании’, досл. ‘без печали, без заботы’²², с негативной окраской в смысле ‘недостаток чего-л.’, то в чешском аналогичный префикс *bez-* в сходном значении со временем приобрел семантически позитивную коннотацию: ‘безопасное’ т.е. то, о чем не нужно беспокоиться, заботиться; что или кого не нужно опекать. Сказанное дополним примерами из других славянских языков: укр. *безпечний*, пол. *bezpieczny*, *bezpieczeństwo*, или серб. *безбедни*, *безбедност* хорв. *bezbjednost*, *bezbjedni* в том же значении ‘безопасность’,

²² *Anić V.* Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.

но с другим корнем, также оказывающимся омонимичным корнем ср. с рус. ‘безбедный’.

Аналогичным образом можно проследить «выкристаллизовывание» нового, более конкретного значения чешского глагола *úspěť*, восходящего к праслав. **spěti*, как и в предыдущем случае — образованного по одной словообразовательной модели. В современном чешском языке данный глагол имеет значение ‘добиться / достичь успеха’, которое в русском является устаревшим, однако в сербском и хорватском это одно из основных значений полисемантического глагола *uspeti* — ‘успеть’, ‘смочь что-л. сделать’, ‘получиться’, ‘добиться’, а как отмечает Фр. Гавлова, в значении ‘успеть сделать что-либо, быть в состоянии сделать что-либо, осуществить, закончить’ *úspěť* можно встретить в произведениях чешских писателей конца XIX — середины XX вв. [14. С. 54].

Приведем еще один пример того, как лексическое значение изначально семантически общего корня (resp. лексемы) в одном из родственных языков может еще более конкретизироваться, актуализируя одно определенное семантическое значение и нивелируя остальные, исконно заложенные в его смысловой структуре коннотации: если в большинстве славянских языков лексема чеш., словацк. *náhly*, пол. *nagły*, укр. *наглий*, серб., хорв. *naġao / nagli*, словенск. *nagel* в общем значении ‘неожиданный, внезапный; поспешный’ соответствуют исконному значению праславянского корня **nagъь*, то в рус. и болг. соответствующие лексемы — рус. *наглий* и болг. *нагъл* — в процессе своего исторического развития еще более конкретизировали свое значение ‘дерзкий, слишком смелый, нахальный, бесстыдный’²³.

В качестве аналогичного показательного примера семантического расхождения в славянских языках можно считать лексемы, образованные от праслав. **časъ* (о периоде времени): в рус. *час* — это ‘период времени, равный 60 минутам’, в белорус., укр. *час*, чеш., словацк. *čas*, пол. *czas*, словенск. *čas* — ‘время’ (в широком смысле), тогда как в сербском и хорватском *čas* имеет три значения, определяемые только в контексте: первое — аналогично русскому, второе — ‘урок, лекция’, третье — ‘мгновение’.

Более глубокие семантические расхождения при этимологической общности происхождения можно наблюдать в паре межславянских омонимов: рус. *досадный* — серб., хорв. *dosadan* — ‘скучный, надоедливый, назойливый’. Лексемы восходят к общему праславянскому **dosada*. Аналогичную модель семантической трансформации можно также проследить на примере рус. *загрызть* — серб., хорв. *zagristi* — ‘надкусить, укусить’. Фактически в «антонимичные стороны» по своему метафорическому образу и семантике

²³ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.*

разошлись чеш., словацк. *čerstvý* — ‘свежий’ и рус. *черствый*, укр. *черствий*, сербск. / хорв. *čvrst* — 1. ‘твердый, старый, засохший’, 2. ‘крепкий, бодрый, непреклонный’. По замечанию М. Фасмера, слово имеет неясное происхождение, родственные славянские лексемы восходят к праслав. корню **čьrstvъ*²⁴.

Таким образом, подобные славянские лексемы, являясь этимологически родственными, оказываются связаны общей коннотацией, однако с течением времени их семантика разошлась, в результате чего они приобрели отличные друг от друга значения, породив тем самым пары межъязыковых омонимов. Будучи исконно этимологически и семантически родственными, в разных славянских языках подобные слова в настоящий момент стали омонимами с различающимися, разошедшимися значениями, в некоторых случаях вплоть до антонимичных. В качестве примеров, иллюстрирующих вышесказанное, кратко приведем такие лексемы-этимологические омонимы, как: чеш. *úžasný* ‘прекрасный’ — рус. *ужасный*, чеш., словацк. / хорв., словенск. *pozor*, укр. *pozір* ‘внимание’ — пол. *rozór* ‘видимость’ и рус. *позор*, а также серб., хорв. *ljubiti* ‘целовать’ — рус. *любить* (при этом в сербском устаревшее значение, аналогичное русскому, сохраняется в фольклоре и песенном творчестве), серб. *zrak* ‘зрение’ и хорв. *zrak* — ‘воздух’, пол. *łączyć się* ‘соединяться’ и чеш. *loučit se*, словацк. *lúčiť sa* ‘разлучаться, прощаться’ рус. *запомнить* — пол. *zapomnieć*, чеш. *zapomněl* ‘забыл’.

Перечень таких этимологически родственных межславянских омонимов можно продолжить целым рядом аналогичных примеров, однако в рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми, с нашей точки зрения, наиболее иллюстративными и показательными: рус. *зной* — серб. *зној* ‘пот’, рус. *брать*, укр. *брати*, чеш. *brát*, пол. *brać*, серб. *брати* — словенск. *brati* ‘читать’, рус. *ласкать* — серб. *ласкати* ‘льстить’, укр. *кохатися* ‘любить друг друга’ — чеш. *kochat se* ‘наслаждаться чем-л.’, рус. *оголиться* — укр. *оголитися* ‘побриться’; ср. чеш. *holit se* и пол. *golić się* ‘бриться’, рус. *миловаться* устар. ‘любить, ласково и с любовью относиться друг к другу’ — укр. *милюватися* ‘любоваться’, рус. *просить* — серб. *просити* только в значении ‘просить милостыню’ или *запросити* ‘сделать предложение девушке’, рус. *грубый* — словацк. *hrubý* ‘толстый’, рус. *ходить*, укр. *ходити*, пол. *chodzić* — серб. *ходати* ‘передвигаться с трудом, с помощью чего-л.’, укр. *країна* ‘страна’ — чеш., словацк. *krajina* ‘пейзаж’, рус. *Дунай* (река) — словенск. *Dunaj* ‘город Вена на реке Дунае’, укр. *Дунай* в фольклоре — метафорично ‘Днепр’, рус. *человек* — укр. *чоловік*, серб. *човек*, хорв. *čovjek* ‘мужчина, муж’, рус. *враг*, укр. *ворог* — хорв. *vrag* ‘черт, дьявол’ — чеш., словацк. *vrah* ‘убийца’; рус. *направо, право* — серб. *право* ‘прямо’, рус. *просто* — пол. *prosto* ‘прямо’, рус. *ровно* — чеш. *rovně* ‘прямо’, рус. *роза* — словенск. *roža* ‘роза’, рус.

²⁴ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994. С. 98–99*

быстрый — серб. *бистар* (о воде: ‘прозрачный’, об уме: ‘прозорливый’, рус. *врач* — серб. *врач* ‘знахарь’ — болг. *врач* ‘колдун’ и т.д., как и многие другие подобные «этимолого-семантические» омонимические цепочки.

Омонимы, возникшие в результате исторического переосмысления семантики общеславянской лексемы

Возникновению омонимии в близкородственных славянских языках также может способствовать общность образа, как правило возникающего на базе метонимического либо метафорического переносов семантического значения. В качестве примера можно привести общеславянскую лексему *стена*: в укр., чеш. и словацк. это слово тождественно по значению русскому, однако в серб. и хорв. *stena / stijena* имеет значение ‘каменная скала с крутыми и острыми выступами’, равно как и рус., укр. *берег* и серб. и хорв. *breg / brijeg* — ‘холм, возвышенность’, рус. *струя* — серб., хорв. *struja* — ‘ток, электричество’ общность образа, связанного с ‘течь, струиться’, рус. *гора* — серб. *gora* — 1. ‘гора’, 2. ‘лес’. Аналогичный пример наблюдаем также в русско-словацкой омонимической паре *электричка* разг. ‘пригородный электропоезд’ — *električka* ‘трамвай’, где общность внутренней формы, коннотаций, заложенных в семантике, дает сходные по образности, но различные по дефиниции значения в номинации определенного вида транспорта. В этой же связи кратко упомянем и семантические сдвиги при сохранении сходной, образно близкой коннотации в таких парах межславянских омонимов, как чеш. *láska* ‘любовь’ — рус. *ласка*, рус. *милость* — пол. *miłość* ‘любовь’ и т.п.

Семантическое переразложение исходного значения лексемы *trup* в чешском языке стало основой возникновения чешско-русской пары омонимов: исконное значение ‘тело мертвого человека или животного, мертвец’ (контекстуально сохраняющееся, в частности, и в русском языке), в современном чешском изменилось, расширив при этом семантику и диапазон выражаемых значений: 1. ‘туловище человека, животного’; 2. ‘корпус’; 3. ‘фюзеляж (самолета)’. Фактически схожий семантический процесс пережила и чешская, словацкая лексема *záchod*, хорв. *zahod*: ее исконное устаревшее значение связано с заходом солнца, оно сохраняется, например, в русском — ‘заход солнца’, тогда как в большинстве других славянских языков она метафоризировалась и используется для обозначения конкретно той части света, где заходит солнце: укр. *захід*, пол. *zachód* — ‘запад’. Благодаря мотивировке общеславянского глагола движения чеш. *zachodit* — ‘заходить по пути куда-л. (на короткое время)’ и его буквального восприятия в чешском, словацком и хорватском языках однокоренное (отглагольное) существительное развило новое метафорическое значение — ‘туалет’.

Возникновению омонимии нередко способствует устаревание исходного значения. Так, современное чешское *vojna*, имеющее в современном языке более узкое значение — ‘военная, воинская служба’, отличается по значению

от соответствующих русского, украинского и белорусского *война*, а одноко- ренная чеш. лексема *vojín* — ‘рядовой’ также соотносима с рус. *воин* в одном из двух значений, а именно — ‘тот, кто служит в армии; кто сражается с вра- гом’; в русском данная лексема для обозначения воинского звания, в отличие от чешского, не употребляется. Аналогично и в примере морфолого-семан- тического омонима рус. *войска* (мн.ч.) — ‘воинские части, подразделения’ и серб. *vojska* (ед.ч., ж.р.) — ‘армия’.

Вероятно, о ложной «семантической близости» при возникновении омо- нимии можно говорить также, например, и в случае русско-сербской пары *гусар* ‘военнослужащий легкой кавалерии’ — серб. *гусар* ‘пират’: русское сло- во, хотя иногда ошибочно и возводится к итальянскому *corsaro*, от которого образовано рус. *корсар* ‘пират’, в действительности восходит к венгерскому *húsz*, в то время как сербское — к итальянскому. Сюда же отнесем и такие омонимы, как рус. *урод* ‘человек с некрасивой, безобразной, отталкивающей внешностью’ — с одной стороны, и укр. *врода*, пол. *uroda* ‘красота’ — с дру- гой, а также чеш. *úroda* ‘урожай’. Этимологически слова оказываются род- ственными, ср. пол. *uroda*, чеш. *úroda*, а также рус. *урожай* — от праслав. **urodjajь* от *родить* — все эти лексемы объединены общим образом — ‘то, что родилось, уродилось’, при этом приставка *у-* подчеркивает значение мак- симальной перфективности — полное завершение действия (доведение до ре- зультата, до исчерпывающей полноты). В то же время более глубокий эти- мологический анализ показывает, что современное русское *урод* оказывается омонимичным благодаря иному происхождению: здесь первый компонент корня *-урод-* этимологически восходит к носовому звуку в значении отрица- ния — негативный префикс **q-* («не»), т.е. буквально ‘тот, кто не уродился’, ср. ст.-сл. *Жродь*²⁵.

Случайные межславянские лексические омонимы

Все вышеуказанные примеры так называемых «ложных друзей перевод- чика», как демонстрирует их анализ, во многих случаях можно объяснить лексическо-семантической, метафорической или метонимической трансфор- мацией общего образа, изначально заложенного в общем (пра) славянском корне или же общностью семантического поля, к которому принадлежат дан- ные лексемы. Однако не редки и случайные фонетические совпадения, воз- никшие вследствие заимствований из разных языков или обусловленные из- начальной омонимичностью древних корней, различавшихся ударением или фонемами, утраченными в ходе исторического развития языков, в результате чего такие разные по происхождению корни совпали по своему звучанию, как правило, именно в результате фонетических изменений в разных славянских языках [15. С. 99]. Иллюстративными примерами этому могут послужить

²⁵ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.*

такие пары межславянских омонимов, как: рус. *луна* — укр. *луна* ‘эхо’, рус. *булка* ‘мучное изделие’ — болг. *булка* ‘девушка, невеста’; рус. *кружка* — серб. *крушка* ‘груша’; рус. *штука* — серб. *штука* ‘щука’; рус. *хитрый* — словацк. *chytrý* ‘быстрый’ — чеш. *chytrý* ‘(остро) умный, хитрый’; рус. *обратный* — чеш. *obratný* ‘ловкий, искусный, умелый’; однако ср. *оборотистый* — о чел.); рус. *вредный* — серб. *вредан* ‘прилежный, трудолюбивый’; рус. *пушка* — пол. *puszka* ‘жестяная банка’; рус. *брак* кроме исконно славянского ‘супружеский союз’, мотивированного глаголом *братъ* в значении ‘дефект’ заимствование из немецкого *brechen* — ‘ломать’ или укр. *брак* — пол. *brak* ‘нехватка, недостача’, отсюда рус. *браковать* ‘признавать негодным из-за наличия изъяна, дефекта’ и укр. *бракувати*, пол. *brakować* ‘не хватать, не доставать’; рус. *майка* — серб. *majka* ‘мать’; рус. *куча* — серб. *kuћа* ‘дом’; рус. *табак* — серб. *табак* ‘лист бумаги’; рус. *скупой* — серб. *Скуп* ‘дорогой’; рус. *шар* — укр. *шар* ‘слой’; рус. *магазин* — пол. *magazyn* ‘погреб’; рус. *склеп* — пол. *sklep* ‘магазин’; рус. *журишь* — серб. *журиши* ‘спешить’ — укр. *журитися* ‘грустить, печалиться’, рус. *ногти* — серб. *nokti* ‘гвозди’ и т.п.

Назовем еще одну причину возникновения лексической омонимии — она может быть вызвана лакунарностью в семантике близких по звучанию славянских слов, напр. рус. *время* и серб. *време*, где данная лексема, помимо сходного с русским значения, употребляется также и в значении ‘погода’ рус. *искать* и серб., хорв. *iskati* — ‘искать’ и ‘требовать’, рус. *лук* и серб. *luk* — ‘лук’ и ‘чеснок’; рус. *гулять* и бел. *гуляць* — ‘гулять’ и ‘играть (в спортивные игры)’, серб., хорв. *ići* соответствует рус. *идти, ходить, ехать, ездить*, рус. *ходить* и серб., хорв. *hodati* — ‘еле передвигаться с трудом’ и т.п.

Классификация омонимов по различным языковым уровням

Рассмотрев некоторые межславянские фонетические и лексические омонимы, особое внимание обратим на проявлениях омонимии на других уровнях языка, в частности:

Словообразование и морфология

Омонимия на уровне словообразования и морфологии, по нашему убеждению, заслуживает более тщательного изучения и описания, поскольку ее характер в значительной степени отличается от лексической и требует особого подхода для ее анализа и объяснения причин возникновения: так, например, лексема *собака* в русском языке является существительным женского рода, а в украинском мужского, укр. *дитина* — ‘ребенок’ — существительное женского рода, серб. *dete*, чеш. *dítě* — слова среднего рода (ср. рус. устар. *дитя*); серб. *jabuka* изменяется по женскому роду, тогда как рус. *яблоко*, укр. *яблуко*, пол. *jabłko, jabło*, чеш., словацк. *jablko* — по парадигме среднего рода; рус. *мышь* — муж.р., тогда как укр. *миша* — ж.р.; рус. *рубли* — муж.р., а серб., хорв. *rublja* — ж.р.; рус. *гимн* — м.р., а чеш.,

словацк. *hutna* – ж.р. и т.п. Во многом эти различия возникают либо из-за разности грамматического строя отдельно взятых языков, либо — преимущественно — в заимствованных словах (причем отметим, что родовая омонимия заимствованных слов в славянских языках заслуживает отдельного внимания).

Стилистика

Большой интерес с лингвистической точки зрения в рамках рассматриваемой темы представляет собой стилистическая омонимия, а именно случаи, когда схожее по звучанию слово в разных языках относится к разным стилистическим пластам, будь то высокий, сниженный или нейтральный стиль, устаревшая или архаичная лексика, например: рус. *держава* (высокий стиль) и серб. *држава* (нейтральный стиль), рус. *лепота* (архаизм, старославянизм) — серб. *лепота* (нейтральный стиль), рус. *отрок* (архаизм, возвышенный стиль) и словенск. *otrok* — ‘ребенок’ (нейтральный стиль), рус. *дьяк* (высокий стиль, религиозная лексика) и серб., хорв. *đak* — ‘ученик’ (нейтральный стиль), рус. *молить* (ограниченное, чаще религиозное употребление, высокий стиль) и серб., хорв. *moliti* — ‘просить’ (нейтральный стиль), рус. *кадить* (ограниченное употребление в религиозно-церковном дискурсе) — словенск. *kaditi* — ‘курить’ (нейтральный стиль), рус. *ладья* (устаревшее слово) — словенск. *ladja* — ‘корабль, лодка’ (нейтральный стиль), укр. *поганий* — ‘плохой’, *брехати* — ‘лгать’ (от прямого значения ‘лаять’) относятся к нейтральному стилю, тогда как в русском (*поганный*, *брехать*) они относятся, скорее, к обиходно-разговорному пласту языка или просторечию; рус. *зело* (старославянизм) — словенск. *zelo* — ‘очень’ (нейтральный стиль), равно как и рус., укр. *вельми*, пол. *wielmi* — ‘очень’ (высокий стиль) и бел. *велмі*, чеш. *velmi*, словацк. *veľmi* (нейтральный стиль), рус. *лекарь* (высокий стиль) — укр. *лікарь*, пол. *lekarz*, чеш. *lékař* (нейтральный стиль), рус. *око* (старославянизм, возвышенный стиль) – во всех остальных славянских языках данная лексема относится к нейтральному стилю; рус. *злодей* — укр. *злодій*, чеш. *zloděj* и словацк. *zlodej* (‘вор’, нейтральный стиль), рус. *хартия* (высокий стиль) — серб., хорв. *hartija* — ‘бумага’ (нейтральный стиль), рус. *гроши* (разговорный стиль, а также употребляется в устойчивых выражениях, напр. *ни гроша за душой*, *без гроша в кармане*) — укр. *гроші* — ‘деньги’ (нейтральный стиль) – польск. *grosz* ‘мелкая монета’ (нейтральный стиль), рус. *жрать* (стилистика сниженная лексика) — чеш. *žrát* — ‘есть, применительно к животному’ (нейтральный стиль), рус. *барак* (историзм либо жаргон) и чеш., словацк. *barák* — ‘дом’ (разговорный стиль), рус. *табор* и укр. *табір*, чеш., словацк. *tábor* — ‘лагерь’ (нейтральный стиль), рус. *фраер* (из криминального жаргона, просторечие) и словацк. *frajer* — ‘парень, молодой человек, жених’ (разговорный стиль), рус. *прах* (высокий

стиль) – чеш., словацк. *prach* — ‘пыль’ (нейтральный стиль), рус. *град* (старославянизм, высокий стиль) — чеш., словацк. *hrad* ‘зámok’ и серб., хорв. *grad* — ‘город’ (нейтральный стиль), рус. *вечеря* (ограниченное употребление в религиозно-церковном дискурсе) и укр. *вечеря*, серб., хорв. *večera* — ‘ужин’ (нейтральный стиль), рус. *хвала* и серб. *хвала* ‘спасибо’, рус. *лепота* и, соответственно, сербское и хорватское стилистически не окрашенное *lepota / ljepota* — ‘красота’ (нейтральный стиль), рус. *мещане* (историзм или разговорный стиль, как правило, с неодобрительным оттенком) и пол. *mieszczanie*, чеш. *měšťané* (‘горожане’, нейтральный стиль), рус. *обыватель* и чеш. *obyvatel* (‘житель’, нейтральный стиль) и т.д.

Фразеология

Уровень фразеологии с точки зрения омонимии исследован и описан в славистике менее всего. Межъязыковая фразеологическая омонимия еще не стала предметом специального изучения, хотя на материале отдельных славянских языков достаточно полно описаны внутриязыковые фразеологические омонимы и даже такое специфическое явление, как «межуровневая омонимия» фразеологических и паремиологических единиц [16; 17]. Вместе с тем многими исследователями отмечается, что межславянская фразеологическая омонимия часто встречается в сравнительных оборотах [18]. Здесь приведем лишь несколько иллюстративных примеров: рус. *ходить как лебедь* — ‘плавно идти, о красивой походке’ и серб., хорв. *hodati kao labud* — ‘ковылять, хромать, о неуклюжей походке’, рус. *смотреть как волк/волком* — ‘смотреть со злостью, озлобленно’ и серб., хорв. *kao vuk* — ‘быть смелым, иметь сильный, мужественный характер’, рус. *под носом* — ‘близко’, пренебрежительно, разговорный стиль (говорится с упреком) и пол. *mieć pod nosem* (употребляется в том же значении, но стилистически нейтрально), рус. *как собака* (пренебрежительно о человеке) и серб., хорв. *kao pas* — ‘преданный, дружелюбный’ и т.д.

Синтаксис

Синтаксический уровень с точки зрения возникновения межславянской омонимии также вызывает интерес и требует совершенно иного подхода для рассмотрения причин ее возникновения, которые в основном можно объяснить спецификой грамматических и структурных расхождений в разных славянских языках, среди прочего, в частности: словацк. *či* (вопросительная частица) — укр. *чи*, пол. *czy* (1. вопросительная частица, 2. разделительный союз), рус. *если* (условный или подчинительный союз) — чеш. *jestli* (вопросительная частица), пол. *ale*, серб. *ali* (разделительный союз) — словенск. *ali* (1. разделительный союз, 2. вопросительная частица); рус., укр. *хочу* (глагол) — серб. *хоћу*, хорв. *hoću* (формант для образования глагольных форм будущего времени) и др.

Культурология

Омонимия в славянских языках также нередко возникает вследствие определенных культурологических расхождений и разницы в восприятии объективной окружающей действительности, из-за несовпадения отдельных реалий, переосмысления некоторых понятий, различия во взглядах или философско-религиозных представлениях и т.п., что в более широком плане уже является предметом описания и изучения языковой картины мира того или иного народа. Ярким примером этого могут, в частности, служить некоторые названия месяцев: укр. *травень* — ‘май’ и хорв. *travanj* — ‘апрель’, укр. *липень*, пол. *lipiec* — ‘июль’ и хорв. *lipanj* — ‘июнь’, укр. *серпень*, пол. *sierpień* — ‘август’ и хорв. *srpanj* — ‘июль’, укр. *листопад*, пол. *listopad* — ‘ноябрь’ и хорв. *listopad* — ‘октябрь’, укр. *квітень*, пол. *kwiecień* — ‘апрель’ и чеш. *květen* — ‘май’. Приведенные омонимы возникли вследствие разницы в климатических условиях, характерных для данных стран, т.е. вследствие экстралингвистических причин, в том числе и культурного трансфера [19; 20], разности менталитетов, формирующих этнолингвистическую картину мира того или иного этноса, отразившуюся в языке, что можно назвать еще одной из причин возникновения межславянской языковой омонимии. Подобным образом различается и компонентный состав фразеологизмов — рус. *мартовский заяц* — серб. *фебруарски зец*, что является весьма значимым при установлении степени национальной специфичности фразеологического и паремиологического фондов языка [21]. В этой же связи также следует привести примеры в различиях восприятия цветов и их оттенков: рус. *румяный*, серб. *румен* — словенск. *rumen* («желтый»); или же созвучное с рус. *красный* чешское слово *krásný* — в русском это *красивый* (укр. *красивий*), ср. рус. устар. *красна девица*, *красный молодец*. Такие формы в современном русском языке используются преимущественно как фольклоризмы или встречаются в фразеологизмах и поговорах. Схожую модель перераспределения исконного значения можно найти и в названиях растений, например: рус. *ягода* — ‘любой сочный плод кустарников или трав’ и серб. / хорв. *jagoda*, чеш., словацк. *jahoda* — ‘клубника’, пол. *jagoda* — ‘черника’, или, например рус. *арбуз* и укр. *гарбуз* — ‘тыква’ (ср. серб., хорв. *tikva* — ‘тыква’, но словообразовательный омоним *tikvica* — ‘кабачок’), в названиях продуктов питания: рус. *лимонад* и серб., хорв. *limunada* — ‘свежевыжатый сок из лимона’, рус. *сыр* и укр. *сир* — 1. ‘сыр’, 2. ‘творог’, рус. *пирогои* и пол. *pierogi* — ‘вареники с начинкой’, серб., хорв. *turska kafa* — ‘кофе, заваренный в турке, джезве’ — чеш., словацк. *turecká káva* — ‘молотый кофе, залитый кипятком’, рус. *колач* и серб., хорв. *kolač* — ‘пирожное’ и т.п. Культурологические причины межъязыковой омонимии часто являются предметом лингвокультурологического комментирования фразеологизмов и поговорок в полилингвальных словарях [22], что имеет особенную значимость на инославянском языковом фоне [23; 24].

Заключение

Таким образом, в настоящей статье был осуществлен достаточно широкий обзор примеров межславянской омонимии на материале русского, украинского, польского, чешского, словацкого, сербского, хорватского и словенского языков с привлечением данных болгарского и белорусского языков. Были установлены и проанализированы наиболее показательные примеры возникновения омонимии на фонетическом, лексическом (включая лексико-стилистический уровень), синтаксическом и фразеологическом уровне.

Проведенное нами исследование, находясь в общем русле значительного количества схожих научных работ сравнительно-сопоставительного плана, в то же самое время представляет собой более комплексный анализ, т.к. в нем представлен материал не отдельных сравниваемых друг с другом славянских языков (как правило, сопоставление проводится на основе двух-трех языков, например, русско-польские, польско-чешские и т.п. параллели), а фактически приводятся данные всех основных славянских языков. Помимо этого исследование осуществлялось с учетом различных лингвистических параметров и характеристик: историко-этимологических данных, функционально-стилистических и прагматических особенностей, степени употребительности и т.п., при этом анализ проводился на различных уровнях языка: не только на чисто лексическом (в т.ч. функционально-стилистическом), но и паремиолого-фразеологическом, а также основных грамматических уровнях: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. В этом заключается значимость проведенного исследования, его отличие от большого количества научных трудов, посвященных рассматриваемой проблематике.

В ходе нашего анализа были рассмотрены наиболее показательные случаи и при этом частотные в употреблении лексемы основных славянских языков всех трех групп. Исследование позволило выявить основные механизмы и принципы возникновения омонимии и, в частности, демонстрирует то, в каких направлениях может постепенно происходить расхождение в семантике общих по происхождению, первоначально единых по значению межславянских лексем.

Итак, подводя итог проделанному исследованию, еще раз отметим, что межславянская омонимия может возникать благодаря случайному созвучию, совпадению лексем (в т.ч. в определенной грамматической форме, например, падеже), однако, как показывают вышеприведенные примеры, чаще всего она возникает на основе общности происхождения лексического славянского фонда, схожести, но не тождественности семантики и различия коннотативных значений изначально этимологически родственных лексем (resp. корней), со временем разошедшихся по своему значению (вплоть до антонимичного).

Это изначальное родство и сохраняющуюся в той или иной степени близость семантики, образности, оттенков коннотативных значений в большей или меньшей степени можно обнаружить, тщательно исследуя механизм зарождения омонимии и специфику ее проявления в различных славянских языках с учетом историко-этимологических, стилистических, функционально-прагматических данных.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что рассматриваемое явление в наиболее полной степени и разнообразно по своей лингвистической (и, как было продемонстрировано, в ряде случаев и по экстралингвистической) природе, проявляется, в первую очередь, в области лексики; иногда можно также говорить о фразеологической, а также паремиологической омонимии — этот аспект до сих пор представляет собой научно-исследовательскую «лакуну» и требует более детального изучения, более широкого научно-теоретического освещения. Отдельный аспект представляет собой стилистическая и синтаксическая омонимия.

Важным результатом, помимо изложенного, является то, что в процессе описания практического материала также были выявлены случаи омонимии, произошедшие в силу культурологических, исторических, философско-религиозных и прочих различий славянских народов, а также случаи случайной омонимии, которая не может быть объяснена ни семантически, ни этимологически, ни какими-либо иными лингвистическими фактами, они мотивированы исключительно лишь особенностями исторического развития отдельных языков, либо определенными происходившими фонетическими, стилистическими и т.п. изменениями, а также обусловлены спецификой культур отдельных славянских народов.

Представленный в статье богатый и разноплановый иллюстративный материал является весомым теоретическим обоснованием для создания в обозримом будущем фундаментального практического словаря межязыковой омонимии на материале основных славянских языков.

Библиографический список

1. *Кусаль К.Ч.* Русско-польская межязыковая омонимия как лексикографическая проблема. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.
2. *Шуба П.П.* Проблемы белорусско-русской межязыковой омонимии и паронимии // Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. 1975. № 1. С. 14–32.
3. *Ровдо В.С.* Межязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма: дис... канд. филол. наук. Минск: Изд-во БДУ, 1980.
4. *Заславская Н.В.* Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межязыковых омонимов в русском и украинском языках в разряде прилагательных и существительных: дис... канд. филол. наук. Киев: Изд-во КДУ, 1985.
5. *Беднаж М.А.* Польсько-українська міжмовна омонімія: дис... канд. філол. наук. Київ: Вид-цтво КДУ, 2000.

6. *Vaňko J.* Slovinško-slovenská interlingválna homonymia // *Slavia*. Roč. 2004. № 73 (1). P. 59–70.
7. *Horáková R.* Medzijazyková homonymia pri geneticky príbuzných jazykoch // *Filologická revue*. 2002. № 2. P. 52–56.
8. *Мокиенко В.М., Степанова Л.И., Малиновски Т.* Русская фразеология для чехов. Olomouc: Vyd. Univerzity Palackého, 1995.
9. *Хмелевский М.С.* Языковой и культурологический континуум современной Южной Славии: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки (pro et contra) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest: Akadémiai Kiado, 2023. P. 75–80. <https://doi.org/10.1556/060.2022.00045>.
10. *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* «Кто на свете всех труднее?..» (сопоставительный анализ славянских языков в аспекте их преподавания) // *Мир русского слова*. 2019. № 1.С. 91–96. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11091>.
11. *Савченко А.В.* Общеславянская лексика: к вопросу о лексико-семантических и концептуально-понятийных трансформациях слов и понятий в славянских языках // *Вестник Владимирского государственного университета*. 2020. № 2(26). С. 85–97.
12. *Федорчук Е.В.* Межъязыковые омонимы и паронимы в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков): дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2021.
13. *Селищев А.М.* Старославянский язык в 2 ч. М.: Юрайт, 2019.
14. *Havlová Fr.* Uspěti // *Naše řeč, ročník 37, číslo 3–6*. Praha: ČAV, 1954. P. 187–189.
15. *Хмелевский М.С., Кузнецова И.В.* Фразеологизмы как составляющие концептуальные компоненты фразеологизмов в южнославянских языках // *Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)*. Кострома: Изд-во КГУ, 2020. С. 97–101.
16. *Иваноў Я.Я.* “Фразеалагізацыя” моўных афарызмаў і феномен міжзроўневай аманііі // *Studia Russica*. 2003. Т. XX. P. 143–153.
17. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // *Русистика*. 2019. Т. 17. №2. С. 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>.
18. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург: СПбГУ: ЛЕМА; Greifswald: E.M. A.-Universität, 2016.
19. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // *Русин*. 2020. № 60. С. 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
20. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Концептуальная дихотомия «Бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 55–62. <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>
21. *Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
22. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // *Вопросы лексикографии*. 2022. № 26. С. 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
23. *Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 4. С. 143–160. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

24. Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремииологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

References

1. Kusal', K.Ch. (2006). *Russian-Polish Interlingual Homonymy as Lexicographical Problem*. Saint Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
2. Shuba, P.P. (1975). Problems of Belorussian-Russian Interlingual Homonymy and Paronymy. *Issues of teaching of Russian Language in School with Belorussian Language of Teaching Process*, 1, 14–32. (In Russ.).
3. Rovdo, V.S. (1980). *Interlingual Homonymy in Conditions of Russian-Belorussian and Belorussian-Russian Bilingualism*. Minsk: BDU. (In Russ.).
4. Zaslavskaya, N.V. (1985). *Semantic and Stylistic Characteristics of Interlingual Homonyms in Russian and Ukrainian Languages in Group of Adjectives and Nouns*. Kyiv: KDU. (In Russ.).
5. Bednash, M.A. (2000). *Polish-Ukrainian Homonymy*. Kyiv: KDU. (In Ukrainian).
6. Vaňko, J. (2004). Slovenian-Slovak Interlingual Homonymy. *Slavia*, 73(1), 59–70. (In Czech).
7. Horáková, R. (2002). Interlingual Homonymy in Genetically Related Languages. *Filological Revue*, 2, 52–56. (In Slovak).
8. Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. & Malinovski, T. (1995). *Russian Phraseology for Czechs*. Olomouc: UP. (In Russ.).
9. Khmelevskij, M.S. (2023). Lingual and Culturological Continuum of Modern South Slavia: Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrinian languages (pro et contra). In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. pp. 75–80. <https://doi.org/10.1556/060.2022.00045> (In Russ.).
10. Savchenko, A.V. & Khmelevskiy, M.S. (2019). Which Language is the most difficult in the World (the Comparative Analyses of Slavic Languages in the Aspect of their Teaching). *Mir russkogo slova*, 91–96. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11091> (In Russ.).
11. Savchenko, A.V. (2020). Interslavic Vocabulary: about the Issue of Lexical-Semantic and Conceptual-Meaning Transformations of the Words and Meanings in Slavic Languages. *Bulletin of Vladimir State University*, 2(26), 85–97. (In Russ.).
12. Fedorchuk, E.V. (2021). *Interlingual Homonyms and Paronyms in Closely Related Languages (based on the Russian and Ukrainian languages)*. Moscow: MGU. (In Russ.).
13. Selischev, A.M. (2019). *Old Slavic Language in two parts*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).
14. Havlová, Fr. (1954). Uspěti [Succeed]. *Naše řeč [Our speech]*, 37 (3–6), 187–189. (In Czech).
15. Khmelevsky, M.S. & Kuznetsova, I.V. (2020). Orientalisms as the Components of Phraseological Units in South Slavic Languages. *Phraseological and Paremiology in Diachronic and Synchronic Aspects (from history to neology)*. Kostroma: KGU. pp. 97–101. (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2003). “Phraseologicalization” of Language Aphorisms and the Phenomenon of Interlevel Homonymy. *Studia Russica*, XX, 143–153. (In Belarusian).
17. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
18. Stable comparisons in the system of phraseology. (2016). St. Petersburg: St. Petersburg State University: LEMA Publ.; Greifswald: E.M.A.-Universität. (In Russ.).
19. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2020). Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based of Numerative Units). *Rusin*, 60, 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12> (In Russ.).
20. Lomakina, O.V., & Mokienko, V.M. (2019). The Conceptual Dichotomy “God” — “Devil” in Russian Phraseology and Paremiology (Against the Slavic Background). *Tomsk State University Journal*, 447, 55–62. <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7> (In Russ.).

21. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russ.).
22. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguoculturological Commentary in Polylingual Dictionaries of Proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 26, 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russ.).
23. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget, Sh.Yu. (2021). A Lexicographical Description of Tuvan Proverbs: Principles, Structure and an Ethnolinguoculturological Commentary as Compared to European Paremies. *New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
24. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological Commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славянских языков и литератур, Государственный университет Чжэнчжи (116, Тайвань, г. Тайбэй, Вэньшань, ул. Чжинань, 64, уч. 2); *сфера научных интересов*: славистика, русистика, балканистика, лексикология, фразеология и синтаксис славянских языков, компаративистика; *e-mail*: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925; SPIN-код: 9254-0618; Author ID: 900378.

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (14199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *сфера научных интересов*: славистика, балканистика, сравнительно-сопоставительное языкознание, лексикология, фразеология; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453; SPIN-код: 7273-1065; Author ID: 816483.

Information about the authors:

Alexandr V. Savchenko, Ph.D. in Philology, Assistant Professor at the Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University (64, Sec. 2, Chinan Rd., 116, Wenshan, Taipei, Taiwan); *Research interests*: Slavic studies, Russian studies, Balkan studies, lexicology, phraseology and syntax of Slavic languages, comparative studies; *e-mail*: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925; SPIN-code: 9254-0618; Author ID: 900378.

Mikhail S. Khmelevsky, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Philological Faculty, Saint-Petersburg State University. Department of Slavic languages (7–9, Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Slavic studies, Balkan studies, comparative linguistics, lexicology, phraseology; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453; SPIN-code: 7273-1065; Author ID: 816483.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519

EDN: NYXZNH

UDC [811.133.1: 811.111]:791.4

Research article / Научная статья

Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality

Vladislav E. Anisimov¹ , Ekatherina D. Anisimova² ¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation²RUDN University, Moscow, Russian Federation anisimov.vladislav.95@mail.ru

Abstract. Linguocultural concepts in the film text are a complex aspect of translation. This paper is devoted to the study of the localization potential of linguistic and cultural concepts in the implementation of the film text translation in French-English language pair. The purpose of the article is to analyze the localization potential of linguistic and cultural concepts in intermediated intercultural communication through the cinema resource. The paper provides examples of unsuccessful localization, compiled on the basis of a film target audience anonymous survey. The research material included 4 concepts (*Amour/Love*, *Amitié /Friendship*, *Famille/ Family*, *Patrimoine/National Treasure*) implemented in 70 French films with official localizations into English, released in the period of 1966–2022. The methods of random sampling, mathematical statistics, quantitative analysis, semantic and linguocultural analysis of the text, method of anonymous questioning were used in the study. To conduct a qualitative evaluation of the film text original and localized units perception, we conducted a survey of anglophone and francophone viewers. The results of the study were the identification of various translation transformations used in the localization of functional and pragmatic units of the film text with an analyze of their effectiveness by viewers perceiving the film text in the source language and by viewers perceiving the film text in the target language. The use of statistical analysis methods made it possible to verify the data obtained empirically, and semantic and linguocultural analysis made it possible to analyze the obtained linguistic units in terms of their assessment and linguistic systematization.

Keywords: film discourse, localization, concept, intertextuality, film title and synopsis

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Anisimov, V.E. & Anisimova, E.D. (2024). Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 499–519. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519>

© Anisimov V.E., Anisimova E.D., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Локализация французских лингвокультурных концептов в англоязычном кинодискурсе сквозь призму интертекстуальности

В.Е. Анисимов¹ , Е.Д. Анисимова²

¹ Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 anisimov.vladislav.95@mail.ru

Аннотация. Лингвокультурные концепты в кинотексте являются сложным аспектом перевода. Данная статья посвящена исследованию потенциала локализации лингвокультурных концептов при переводе кинотекста в паре языков французский—английский. Цель статьи — проанализировать потенциал локализации лингвокультурных концептов в непрямой межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством кинотекста. Авторами приведены примеры неудачной локализации кинозаголовков и синопсисов кинофильмов, составленные на основе анонимного опроса целевой аудитории фильмов. Материал исследования составили 4 концепта в языковых парах (*Amour/Love/Любовь*, *Amitié/Friendship/Дружба*, *Famille/Family/Семья*, *Patrimoine/National Treasure/Национальное достояние*), реализованные в 70 французских фильмах в их официальных локализациях на английский язык, вышедших в период 1966—2022 гг. В исследовании использовались методы случайной выборки, математической статистики, количественного анализа, семантического и лингвокультурного анализа текста, метод анонимного анкетирования. Для качественной оценки восприятия оригинальных и локализованных единиц кинотекста был проведен опрос англоязычных и франкоязычных зрителей. Результатом исследования стало выявление различных переводческих трансформаций, используемых при локализации функциональных и прагматических единиц кинотекста, с анализом эффективности их восприятия потенциальными зрителями на языке оригинала (франкоязычный кинотекст) и на языке локализации (англоязычный кинотекст). Использование методов статистического анализа позволило проверить полученные данные эмпирическим путем; семантический и лингвокультурологический анализ — проанализировать полученные языковые единицы с точки зрения их оценки и лингвистической систематизации.

Ключевые слова: кинодискурс, локализация, концепт, интертекстуальность, кинозаголовки и синопсис

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Anisimov V.E., Anisimova E.D. Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 499–519. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519>

Introduction

The phenomenon of text localization is a set of actions aimed at “not just to translate the original text elements, but also to adapt them to the culture of the target audience, i.e. the transition from one language and cultural code

to another” [1]. According to O. Zinkevich, localization is understood as one of the processes that includes a set of practices and techniques for adapting the original text to match a new linguistic type [2. P. 135]. In turn, V. Malzumyan understands localization as a special clustering of reality, and its end result is the transformation of the worldview to other linguistic and cultural realities [3. P. 82]. The purpose of the article is to analyze the potential of linguistic and cultural concepts localization in mediated intercultural communication through the film text. We used the techniques of discourse analysis, mathematical analysis, semantic and linguocultural analysis as scientific methods. The methods of mathematical analysis were used to conduct a qualitative analysis of the data obtained empirically. The method of discourse analysis, semantic and linguocultural analysis made it possible to analyze the materials obtained from the point of view of linguistics. The complexity of localization lies in the selection of semantically and culturally close analogies in various linguistic cultures in order to convey the main idea of the text as fully as possible. The phenomenon of localization plays a special role for the sphere of cinema text. This is primarily due to the fact that a modern film product has the property of mass orientation and provides for the release of a number of films for international distribution. For successful distribution of films in the world space, it is necessary to carry out a high-quality and adequate professional translation of the film text contained in the film so that it is understandable to the final recipient. Therefore, the role of the localization phenomenon in the modern cinema discourse is extremely high. It is localization that makes it possible to ensure an adequate transposition of the source cultural code to the code of the host culture. One of the most important points of localization is the localization of the basic concepts laid down in the basis of the movie. In this article we consider the localization of the most frequent concepts of the French cinema discourse in English localization. In particular, in the course of analyzing the materials, we turned to the works of the following researchers in the field of analysis of modern cinema discourse and film production on the Internet: E. Chistova, T. Kolokoltseva, T. Popova [4–6]. The choice of these linguistic cultures is due to the worldwide fame and popularity of French cinema, as well as the popularity of the English language in the modern world and its status as a *lingua franca* for the world community. In addition, such a choice of linguistic cultures allows us to consider differences in the representation of concepts on the example of close linguistic cultures (Great Britain and France are historical neighboring countries, as a result of which the degree of mutual penetration of languages and cultures is very high). By the concept, in this study, following Russian scholars Z. Popova and Y. Sternin we understand concept as a “discrete mental formation, which is the basic unit of a person’s mental code, having a relatively ordered internal structure, representing the result of cognitive activity of the individual and society and carrying complex, encyclopedic information about the reflected object or phenomenon, about the interpretation of this information by public consciousness

and the attitude of public consciousness to this phenomenon or subject” [7. P. 34]. The difficulty in localization of concepts consists, first of all, in the discrepancy between the cultural codes of different linguistic cultures and the semantic and value difference of related concepts and their linguistic designations. At the same time, the concepts represent a linguistic supersystem of culturally significant and nationally precedent phenomena transmission, respectively, carry basic information about the semantic content of the film, create its semantic outline, and therefore their adequate transmission is a task of paramount importance.

Intertextual Parameters of the Film Text

Cinema is a cultural phenomenon. In the works of linguists, the inseparable connection of the cinema discourse with the national and cultural peculiarities of the production country is constantly emphasized. Russian scholars G.G. Slyshkin and M.A. Efremova in the work “Kinotext (experience of linguoculturological analysis)” interpret cinema as a system of meanings, where “specific ways of perception and designation of reality are displayed” [8. P. 34]. The researchers note that “for this reason, it [cinema] does not cease to be a cultural phenomenon that defines, strengthens and transforms the viewer’s worldview” (ibid., p. 34). A.V. Olyanich also notes the ability of the film discourse to reflect the ethnocultural specifics of the creators of the film and the socio-cultural environment in which it is created [9. P. 54].

One of the main characteristics of the film discourse is its “collective authorship”. K. Bubel notes the significant influence exerted by the producer, executive director and other persons on the modern film production. According to the researcher, these co-authors of the film are directly involved in its creation, among other things, approving the shooting of a particular scenario and approving the cast [10. P. 42]. It is important to analyze ability to convey the value components of the ideas of its “collective author” [8. P. 25–26] (director, cameraman, screenwriter and everyone who takes part in the creation of a film production). However, a special role is assigned to the film discourse recipient (a film viewer) K. Bubel emphasizes that “... an active audience assumes that the audience is always an active participant and media content is always open to interpretation” [10. P. 46].

Numerous studies are focused on identifying the main features of the film discourse, among which there is a focus on the viewer as an object of perception of the film industry product [11], focus on oral reproduction [12. P. 129], incompleteness and drama [13. P. 100], attraction to the open text, dialogicity [14. P. 26], as well as polysemiotics, manifested in the dependence of the meaning of the semantic units of the film discourse on a number of linguistic and extralinguistic factors [15. P. 10].

An important characteristic of the film discourse is its iconic nature. The semiotic space of the film discourse, as well as its main component (the film text) and the realization form (the movie) is distinguished by a wide variety of properties and features.

T.V. Dukhovnaya notes the correspondence of the film discourse to the main communicative patterns of a modern native speaker, as well as the orientation of its construction on spontaneous speech communication [16. P. 23]. С. Bubel also underlines the proximity of the film dialogue to spontaneous conversation [10. P. 60]. This property of the film discourse is largely due to the mass spectator of the film industry and the orientation of film production to the modern viewer and the target audience of the film itself. The use of irrelevant communicative samples can lead to misunderstanding of the film content, which, in turn, can negatively affect the perception of the film by the viewer and lead to the failure of the film at the box office. But there is also another opinion about the similarity of the film dialogue and spontaneous communication, e.g. S. Kozloff denies the proximity of the film dialogue and spontaneous conversation: "... the dialogue in the film differs from spontaneous everyday speech. In a narrative film, the dialogue may strongly strive to imitate a natural conversation, but it is always an imitation" [17. P. 18–19].

The film text has various textual categories and exhibits properties similar to printed text, which, in turn, makes it possible to bring into line the products of film and literary discourse (a motion picture and a work of fiction). Such an interpretation makes it possible to compare and identify common features (the possibility of interpreting the screenplay as a special genre of fiction; the similarity of chronotopes; the use of techniques of pragmatic influence on the viewer close to literature) of the film discourse with literary, theatrical and other types of artistic discourse.

Linguists also distinguish three fundamental semiotic components of the film discourse and film text. For Yu. Lotman there are visual, sound and verbal code systems [18. P. 39]. U. Eco distinguishes portrait, linguistic and sound codes [19]. The inseparable combination of these three semiotic components is aimed at building the meaning of the film.

The most important characteristics of the film discourse are the centralization of the point of view of the communication process, the close connection with the national cultural characteristics of a particular country, the property of displaying reality, the pragmatic impact on the recipient, the presence of a subtext in the phenomenon under consideration.

The main structural units of the film text are the functional and pragmatic units of the film text — film titles, synopses and slogans, which are the pragmatically oriented graphic (visual) elements of the film text that precede the release of the film and directly affect its success, endowed with full or partial autonomy in relation to the content of the film production and interacting with each other at the linguistic and pragmatic level, whose main function is to attract as many viewers as possible to watch the film.

The functional and pragmatic units of the film text (film titles, synopses and slogans) occupy a central place in terms of the pragmatic impact degree on the potential viewer before watching the film. The functional and pragmatic units

of the film text are the main graphic (visual) elements of the film text, appear before the potential viewer before getting acquainted with the motion picture and, along with the audiovisual element that precedes the appearance of the film at the box office — the trailer, transmit basic information about the film production coming out (or already released) on the screens. Intelligent compilation of the film title, synopsis and slogan directly affects the desire of a potential viewer to choose this product of the film industry for viewing among all the other films presented, thereby ensuring successful box office receipts for the film.

Precedency and Intertextuality of the Film Discourse

Considering the film discourse and its main component the film text as a semiotic space, we note the important role of references to various precedent texts and phenomena contained in it, especially relevant at the initial stage of public acquaintance with the film industry product. Such appeals of a precedent nature allow a potential viewer to identify a movie with a specific literary work, historical event or precedent personality.

An important theoretical basis for the cinema discourse study is the theory of precedent, which considers the precedent texts and phenomena that are the main ones for the addressee (In the case of cinema and cinema discourse for the potential viewer).

The foundation of the theory of precedent was laid by the Russian researcher Yu.N. Karaulov, who defined precedent texts as “significant for a particular personality in cognitive and emotional relations; having a superpersonal character, i.e. well-known to the wide entourage of this personality, including its predecessors and contemporaries, the appeal to which is repeatedly renewed in the discourse of this linguistic personality “ [20. P. 216]. As examples of precedent texts, the scientist cites quotations, names of characters, titles of works, as well as their authors [ibid., p. 216].

Considering this issue through the lens of the “precedent phenomenon” notion, another Russian scholar V.V. Krasnykh identifies three fundamental characteristics of pretexts: famousness to all representatives of the national linguistic and cultural community (having an invariant of perception of this phenomenon common to all representatives of the nation); relevance in cognitive, emotional and cognitive terms and the presence of appeals in the speech of representatives of the national linguistic and cultural community to this precedent phenomenon, understandable to the interlocutor (a representative of the same linguistic and cultural space) without additional transcription and commentary [21. P. 5].

As example of precedent names in the film discourse we can cite the references to the names of literary works forming the basis of a movie. In such cases, the film adaptation contains a direct mention of the precedent name of the work of art already in its title (*L'amour dure trois ans* — “Love Lasts Three Years”, a film adaptation of the novel of the same name by F. Begbeder; *Le nom de la Rose* —

“The Name of the Rose”, a screen adaptation of the novel by U. Eco), which allows a potential viewer to associate this film with its main precedent text.

Applying the theory of discourse analysis to the film discourse, it is also possible to consider the concepts of “textual reminiscences” and “precedent textual reminiscences” introduced by Russian scholars A.E. Suprun and Yu.E. Prokhorov, respectively [22; 23]. Researchers call quotations or other references present in specific late texts to previously produced texts a direct manifestation of this phenomenon. As examples of textual reminiscences, scientists distinguish various quotations, names of characters, titles of works, names of their authors that are not precedent, direct or indirect references to various situations.

In the synopsis of the French movie *Mes jours de gloire* (2020), an example of textual reminiscence is the mention of one of the most popular characters in children’s literature of the XX century — Peter Pan:

Adrien est un Peter Pan des temps modernes. Il a beau approcher la trentaine, il vit encore comme un enfant. Petit, il a connu le succès en tant qu’acteur mais c’était il y a plus de dix ans et aujourd’hui Adrien n’a plus un sou. Il retourne ainsi vivre chez ses parents et tente de redonner un coup de fouet à sa vie. Entre la possibilité d’une histoire d’amour et celle d’un retour qu’il s’imagine triomphant en tant qu’acteur, le chemin d’Adrien sera semé d’embûches.

Adrien is a modern-day Peter Pan. He may be approaching his thirties, but he still lives like a child. As a child, he enjoyed success as an actor but that was more than ten years ago and today Adrien no longer has a penny. He returns to live with his parents and tries to give his life a boost. Between the possibility of a love story and that of a return that he imagines triumphant as an actor, Adrien’s path will be fraught with pitfalls.

Many of the appeals in the film discourse are based precisely on textual reminiscences. The above characteristics of textual reminiscences allow us to classify them as direct components of intertextual connections in the film discourse and in particular in the small-format texts of the film discourse (movie titles, synopses and movie slogans).

As the precedent texts of the French film discourse we can consider literary works, biographies of famous personalities who have left a significant mark in French and world history, historical events significant for France. Less often, direct quotations familiar to the average representative of the French linguistic and cultural space and biblical texts can be distinguished as precedent texts [1].

Localization as an Issue of Intercultural Communication

Nowadays, localization theory is becoming increasingly popular among researchers of text adaptation in a different culture. In some cases, the Theory of Localization Studies is considered as a special type of translation, but often it replaces this concept and acts as an independent type of text adaptation in the host linguistic and cultural space.

Linguists and translation theorists mean the term “localization” as a part of the process of text adaptation to a new linguistic and cultural environment [24–27]. Localization of the text represents the achievement of structural, substantive and pragmatic equivalence of the text and is, as the Russian linguist-translator L.K. Latyshev rightly noted, “textualization of intentions” [28. P. 46]. Localization of film production in this paper refers to the process of adaptation of film production to the conditions of a different socio- and linguistic-cultural space in order to successfully promote a film at the box office of another country. Localization implies full or partial adaptation of the original product in another cultural space in order to avoid rejection of the film production by the public. An important point in this case is the elimination of taboo and unacceptable categories from the original film text for a foreign cultural viewer, the presence of which in the localized film text may lead to the rejection of the work by the audience and, as a consequence, the failure of the film at the box office. In some cases, the adaptation of the film text may be associated with various political, historical and cultural factors. Therefore, in this study we use the term “localizers” to mean a set of actors who are directly involved in the promotion of the film at the box office: translators and other specialists engaged in cross-cultural adaptation of the text, authors of subtitles, voice actors / dubbing actors, as well as representatives of the distribution company directly involved in the “delivery” of the film to the viewer. The currently popular localization practices in the film industry are closely related to the methods of discourse analysis and focus primarily on the recipient of the message who is the main active participant in the communicative act. Such a technique is based on recreating a completely different linguistic and cultural environment of a communicative situation based on the purpose of translation (translation brief), as well as the needs and expectations of the translated text intended or real recipients [1. P. 441]. A similar approach to text adaptation shifts the emphasis on extralinguistic factors accompanying the text from classical semantic and syntactic strategies of translation theory and practice [ibid., p. 441]. The use of the intertextuality apparatus shows a close connection between the source and translated (In the case of a film discourse — localized) texts. Researchers of intertextual interaction distinguish translation as one of the components of intertextuality. In his concept of *transtextuality*, G. Genette includes translation in the concept of *hypertextuality*, along with such types of text transformation as parody and continuation [29. P.37].

Due to its interlinguistic, intersemantic and intertextual nature, translation is the creation of a new text from an existing one, and each of the stages of the translator’s activity requires referring to various intertextual references [30. P. 66]. The interaction of translation and forms of intertextuality is carried out by scientists on the example of comparing translation and the use of references in it, translation and plagiarism and translation and adaptation of the original text [ibid., P. 66–69]. Intertextuality in the translation of texts is not only quoting the original and possible references to the source text, but also comparing two or more translations with each

other and with the original text. In addition, in the course of translating a literary work, the translator may resort to comments, borrowings, adaptations and, in rare cases, plagiarism in order to better convey the meaning of the source text [ibid., p. 66]. The researchers note that the intertextuality used in the translation of the text enhances the translator's ability to adapt the text for its better understanding by the addressee in a different linguistic and cultural space, especially in cases where a literal (direct) translation can lead to a distortion of meaning. According to scientists, it is even allowed to replace examples or slightly adapt the contexts of the work for better acceptance of the text in the target culture due to the presence of taboo topics in it, for example [ibid., P. 69–70]. Adaptation of the work contexts is especially important in the course of localizing pragmatically significant text components in another culture that directly affect or could affect the perception of the work by the addressee. Despite the fact that the researchers consider translation as a component of intertext interaction, in our opinion, from the point of view of film discourse and functional and pragmatic units of the film text, it is more appropriate to talk about the localization of the source text (film titles, synopses and slogans) in a different linguistic and cultural space due to their specific adaptation. Localization of foreign-language film products in the market of a particular country today acquires a collective character, and the translator does not always have the last word in localization of one or another element of the film text — more often the decision is made by rental (distribution) companies engaged in bringing films to the screens of the country [1. P. 453].

The analysis of intertextual links between the original and localized text, first of all, involves the detection of certain intertextual links. It should be noted that in order to convey the intertextual references and allusions available in the source text, the translator needs a large extralinguistic knowledge base: it is necessary to know well the culture of the country in which the film text was produced, the main appeal models peculiar to a particular linguistic and socio-cultural community, and sometimes the biography of the author of the work. At the same time, in the process of localization in another culture of intertextual connections present in a movie, cases of translational untranslatability may arise, the main reasons for which Russian scholar E.P. Podlegaeva rightly attributes linguistic and extra-linguistic realities associated with the realities of life of a certain society, as well as the impossibility of establishing a proto-text [31. P. 67]. In the process of localizing and adapting a work in another country, it is necessary to take into account the specifics of the host culture, which may differ from the culture of the original text due to differences in worldview, and understand whether intertextual allusions of the source text are acceptable to recipients in the host culture. The preservation of intertextual connections present in the source text may lead to a communicative failure in understanding the work in a foreign cultural environment if the original texts used by the author are unfamiliar to the addressee due to differences in culture or worldview. Thus, the question of the use of intertextuality in the analysis of the

localization of a work in a different socio-cultural space is closely related to the field of intercultural communication, since often the adaptation of a work can be associated precisely with the differences in the cultures of potential addressees.

The work with texts of various discourses and their components requires its own level of localization. Localization of the cinema discourse and its main components, due to the mass character of cinema and its accessibility to all social strata of the population, should be oriented to the average 219 viewers of the country, and its techniques should be understandable to the vast majority of the public. In the course of localizing the form of film discourse realization (a movie itself) in a different linguistic and cultural space, the translator should additionally take into account the target audience of a particular film production, as well as the pragmatic impact of its individual parts on a potential viewer, e.g. intertextual connections and references contained in the film title, synopsis or slogan, in addition to direct appeal to specific pretexts, may also have a pragmatic orientation and be focused more on attracting as many viewers as possible to view the work.

The question of the significance of the culture influence on the communicative behavior of a person in recent years no longer raises questions from researchers. Localizing individual significant units of the film text, the translator in one way or another has to rely on the so-called “communicative values” of the potential target audience, which the Russian scientist T. Larina interprets as “cultural values that have a decisive influence on the communicative behavior of representatives of this culture, predetermine its rules and norms, form the style of communication” [320. P. 35]. It is worth noting that the intertextual references contained in the functional and pragmatic units of the film text, as a rule, are not subject to deciphering, since they are the background cultural knowledge of representatives of a particular country. Localization of the film title, synopsis and slogan, as well as the intertextual connections present in this functional and pragmatic film units, due to their directed pragmatic impact text on the potential viewer occupies a special place. Localization of functional and pragmatic units of the film text can often lead to changes in the presentation of a movie at the box office, for example, a change in its genre. A typical example of such a change in the genre of film production following its functional and pragmatic units in the process of localization of a French film in the English-language box office is the film “*Tout le monde debout*” (“Rolling to You”, 2018). The localized movie title of the tape is skillfully adapted to the most popular age group visiting English-language cinemas: 18–34 years old [33]. The original title of the movie, which can be translated as “Everyone standing”, is not connected to a certain age group of viewers. The film title with which the work appears on the screens for the English-speaking viewer (“Rolling to You”) outlines a certain target audience of the work, due to the presence of youth slang in it.

The analysis of the linguistic material allows us to conclude that the typical strategies of localization of intertextual links in film titles, synopses and slogans

of films are: deletion of the original intertextual links, their replacement with more appropriate to the requirements of the target audience or the traditions of the host culture and transformation of the original references and other intertextual forms while preserving the appeal to the context.

As the intertextual components used in the process of localization of the film text in a different linguistic and cultural environment concerned, it is necessary to separately note the localization of the concepts contained in them that have an important intertextual component. As in the case of intertextual references directly present in the functional and pragmatic units of the film text, in the course of localizing allusions present in the linguistic and cultural concepts of film titles, synopses and slogans of film productions, similar adaptation strategies can be applied, e.g. the concept of *patriotism* and its main component, characteristic of French culture — *patrimoine (national treasure)*, which are the basis of the film “*Paris brûle-t-il?*” (*‘Is Paris Burning?’*, 1966), preserved in a localized name (largely due to the use of the strategy of literal translation), the core of which is the symbol of France — its capital Paris.

The addition of new intertextual connections to the localized synopsis of a movie can cause the transformation of the concept representation itself, e.g. the English-language synopsis of the French film “*Ce que le jour doit à la nuit*” (*‘What the Day Ows the Night’*, 2012) otherwise implements the concept of *amour (love)*, which is contained in the functional and pragmatic units of the film text: the idea appears that love can survive in all adversity: *Entre Jonas et elle naîtra une grande histoire d’amour, qui sera bientôt troublée par les conflits qui agitent le pays* — *Between Jonas and her will be born a great love story, which will soon be troubled by the conflicts which agitate the country*). Moreover, the use of passive voice emphasizes the active role of such a strong feeling in ending conflicts and changing the lives of the main characters, as well as their native country, for the better:

Original (French) synopsis: *Algérie, années 1930. Younes a 9 ans lorsqu’il est confié à son oncle pharmacien à Oran. Rebaptisé Jonas, il grandit parmi les jeunes de Rio Salado dont il devient l’ami. Dans la bande, il y a Emilie, la fille dont tous sont amoureux. Entre Jonas et elle naîtra une grande histoire d’amour, qui sera bientôt troublée par les conflits qui agitent le pays.*

Literary translation: *‘Algeria, 1930s. Younes was nine years old when he was entrusted to his pharmacist uncle in Oran. Renamed Jonas, he grew up among the young people of Rio Salado, with whom he became friends. In the gang, there is Emilie, the girl everyone is in love with. Between Jonas and her will be born a great love story, which will soon be troubled by the conflicts which agitate the country’.*

Localized (English) synopsis: *Algeria, the 1930s. Younes is nine years old when he is put in his uncle’s care in Oran. Rebaptized Jonas, he grows up among the Rio*

Salado youths, with whom he becomes friends. Emilie is one of the gang; everyone is in love with her. A great love story develops between Jonas and Emilie, which is soon unsettled by the conflicts troubling the country.

There are also cases of loss of the concept's intertextuality due to the absence of the concept itself in the localized synopsis.

Original (French) synopsis: *Nathalie a tout pour être heureuse. Elle est jeune, belle, et file le parfait amour. La mort accidentelle de son mari va couper son élan. Pendant des années, elle va s'investir dans son travail, se sentir en parenthèse de sa vie sensuelle. Mais subitement, sans qu'elle comprenne vraiment pourquoi, elle embrasse un de ses collègues. Markus, un homme très atypique. S'ensuit alors la valse sentimentale de ce couple hautement improbable qui va susciter interrogation et agressivité au sein de l'entreprise. Choisit-on vraiment par quel moyen on renaît à la vie ? Nathalie et Markus vont finir par fuir pour vivre leur histoire et leur émerveillement à l'abri de tout. Cette histoire de renaissance est aussi celle de l'étrangeté amoureuse.*

Literary translation: *Natalie has everything to be happy. She is young, beautiful and loved. A fatal accident that her husband gets into will destroy everything in an instant. For many years, she will prefer work to feelings. But one day, without knowing why, she kisses her colleague. Marcus is a rather strange man. Between a couple full of contradictions, a waltz of emotions and subsequent questions and obstacles from colleagues is spinning. Can we choose our own way of returning to life? Natalie and Marcus will finish everything and rush off to write their amazing story alone. The story of rebirth and the strangeness of love.*

Localized (English) synopsis: *A French woman mourning over the death of her husband three years prior is courted by a Swedish co-worker.*

In the localized version of this film synopsis the translator omitted the main idea of the melodrama: love that can bring back to life. Based on the French film synopsis, the main idea of the film is to “resurrect” the main character Natalie to life. It is love that becomes the force that turns out to be able to restore a woman's desire to live. In the original film synopsis, this idea is supported by the presence of a rhetorical question (‘Choisit-on vraiment par quel moyen on renaît à la vie ?’ / ‘Can we choose our own way of returning to life?’) In addition, the original synopsis emphasizes the notorious “convergence of opposites”, supported by the reception of the antithesis (Markus, un homme très atypique/ Markus is a rather strange man) and the final sentence interpreting such love as “strange” or “bizarre” (‘Cette histoire de renaissance est aussi celle de l'étrangeté amoureuse’ / ‘The story of rebirth and the strangeness of love’). It is also worth noting that the story begins in the near future time (Future Proche). This kind of narration seems to attract the viewer, bringing him closer to what is happening on the screen and encouraging him to watch a movie. We also would like to note that along with the original concept that is significant for the film target audience, in the localized for the English-speaking audience

synopsis of the film, which is the most concise summary of the plot of the film, the translator also omitted the above-mentioned figures of speech.

An important component of the preservation and subsequent adaptation of intertextual connections in the host culture is the localization of concepts contained in the original film text. The loss of intertextual connections contained in the key concepts of the film or their basic schemes can negatively affect the perception of the picture by the viewer, which will entail negative feedback from the audience. In addition, omission or incorrect transformation of the original concepts reflected in the synopsis of the movie (e.g. the omission of the concept of amour (love) may lead the viewer to the idea that the genre of the film is not a melodrama, but a comedy), can lead to misunderstanding of the plot by a potential viewer, in connection with which it is possible to visit the movie by a completely different target audience, which may remain dissatisfied with its viewing.

Comparative Analysis of the Original and Localized Movie Titles and Synopses Perception

Due to the fact that localization can significantly change the preview impression of watching a film, we conducted an anonymous questionnaire study on the perception of the main concepts of the film by the audience, based on their reading of the film title, slogan and synopsis, as well as a post-screening survey, implying an assessment of how the viewed film met or did not meet their expectations. For the analysis, we selected 10 films and questioned the recipients to write down up to 5 keywords related to the content of the film, based on their impressions of the film synopsis, title and slogan before and after watching the film itself. The empirical basis of the study was the results of a survey of 100 francophone respondents and 100 anglophone respondents. The anglophone respondents were presented with localized functional and pragmatic units of the film text for familiarization. The francophone respondents were presented with the functional and pragmatic units of the film text in the source language for familiarization. The difference in the perception of functional and pragmatic units of the film text in the original and localized versions (In source and target languages) by the speakers of the considered linguistic cultures and the satisfaction of their expectations from watching the films in question allowed us to draw conclusions about the effectiveness of localization of functional and pragmatic units of the film text and the film as a whole, as well as the success of the film at the box office of the country of production and the country of localization. All respondents were aged 20–45 y. o., were native speakers of French (for a group of francophones) or English (for a group of anglophones), and also had higher educational attainment in various, including art and cinematography education. We have obtained the following results (*Table 1, Table 2*):

Table 1

Results of recipient's watching films localized in English

Original film title (French version)	Localized film title (English version)	Keywords after reading the title, synopsis and slogan of the film	Keywords after watching the movie	
La Daronne	Mama weed	Thriller, mafia, Godfather, double life	Drama, scam, double life, crime, new life	56 %
10 jours sans maman	10 days with Dad	Comedy, dad's education, homemaker, children terror, large family	Housewife, daily routine, large family, comedy, role exchange	87 %
Le sens de la famille	Family Swap	Role exchange, comedy, parents and children, wonder	Role exchange, comedy, parents and children, psychology, mutual understanding in the family	89 %
Le prince oublié	The lost prince	Lovestory, fairy-tale, parent and children, growing up	Fairy-tale, parent and children, growing up, drama	77 %
Tendre et saignant	The Butcher's Daughter	Family drama, heritage, confrontation, family business	Lovestory, confrontation, traditions, family business	46 %
Adieu les cons	Bye Bye Morons	Comedy, family, heritage, dream team, lost baby	Drama, new sense of life, life's final, reminiscence	34 %
Le bonheur des uns...	A friendly tale	Comedy, friends, competition, writer	Drama, friends, jealousy, success, relations	65 %
Messe basse	The Lodger	Horror, love triangle, mystic, survive, neighborhood	Horror, suggestion, psychology thriller, jealousy, madness	31 %
Antoinette dans les Cévennes	Donkey, my lover & I	Lovestory, vacation, countryside, lover and family, comedy	Schoolteacher, repeat, two families, donkey, drama	24 %
Tout nous sourit	Husband, Wife, Kids... and Lovers	Drama, family, double life, conflict, family values	Comedy, family, curious situation, humor, daily routine	32 %

Source: compiled by the authors.

Table 2

Results of recipient's watching original films in French

Original title (French version)	Keywords after reading the title, synopsis and slogan of the film	Keywords after reading the title, synopsis and slogan of the film	Average % match of expectations and movie viewing
La Daronne	Drama, crime, danger, intrigue, double life	Drama, scam, double life, crime, new life	94 %
10 jours sans maman 10 дней без мамы	Comedy, homemaker, role exchange, large family	Housewife, daily routine, large family, comedy, role exchange	89 %
Le sans de la famille	Role exchange, comedy, parents and children, wonder	Role exchange, comedy, parents and children, psychology, new life	89 %
Le prince oublié	Drama, fairy-tale, parent and children, growing up, dad and daughter	Fairy-tale, parent and children, growing up, drama, lost dad	81 %
Tendre et saignant	Family drama, lovestory, confrontation, family business	Lovestory, confrontation, traditions, family business	86 %
Adieu les cons	Drama, new sense of life, black humor, lost baby, illness	Drama, new sense of life, life's final, black humor, death	94 %
Le bonheur des uns...	Drama, writer, friendship, competition, jalousie	Drama, friendship, relations, competition, jalousie	74 %
Messe basse	Horror, madness, mystic, survive, neighborhood	Horror, suggestion, psychology thriller, jalousie, madness	81 %
Antoinette dans les Cévennes	Two families, lovers, donkey, vacation, psychology	Two families, donkey, drama, lovers, comprehension	96 %
Tout nous sourit	Lovers, family, comedy, love, daily routine	Comedy, family, curious situation, humor, love	32 %

Source: compiled by the authors.

According to Table 1, it can be noted that the title of the localized film, as well as the information contained in its slogan and synopsis, can significantly influence the anticipatory reaction of the viewer. Thus, due to the unsuccessful localization of the title and synopsis of the film, the percentage of the audience's expectations

from viewing and impressions after viewing is significantly lower (less than 50 %), as happened to the films “ Tout nous sourit “, “ Messe basse “, “ Antoinette dans les Cévennes “, “ Tendre et saignant “, “ Adieu les cons.” This phenomenon is due to the great pragmatic influence of the functional and pragmatic units of the film text on the potential viewer. Thus, familiarization of the potential viewer with the film title, synopsis and slogan allows:

- to determine the target audience of the movie;
- to determine the genre of the film;
- to get acquainted with the plot superficially;
- to interest the potential viewer.

In case of unsuccessful localization, commercial and non-commercial film distribute companies create conditions for low ratings of films due to an incorrectly selected target audience.

Let’s consider this statement with examples.

“Tout nous sourit” 2020 (“Husband, Wife, Kids... and Lovers”)

The original film title “Tout nous sourit” — “Everything smiles at us” (literally) creates a positive, comedic atmosphere, which is noted by Francophone viewers who watched the original (French) version of the film. Whereas the English-language title “Husband, Wife, Kids ... and Lovers” creates prerequisites for defining the genre of the film as a family drama, which is noted by recipients who have become familiar with the film title, slogan and synopsis in English.

The film synopsis also supports the ideas given by the titles:

Original (French) synopsis: *Tout sourit à Audrey et Jérôme. Ils ont trois merveilleux enfants et leurs métiers les passionnent. Le temps d’un week-end, ils partent chacun de leur côté... avec leurs amants respectifs. Sauf qu’ils ont la même idée : aller dans leur maison de campagne...*

Literary translation: *Everything smiles at Audrey and Jérôme. They have three wonderful children and they are passionate about their jobs. For a weekend, they go their separate ways... with their respective lovers. Except they have the same idea: to go to their country house...*

Localized (English) synopsis: *The members of an apparently happy couple, each with their respective lovers, have the same idea: spending the weekend at their holiday home. Finding each other there is only the beginning of an awkward and hilarious weekend.*

In the original (French) version of the synopsis, the potential viewer gets acquainted (by naming names) with the main characters of the film. The use of ellipsis at the end of sentences allows one to create an atmosphere of awkwardness, intrigue and curiosity, attracting a potential viewer. These moments are absent in the localized version of the synopsis, which does not allow the viewer to correctly interpret the emotive component of the message.

Hence, a potential viewer considers the genre of this film as a family drama, and not as a comedy. In this case, we are faced with the need to localize not only

the textual component of the film, but also the main concepts of *amour* (*love*) and *famille* (*family*) contained in it, which culturally do not coincide in the French and Anglo-Saxon linguistic cultures.

To adequately localize these concepts, the localization team should have used additional speech markers, allowing the potential viewer to correctly identify the genre of the film: family comedy, and also note the confrontation of the concepts *amour* (*love*) and *famille* (*family*) in the text of the synopsis and when choosing the localization version of the title.

Due to the unsuccessful localization of the main semantic concepts contained in the film and the distortion of the emotive component of the text of small-format units of the film discourse, the film rating of the on the original online resource (Allociné) and the English-language distributor (IMBD) differs significantly: the rating of the French-language version of the film is 5.4, and the English-language version is 2.9. We can interpret the results as the effect of unsuccessful localization the film text due to the distortion of the main emotive message and the unsuccessful linguistic and cultural adaptation of the film concepts.

Conclusions

The modern film industry is actively developing and undergoing a number of changes related to the trend of globalization. Hence, the number of real and virtual enterprises providing the opportunity to view the products of the film industry is growing in the world. In accordance with this, there is a growing social demand for the implementation of the localization format: a special translation of films taking into account the recipient's linguoculture. Localization is a complex process of translation and transformation of the film text and its individual units into the target language, taking into account its linguistic and cultural parameters.

In this study, we considered the localization of small-format units of the film text (movie titles, synopses and slogans) of the French film discourse into English and their pragmatic impact on the recipient-viewer. We defined the concept of precedent film text and textual reminiscences as the main objects of localization, and also considered the main concepts of the French film discourse as an important component of the semantic field of film production. As an empirical basis of the study, we conducted an anonymous survey of viewers who viewed the localization of the film and provided data on anticipations of its content before watching the film (after getting acquainted with localized small-format units of the film text) and after watching it, and also calculated the average percentage of adequacy of the viewer's expectations from watching the film.

The results approved that the unsuccessful localization of the film significantly influences the viewing activity of potential viewers, as well as their preview reactions regarding the content and genre of the film.

References

1. Anisimov, V.E., Borissova, A.S. & Konson, G.R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles. *Russian Journal Of Linguistics*, 23(2), 435–459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>
2. Zinkevich, O.V. (2018). *Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text*. Sankt-Peterburg: Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 3(111), pp. 135–137. (In Russ.).
3. Mazlumyan, V.S. (2009). The picture of the world or the image of the world. *Psycholinguistics in the XXI century: results, problems, prospects: Abstracts of reports*. pp. 82–83. (In Russ.).
4. Chistova, E.V. (2021). *Transformation of the speech genre in the Russian-speaking segment of the Internet (based on the material of the genres of film censorship and complaints)* (PhD thesis). Moscow. (In Russ.).
5. *Advertising discourse and advertising text: a collective monograph*. (2021). Scientific ed. by T.N. Kolokoltseva. Moscow: FLINTA. (In Russ.).
6. Popova, T.P. (2015). Characteristics of institutional discourse. *Historical and Socio-educational Ideas*, 7 (6–2), 295–300. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300> (In Russ.).
7. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. Moscow: AST, Vostok-Zapad. (In Russ.).
8. Slyshkin, G.G. & Efremova, M.A. (2004). *Kinotext (Experience of linguocultural analysis)*. Moscow: Vodoley publ. (In Russ.).
9. Olyanich, A.V. (2015). Film discourse. *Diskurs-Pi*, 2, 162 —165. (In Russ.).
10. Bubel, C. (2006). *The linguistic construction of character relations in TV drama: Doing friendship in Sex and the City*. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes.
11. Snell-Hornby, M. (1997). *Written to Be Spoken: the Audio-Medial Texts in Translation*. In: *Text Typology and Translation*: ed. A. Trosborg. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, pp. 27–35.
12. Koryachkina, A.V. (2017). *English-language artistic film discourse and the potential of its interpretive and communicative translation*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University publ. (In Russ.).
13. Bassnett, S. (1991). Translating for the Theatre: the Case Against Performability. *Languages and Cultures in Translation Theories*, 4(1), 99–111.
14. Snetkova, M.S. (2009). *Linguostylistic aspects of Translation of Spanish Film Texts: on the material of Russian translations of feature films “Viridiana” (L. Bunuel) and “Women on the Verge of a Nervous Breakdown” (P. Almodovar)*. Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.).
15. Veltrusky, J. (1977). *Drama as Literature*. Lisse: Peter de Ridder Press.
16. Dykhovnaya, T.V. (2014). Movie discourse: correlation with the notion of a living speech discourse. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehno-logicheskogo universiteta*, 3, 22–25. (In Russ.).
17. Kozloff, S. (2000). *Overhearing Film Dialogue*. Berkeley; Los Angeles — London: University of California Press.
18. Lotman, Yu.M. (2014). Text in text. *Educational Technologies*, 1. 30–42. (In Russ.).
19. Eco, U. (1972). Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. *Working Papers in Cultural Studies*, 2, 103–121.
20. Karaulov, Yu.N. (2007). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B., Zakharenko, I.V., Bagayeva, D.V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Lomonosov Philology Journal*, 4, 106–117. (In Russ.).
22. Suprun, A.E. (1995). Textual reminiscences as a linguistic phenomenon. *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 17–29. (In Russ.).

23. Prokhorov, Yu.E. (2017). *National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching the Russian language to foreigners*. Moscow: URSS. (In Russ.).
24. Gambier, Y. (2010). Rapid and Radical Changes in Translation and Translation Studies. *International Journal of Communication*, 10, 887–906.
25. Leonardi, V. (2019). Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies? *Language, Communication and Social Environment*, 9, 180–201.
26. Пым, А. (2011). What Technology Does to Translating. *Translation and Interpreting*, 3(1), 1–9.
27. Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility*. London; New York: Routledge.
28. Latyshev, L.K. (2005). *Translation Technologies: manuel for universities*. Moscow: Academia. (In Russ.).
29. Genette, G. (1982). *Palimpsestes: la littérature au second degré*. Paris: Éditions du Seuil.
30. Ezeafulukwe, O. (2019). Traduction et Intertextualité. *International Journal of Arts and Humanities (IJAH)*, 8(3), 30, 61–70.
31. Podlegaeva, E.P. (2020). *Animated video verbal text: problems of translation and interpretation*. Moscow: Moscow Region State University publ. (In Russ.).
32. Larina, T.V. (2009). *Category of politeness and communication style. A comparison of British and Russian traditions linguocultural*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
33. A comprehensive analysis and survey of the theatrical and home entertainment market environment (THEME) for 2021(2022). Motion Picture Association of America. URL: <https://www.motionpictures.org/research-docs/2021-theme-report/> (accessed: 21.05.2022).

Библиографический список

1. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 435–459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>
2. Зинкевич О.В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // *Известия СПб ГЭУ*. 2018. № 3(111). С.135–137.
3. Мазлумян В.С. Картина мира или образ мира // *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: тезисы докладов*. М.: Эйдос, 2009. С. 82–83.
4. Чистова Е.В. Трансформация речевого жанра в русскоязычном сегменте интернета (на материале жанров кинорецензии и жалобы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
5. Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: ФЛИНТА, 2021.
6. Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № (6–2). С. 295–300. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300>
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: коллективная монография. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.
8. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей, 2004.
9. Олянич А.В. Кинодискурс // *Дискурс-Пи*. 2015. № 2. С. 162–165.
10. Babel C. The linguistic construction of character relations in TV drama: Doing friendship in *Sex and the City*. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes publ., 2006.
11. Snell-Hornby M. *Written to Be Spoken: the Audio-Medial Texts in Translation*. Text Typology and Translation: ed. A. Trosborg. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1997. P. 27–35.
12. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретивно-коммуникативного перевода: дис. канд. филол.н.: СПб, 2017.
13. Bassnett S. Translating for the Theatre: the Case Against Performability // *Languages and Cultures in Translation Theories*. 1991. Vol. 4. № 1. P. 99–111.
14. Снеткова М.С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва». дис. канд. филол. н.: М. 2009.

15. *Veltrusky J.* Drama as Literature. Lisse: Peter de Ridder Press, 1977.
16. *Духовная Т.В.* Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 22–25.
17. *Kozloff S.* Overhearing Film Dialogue. Berkeley; Los Angeles — London: University of California Press, 2000.
18. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 30–42.
19. Eco U. (1972) Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. *Working Papers in Cultural Studies*. № 2. P. 103–121.
20. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007.
21. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц языка и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. 1997. № 4. С. 106–117.
22. *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление / Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
23. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: USSR, 2017.
24. *Gambier Y.* Rapid and Radical Changes in Translation and Translation Studies // *International Journal of Communication*. 2010. № 10. P. 887–906. 887–906.
25. *Leonardi V.* Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies? // *Language, Communication and Social Environment*. 2019. № 9. P. 180–201.
26. *Рум А.* What Technology Does to Translating // *Translation and Interpreting*. 2011. № 3 (1). P. 1–9.
27. *Venuti L.* The Translator's Invisibility. London; New York: Routledge, 1995.
28. *Латышев Л.К.* Технологии перевода. М.: Издательский центр Академия, 2008.
29. *Genette G.* Palimpsestes: la littérature au second degré. Paris: Éditions du Seuil, 1982.
30. *Ezeafulukwe O.* Traduction et Intertextualite // *International Journal of Arts and Humanities (IJAH)*. 2019. Vol. 8. № 30. P. 61–70.
31. *Подлегаева Е.П.* Анимационный видеовербальный текст: проблемы перевода и интерпретации: дис.канд.филол.н. М. 2020.
32. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Памятники древней Руси, 2009.
33. Комплексный анализ и исследование конъюнктуры рынка театральных и домашних развлечений (ТЕМА) на 2021(2022) год. Американская ассоциация кинематографистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.motionpictures.org/research-docs/2021-theme-report/> (дата обращения: 15.06.2022)

Information about the authors:

Vladislav E. Anisimov, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of French Languages, MGIMO University (76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: embrace semiotics of the French film discourse, intercultural pragmatics, discourse analysis, translation studies; *e-mail*: anisimov.vladislav.95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6006-3965; SPIN-code: 3521-9813; AuthorID: 1016736.

Ekatherina D. Anisimova, post-graduate student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, translation studies, advertising discourse, mathematical statistics; *e-mail*: kate.dk01@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9854-3921; Scopus ID: 973406.

Сведения об авторах:

Анисимов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76); *сфера научных интересов*: семиотика французского кинодискурса, межкультурная прагматика, дискурс-анализ, переводоведение; *e-mail*: anisimov.vladislav.95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6006-3965; SPIN-код: 3521-9813; AuthorID: 1016736.

Анисимова Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: семиотика, переводоведение, рекламный дискурс, математическая статистика; *e-mail*: kate.dk01@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9854-3921; Author ID: 973406.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-520-543

EDN: OFPQSK

UDC [811.512.122:811.161.1: 811.111]’373.21

Research article / Научная статья

Problems of Commercialisation and Commercial Nomination of the Urbanonymic Landscape of Almaty

Kyzdarkhan K. Rysbergen¹ , Dana M. Pashan¹ , Didar A. Sadyk² ¹Baitursynuly Institute of Linguistics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, *Almaty, Republic of Kazakhstan*²Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, Republic of Kazakhstan* didarsadyk2@gmail.com

Abstract. The authors conduct a critical analysis of the process of commercialization and commercial nomination in the linguistic landscape of Almaty, the largest megalopolis in Kazakhstan. Two sets of current toponymic problems of the linguistic urban landscape are considered: critical analysis of geospace commercialisation process, megalopolis toponymic policy, where toponym acts as a “commodity”; and sociolinguistic features of ergonym formation, linguo-creative approach to the nomination process as a part of modern naming of the megalopolis linguistic landscape. These two main aspects of the study are aimed at revealing the polylingual, socio-cultural image of the city, at matching the linguistic picture of the world of the citizens, at defining the image strategy in the organisation of urbanonymic space of the metropolis. The issue of urbanonymic terminology also remains relevant, in this regard the study deals with the problem of correspondence/non-conformity of English and Russian terminology in this area, with some caution it is proposed to adapt the international terminological space in the field of onomastics. The analysis of the linguistic identity of oikodomonyms (name of residential complexes) and ergonyms (brand-name) confirms the hypothesis of a growing trend of the urban landscape westernisation, which is of concern in view of the increasing globalisation processes that minimise the national-cultural identity of urbanonyms. As a result of the study the problem areas in the toponymic policy of the metropolis were revealed, the prospects for improving the regulatory aspects of the activities, naming technologies and branding of commercial organisations, companies were identified, alternative solutions were proposed, which can be further applied as guidelines in the toponymic activities in other regions of Kazakhstan.

Keywords: linguistic landscape, toponymic policy, urbanonym, oikodomonym, ergonym, commercial nomination, naming, humanitarian geography

Financing. Acknowledgements:

This article was written within the framework of the program BR 21882249 “Improvement and Expansion of the Subcorpora of the National Corpus of the Kazakh Language as a Means of Intercultural Communication”.

© Rysbergen K.K., Pashan D.M., Sadyk D.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

Received: 01.12.2023

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Rysbergen, K.K., Pashan, D.M. & Sadyk, D.A. (2024). Problems of Commercialisation and Commercial Nomination of the Urbanonymic Landscape of Almaty. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 520–543. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-520-543>

Проблемы коммерциализации и коммерческой номинации урбанонимического ландшафта города Алматы

К.К. Рысберген¹ , Д.М. Пашан¹ , Д.А. Садык²

¹Институт лингвистики им. А. Байтурсынулы, Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

 didarsadyk2@gmail.com

Аннотация. Авторы проводят критический анализ процесса коммерциализации и коммерческой номинации в лингвистическом ландшафте Алматы, крупнейшего мегаполиса Казахстана. Рассматриваются два актуальных топонимических аспекта лингвистического городского ландшафта: коммерциализация геопространства в аспекте топонимической политики мегаполиса, где топоним выступает в качестве «товара»; особенности образования эргонимов при лингвокреативном подходе к процессу номинации как части современного нейминга лингвистического ландшафта мегаполиса, рассмотренные в рамках социолингвистического анализа. Исследование направлено на выявление полиязычного, социокультурного образа города, на соответствие новых названий языковой картине мира горожан, на определение имиджевой стратегии в организации урбанонимического пространства мегаполиса. Вопрос урбанонимической терминологии также остается актуальным, в связи с этим в исследовании рассматривается вопрос соответствия/несоответствия английской и русской терминологии рассматриваемой предметной области, с некоторой осторожностью предлагается принять международную терминологическую систему. Анализ языковой идентичности ойкодомонимов (название жилых комплексов) и эргонимов (название бренда) подтверждает гипотезу о усиливающейся тенденции вестернизации городского ландшафта, что вызывает озабоченность в связи с усиливающимися процессами глобализации, которые сводят к минимуму национально-культурную идентичность урбанонимов. В результате исследования были выявлены проблемные области в топонимической политике мегаполиса, определены перспективы совершенствования нормативных аспектов деятельности, технологий присвоения имен и брендинга коммерческих организаций, компаний, предложены альтернативные решения, которые в дальнейшем могут быть применены в качестве руководящих принципов в топонимической деятельности в других регионах Казахстана и странах.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, топонимическая политика, урбаноним, ойкодомоним, эргоним, коммерческая номинация, нейминг, гуманитарная география

Финансирование. Благодарности:

Данная статья написана в рамках программно-целевого финансирования BR21882249 «Совершенствование и расширение подкорпусов Национального корпуса казахского языка как средства межкультурной коммуникации».

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2023

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Rysbergen K.K., Pashan D.M., Sadyk D.A. Problems of Commercialisation and Commercial Nomination of the Urbanonymic Landscape of Almaty // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 520–543. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-520-543>

Introduction

The linguistic landscape, the toponymic environment of a city is one of the main indicators and powerful factors influencing the formation of the linguistic culture, the linguistic identity of the population. Due to the deepening processes of geo-globalisation and increasing urbanisation, the toponymy of urban space, urbanonyms are becoming the object of stable interest of commercial structures and are becoming the object of intensive commercialisation. “Being a special class of toponyms and performing, like other toponyms, targeting and orienting functions, urbanonyms are closely connected with urban culture, with the appearance and arrangement of urban settlements, with peculiarities of socio-cultural values and norms that specify human interaction and ways of life in urban communities” [1]. In recent decades, the process of urbanisation has intensified in the post-Soviet space, and new political-economic, geo-globalisation realities are generating completely new types of nominations in the linguistic landscape of cities, structuring and transforming urban space in a new way.

The onomastic space of a modern city has a rather complex infrastructure and is not limited to names of streets, squares, parks, i.e. geographical objects having a linear, territorial extent, in onomastic terminology is called *hodonoms*, and the names of commercial objects are designated as *ergonyms*. The toponymic space of the city is filled with socially significant objects: cultural, educational, commercial, leisure and entertainment facilities, sports, various services, etc. All of them have spatial correlation, can be linked to certain urban topological landmarks, have a codified address, and are inscribed in the system of urban spatial coordinates [2–3].

One of the rapidly developing areas of Almaty’s urban space is the construction of a large number of residential complexes, new cottage towns and townhouses, which are involved in the process of commercialisation. Intensive development of small and medium-sized business, capitalisation processes in the market economy of the city, have caused the emergence of a huge number of commercial enterprises of trade, various types of services, industries of entertainment, sports, education, etc., diversifying the cultural and linguistic repertoire, information and communication space of the linguistic landscape of Almaty.

Consequently, the formation and transformation of the modern urbanonymic system of a metropolis includes new image technologies, which involve changing patterns and stereotypes, the emergence of new cultural, social and economic realities, and the deepening of market relations require new approaches to the

organisation of urban space, its naming policy. Due to the active commercialisation of urban space in recent years, the problem of preserving the socio-cultural, linguistic, topographical, geolocation identity of inner-city sites has become acutely relevant. The relevance of the study lies in the need for toponymic systematisation, sociolinguistic description, and existing problems in the urbanonymic space of Almaty in a synchronic condition.

Materials and Methods

The material for the study included the names of residential complexes and ergonyms (names of objects represented in the urban space by the names of various firms, restaurant service enterprises, service industries (beauty salons, spas, leisure centres, saunas, etc.), names of shops, trade centres and shopping and entertainment complexes, cinemas, leisure and recreational facilities, etc.). Names of theatres, museums and exhibitions have also been collected, some of which are state-owned and not for commercial purposes, do not represent a massive list and are therefore not dealt with in the study. In order to write this study, among the whole body of material, the authors focused on the names of exclusively residential complexes and the names of the catering segment, restaurants, cafés and pubs, as they prevail over the other names in quantitative terms and make it possible to get a general idea, summarise the results and draw preliminary conclusions.

The basic empirical material was taken from the websites of the city of Almaty, namely the real estate website krisha.kz and the online search engine 2gis.ru, the list of “Companies of Almaty on the map, firms and organisations in Almaty” located at <https://almaty.dmaps.ru> and the catalogue of ergonyms collected on the basis of personal observations carried out by the authors of the study. On the basis of the empirical material collected, a database was created to develop a dictionary of urbanonyms of Almaty in the future.

In the process of the study the following methods were used: descriptive, involving the analysis of linguistic facts, as well as techniques of inventory, cataloguing, classification and systematisation, linguistic observation, interpretation and statistical method, which allowed to determine the linguistic composition, the quantitative ratio of urbanonyms (In Kazakh, English, Russian). Interpretive analysis has revealed the implicit pragmatics, the ambiguity in the semantics of some ergonyms.

Results

In the course of the study, the basic empirical material of about 2 thousand oikodomonyms, ergonyms, including the names of residential complexes (RC) — 467, 1424 ergonymic units, including 38 names of banks, 108 names of credit companies, 243 names of shopping malls, business centres, 75 exchange offices, 460 names of restaurants and 516 names of pre-school educational institutions were collected and analysed. The study does not take into account many names of hotels,

fitness centres and other sports clubs, etc., but they will also be included in the Dictionary of Urban Names of Almaty that is to be developed in the future.

Out of 2267 names of streets, squares and alleys in Almaty 1036 names belong to memorial, i.e. names of famous historical personalities, figures of world and domestic culture, literature and science, that is 45 % of megalopolis hodonymic corpus. The tendency to over-personalise urban toponymy was also characteristic in Soviet times for all the republics that were part of the Soviet Union, mainly after the leaders of the proletariat, the Bolsheviks. This trend is repeated, but already in the case of national heroes and famous personalities. Renomination, the assignment of new names to streets takes place in agreement with the Onomastic commission under the city administration. Consequently, this area of urban toponymy does not show serious irregularities in language policy and does not conflict with the image planning of the metropolis. Therefore, within the framework of this study hodonyms have not been considered, as they are the object of a separate study.

A linguistic analysis of the nature of the commercial property names of metropolis brand names by thematic groups was carried out, which made it possible to find out the percentage ratio for each segment of ergonomy. The chart below provides a statistical characteristic of the linguistic affiliation of the restaurant names in the city (Figure 1).

Language statistics for restaurant names in Almaty

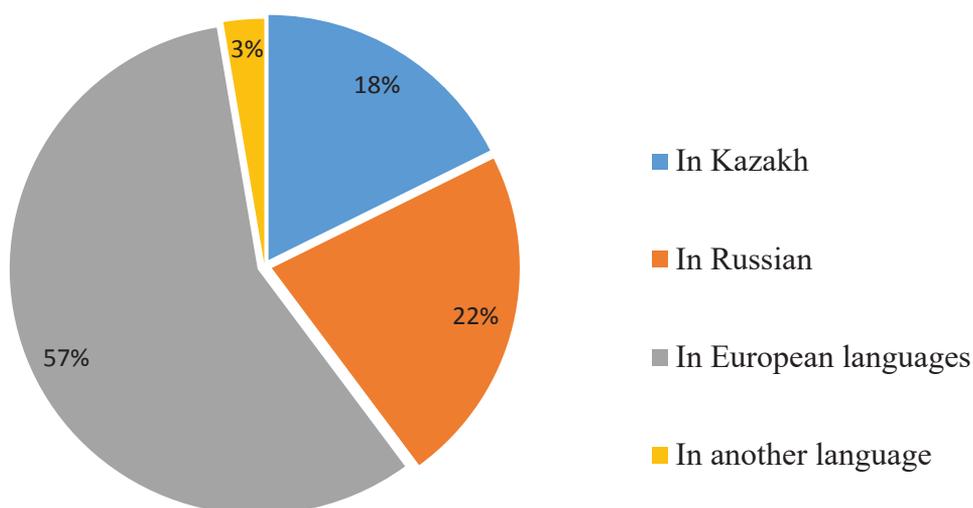

Fig. 1. Language ratio statistics of the restaurant names of Almaty
Source: author's study.

The analysis of semantics, visual and graphic characteristics of oikodomonyms and ergonyms confirms the hypothesis about the necessity of naming expertise and improvement of the legal framework in the sphere of onomastic names

functioning in the linguistic landscape of the metropolis. The problems mentioned are substantiated in the discussion of the material, in the coverage of the naming problem and in the conclusion.

There are some differences and inconsistencies in the terminological apparatus of the English- and Russian-speaking segments of onomastic science. A well-established term of *urbanonym* in Russian-language onomastic literature, in the onomastics of the post-Soviet space denotes the names of inner-city objects. This term is a generic hyperonym with further detailing into *hodonyms* (names of streets, squares, i.e. objects with extension), *ergonyms* (names of commercial facilities, companies, institutions, trade objects, service facilities, etc.), *oikodonyms* (names of detached buildings, constructions), etc.

“In English-speaking onomastics, it is customary to designate a particular class of proper names by a word combination: *personal name (anthroponym)*, *company name (ergonym in our tradition)*, etc.” [2]. Indeed, in English there are no common generic concepts for both *urbanonyms* and *ergonyms*, but they can be conveyed by separate term combinations: *linguistic landscapes*, *street graphics*, *office name signs*, *office signs*, *building names*, *building signs*, *house names*, *door signs*, *shop/store names*, *shop/store signs*, etc.

It should be noted that the terms *urbanonym* and *ergonym*, denoting the names of inner-city objects, are also missing from the lists (Liste des mots-clefs en Onomastique) ICOS (International Council of Onomastic Sciences)¹. However, the American Name Society (ANS) website in the section About Onomastics contains a definition of the term *Brand-name*, which also refers to an *ergonym*: “*Brand-name*: proper name for product, brand, or trademark. Sub-areas include the study of names for medicines, automobiles, foods and beverages, computer hardware and software, corporations, sports teams, etc. A brand name may also be called an “*ergonym*”². Russian author N. Podolskaya gives the following definition: “*Ergonyms* are a category of onyms, the proper names of business associations of people, including unions, organizations, institutions, corporations, enterprises, societies, establishments”³.

It should be noted that Kazakh onomastic terminology, as well as other national onomastics of the CIS countries, is generally oriented to the conceptual and terminological apparatus of Russian onomastics, based on the Greek-Latin vocabulary. There are undoubtedly positive aspects to this for research procedures, coordinating scientific information within such a wide area. National onomastics have their local equivalents for certain terms, but they are often of a descriptive,

¹ *Liste des mots-clefs en Onomastique*. 2019. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf>.

² About Onomastics. In: Site of The American Name Society URL: <https://www.americannamesociety.org/names/> (accessed: 25.01.2023).

³ Podolskaya, N.V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

expansive nature, so it is more comfortable for linguists to work with unified onomastic terms.

In addition to ergonyms, the urban space of the city also includes *hodonoms* — names of streets, squares, alleys, etc.; in English language sources, there is another term for this notion called *odonoms*. Since one of the main objects of this study is the names of residential complexes in Almaty, the term *oikodomonym* is used, in compliance with the Russian researchers: “The proper name of a building <...> *Origin*: Greek *οἰχοδομή* “building, structure” + onym”⁴.

Although using this term to denote residential complexes, apartment blocks is somewhat controversial, as detached buildings also fall under oikodomonyms, for example, *Almaty International Airport, Republic Palace, Kasteyev Art Museum, Drama Theatre named after M. Auezov, Zenkov’s Cathedral*. But the *Mega Almaty and Silk Way City* shopping centres, although they are free-standing buildings as commercial facilities, belong to ergonyms. However, the residential complexes from the developer, being commercial projects, have their own names, which are difficult to refer to as ergonyms denoting commercial associations, names of firms, companies in the service and trade sectors. Still, ergonyms are functionally closer to advertising, business and signage, and are more mobile and more likely to change.

Russian authors R. Razumov and S. Goryaev in their study dedicated to the terminology of inner-city toponymy consider the problem of a certain lack of correspondence, lack of adaptation of Russian and English onomastic terminology in this sphere. They refer to the fundamental publication of their Western European colleagues “The Oxford Handbook of Names and Naming”, which contains a separate chapter “The Names of Settlements”, and one of the main editors of the book, C. Hough considers the names of settlements to be prototypical for toponymy, but not objects within them; in the chapter “Street Names” its author B. Neethling regards the term *odonym* as a complete synonym for *street name*, and in the section “Other Types of Names”, in the chapter “House Names”, the author A. Koopman considers only such names of dwellings which were given by their occupants [2] without reference to any term.

It seems a little strange that there is no specific term for house names in English and Western European onomastics, despite the fact that in the UK, in English linguistic culture, there is still a lovely historical tradition of giving names to one’s house. And this phenomenon can be simply called “*house names*”, “*dwelling names*”.

This study, based on the nature of the research material, uses the generalising term *urbanonym* and its intraspecific terms *hodonym*, *oikodonym*, and, in parallel with the term *ergonym*, the term combinations *commercial names*, *commercial naming*, which is close and understandable in the academic English-speaking

⁴ Podolskaya, N.V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

environment, are also used. “Names — proper names and the product of naming — have received various terms in onomastics: *advertising names*, *commercial names*. The term *commercial names* seem more persuasive because it outlines the dominant sphere of naming application, namely the sphere of commercial nomination” [6], says the Russian scholar M.V. Golomidova.

The study uses, by necessity, the terminology of critical toponymy or humanitarian geography, a popular trend in English-speaking academic circles. For example, *commodification* is the systematic process of incorporating the intangible spheres of life into the sphere of capital. The author of “radical geography”, the Anglo-American geographer D. Harvey argues for the “commodification of everything”, believing that “everything can basically be seen as a commodity” [4]. This also applies to the commodification of language — the process of turning language into a commodity and its functioning in a globalised market [5].

Discussion

Characteristics of Commercialisation of the City’s Toponymic Space

The urbanonymic landscape of Almaty, the largest metropolis in Kazakhstan and Central Asia, includes names of urban toponyms (hodonoms) and ergonyms that represent objects of commercial nomination. Almaty (682 km²) is Kazakhstan’s leading administrative, financial, economic and cultural centre, with a strong image, positioned in the tourist environment as “A Garden City” immersed in the green. Almaty was the capital of Kazakhstan until 1998 and is translated as “apple”; previously, the Russian version Alma-Ata was used in parallel. The city is unique both because of its European and Asian cultural symbiosis and because of its geographical location in the foothills of Trans-Ili Alatau, its mild climate and abundance of snow in the mountains during the winter, while well-developed winter sports and tourism have made it famous as a “second Switzerland”.

Almaty’s inner-city topographical structure can be divided into space-forming iconic places for residents and visitors of the “southern capital”, which are also actively involved in the process of commercialisation and commodification.

According to the topographical zoning of the city in relation to the location of the mountains, the top-bottom, south-north directions can be distinguished, i.e. there is an upper part starting from the mountains themselves and a lower part with a relatively flat landscape. Meanwhile, the historic centre of the city is known to the public as the “golden square” because of its expensive and elitist residential and non-residential commercial stock. In recent decades, the upper part of the city has been actively developed with private estates, luxury cottage towns and country townhouses, and this part of the city has a respectable and sprawling character.

It is possible to highlight the following image characteristics and competitive advantages of Almaty in the country and in the Central Asian region:

- the best city to live and work in;

- a leading centre of education, science, culture and business;
- uniqueness of the natural landscape;
- attractiveness for investment and tourists.

The world's famous metropolises have a unique aura, a unique magnetism, a vivid cultural association, often linked to the names of iconic objects of universal value. The majestic mountains of Trans-Ili Alatau are the city's iconic landmark and pride. The space-forming symbolic objects of the city include the high-mountainous skating rink *Medeu*, the *Shymbulak* ski resort, the *Green Bazaar* market, the 19th century masterpiece of wooden architecture — *Zenkov's Cathedral*, the *Baluanholak Central Stadium*, the park complex with the *Koktobe* funicular, the pedestrian zone, the *Arbat*, a favourite place of citizens, the *Big Almaty Lake*, which is located high in the mountains, and many other attractive places for locals and tourists.

It is primarily the municipal authorities and big business that are involved in organising the urban space and its infrastructure. Medium and small businesses are also actively involved in the creation of the city's socio-cultural, linguistic image, represented in large numbers by ergonyms. Streets, parks, residential areas, numerous shopping malls, shopping markets, hotels, restaurants, even small cafés, bistros and outlets, with multilingual signs create a global linguistic image, an urbanonymic landscape of the city.

In recent years, the study of urban toponymy has been intensified by the emergence of a “critical toponymy” approach as part of humanitarian (humanistic geography), which focuses on the cultural politics of toponymy and the decisions associated with the naming of the urban landscape. In modern cities, however, toponyms play not only a political role but also an economic one, defining urban toponyms as commodities. Material signage identifying street names can also be used as part of branding and promotion strategies.

The problem of the urban space toponymy commercialisation has been well covered in the studies of Russian scholars, and the last two decades have seen a rapid development of urbanonymic themes. The development of onomastic space, the urbanonymic landscape of the city, is mainly carried out in the linguistic, sociolinguistic and linguocultural aspects. A new perspective on the problems of toponymic policy and naming, the “image of place” is found in the studies of Russian scholars M.V. Golomidova [1], R.V. Razumov, S.O. Goryaev⁵ and others. In terms of the branches of ergonymy in Russian onomastics, the ergonyms of a number of large cities have been studied in the works of A.M. Emelyanova [6; 7], F.F. Alistanova, who identifies the main trends characteristic of modern ergonymic nomination, namely: the use of obsolete spelling and vocabulary; the use of non-literal (reduced) vocabulary; the use of language games; the use of loanwords [8].

⁵ Liste des mots-clefs en Onomastique (2019). URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (accessed: 15.02.2023).

The author N.V. Nosenko, analyses the nomination mechanisms of foreign language ergonyms in Novosibirsk. Yu.V. Vairakh gives a lexical-semantic, word-formative and linguocultural characteristics of Irkutsk's ergo-urbanonyms [9; 10].

Urbanonymic themes in Kazakhstan are at an early stage of development. So far, individual studies by several Kazakh authors are known. Ergonyms of former Astana, modern Nur-Sultan are covered in the studies of Sh.K. Zharkynbekova, and the history and linguistic composition of public catering institutions are examined by S.K. Imanberdiyeva, M. Kakimova, G.B. Madiyeva [11].

In English-speaking onomastics in recent years (2011, 2013, 2015) a new series of onomastic conferences "Name and Naming" with a centre in Romania (Technical University of Cluj-Napoca, North University Centre of Baia Mare) has stood out, led by Oliviu Felecan. For the first time in the world science the naming issues started to be considered within onomastics, but mainly on the material of toponyms and anthroponyms (urbanonyms are still classified as either "Toponyms" (street names) or "Other names" (others)).

In foreign onomastics, urbanonyms are studied more from a sociolinguistic and cultural perspective, without focusing on the very linguistic essence of commercial names. Thus, for instance, in the proceedings of the International symposium "Names in the Economy" much attention is given to the commercial characteristics of urbanonyms. For example, the 2015 symposium considered the names of dental clinics, banks, national cuisine restaurants, travel agencies in Romania (A. Stoichitoiu I chim), business organisations in Finland (V. Syrjälä), as well as commercial ergonyms in the Baltic states (S. Pošeiko).

The issue of naming is considered in the study of the English researcher D. Postles [12]. The problems of urbanonymic landscape are presented in the studies of Barrie Cox on the material of the names of restaurants and taverns in the Great Britain [13], the dictionary of pub names in Wadsworth (England) is developed by the researchers L. Dunkling, G. Wright [14]. A book on the multicultural aspect of naming has recently been published [15].

The section "Commercial Names" written by Paula Sjöblom of the aforementioned study examines the source languages for modern ergonymy, where the dominance of the main Western European languages (and mainly, of course, English) is expectedly acknowledged [16]. This statement seems to be confirmed by the results of the study of the ergonymic corpus of Almaty, i.e. there is indeed a predominance of the English-language nomination, and this trend is increasing rather than decreasing.

Onomastic science, particularly toponymy, is multidisciplinary in nature and is considered in close connection with a number of other scientific fields, including by geographers and geo-urbanists. As previously noted, the issue of urban toponymy in the aspect of critical toponymy as part of humanitarian geography began to be actively developed in the late 20th century in the English-

speaking academic environment, where mainly socio-political and political-economic aspects were focused.

“The use of geographical names and toponymic practices as tools to raise the value of space and struggle for resources and property involves in the process of toponymic commodification two key groups of stakeholders: *official public authorities* technically regulating the naming and renaming of geographical objects, and the *business sector* represented by travel agencies, developers, multinational corporations and other entities” [17]. Toponym, as an element of the territory’s image and the verbal expression of the cultural and geographical segment of the territorial system, is also subject to transformation processes associated with commercialisation.

The way in which the commercialisation of naming rights is transforming the cultural landscape of the Almaty metropolis is demonstrated by clear examples of the transfer into private hands of new territories in the park zone for the purpose of active development of residential towns and villas for sale. In Almaty, the city is being intensively built up with high-rise buildings in order to solve the social and housing problems of its inhabitants. However, this often happens at the expense of reducing parkland, sometimes unjustifiably redrawing the topographical space, leading to changes in the natural geographical landscape, damaging the city’s ecology, generating discomfort for the residents. The development area is expanding year by year, moving to the protected, resort areas with unique nature, while businesses are developing new territories in the foothill terraces with untouched nature, cutting down relict forests and destroying alpine meadows. Conservationists, “green activists” and ecologists are constantly raising the alarm and fighting against it, unfortunately often to no avail. And this is where the problem of commodification, the over-commercialisation of the city’s toponymic space, comes into play with the permission of the city authorities.

In 2021, Almaty plans to demolish dilapidated houses, the so-called “Khrushchev-era houses”, and to build new high-rise buildings instead, which environmentalists have called a “humanhill” metaphorically similar to an anthill. The developer had to concede to the protest by residents and will build 37 houses of 9 storeys each instead of the planned 57 houses of 20 storeys. Such a housing renovation programme can be found both abroad and in neighbouring Russia, which raises an acute problem of new nominations, a naming problem. It is well known that businessmen, owners of construction companies, are the initiators, the authors of naming. This category of nominators, as can be seen, does not have equally high linguistic competence, ethical taste, knowledge of the linguistic picture of the citizens, at least in general terms, which is proved by the models of oikodonyms, names of housing estates discussed in the study. In this case the problem of language regulation and language policy arises again.

L.K. Graudina, regarding Russian cities, highlights this problem as follows: “In image projects, the “linguistic” component in the choice of style, the onomastics of the city is completely absent. Meanwhile, it is important to define a system

of “values” in language policy. The system of recommendations by linguists should be based not only on the rules of word usage, but also on national etiquette, good taste, a system of ethical norms — the whole stock of traditional domestic culture, which is perceived by society as exemplary” [18].

Indeed, one of the important nomination principles for new urban facilities is to match the historical, cultural and natural landscape features of the surrounding geographical environment, the territorial orientation of the facility, i.e. there should be a general concept of development, in which the preservation of cultural, linguistic values of the population, taking into account topographical features should be a priority in the new acts of nomination. However, in practice it can be seen that this principle is not always respected in the city of Almaty. The analysis of the oikodonymic nomination types can be considered in two main groups: the orientation principle; the advertising principle, based on a marketing technique addressed to the target consumer.

It is accepted that: “The principle of orientation works most obviously on the perception of the object’s territoriality. If there is already a natural or significant cultural / social object within the locality (or its construction is in the development plans), the principle of orientation can be implemented in a direct or associatively linked nominative indication” [19].

A number of names of residential complexes in Almaty retains this principle. For example, the complete ensemble of facilities *Esentai Park*, linked to the name of the *Esentai River* flowing through the city, includes the *Esentai Mall* shopping and entertainment centre, *Esentai Apartments*, *Central Esentai Residence*, *Esentai River Townhouse* and, finally, the entire township (city within a city), positioned as an area of cosiness and European standard *Esentai City* (premium-class flats and villas). In the language of the residents, the Russian name of the Esentai River, *Vesnovka*, also stands for the name of the *Vesnovka* housing estate. And there are many such positive examples where the names are in harmony with the names of a nearby natural object. Housing estate *Navoi* is named after the street of the same name (Navoi was a Sufi poet of the Middle Ages), and next to it is housing estate *Shahristan*, i.e. there is a thematic involvement in Eastern culture.

Another striking brand of Almaty is the *Koktobe* recreation area (with a funicular railway), “Green Hill”. All of the commercial properties built around the *Koktobe* park complex actively use this name in naming. This is because *Koktobe* has a prominent location and has a strong positive image among the population. The residential complex built in the neighbourhood is called *the Koktobe City*. A marketing ploy was used here, with a spatial-thematic, locational connection being observed in the nomination of objects. “Thus, the creation of urbanonymic blocks (the names of juxtaposed objects, correlated in their internal and external form) can be regarded as part of the city’s historical “code” and an organic component of the general image characteristics” [19].

The introductory post of the *Koktobe City* housing estate describes the new building as “Modern German architecture — smart and comfortable low houses, underground parking, car-free courtyards and small playgrounds, rhythmic facades without fussy elements. The best of Munich, Berlin and Düsseldorf’s new neighbourhoods have been collected here” [20], i.e. this advertising text is a marketing ploy by the Singapore property developer KustoGroup. This appeal is precisely thought-out and relevant in a metropolis with dense construction and high-rise buildings. The developer also appeals to the European quality of the buildings, based on the persistent stereotypical thinking of the local consumer “everything produced in Europe, especially German, is of high quality”, which forms a positive image of the project at the initial stage of construction. The project’s exclusive nature is due to its location in an upmarket area of the city, on a green hill with beautiful natural landscape.

In Almaty, there are housing estates and complexes for both the economy class and the affluent part of the population. Stable interest, the demand of affluent city dwellers for premium housing, for so-called English, French, Italian neighbourhoods remains high.

“As a result of associations with exclusivity, elitism or corporate business, a toponym can serve as a highly lucrative brand element for an area, not only to attract tourists and entrepreneurs, but also to raise the value of urban space (e.g. Champs-Élysées in Paris, Wall Street in New York)” [17].

The advertising type of naming residential complexes, villas, cottage towns comes from the enhancement of status based on already world-famous urban toponyms or simply a loud sounding English, French or Italian name. For example, *RC Lancashire*, *RC Lafayette*, *RC Belgravia Villas*, *RC Palladium*, *RC Beverly Hills*, *RC Parmigiano Country Club*, *RC Sorrento*, *RC Dolce Vita Residence* (an association with the Fellini film), *RC Hyde Park*, *RC Woodland Village Townhouse*. This type of names, while creating the illusion of respectability, indicates the linguistic, ethical preferences of the nominator, which do not always coincide with the linguistic picture of city dwellers.

Here is an illustrative example where the taste and language preferences of a housing development nominator are frowned upon and opposed by the public and local residents. In 2011, the president of a Kazakhstani construction company, visiting New York, was inspired by the idea of building his own “Manhattan” in Almaty, and conceived an ambitious, large-scale “city within a city” project on 228 hectares of land on the shores of Lake Sairan, similar to the Borough *Manhattan*. But eventually, due to the global crisis, the company went bankrupt in 2008, and a smaller construction project was completed by another construction company after government intervention. The public protested against the name as it does not fit the linguistic concept of the city, there is no cultural and historical connection, and the cultural and linguistic values of the local population are not taken into account. As a result, *Manhattan* was changed to the name *Mega Sairan*, retaining

the natural-topographical principle, which made orientation easier. However, the exotic name once heard “caught on” in the informal communication of citizens as an additional locational factor.

Just like ordinary brand names, geographical names can be used, modified or completely replaced according to marketing objectives (improving the image of a locality or region, increasing investment in the tourism sector, etc.), which represents a specific type of toponymic branding. Thus, for example, according to representatives of English critical toponymy, “The case of the new names of the Dumbo and Vinegar Hill neighbourhoods in New York, created specifically for the privileged social categories who will live in expensive condominiums, is an example of the symbolic “stigmatisation” of the urban landscape through toponymy [3].

A toponym as a highly liquid symbolic capital for developers, investors, official authorities can represent an element of “symbolic violence” for local residents, various community activists and other interested groups of the population [17]. Indeed, some new names are literally “imposed” on the local population, without taking into account their opinions.

One of the illustrative forms of nominating Almaty’s urban landscape is the generation of a new type of social naming for the city. Many tourists die in the mountains every year all over the world. To save them, specially equipped rescue huts are built. Almaty has also planned the installation of rescue hunting huts in the mountains because of the increasing number of accidents. Its design is based on the experience of European countries like Italy, France, Switzerland and Austria. E. Hasenov, the head of the “Almaty Mountain Cluster” project office, says: “We offer entrepreneurs this option: they can design a sketch themselves, even brand it with their name, so to say, to immortalise their name. We have a popular place in the Almaty region — the swing. And many tourists know that Boris Sokolov installed them there. It’s the same here. People will know who built the hut and they will be grateful to that person. This is a social project. There will be no profit for the businessman from this”⁶.

Changes in the city’s infrastructure and the construction of residential complexes, which in their social arrangements represent a “city within a city”, bring to life nominations related to the new concept of the name: filling it with ethnic content; maintaining the principles of tolerance in the linguistic situation of Kazakhstan (creating names in the languages of different nationalities of Kazakhstan); internationalisation of the name (through foreign language borrowings). Thus, in Almaty, there were micro-districts with number plates; now there are residential complexes being built with national names: *Shanyrak*, *Terrenkur*, *Al-Farabi*, *Duman*, *Ulzhan*, *Aigerim*, *Tomiris*, etc.

⁶Residential complex Koktobe City — The city of blooming life. 2021. URL: <https://koktobecity.kz/zhk-koktobe-sity-gorod-tsvetushchey-zhizni> (accessed: 25.01.2023). (In Russ.).

Brand name is an element of a firm's "foreign policy". In order to attract a customer's money, one must first get their attention, surprise them and show them something new. However, there is one important rule: it is desirable to surprise, but not to shock, otherwise the message (appeal) of the nominator (i.e. company name, ergonym) will be perceived inadequately. A successful name boosts sales and profits and creates a favourable company image, while an unsuccessful name may be negatively perceived by the target audience, reduce demand and lead to a deterioration of the firm's position in the market.

Unsuccessful brands can evoke negative associations in people's minds, as, for example, the name of the housing estate *Titanic* is associated with the image of a sunken ship. The name *Valkyrie* nail studio and firm *Valkyrie*, which is engaged in the transport of oversized goods, may evoke negative associations, for those who are familiar with the meaning of the word. The Valkyrie is the heroine of Scandinavian myths (valkyrija "picking up the dead") of a warrior maiden who roars on a winged horse over the battlefield, picking up warriors and drinking the blood from their wounds; the name may sound intimidating.

Some of the nominations of new sites, especially housing estates that organise the urban landscape, are often artificial, contrived, alien, and incomprehensible to the population, which naturally provokes public disapproval. Despite the presence of national Kazakh, Russian names in the linguistic landscape of Almaty, it is disheartening to note that there are many names in English and other European languages, which is the result of nominative creativity, the linguistic preference of construction company owners. In other words, here one can observe a process of aggressive westernisation, a barbarisation of the urbanonymic landscape of the city, which negatively affects the quantity and quality of the national component of oikodomonyms. And this significantly affects the content of the linguistic landscape of the Kazakh metropolis.

The American scholar, a representative of humanitarian geography R. Rose-Redwood argues that the commercialisation of urban place-naming in modern neoliberal contexts is one of the most significant transformations that will affect the toponymic landscape in the 21st century [21].

Lack of public consultation, artificial creation and imposition of a geographical name, scepticism about its commemorative and cultural value, and other factors have been known to cause local acceptance or non-acceptance of a toponym by residents [16].

Linguistic Creativity Factor in the Nomination of Commercial Properties in the City

In today's world, competition between businesses is intense, with owners competing for every customer, and brand name has a key role to play. In order to communicate successfully with the consumer, the nominator should come up with a good-sounding brand name that will help to create a flawless image of the company,

successfully distinguish the object from other businesses, attract attention, arouse interest and trust among potential consumers, while unknowingly influencing their choice in favour of this particular enterprise. Ergonyms are the result of a secondary nomination that aims to create a memorable name that can perform a pragmatic function and serve as a kind of coiled message from the nominator (company owner) to the addressee (potential client), sometimes prompting the nominator to be “overly creative” in their choice of commercial names.

E.N. Remchukova believes that “...pragmatically determined desire of all mass media varieties to fully use the mechanisms of linguocreativity to optimise speech impact (the sphere of professional competence), and the verbal freedom that prevails on the Internet (it generates both mass and individual-author “creativity”)⁷. These “reasons” are also responsible for creative trends in the field of urban nomination.

In the linguistic landscape of the metropolis there are various types of commercial nomination. The goal of this study is not to provide a complete description, a comprehensive analysis of the entire corpus of commercial names, but only those that seem most intriguing, most “creative”, and, to a certain extent, most problematic [22; 23].

There are certainly many ergonyms in the linguistic landscape of the city with the high, positive semantics of wishing well-being, happiness, prosperity and wealth, which are universal in nature and inherent in many world linguistic cultures. To create a few of these commercial names: *Bailyk-Development* “wealth, abundance”, *Magnit* “attracting (prosperity)”, *Bereket* “agreement”, *Jenis* “victory, success”, *Sultan Sarai*, “palace of the ruler”, *Khan Sarai* “palace of the king”, *Keremet* “miracle”, *Mereke* “celebration”, *Trillionaire*, *Domillion*, *Sultan-beibarys* historical anthroponym, the name of a prominent person from Kazakh steppes, ruler of Egypt in the Middle Ages; it is a commemorative name with benevolent semantics; *Han Sultan* is an anthroponymic brand name “be great like a king or sultan”; *Dana Bala* “a gifted child”; *Danyshpan* “genius”; *Happy Land*, *Happy Ville*, etc. These names of trading houses, restaurants, business centres, kindergartens and other commercial facilities, share the common semantics of wishing “happiness, goodness, wealth, festivity”. These good wishes, spiritual values are not unique to Kazakh ethnic culture, but are of high priority in the scale of universal values, as, for instance, with the name of the world-famous online platform Alibaba. In an interview, company founder Jack Ma revealed that the treasures to be uncovered were ritualised and named after the main character with the key line “Open Sesame!”, implying a path to untold riches, abundance.

There are many unusual and creative commercial names among the ergonyms of the city of Almaty. In modern society, unusual names are increasingly in demand, causing first a visual and graphic, then a semantic shock from the commercial names,

⁷How huts for tourists in the mountains of Almaty will look like. (2021). URL: <https://tengritravel.kz/> (accessed: 25.01.2023). (In Russ.).

i.e. the trivial informative nature of the name is insufficient for the nominator. To attract the consumer's attention, they strive to choose original creative names that are unlike others in order to set the object apart from other objects of this type. However, along with the meaning of the name, the way it is transmitted also plays a role. Various graphic techniques are used to visualise the name. One of them is the creation of a graphic pun [24].

The principle of graphic pun (play) is used to build such names as Zharim-Varim, Syto Piano, Myasoteka, Tez tamak “fast food”, Myasnaya Laffka, Sytnoff, Myasoedoff, *ShashlykoFF Grill & Bar*, *Pivovaroff*, labelled with two different charts. In the last example, there is a deliberate grammatical distortion in the spelling of the determinative “lavka” (a shop), where the double letter “ff” is written instead of the Cyrillic letter “v”, although their meaning is clear to the target consumer. The advertising effect is achieved in an unconventional way through a violation of the spelling norm, and the other cases can be called hybrid names. Based on the examples presented, it can be concluded that the advertising function of ergonyms is clearly seen in its graphic presentation.

In the pursuit of advertising effect, some nominators and naming companies violate the norms of public morality and common ethics. One striking example is the brand name *Yobidoyobi* sushi and rolls delivery in Almaty, translated from Japanese as “day of the week, Saturday”, but this expression in the Russian language has blatantly obscene semantics, which is unacceptable in public places. The association with obscene language is supported by the slogan in the company's offices and packaging materials “We don't swear and we cook deliciously”. Interestingly enough, the brand is franchised and popular in Moscow and many Russian cities. The authors of the study consider undesirable commercial names such as *Café Syto Piano*, which contain a poorly concealed appeal to “eat well and drink hard”, perceived as propaganda for alcoholic beverages.

Easy-to-remember acronyms, wordplay: *ARTiShOK* Theatre, *Blue FunToMass* Club, *Pegasus* Beer Bar, Fat Jimmy Cafes and Restaurants, La Boule, Gorynych Kabach, Darling, I haven't been drinking, Here and There, Lariss Ivannu Hachu, Love and Doves, GASTREAT, Uch Lagan, Bir jer, Ristaurant, Food by the Cat, Zhu Zhu, Odessa rEstaurant, Chito Grito, Butakoffka, SELĚDKA, Lost Angels, QR.

The name of the beer restaurant Khmelnaya Prazhechka seems like a good playful name, implying the presence of hops as part of the Czech beer. However, the name allows for ambiguity, i.e. it can be interpreted as “slightly intoxicated resident of Prague”. Inna Lebedeva, director of corporate and marketing communications at the international agency PBN Hill+Knowlton, agrees that interesting names and names of establishments, companies and products have been appearing lately in Kazakhstan. But she believes that “this trend is more an intuitive desire on the part of owners to make a company or product stand out in the marketplace than a deliberate strategic effort to create a name, “a name that can define a company's history and future success. To understand the naming situation, it is enough to go out

on the street and count the number of companies, establishments, products around called “Nadezhda”, “Aika”, “Saule”, etc. And, of course, Kazakhstan was not left out of the “OFF-trend” (OgurtsOFF, IvanOFF, etc.)”. The specialist believes that the development of naming in Kazakhstan is still at an early stage [25; 26].

An analysis of the names of 460 restaurants in Almaty in Kazakh, Russian, English and other languages revealed a variety of motivations, types of nominations of a neutral informational nature, Abstract-metaphorical, indicating the nationality of the cuisine, and so forth. For example, in the Kazakh language (mixed script): Tarih Restaurant, Sunkar, Qaimaq, BASTAU, Darkhan, Ak Orda, Tamasha, Khan Saray, Shah, TAU-Dastarkhan, Turan, Alasha, Qazybek, Zhailau, Duman, Atameken, Tilek Tas, BAQYT, Altyn Adam, Otrar, Abay, etc. In the Russian language (Cyrillic script): Peking Duck, Tyubeteika (Uzbek headdress), Khoja Nasreddin, Mimino, Darejani, Tanuki (Japanese cuisine), Camelot (English), La Boule (French), Mint, Publicist, V Shatras, Pugasov, Tavern on Coals, White Whale, BOCHONOK, Bumblebee, U Afanasicha, Versailles, Princess, White Elephant, and others. In English and other European languages: Victory Mexican and Wild, *Korea Sikdang*, *Buona Sera*, *KAMISHY Eco Resort*, *Qingdao*, *Frau Irma*, *Pattaya FOOD*, *Texas BBQ*, *Cosa Nostra*, *Salamuri Georgian Restaurant by PG*, *Alfresco*, *Openair*, *LamBo*, *Tirol*, *Satori*, *Molte Denaro*, *Laureate*, *Maharaja Ladurée*, *Gambrinus PUB*, *Delpapa*, *The Old Street Pub*, *The Albion club*, *Harvey`s pub & grill*, *Pershika Iranian Restaurant* and more.

In the wake of the COVID-19 pandemic, the catering service, which is also part of the naming object, has been dramatically boosted and expanded: *Glovo*, *Wolt Kazakhstan*, *Bakerson*, *OKAMI*, *KAIYO*, *Chocofood.kz*, *Crystal Catering*. This is also where the predominantly English-language brand names are observed.

It should be noted that ergonymic models in the city’s urban landscape are characterised by an interesting variety of modes of formation, a set of motivations and grammatical forms, a description of the details would take up a considerable amount of space. There is another important point to note: Latin names predominate in the city’s urban naming space, and this trend continues to intensify every year. According to the authors of this study, this is due to a number of reasons:

1. The decision of the Government to adopt the Latin script for the Kazakh language;
2. The increasing expansion of the English language due to globalisation processes in the world;
3. Gradual reduction, devaluation of both Russian and Kazakh Cyrillic script in the names of commercial facilities, especially new residential complexes;
4. Linguistic, graphic reorientation in the field of commercial nomination, naming to Western standards.

However, the obvious disadvantage of this trend lies in the fact that it exacerbates, minimises the national identity, the linguo-cultural component of the semantics of urban toponymy.

Currently, the urban landscape of Almaty is undergoing a rapid formation process, except for the hodonyms (street names), which are regulated by the Onomastic Commission under the administration of the metropolis. The commercial nomination process, according to the observations carried out, occurs spontaneously, sometimes in violation of the general concept of the city's image policy development. Academic specialists are so far compelled to take the position of an outside observer who only traces, analyses the general trend of the development of commercialisation, commercial nomination. There are no special normative documents and laws, no bodies regulating and coordinating the process of developing commercial nomination in a legal field, with respect for linguistic, social norms.

The commercial nomination activity is handled by the nominators themselves, the owners of the branding or the naming companies. Article 18 of Entrepreneur's Code of the Republic of Kazakhstan (29 October 2015) protects the rights and prevents interference by the state in the activities of an entrepreneur, a businessman. There are no sections on naming in the Code. Consequently, there is no naming expertise in the republic, as there is in Russia, where an appropriate regulatory framework has already been formed. Licensing organisations formally conduct or do not conduct naming expertise on commercial names and issue approvals to operate in the market.

The Republican Onomastic Commission, the local Onomastic Commissions and the existing legislative acts in the field of toponymy consider only the issues of renaming, assigning new names to the objects belonging to the local administrative bodies: "...airports, ports, railway stations, bus and motorway stations, metro stations, physical-geographical and other public property, the renaming, clarification, as well as the change of transcription of their names and the assignment of proper names to public legal entities, legal persons with state participation". The lack of legislative regulations in the field of commercial nomination is primarily due to the fact that this branch of onomastics is just emerging in Kazakh science. The situation observed in urbanonymic space is therefore the result of the sometimes "free" word-creation, the "creativity" of the nominators of commercial names.

Freedom of expression, or as the eminent Russian culturologist Yuri Lotman put it: "Freedom is not only the absence of external prohibitions. The absence of external prohibitions must be compensated for by internal cultural prohibitions".

The need for conducting naming expertise is confirmed by the ergonyms or commercial names mentioned above in the study, which violate not only literary, stylistic norms, but also the norms of public morality, as "compromising" ergonyms are found on visual and graphic signboards, advertisements on buildings, in social networks, and have a negative impact on the formation of language competence, cultural and linguistic values, national and universal values not only of adults, but most importantly, of school children and teenagers.

It is therefore advisable to optimise the naming activity of the urbanonymic landscape as a whole. Before Kazakhstan's independence, the main language of communication in all spheres of public life was the Russian language, which united all the national republics of the USSR. The national language of the Kazakhs was undergoing a major crisis; it was threatened with gradual extinction, as the majority of the indigenous population, especially in the cities and regions bordering on Russia spoke only Russian or had a poor knowledge of their native language. This is one of the threats to strengthening the national, state identity. Toponyms, their linguistic quantitative relation, are one of the main factors in asserting a linguistic, national identity.

Once again, Yuri Lotman was profoundly right when he argued that: "The organic assimilation of a national culture is not a simple borrowing of its elements, but a recoding that involves changing them and adapting them to a different national cultural context. Only in doing so they become innovations that enrich culture and factors in its internal dynamics, resulting in the adaptation of cultural phenomena". The concern about the gradual loss of national and cultural specificity of inner-city toponymy and the absorption of a different culture is accurately reflected in the following statement: "Before our eyes, everyday life, which A. Schopenhauer called "the supreme reality", is transformed by alien elements into a virtual, speculative, hypothetical reality. The national culture seems to be dissolving or losing its clear contours under the impact of various influences and borrowings".

Conclusions

The results of the analysis of the inner-city toponymic space, the quantitative and qualitative composition of the commercial names, brand names of Almaty cause concern at this stage because of the expansion of the English language, rather than the Russian language, which accounts for more than half of the corpus of oikodomonyms (the names of residential complexes) and ergonyms (the names of banks, credit institutions, hotels, restaurants, cafes, bars, etc.), except for the names of pre-school institutions.

In order to improve naming activities in the linguistic landscape of the city, the following developmental perspectives are suggested:

- to develop a comprehensive plan for the improvement of toponymic policy in the field of naming activities due to its complete absence;
- to develop scientific and regulatory documents on the regulation of naming activities, which would contribute to the improvement in this area throughout the country;
- as an alternative, linguists are encouraged to develop guidelines for advertising companies, agencies involved in naming activities to improve the quality of the brand name created;
- to recommend to nominators, licensing agencies to carry out a naming expertise of the brand at the pre-decision and pre-permitting stage of building the housing estates, before the creation of the commercial names.

With regard to streamlining and adapting onomastic terms in the international scientific space, especially in the field of studying the urbanonymic landscape, it is advisable to coordinate with Russian colleagues, who have gained good experience, and with international onomastic organisations of the English-language segment.

References

1. Golomidova, M.V. (2017). Modern urbanonymic nomination: Strategic approaches and practical solutions. *Problems of Onomastics*, 14(3), 185–203. (In Russ.).
2. Razumov, R.V. & Goryaev, S.O. (2019). Urbanonymic terminology: Systems and problems. *Nauchnyi dialog*, 9, 130–145. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-130-145> (In Russ.).
3. Golomidova, M.V. (2019). Use of Product-Naming Techniques for Creating Official City Toponyms: Analysis of Perspectives. *Problems of Onomastics*, 16(3), 162–172. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037 (In Russ.).
4. Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
5. Heller, M., Pujolar, J. & Duchene, A. (2014). Linguistic commodification in tourism. *Journal of Sociolinguistics*, 18(4), 539–566.
6. Emelyanova, A.M. (2016). The pragmatic aspect of ergonymy (by the example of the names of the public catering establishments of Ufa). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7(61), 98–100. (In Russ.).
7. Alistanova, F.F. (2018). Ergonyms formation on the basis of contamination, hendiadys and language game with the internal form of the word by graphic means. *Philology. Theory & Practice*, 7(85), 89–93. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.20> (In Russ.).
8. Nosenko, N.V. (2015). Speech game in modern urban nomination. *The World of Science, Culture, Education*, 2(51), 20–24. (In Russ.).
9. Vairakh, Yu.V. (2011). *Ergourbononymy of the city of Irkutsk: Structural-semantic and linguocultural aspects of the study*. Moscow: NITs INFRA-M. (In Russ.).
10. Zharkynbekova, Sh.K. & Seytkhanova, N.A. (2020). Linguistic transformations in the linguistic landscape of Nur-Sultan. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*, 1(130), 99–111. <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2020-130-1-99-111> (In Russ.).
11. Imanberdiyeva, S.K. (2001). *Names of Restaurants in the City*. [dissertation]. Almaty: KazNU. (In Russ.).
12. Kakimova, M. (2004). *Typology of ergonyms of the North Kazakhstan region*. Almaty: KazNU. (In Russ.).
13. Madiyeva, G.B. (2018). *Onomastics of Kazakhstan: An analytical review (approaches to the study of onyms)*. Almaty: Kazakh University publ. (In Russ.).
14. Zamaletdinova, L.R. (2016). *Modern Russian urbanonyms in the aspect of creative speech activity* [dissertation]. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
15. Postles, D. (2002). *Naming, society and regional identity*. Oxford: Leopard's Head Press.
16. Cox, B. (1994). *English Inn and Tavern Names*. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/42095470-english-inn-and-tavern-names> (accessed: 25.01.2023).
17. Dunkling, L. & Wright, G. (1987). *The Wordsworth Dictionary of Pub Names*. Ware: Wordsworth.
18. Felecan, O. & Bughesiu, A. (2021). *Names and naming: Multicultural aspects*. Cham: Palgrave Macmillan.
19. Basik, S.N. (2018). Commodification of toponymy as a phenomenon of socio-economic and cultural geography. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Natural Sciences*, 2, 59–70. <https://doi.org/10.18384/2310-7189-2018-2-59-70> (In Russ.).

20. Graudina, L.K. (1996). *Problems of standardization of the Russian language: reality and forecasts. Culture of Russian speech and communication efficiency*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Madden, D.J. (2018). Pushed off the map: toponymy and the politics of place in New York City. *Urban Studies*, 5, 3–7.
22. Rose-Redwood, R., Alderman, D. & Azaryahu, M. (2017). Contemporary issues and future horizons of critical urban toponymy. In: *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Space*. New York: Routledge. pp. 1–24.
23. Remchukova, E.N. (2016). Pragmatic and aesthetic value of “mass linguistic creativity”. *Proceedings of the Institute of the Russian language named after V.V. Vinogradov*, 1(7), 157–167. (In Russ.).
24. Lotman, Yu.M. (1994). *Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX centuries)*. St. Petersburg: Art-St. Petersburg. (In Russ.).
25. Lotman, Yu.M. (2004). *Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles. Research. Notes*. St. Petersburg: “Art-SPB”. (In Russ.).
26. Glukhova, T.I. (2011). *Consumption as a factor of changes in social life*. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420010/Glukhova_2011_5.pdf (accessed: 25.01.2023). (In Russ.).

Библиографический список

1. Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029
2. Разумов Р.В., Горяев С.О. Урбанонимическая терминология: системы и проблемы // Научный диалог. 2019. № 9. С. 130–145. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-130-145>
3. Голомидова М.В. Использование технологии нейминга при создании официальных городских топонимов: анализ возможностей // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 162–178. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037
4. Harvey D. A brief history of neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Heller M., Pujolar J., Duchene A. (2014). Linguistic commodification in tourism // *Journal of Sociolinguistics*. Т. 18. № 4. Р. 539–566.
6. Емельянова А.М. Прагматический аспект эргономии (на примере названий заведений общественного питания г. Уфы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 7. № 61. С. 98–100.
7. Алистанова Ф.Ф. Образование эргонимов на базе контаминации, гендиадиса и языковой игры с внутренней формой слова графическими средствами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Т. 7. № 85. С. 89–93. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.20>
8. Носенко Н.В. Языковая игра в современной эргономической номинации // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2(51). С. 20–24.
9. Вайрах Ю.В. Эргурбоними города Иркутска: структурно-семантические и лингвокультурные аспекты исследования. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2019.
10. Жаркынбекова Ш.К., Сейтханова Н.А. Языковые трансформации в лингвистическом ландшафте г. Нур-Султан // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева — Серия филологии. 2020. № 1(130). С. 99–111. <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2020-130-1-99-111>
11. Иманбердиева С.К. Қаладағы тағамхана атаулары. Филол. ғылым. канд. автореф... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2001.

12. *Какимова М.* Типология эргонимов Северо-Казахстанской области: автореф.... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2004.
13. *Мадиева Г.Б.* Ономастика Казахстана: Аналитический обзор (подходы к изучению оноимов). Алматы: Казахский университет, 2018.
14. *Замолетдинова Л.Р.* Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой активности: автореф.... канд. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2016.
15. *Postles D.* Naming, society and regional identity. Oxford: Leopard's Head Press, 2002.
16. *Cox B.* English Inn and Tavern Names. 1994. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.goodreads.com/book/show/42095470-english-inn-and-tavern-names> (дата обращения: 25.01.2024).
17. *Dunkling L., Wright G.* The Wordsworth Dictionary of Pub Names. Ware: Wordsworth, 1987.
18. *Felecan O., Bughesiu A.* Names and naming: Multicultural aspects. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.
19. *Басик С.Н.* Коммодификация топонимии как феномен социально-экономической и культурной географии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 2. С. 59–70. <https://doi.org/10.18384/2310-7189-2018-2-59-70>
20. *Граудина Л.К.* Проблемы стандартизации русского языка: реальность и прогнозы. Культура русской речи и эффективность коммуникации. М.: Наука, 1996.
21. *Madden D.J.* Pushed off the map: toponymy and the politics of place in New York City // *Urban Studies*. 2018. № 5. P. 3–7.
22. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Contemporary issues and future horizons of critical urban toponymy // *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Space*. New York: Routledge, 2017. P. 1–24.
23. *Ремчукова Е.Н.* Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Материалы Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2016. № 1(7). С. 157–167.
24. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Санкт-Петербург: Арт-Санкт-Петербург, 1994.
25. *Лотман Ю.М.* Семисфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Ст. Исслед. Заметки. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004.
26. *Глухова Т.И.* Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества. 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420010/Glukhova_2011_5.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

Сведения об авторах:

Рысберген Кыздархан Курмашкызы, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом ономастики, Институт языкознания им. А. Байтурсынулы (050000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, 28); *сфера научных интересов*: ономастика, социоллингвистика, лингвокриминалистика, дискурсивная лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: ms.rysbergen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4205-9655.

Пашан Дана Мусабеккызы, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ономастики, Институт языкознания им. А. Байтурсынулы (050000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, 28); *сфера научных интересов*: ономастика, социоллингвистика, этимология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: pashan_dan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5930-3247.

Садык Дидар Айдарович, докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби (050038, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. аль-Фараби, 71); *сфера научных*

интересов: ономастика, социолингвистика, компьютерная лингвистика, компьютерная ономография, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail:* didarsadyk2@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8271-7165.

Information about the authors:

Rysbergen K. Kyzdarkhan, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Professor, Department of Onomastics, A. Baitursynuly Institute of Linguistics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (28, Shevchenko Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000);

Research interests: onomastics, sociolinguistics, linguocriminalism, discursive linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics; *e-mail:* ms.rysbergen@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4205-9655.

Dana M. Pashan, Ph.D., Senior Researcher of the Department of Onomastics, A. Baitursynuly Institute of Linguistics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (28, Shevchenko Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000);

Research interests: onomastics, sociolinguistics, etymology, cultural linguistics, cognitive linguistics; *e-mail:* pashan_dan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5930-3247.

Didar A. Sadyk, PhD student of Al-Farabi Kazakh National University (71, al-Farabi str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050038);

Research interests: onomastics, sociolinguistics, computational linguistics, computer onomography, cultural linguistics, cognitive linguistics; *e-mail:* didarsadyk2@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8271-7165.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566

EDN: ODRFDE

УДК 811.161.1'276.5-057.87:578.834.1

Научная статья / Research article

Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи

И.А. Новикова¹ , А.Л. Новиков¹ , М.Е. Сачкова² ,
Н.В. Дворянчиков³ , Е.Б. Березина⁴ , И.Б. Бовина³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

³Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва,
Российская Федерация

⁴Университет Санвея, Санвей, Малайзия

 novikova-ia@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 явилась первым опытом для большей части населения планеты, когда появилось новое заболевание, быстро распространившееся по континентам, представляющее глобальную угрозу, которой противопоставляются беспрецедентные меры полной самоизоляции. Изучение особенностей повседневного дискурса студенческой молодежи об этом новом социальном явлении оказывается в фокусе данного исследования, реализованного в рамках теории социальных представлений. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум «волнам» пандемии COVID-19 в России («первая волна» — с 18 июня по 10 июля 2020 г., «вторая волна» — с 12 октября по 18 ноября 2020 г.). В исследовании принимали студенты российских вузов в возрасте от 17 до 27 лет (275 человек, 9,5 % мужчин). Основной метод исследования — опрос в варианте онлайн анкетирования; основной инструмент — методика свободных ассоциаций. Сравнение структуры и содержания социальных представлений о новом социальном явлении (самоизоляции) на разных этапах пандемии в среде студенческой молодежи позволило зафиксировать их зарождение и динамику: оппозиция между добровольностью и принуждением была характерна для обыденного понимания самоизоляции в самом начале пандемии, далее ключевыми оказываются психологические переживания, ассоциированные с пандемией и вызванной ею самоизоляцией, которая, в целом, понимается студентами как поиск «плюсов» в ситуации вынужденных ограничений.

© Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б.,
Бовина И.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самоизоляция, теория социальных представлений, гипотетическая структура социальных представлений, обыденный дискурс, студенческая молодежь

Финансирование. Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б., Бовина И.Б. Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 544–566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566>

Self-Isolation during the COVID-19 Pandemics: Everyday Discourse on a New Social Phenomenon among University Students

Irina A. Novikova¹ , Alexey L. Novikov¹ , Marianna E. Sachkova² ,
Nikolay V. Dvoryanchikov³ , Elizaveta B. Berezina⁴ , Inna B. Bovina³

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy & Public Administration, Moscow, Russian Federation

³Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

⁴Sunway University, Sunway, Malaysia

 novikova-ia@pfur.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic was the first experience for the largest part of the world's population of a new disease that spread rapidly across continents, a global threat to which unprecedented restrictive measures were elaborated. The purpose of the study was to analyse the everyday discourse on self-isolation among student youth based on the Theory of Social Representations. The study was conducted in two time periods corresponding to two “waves” of the COVID-19 pandemic in Russia (“first wave”: from 18, June to 10, July, 2020, and “second wave”: from 12, October to 18, November, 2020). The sample included 275 Russian university students (9.5 % male) aged 17 to 27 years. The main tool to reveal the social representations was free associations technique. The survey was conducted in online format via Google-forms. Comparison of the structure and content of social representations on self-isolation as a new social phenomenon at different stages of the pandemic made it possible to reveal their emergence and dynamics among student youth: (1) the opposition between voluntariness and coercion was characteristic of the everyday understanding of self-isolation at the very beginning of the pandemic, and (2) psychological experiences associated with the pandemic and the self-isolation caused by it turn out to be key further. In general, research findings show that self-isolation is understood by university students as a search for “pluses” in a situation of forced restrictions.

Keywords: Pandemic, COVID-19, self-isolation, social representations theory, structure of social representation, everyday discourse, university students

Financing. Acknowledgements:

This publication has been prepared with the support of research project No. 050738–0–000 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN University

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Novikova, I.A., Novikov, A.L., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Berezina, E.B. & Bovina, I.B. (2024). Self-Isolation during the COVID-19 Pandemics: Everyday Discourse on a New Social Phenomenon among University Students. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 544–566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566>

Введение

Инфекционные заболевания всегда являли собой чрезвычайно серьезную угрозу человечеству [1], история которого может быть написана через призму борьбы общества с различными болезнями и улучшением качества жизни людей [2]. В разные эпохи возникали новые болезни, олицетворяя собой вызов обществу, которое стремилось различными путями противостоять эпидемиям.

Прогресс медицинского знания к началу 80-х гг. XX в., несомненно, послужил основанием для оптимизма относительно того, что инфекционные болезни стали фактом истории и больше не угрожают человечеству [3]. Однако возникновение и широкое распространение ВИЧ-инфекции в последние десятилетия XX в., указала на преждевременность таких заключений, а недавняя пандемия COVID-19 убедительно продемонстрировала, что, несмотря на достижения медицинского знания и прогресс соответствующих технологий, которые позволяют «сказку сделать былью» [4], инфекционные болезни по-прежнему не становятся фактом истории, но продолжают оставаться серьезной угрозой.

Официально первые случаи COVID-19 были зарегистрированы в Китае в декабре 2019 г. Быстрое распространение заболевания по планете привело к возникновению чрезвычайной ситуации, на что указывалось в коммуникациях ВОЗ в конце января 2020 г. Глобальный характер угрозы был квалифицирован ВОЗ как пандемия только 11 марта 2020 г.¹ Новый опыт борьбы человечества против инфекционной угрозы продлился чуть более трех лет, 5 мая 2023 г. пандемия официально закончилась². Вслед за офи-

¹ Хронология действий ВОЗ по борьбе с коронавирусной инфекцией. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения: 26.02.2024).

² Итоговое заявление о работе пятнадцатого совещания Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи с пандемией ко-

циальным объявлением пандемии во многих странах мира были введены чрезвычайные меры, направленные на снижение распространения заболевания. По рекомендации Всемирной организации здравоохранения в России, как и в других странах мира, был введен режим самоизоляции для всех граждан из-за угрозы распространения COVID-19³. Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ внесены изменения в КоАП, согласно которым установлена административная ответственность за нарушение карантина и режима самоизоляции⁴.

Для большей части населения планеты пандемия COVID-19 явила собой первый подобный опыт (сравнимый разве, что со средневековыми пандемиями чумы): возникает новое заболевание, которое чрезвычайно быстро преодолевает границы, распространяясь по континентам. При этом, несмотря на прогресс медицинского знания (в отличие от средневековья), человечеству в первое время нечего противопоставить этой угрозе, в качестве меры противодействия, кроме режима полной самоизоляции, который вводится во многих странах мира. Конечно, в начале XXI в. в разных частях планеты имели место локальные вспышки инфекционных заболеваний (так же как и COVID-19 передаваемых воздушно-капельным путем): атипичная пневмония (SARS), свиной грипп (H1N1), птичий грипп (H5N1), ближневосточный респираторный синдром (MERS-CoV). Имея различную контагиозность и летальность (от 0,2 % — в случае свиного гриппа до 60 % — в случае птичьего гриппа), они, однако, не приобрели формы пандемии, охватившей страны и континенты, как это стало в случае COVID-19.

Сразу же после ее начала сама пандемия и ассоциированные с ней феномены оказались в фокусе внимания исследователей, представляющих различные научные дисциплины: от эпидемиологии и вирусологии до психологии, социологии, новейшей истории и, конечно, лингвистики. Не случайно, начиная с 2020 г. создаются специализированные словари «пандемийной лексики» разных языков мира [5]. Например, «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» включает около 3500 слов, появившихся или

ронавирусной инфекции (COVID-19). Режим доступа: [https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-\(covid-19\)-pandemic](https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-(covid-19)-pandemic) (дата обращения: 26.02.2024).

³ Указ «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63134> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 01.04.2020 № 99-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349081/ (дата обращения: 26.02.2024).

актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг.⁵ Составители словаря пишут во Введении: «Языковая ситуация, вызванная пандемией, — редкий случай в истории русского языка, когда за очень короткий период появившееся огромное количество новых слов и изменившееся употребление слов, уже имеющихся в языке, активизировавшиеся словообразовательные модели, те или иные активные формулы языковой игры позволяют запечатлеть момент языкового развития в его очень концентрированной форме»⁶. Описывая уникальность сложившейся ситуации, известный филолог Т.Б. Радбиль называет язык «великим диагностом», который не только фиксирует изменения в картине мира человека, но иногда «вытаскивает на поверхность» то, о чем люди на сознательном уровне даже не подозревают [6]. Следовательно, на наш взгляд, в данном случае необходим междисциплинарный анализ «пандемийной лексики» с привлечением ресурсов социо- и психолингвистики, которые используют потенциал социально-психологических теорий.

Обращаясь к социально-психологической рамке рассмотрения пандемии COVID-19 и ассоциированных с ней феноменов, подчеркнем особо, что две социально-психологические теории имеют наибольший потенциал для подобного анализа — теория социальной идентичности Г. Тэшфела [7] и теория социальных представлений С. Московиси [8].

Теория социальной идентичности, сформулированная Г. Тэшфелом [7], будучи приложимой к проблемам здоровья и болезни, постулирует, что здоровье определяется как группами, к которым принадлежит человек, так и тем, насколько эти групповые идентичности интегрированы в его Я-концепцию [9]. В этой логике сформулирован особый подход к здоровью и болезни, так называемые исследования «социального лечения» [9; 10], демонстрирующие то, как принадлежность к группам помогает человеку справиться с угрозами здоровью (депрессия, расстройство пищевого поведения, стресс, хронические болезни). Этот подход продемонстрировал свой потенциал и востребованность для объяснения того, как люди реагируют на глобальную угрозу в случае пандемии COVID-19, как адаптируются к изменениям, ассоциированным с ней [11]. Подчеркнем, что пандемия обернулась необходимостью всеобщей изоляции и сведения к минимуму социальных контактов, дистанцирования от других в публичном пространстве, модификацией общения, ведения повседневной жизни.

Теория социальных представлений (СП) С. Московиси подходит к здоровью и болезни с иной точки зрения. В фокусе внимания теории оказываются обыденные представления о здоровье и болезни, то, как люди

⁵ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021.

⁶ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 6.

выстраивают в повседневной коммуникации понимание того или иного явления, связанного со здоровьем и болезнью, как эти представления регулируют поведение и социальные отношения индивидов [12]. СП являются собой процессы создания смыслов, с их помощью социальные группы интерпретируют новые события (катастрофы, заболевания) [13].

Анализ публикаций по теории СП [14], демонстрирует, что проблематика здоровья и болезни оказывается в центре внимания исследователей: причем еще на заре зарождения теории были реализованы классические исследования, авторы которых обратились к проблемам здоровья и болезни в широком смысле. Речь идет классических работах С. Московиси [8], К. Эрзлиш [15], Д. Жоделе [16]. В настоящее время теория СП имеет солидный потенциал для изучения этого предметного поля, поэтому именно в рамках этой теории предлагается предпринять осмысление пандемии COVID-19.

Итак, в начале пандемии человечество оказалось в беспрецедентной ситуации: внезапно возникает серьезная угроза не только здоровью, но жизни, речь идет о глобальной угрозе, по экспоненте растет количество новых случаев заражения, а также число новых жертв. Медицинского знания на тот момент не хватает для того, чтобы объяснить возникновение этой угрозы, а также предложить стратегию лечения и профилактики (здесь только еще раз можно провести параллель с ситуациями средневековых пандемий чумы, о чем говорилось выше). Более того, после принятия соответствующих решений о введении чрезвычайных мер люди столкнулись с новой ситуацией — в действие вступили меры полной самоизоляции⁷.

Очевидно, что подобная ситуация сопряжена с циркулированием значительного количества противоречивой информации. С одной стороны, свои догадки строят и проверяют представители научного сообщества, и эти гипотезы так или иначе представлены в публичном пространстве (стоит вспомнить разнообразные передачи на различных площадках СМК в начале пандемии). С другой — своими объяснениями делятся в социальных сетях, на самых разнообразных сайтах так называемые *наивные ученые*, или словами С. Московиси: «пресловутые ученые с улицы» [12]. Именно Интернет оказался тем самым ресурсом, где вырабатывались наивные теории о ковиде и о сопряженных феноменах (будь то пандемия или самоизоляция). Траектория обсуждения нового феномена в публичной сфере соответствует феномену «снежного кома»: чем больше что-то обсуждается — тем более важным оно становится, как следствие — размах обсуждений становится еще больше [17]. В подтверждении еще раз

⁷ ВОЗ. Обновленная стратегия борьбы с COVID-19. Режим доступа: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-strategy-update-2020-ru.pdf?sfvrsn=29da3ba0_19 (дата обращения: 26.02.2024).

процитируем создателей «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»: «Такой языковой карнавал, такой лингвистический «пир», который происходил на страницах СМИ и Интернета во время «чумы XXI века», как лингвопсихологическая реакция на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 и особенно — на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею, безусловно, заслужил самостоятельного, целенаправленного и обобщенного анализа»⁸.

Будучи формой здравого смысла, СП вырабатываются людьми в повседневной коммуникации, чтобы придать смысл различным объектам, явлениям, событиям и т.д., которые являются странными, неизвестными или угрожающими: Вовлеченность в коммуникацию на различных уровнях позволяет выработать объяснение новому, непонятному, угрожающему явлению, поместить его в систему имеющихся категорий, приручить его, сделать неизвестное известным [12]. СП обладают определенной полезностью для регулирования социального поведения и оправдания социальных отношений, а также для построения и поддержки социальной идентичности [8; 18–20].

Формирование СП сопряжено с действием двух социокогнитивных процессов [20]: 1) посредством якорения (или анкеровки) странные идеи сводятся к обычным категориям и образам, помещаются в имеющуюся у индивида систему координат (этот процесс осуществляется посредством классификации и названия); 2) посредством объективации нечто абстрактное становится конкретным, это своего рода перенос того, что имеется в нашем сознании, на то, что существует в физическом мире (этот процесс осуществляется с помощью схематизации и персонификации).

Как отмечалось выше, в рамках теории СП было реализовано значительное количество исследований проблем здоровья и болезни [8; 15; 16], сама теория обладает существенным потенциалом для изучения пандемии и сопряженных с ней феноменов [1]. В рамках этой теории уже были выполнены многочисленные исследования, посвященные СП о COVID-19, с использованием различных методологических стратегий, обращаясь к различным культурным контекстам, путем сравнения ряда социальных групп (будь то возрастные или профессиональные), фокусируясь на анализе традиционных СМИ или новых социальных медиа [13; 21–30]. Обобщая результаты исследований СП о разных аспектах пандемии COVID-19, можно отметить, что логика формирования соотносится с логикой формирования СП об инфекционных заболеваниях [1; 13].

Примечательно, что *самоизоляция* как объект СП редко оказывалась в фокусе внимания исследователей [31; 32], хотя, очевидно, что режим самоизоляции — это новое социальное явление, столкновение с этим явлением

⁸ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 6.

(или лучше сказать — вторжение этого явления в повседневную жизнь людей), с неизбежностью, привело к резким изменениям в повседневной жизни. Очевидно, что в отношении этого нового социального объекта вырабатывалось СП. Другими словами, этот объект СП обладает новизной и предоставляет редкую возможность исследования формирования СП (один из моментов динамики СП [33]), что потенциально вписывается в перспективу изучения динамики СП.

В то же время подробному когнитивно-дискурсивному анализу слова *самоизоляция* как новейшего русского культурного концепта посвящено исследование Т.Б. Радбиля, выполненное в 2020 г. С использованием ряда лексикографических источников и источников текстового материала, в том числе НКРЯ⁹, автор выделяет два базовых типа употребления слова *самоизоляция*, которые «реализуются в русской речевой практике уже в «советский» период с 30-х по 80-е гг. XX в.»:

- 1) **индивидуально-личностный** (самоизоляция личности, которая возможна в двух аспектах: физическая и внутренняя (психологическая) самоизоляция индивида;
- 2) **социально-политический** (когда речь идет о политике изоляционизма со стороны государственного, политического или социального образования [6. С. 764].

Автор подчеркивает, что по данным НКРЯ до 2020 г. доминирующим было «политическое» значение / употребление слова *самоизоляция* как термина политического дискурса. На основе проведенного анализа примеров, в которые входит лексема *самоизоляция* в текстах периода пандемии в 2020 г., был сделан вывод об имплицитном смысловом расхождении между «официальным», декларируемым социально-политическим содержанием и естественно-языковым представлением в контекстах обыденного употребления слова. В работе показано, что в таких выражениях, как *режим самоизоляции*, *индекс самоизоляции*, *отправить на самоизоляцию*, *принудительная самоизоляция* и др., элиминируется обязательная импликация добровольности данной ситуации, имеющаяся в естественно-языковом представлении слова *самоизоляция* и заложенная в его первоначальном значении в русском языке [6]. Интересным дополнением к проведенному Т.Б. Радбилем анализу может служить график распределения результатов поиска лексем *самоизоляция* в Основном корпусе НКРЯ с 1920 по 2022 гг. (см. рис.).

На рисунке наглядно представлен «всплеск» частоты употребления слова *самоизоляция* в 2020 г. и резкое падение частоты в 2021–2022 гг., когда строгие карантинные ограничения начали смягчаться.

⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.02.2024).

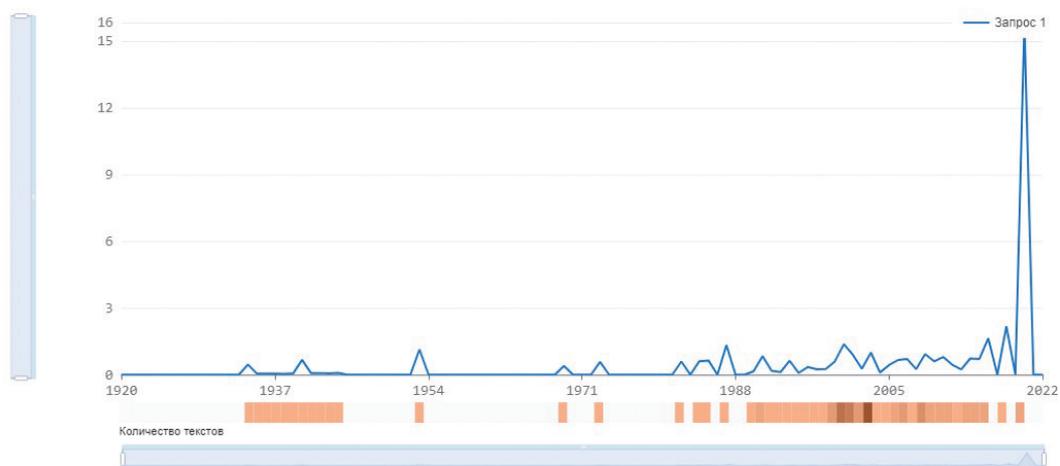

Рис. Распределение результатов поиска (частота на миллион словоформ) с 1920 г. по 2022 г. в основном корпусе НКРЯ по запросу «самоизоляция» (график построен без сглаживания)¹⁰

Источник: исследование авторов.

Fig. Distribution of search results (frequency per million word forms) from 1920 to 2022 in the main corpus of National Corpus of the Russian Language for the query “self-isolation” (graph built without smoothing)

Source: authors' study.

Соответственно, в нашем случае интерес к объекту СП определяется и тем фактом, что слово *самоизоляция* предполагает добровольность действий индивида, однако его употребление в 2020 г. в словосочетаниях *полная самоизоляция* или *принудительная самоизоляция*, которые использовались в публичном дискурсе на различных уровнях [6], заставляет думать, что это мера не столь самостоятельная, сколько носящая значительную долю принуждения. Все это делает *самоизоляцию* достаточно интересным социальным феноменом для изучения в рамках теории СП.

Из четырех основных подходов (социогенетического, структурного, социодинамического и диалогического), разработанных в рамках теории СП [17], в данном исследовании был использован структурный подход. Согласно этому подходу, СП состоит из ядра и периферической системы [19; 34]. Ядро СП — это стабильная часть, образованная небольшим количеством элементов, коренящихся в культуре. Эта часть выполняет ряд важных функций: 1) придает смысл СП, 2) организует СП, 3) обеспечивает стабильность СП. Основные элементы кристаллизуются в системе ценностей, разделяемой членами группы, и поддерживаются через коллективную память [19]. Периферическая система СП обеспечивает конкретизацию смысла элементов ядра. Ее можно рассматривать как посредника между ядром СП и ситуацией, в которой СП возникает и функционирует. Эта система образована значительным количеством элементов, она характеризуется вариативностью и изменчивостью [19]. Будучи подвижной и гибкой

частью СП, периферическая система СП адаптируется к изменяющемуся контексту, что не ведет к изменению СП в целом.

Таким образом, *целью исследования* был анализ особенностей СП о *самоизоляции* в среде российской студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19 (первая и вторая волны). Исследование носило поисковый характер, однако мы исходили из общего предположения о том, что обыденное понимание самоизоляции выстраивается вокруг смысловой оппозиции добровольности и принуждения, характерных для нового социального явления — самоизоляции.

Процедура и методы исследования

Представленные в настоящей статье результаты являются частью научно-исследовательского проекта, который выполнялся во время пандемии COVID-19 (2020–2022 гг.) с более сложной методологической стратегией [35; 36]. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России («первая волна» — с 18 июня 2020 по 10 июля 2020 и «вторая волна» — с 12 октября 2020 г. по 18 ноября 2020 г.).

Участники. Всего в двух волнах исследования приняло участие 292 студента различных российских вузов. Для построения выборки использовалась стратегия так называемой «удобной выборки»: студентам предлагалось принять участие в онлайн исследовании на условии добровольности и конфиденциальности. В дальнейшем из основного анализа были исключены ответы иностранных студентов (что объясняется различиями культур), а также жителей других регионов, чем московский (это объясняется некоторыми флуктуациями в отношении реализации мер полной самоизоляции). В итоговую выборку были включены 275 студентов (9,5 % мужчин) в возрасте от 17 до 27 лет, обучающихся по различным направлениям подготовки (ИТ, психология, филология, социальная коммуникация): 126 человек на первом этапе и 149 — на втором.

Методы исследования. Основным методом исследования явился опрос в варианте анкетирования. В фокусе внимания в настоящей работе будут только результаты, полученные с помощью *методики свободных ассоциаций*. Респондентам предъявлялся стимул *самоизоляция*, предлагалось указать пять слов или выражений, которые сразу приходят в голову, когда они думают о самоизоляции. Каждый ответ предлагалось оценить по шкале от -3 до $+3$. Это идея восходит к идее А.С. де Розы, что позволяет выявить валентность элементов СП [37], другими словами, зафиксировать оценочную коннотацию каждого ответа. Валентность может варьироваться от -3 до $+3$: где $[-3; -1]$ — отрицательная, $[-0,99; +0,99]$ — нейтральная, а $[+1; +3]$ — положительная коннотация каждого элемента СП.

Опросник предъявлялся в онлайн формате с использованием Google Forms. **Анализ гипотетической структуры СП.** Гипотетическая структура СП была выявлена с помощью прототипического анализа [38]. Матрица данных свободных ассоциаций состояла из слов, вызванных не менее чем у 7 % респондентов в выборке. База результатов «первой волны» включала 616 ассоциаций, «второй волны» — 719 ассоциаций. Матрицы данных были проанализированы с помощью программы IRaMuTeQ 0.7 alpha 2 [38].

Прототипический анализ, предложенный П. Вержесом [38], основывается на идее о том, что элементы ядра являются более «выпуклыми» по сравнению с элементами периферии [34; 38]. Операционализация этой идеи предполагает использование двух параметров: частоты ассоциаций (количественный параметр, указывающий на разделенность элементов СП) и ранга появления ассоциации (качественный параметр, своего рода время реакции, время появления ассоциации). Сочетание этих параметров в рамках структурного подхода выступает в качестве показателя центральности элементов, и хотя сам прототипический анализ выступает инструментом, который позволяет говорить о гипотетической структуре СП, решение о структуре СП принимается по результатам дополнительного этапа исследования [34; 38; 39]. Так, для идентификации ядра СП используются специальные методики: методика сомнений, тест независимости от контекста, методика определения центральных элементов, методика умозаключений на основе двусмысленного сценария [24; 38; 39]. В настоящем исследовании рассматривалась только гипотетическая структура СП.

Результаты исследования

В результате предпринятого анализа было выявлено, что **зона ядра** (элементы с высокой частотой и низким рангом появления, потенциальные элементы ядра, т.е. вокруг них потенциально кристаллизуется СП о самоизоляции) образована элементами: *дом*, *скука*, *одиночество* (см. табл.). Элемент *дом* — имеет позитивную коннотацию (2,1), два других элемента имеют негативную валентность (–1,70 и –2,00 соответственно). Частотный показатель этих трех элементов, который варьирует от 23 до 30, скорее говорит в пользу того, что едва ли можно говорить о иерархической структуре СП. Другими словами, представление еще не имеет этой самой структуры [38; 39]. По сути, мы имеем дело с **формированием** СП о самоизоляции (одной из фаз динамики СП).

Контрастирующая зона состоит из элементов с низкой частотой и низким рангом появления. Как подчеркивает Ж.-К. Абрик, в этой части СП: «Есть темы, заявленные немногими людьми (низкая частота), но которые считают их очень важными. Такая конфигурация может

свидетельствовать о существовании подгруппы меньшинства с иным представлением... Но мы также можем найти здесь... дополнение первой периферии» [34. С. 63]. В таком случае стоит обратить особое внимание на смысловые связи, которые могут иметь элементы, располагающиеся в данной зоне гипотетической структуры СП. Как следует из таблицы, данная зона объединяет два элемента с негативной валентностью: *вынужденная мера* (–1,4), *карантин* (–1,2).

Первая периферическая зона гипотетической структуры СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи объединяет элементы с высокой частотностью и высоким рангом появления, она является своего рода послесловием по отношению к объекту СП, элементы, представленные здесь, мыслятся во вторую очередь по отношению к объекту СП. В этой зоне находятся элементы с нейтральной и позитивной валентностью: *дистанционная работа/учеба* (0,4), *семья* (1,7), *свободное время* (2,0).

Вторая периферическая зона (сюда попадают элементы с низкой частотой и высоким рангом появления) образована такими составляющими с самой негативной валентностью (от –2,80 до –1,80) и с самой позитивной валентностью (от 2,1 до 2,80): *безопасность, недостаток общения, ограничения, болезнь, саморазвитие, тюрьма, отдых, сон*. Все эти элементы соответствуют индивидуальному опыту и служат для контекстуализации элементов зоны ядра.

При смысловом анализе обращает на себя внимание, что ключевые элементы СП содержательно и по своей коннотации — сплав «плюсов» и «минусов» самоизоляции. При этом «минусы» перевешивают количественно, к тому же это элементы, касающиеся оторванности от привычной повседневности, от привычного ритма жизни (*скука и одиночество*), что имплицитно указывает на безделье, оторванность от социума. Контрастирующие элементы указывают на принудительность самоизоляции, ее исключительно негативный аспект. Первая периферия образована элементами с позитивной коннотацией, это преимущественно «плюсы» от самоизоляции.

Если принимать во внимание содержание первых трех зон гипотетической структуры СП о самоизоляции (зона ядра, зона контрастирующих элементов и зона первой периферии), а также с учетом тезиса, сформулированного Ж.-К.Абриком [34], смысловая нагруженность контрастирующих элементов скорее говорит в пользу того, что здесь имеет место позиция меньшинства. Присутствие элементов с позитивной и негативной коннотацией во второй периферической системе, в которой располагаются элементы, обеспечивающие гибкость СП, гетерогенность и адаптивность, говорит в пользу своего рода оценивания «плюсов» и «минусов» нового социального феномена — самоизоляции.

Гипотетическая структура СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи («первая волна» и «вторая волна» пандемии COVID-19 в России) / Hypothetical structure of SR of self-isolation among student youth (“first wave” and “second wave” of the COVID-19 pandemic in Russia)

Волна пандемии / Pandemics wave	Понятие (частота, ранг, валентность) / Concept (frequency, rank, valence)			
	Зона ядра / Core zone	Контрастирующие элементы / Contrasted elements zone	Первая периферическая система / First peripheral zone	Вторая периферическая система / Second peripheral zone
I волна / First wave (16,5; 2;60)*	дом (30; 1,70; 2,10)** скука (28; 2,40; -2,00) одиночество (23; 1,80; -1,70)	вынужденная мера (11; 2,40; -1,40) карантин (9; 2,20; -1,20)	дистанционная работа/учеба (25; 2,80; 0,4) семья (24; 2,90; 1,70) свободное время (18; 2,90; 2,00)	безопасно (16; 3,10; 2,50) недостаток общения (14; 3,20; -2,10) ограничения (13; 2,60; -1,80) болезнь (13; 3,00; -2,80) саморазвитие (12; 3,30; 2,50) тюрьма (10; 2,70; -2,80) отдых (9; 2,80; 2,80) сон (9; 3,70; 2,10)
II волна / Second wave (25,2; 2;56)*	дом (51; 1,70; 1,80)** одиночество (33; 2,30; -1,20)	карантин (14; 1,90; -1,70)	дистанционная работа/учеба (47; 2,90; -0,1) скука (34; 2,90; -1,30)	семья (25; 3,40; 2,0) недостаток общения (13; 3,10; -2,40) свободное время (13; 2,80; 2,50) саморазвитие (12; 2,80; 2,80) тюрьма (10; 2,60; -2,10)

Примечания / Notes. * — в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости и рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП [39]. / * — frequency, average rank of occurrence and average valence for each element are indicated in brackets. In accordance with the Theory of Social Representation and the logic of prototypical analysis, indicators of frequency and rank of a concept allow us to distinguish four corresponding zones in the structure of social representation [39].

** — Валентность — указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента СП [37] / ** — Valence is indicates the negative, neutral or positive connotation of an element of social representation [37].

Источник: исследование авторов / **Source:** authors' study

Гипотетическая структура СП о самоизоляции, выявленная во время второй волны пандемии (когда появились новые варианты вируса, наблюдался стремительный рост новых случаев, при отсутствии вакцинирования, — все это делало полную самоизоляцию нужной мерой), такова (см. табл.): зона ядра образована элементами с разной валентностью: *дом* (1,8), *одиночество* (-1,2).

Зона контрастирующих элементов включает один элемент с негативной коннотацией — *карантин* (–1,7). Первая периферическая система включает две составляющих: *дистанционная работа / учеба* (– 0,1) и *скука* (–1,30). Вторая периферическая система образована элементами с полярной коннотацией (самой негативной и самой позитивной): *семья* (2), *недостаток общения* (–2,40), *свободное время* (2,50), *саморазвитие* (2,8), *тюрьма* (–2,10).

Как и в первом случае, сравнение трех зон гипотетической структуры СП о самоизоляции дает основания думать, что зона контрастирующих элементов скорее содержит позицию меньшинства, противостоящую большинству, элемент *карантин* — смыслово не объединяется с элементами первой периферической системы.

Обсуждение результатов

При сравнении гипотетических структур СП о самоизоляции, полученных во время двух волн пандемии, можно отметить несколько интересных моментов. В целом можно говорить об определенном сходстве содержания СП, так как местоположение элементов, которое определяет гипотетическую структуру СП, имеет незначительные модификации. В обоих случаях гипотетическая структура отражает своего рода сплав позитивных и негативных характеристик, ассоциированных с самоизоляцией: подобно тому, как в исследовании К. Эрзлиш, когда речь шла о разных образах болезни (деструктивном — лишение смысла жизни, оторванность от социума, и конструктивном — время для саморазвития, для себя, возможность не участвовать в какой-то неинтересной активности) [15]. Обращает на себя внимание то, что в гипотетической структуре СП, выявленной во время второй волны пандемии, отсутствует указание на вынужденность предпринимаемых мер.

Итак, представляется возможным говорить о таких нюансах: ключевыми элементами остались те же *дом и одиночество*, но в зоне ядра больше нет имплицитного указания на безделье, монотонию, отсутствие интереса к происходящему (*скука*). Этот элемент теперь оказывается вторичным по отношению к объекту СП (первая периферическая система). В то же время элемент *семья* оказывается более второстепенным (перемещается из первой во вторую периферическую систему).

Сравнение частотности элементов в зоне ядра СП о самоизоляции показывает, что во время второй волны пандемии зону ядра отличает наличие иерархии элементов, т.е. имеет место определенная структурированность по сравнению тем, как была организована одноименная зона в СП о самоизоляции, выявленная во время первой волны пандемии. Это заключение основывается на идее К. Фламана и М-Л. Рукета об энтропии, которая является важным индикатором структурированности СП [38; 39]. В случае максимальной энтропии элементы имеют

сходную частоту появления. В случае минимальной энтропии частота одних элементов в значительной степени превышает частоту других, что позволяет строить предположение о структурированности зоны ядра (и самого СП, поскольку именно ядро выполняет организующую, смыслообразующую и стабилизирующие функции) [38; 39]. Как уже говорилось выше, разброс частоты элементов в зоне ядра в гипотетической структуре СП о самоизоляции, выявленный в первую волну пандемии, скорее свидетельствует об отсутствии организованной структуры СП. Зона ядра в гипотетической структуре СП о самоизоляции, выявленная во вторую волну пандемии, имеет иерархию (в пользу этого заключения говорит количественный показатель — частота ассоциаций), где элемент *дом* доминирует по сравнению с элементом *одиночество* (51 и 30).

В работе Ф. Мелу и М. Жильбера [32] использовался сходный методический инструмент для выявления гипотетической структуры СП о самоизоляции среди французских студентов и работающих. При сравнении с нашими результатами можно указать на важное сходство: если в самом начале пандемии COVID-19 для студентов немаловажным элементом СП была *семья* (первая периферическая система), то через год ключевым становится *одиночество*, а элемент *семья* перемещается во вторую периферическую систему. Конечно, стоит помнить, что оба исследования не были лонгитюдными, что не позволяет в подлинном смысле говорить о динамике СП. Примечательно совпадение результатов исследований, выполненных в разных социально-культурных контекстах с использованием продольно-поперечного плана.

Обращает на себя внимание устойчивость элемента *одиночество* в зоне ядра СП. С одной стороны, представители студенческой молодежи являются той самой частью общества, которая в наибольшей степени была вовлечена в «трансформированное» общение еще до пандемии и самоизоляции (для большинства из них общение, опосредствованное техническими средствами, давно банализировалось). С другой стороны, можно полагать, что именно ситуация самоизоляции позволила молодежи остро почувствовать проблемы, ассоциированные с тем, что единственной роскошью является «роскошь человеческого общения» (которое, разумеется, не предполагает технологических посредников), а также проблемы, ассоциированные с важными экзистенциальными вопросами, мимо которых можно пройти мимо в привычной повседневности. Косвенно эти предположения подтверждаются многочисленными исследованиями отношения студентов к дистанционному формату обучения, выполненными во время пандемии в различных странах и университетах мира: среди недостатков «дистанта» большинство студентов наряду с техническими проблемами называют именно отсутствие контакта с преподавателями и «живого» общения [40].

Таким образом, сравнение структуры и содержания СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи на разных этапах пандемии позволяет говорить о зарождении представлений о новом социальном явлении, которое понимается скорее как поиск «плюсов» в ситуации вынужденных ограничений.

Заключение

Пандемия COVID-19 практически одновременно привела к резким изменениям во всех сферах общественной жизни, которые, так или иначе, затронули большинство людей в разных странах мира. Это был первый опыт для большей части населения планеты: возникло новое заболевание, быстро распространяясь по странам и континентам, оно превратилось в глобальную угрозу, при этом в первое время человечеству нечего было противопоставить этой угрозе, по аналогии с тем, как это было во времена средневековых пандемий чумы, когда изоляция и бегство оказывались единственными способами защиты. События, связанные с пандемией, повлияли не только на физическое и психическое здоровье населения, но и оставили свой след в обыденной жизни людей, в их восприятии и отношении к происходящему, что не могло не отразиться и не «закрепиться» в языке. Одним из новых социальных явлений пандемийной эпохи стала самоизоляция, и хотя понятие *самоизоляция* употребляется в русском языке как минимум с 30-х гг. XX в., в 2020 г. оно получило новое значение в контексте карантинных ограничений, что сделало его актуальным предметом лингвистических и психологических исследований.

Исследование особенностей социальных представлений о самоизоляции в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19 позволило зафиксировать их динамику: оппозиция между добровольностью и принуждением была характерна для обыденного понимания самоизоляции в самом начале пандемии («первая волна»), далее ключевыми оказываются психологические переживания, ассоциированные с пандемией и вызванной ею самоизоляцией («вторая волна»). В целом, можно сказать, что в обыденном понимании студенческой молодежи самоизоляция скорее являет собой поиск «плюсов» перед лицом принуждающей реальности, своего рода рационализация.

Ограничения исследования, прежде всего, связаны с использованием «удобной» выборки и ее составом (включает только представителей студенческой молодежи с большим перевесом девушек), а также применением продольно-поперечного, а не лонгитюдного дизайна. В связи с окончанием пандемии эти недостатки уже не представляется возможным исправить, но и в настоящее время исследования «следов» пандемии в обыденных представлениях, речи и языке не теряют своей актуальности.

Библиографический список

1. *Eicher V., Bangerter A.* Social representations of infectious diseases // *The Cambridge Handbook*, G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, & J. Valsiner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.031>
2. *Николаева В.В.* Личность в условиях хронического соматического заболевания // *Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях* / Под ред. Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: Аргус, 1995. С. 56–81.
3. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008.
4. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.* Тело: с позиции теории социальных представлений // *Психология и право*. 2023. Т. 13. № 1. С. 191–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130114>
5. *Урумиду В.Г.* Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134>
6. *Рабиль Т.Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)
7. *Tajfel H.* La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale*, S. Moscovici (dir.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
8. *Moscovici S.* La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.
9. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new Psychology of Health: Unlocking the social cure. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
10. *Haslam S.A., Jetten J., Postmes T., Haslam C.* Social identity, health and well-being: An emerging agenda for applied psychology // *Applied Psychology: An International Review*. 2009. № 58(1). P. 1–23. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00379.x>
11. *Jetten J., Reicher S.D., Haslam S.A., Cruwys T.* Together apart: The psychology of COVID-19. Sage, 2020.
12. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology*, G. Duveen (Ed.). N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
13. *Páez D., Pérez J.A.* Social representations of COVID-19 (Representaciones sociales del COVID-19) // *International Journal of Social Psychology*. 2020. № 35(3). P. 600–610. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783852>
14. *Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A.* Social Representations in Psychology: A bibliometrical analysis // *Papers on Social Representations*. 2011. № 20. P. 11.1–11.19.
15. *Herzlich C.* Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973.
16. *Jodelet D.* Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991.
17. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. <https://doi.org/10.3917/pug.guime.2015.01>
18. *Empirical approaches to social representations*, G.M. Breakwell, D.V. Canter (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1993.
19. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations*, G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 83–95. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
20. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*, K. Deaux, G. Philogène (eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
21. *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // *Вестник Российского университета*

- дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>
22. De Rosa A.S., Mannarini T. The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in media and institutional // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 5.1–5.35.
 23. Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I. Social representations of Covid-19 in the framework of risk psychology // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 8.1–8.36.
 24. Lin Y., Hu Zh., Alias H., Wong L.P. Knowledge, attitudes, impact, and anxiety regarding COVID-19 infection among the public in China // Frontiers in Public Health. 2020. № 2. Article 236. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00236>
 25. Martín-Aragón-Gelabert M., Terol-Cantero M.-C. Post-COVID-19 psychosocial intervention in healthcare professionals (Intervención psicossocial postCOVID-19 en personal sanitario) // International Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 35. № 3. P. 664–669. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783854>
 26. Nerlich B., Jaspal R. Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media // Current Sociology. 2021. Vol. 69. № 4. P. 566–583. <https://doi.org/10.1177/0011392121990030>
 27. Pizarro J., Cakal H., Méndez L. et al. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 2.1–2.38.
 28. Rateau P., Tavani, J.-L., Delouvée S. Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear // Health. 2021. № 22. P. 1–20. <https://doi.org/10.1177/13634593211005172>
 29. Rosati G., Domenech L., Chazarreta A., Maguire T. Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news // Proceedings of VI Simposio Argentino de Ciencia de Datos y GRANdes DATos (AGRANDA 2020) — JAIIO 49 (Modalidad virtual). Argentina: SocArXhivePapers, 2020. P. 11–19. <https://doi.org/10.31235/osf.io/3pced>
 30. Souza L.G.S., O’Dwyer E., Coutinho S.M. dos S., Chaudhuri S., Rocha L.L., Souza, L.P. de. Social representations and ideology: Theories of common sense about COVID-19 among middle-class Brazilians and their ideological implications // Journal of Social and Political Psychology. 2021. Vol. 9. № 1. P. 105–22. <https://doi.org/10.5964/jsp.6069>
 31. Bertrand V. Représentations sociales du confinement de mars 2020 lors de la pandémie liée à la COVID-19 chez une population d’étudiants et d’enseignants. Étude exploratoire comparative // Revue CONFLUENCE: Sciences & Humanités. 2022. № 1. P. 109–125.
 32. Melou F., Gilbert M. Confinement: construction d’une nouvelle représentation sociale chez les étudiants et les salariés // Psychologie Française. 2022. Vol. 67. № 4. P. 357–386. <https://doi.org/10.1016/j.psfr.2022.09.002>
 33. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales, P. Moliner (Dir). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2001. P. 244–268.
 34. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d’étude des représentations sociales, J.-C.Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0203>
 35. Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 85–102. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206>
 36. Novikova I.A., Berezina E.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikov A.L., Bovina I.B. To be scared or not to be scared: Social representations of COVID-19 in young people (A cross-cultural study) // Social Sciences. 2024. № 13. Article 62. <https://doi.org/10.3390/socsci13010062>

37. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: Effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 2009. № 84. P. 125–152. <https://doi.org/10.3917/cips.084.0125>
38. Moliner P., Lo Monaco G. *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017.
39. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003.
40. Бычкова П.А. Российские и зарубежные исследования отношения студентов к цифровым образовательным технологиям до и в период пандемии COVID-19 // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2023. Т. 33. № 2. С. 184–192. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2023-33-2-184-192>

References

1. Eicher, V. & Bangerter, A. (2015). Social representations of infectious diseases. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). *The Cambridge Handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.031>
2. Nikolaeva, V.V. (1995). Personality in the situation of chronic somatic illness. In: E.T. Sokolova & V.V. Nikolaeva (eds.). *Particularities of personality in case of mental and somatic illnesses*. Moscow: Argus. pp. 56–81. (In Russ.).
3. Bovina, I.B. (2008). *Social psychology of health and illness*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
4. Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V., Melnikova, D.V., Lavreshkin, N.V. & Budykin, S.V. (2023). Body: Social-Representational Regard. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 13(1), 191–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130114> (In Russ.).
5. Ouroumidou, V.G. (2023). New words in Greek and Russian during the COVID-19 pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134> (In Russ.).
6. Radbil, T.B. (2020). “Samoizolyatsiya” (“self-isolation”) as the newest Russian cultural concept: Cognitive-discursive aspect. *Communication Studies (Russia)*, 7(4), 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774) (In Russ.).
7. Tajfel, H. (1972). La catégorisation sociale. In: S. Moscovici (Ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. pp. 272–302.
8. Moscovici, S. (1973). Foreword. In: C. Herzlich (Ed.). *Health and Illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press. pp. ix—xiv.
9. Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G. & Haslam, S.A. (2018). *The new Psychology of Health: Unlocking the social cure*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
10. Haslam, S.A., Jetten, J., Postmes, T. & Haslam, C. (2009). Social identity, health and well-being: An emerging agenda for applied psychology. *Applied Psychology: An International Review*, 58(1), 1–23. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00379.x>
11. Jetten, J., Reicher, S.D., Haslam, S.A. & Cruwys, T. (2020). *Together apart: The psychology of COVID-19*. Sage.
12. Moscovici, S. (2000). The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (Ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N.Y.: New York University Press. pp. 18–77.
13. Páez, D. & Pérez, J.A. (2020). Social representations of COVID-19 (Representaciones sociales del COVID-19). *International Journal of Social Psychology*, 35(3), 600–610. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783852>
14. Eicher, V., Emery, V., Maridor, M., Gilles, I. & Bangerter, A. (2011). Social Representations in Psychology: A bibliometrical analysis. *Papers on Social Representations*, 20, 11.1–11.19.
15. Herzlich, C. (1973). *Health and illness: A social psychological analysis*. London: Academic Press.
16. Jodelet, D. (1991). *Madness and social representations: Living with the mad in one French community*. Berkeley: University of California Press.

17. Moliner, P. & Guimelli, C. (2015). *Les représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. <https://doi.org/10.3917/pug.guime.2015.01>
18. Breakwell, G.M. & Canter, D.V. (eds.). (1993). *Empirical approaches to social representations*. Oxford: Clarendon Press.
19. Moliner, P. & Abric, J.C. (2015). Central Core Theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). *The Cambridge Handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
20. Moscovici, S. (2001). Why a theory of social representations? In: K. Deaux & G. Philogène (Eds.). *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. pp. 18–61.
21. Dontsov, A.I., Zotova, O.Yu. & Tarasova, L.V. (2021). Social representations of COVID-19 at the beginning of the pandemic in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(2), 422–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444> (In Russ.).
22. De Rosa, A.S. & Mannarini, T. (2020). The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional. *Papers on Social Representations*, 29(2), 5.1–5.35.
23. Fasanelli, R., Piscitelli, A. & Galli, I. (2020). Social representations of Covid-19 in the framework of risk psychology. *Papers on Social Representations*, 29(2), 8.1–8.36
24. Lin, Y., Hu, Zh., Alias, H. & Wong, L.P. (2020). Knowledge, attitudes, impact, and anxiety regarding COVID-19 infection among the public in China. *Frontiers in Public Health*, 8, Article 236. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00236>
25. Martín-Aragón-Gelabert, M. & Terol-Cantero, M.-C. (2020). Post-COVID-19 psychosocial intervention in healthcare professionals (Intervención psicosocial postCOVID-19 en personal sanitario). *International Journal of Social Psychology*, 35(3), 664–669. <https://doi.org/10.1080/002134748.2020.1783854>
26. Nerlich, B. & Jaspal, R. (2021). Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media. *Current Sociology*, 69(4), 566–583. <https://doi.org/10.1177/0011392121990030>
27. Pizarro, J., Cakal, H., Méndez, L., Da Costa, S., Zumeta, L.N., Gracia-Leiva, M., Basabe, N., Navarro-Carrillo, G., Cazan, A.-M., Keshavarzi, S., López-López, W., Yahiaiev, I., Alzugaray-Ponce, C., Villagrán, L., Moyano-Díaz, E., Petrović, N., Mathias, A., Techio, E.M., Wlodarczyk, A., ... & Cavalli, S. (2020). Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 29(2), 2.1–2.38.
28. Rateau, P., Tavani, J.-L. & Delouvé, S. (2021). Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear. *Health*, 22, 1–20. <https://doi.org/10.1177/13634593211005172>
29. Rosati, G., Domenech, L., Chazarreta, A. & Maguire, T. (2020). Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news. In: *Proceedings of VI Simposio Argentino de Ciencia de Datos y GRANdes DATos (AGRANDA 2020) — JAIIO 49 (Modalidad virtual)*. Argentina: SocArXhivePapers. pp. 11–19. <https://doi.org/10.31235/osf.io/3pced>
30. Souza, L.G.S., O’Dwyer, E., Coutinho, S.M. dos S., Chaudhuri, S., Rocha, L.L. & Souza, L.P. de. (2021). Social representations and ideology: Theories of common sense about COVID-19 among middle-class Brazilians and their ideological implications. *Journal of Social and Political Psychology*, 9(1), 105–122. <https://doi.org/10.5964/jsp.6069>
31. Bertrand, V. (2022). Représentations sociales du confinement de mars 2020 lors de la pandémie liée à la COVID-19 chez une population d’étudiants et d’enseignants. Étude exploratoire comparative. *Revue CONFLUENCE: Sciences & Humanités*, 1, 109–125.
32. Melou, F. & Gilbert, M. (2022). Confinement: construction d’une nouvelle représentation sociale chez les étudiants et les salariés. *Psychologie Française*, 67(4), 357–386. <https://doi.org/10.1016/j.psfr.2022.09.002>

33. Moliner, P. (2001). Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (Ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble. pp. 244–268.
34. Abric, J.-C. (2003). La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In: J.-C. Abric (Ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès. pp. 59–80. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0203>
35. Bovina, I.B., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Novikova, I.A., Berezina, E.B. & Novikov, A.L. (2023). COVID-19 seen by students: An exploratory study. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 14(2), 85–102. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206> (In Russ.).
36. Novikova, I.A., Berezina, E.B., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Novikov, A.L. & Bovina, I.B. (2024). To be scared or not to be scared: Social representations of COVID-19 in young people (A cross-cultural study). *Social Sciences*, 13, Article 62. <https://doi.org/10.3390/socsci13010062>
37. Galand, C. & Salès-Wuillemin, E. (2009). La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 84, 125–152. <https://doi.org/10.3917/cips.084.0125>
38. Moliner, P. & Lo Monaco, G. (2017). *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.
39. Flament, C. & Rouquette, M.-L. (2003). *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin.
40. Bychkova, P.A. (2023). Russian and international studies on students' attitudes to digital educational technologies before and during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 33(2), 184–192. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2023-33-2-184-192> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: социальная психология, психология личности, кросс-культурная психология, психология цифровизации; *e-mail*: novikova-ia@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5831-1547; SPIN-код: 7717-2834; Scopus ID: 35766733000; Researcher ID: Q-5276-2016.

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: психолингвистика, семантика, семиотика, теория социальных представлений; *e-mail*: novikov-al@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3482-5070; SPIN-код: 3416-1350; Scopus ID: 56005222400; Researcher ID: Q-5419-2016.

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы добавит при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1), *сфера научных интересов*: социальные представления, психология малых групп, власть и лидерство, статусные отношения; *e-mail*: msachkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2982-8410; SPIN-код: 3217-0087; Researcher ID: J-9145-2013; Scopus ID: 14623093600.

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29); *сфера научных интересов*: клиническая психология, гендерная психология, девиантное поведение, агрессивное поведение; *e-mail*: dvorian@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1462-5469; SPIN-код: 6908-0030; Researcher ID: D-1683-2009; Scopus ID: 56275479900.

Березина Елизавета Борисовна, кандидат психологических наук, преподаватель департамента психологии, Университет Санвея (5, Jalan Universiti, Bandar SunwaySelangor Darul Ehsan, Malaysia, 47500); *сфера научных интересов*: социальная психология, психология здоровья, прикладная психология, методы исследования в психологии; *e-mail*: elizab@sunway.edu.my
ORCID: 0000-0003-1972-8133; SPIN-код: 8996-3250; Researcher ID: Q-6331-2017; Scopus ID: 56275370100.

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29); *сфера научных интересов*: теория социальных представлений, психология здоровья, стигматизация, социальное влияние; *e-mail*: innabovina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9497-6199; SPIN-код: 9663-3747; Researcher ID: H-4433-2013; Scopus ID: 8569930800.

Information about the authors:

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at Psychology and Pedagogy Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198). *Research interests*: social psychology, personality psychology, cross-cultural psychology, psychology of digitalization; *e-mail*: novikova-ia@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5831-1547; SPIN-code: 7717-2834; Scopus ID: 35766733000; Researcher ID: Q-5276-2016.

Alexey L. Novikov, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, semantics, semiotics, theory of social representations; *e-mail*: novikov-al@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3482-5070; SPIN-code: 3416-1350; Scopus ID: 56005222400; Researcher ID: Q-5419-2016.

Marianna E. Sachkova, Dr.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, bldg.1, Vernadsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119571); *Research interests*: social representations, psychology of small groups, power and leadership, status relationships; *e-mail*: msachkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2982-8410; Researcher ID: J-9145-2013; SPIN-code: 3217-0087; Scopus ID: 14623093600.

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, (29, Sretenka st., Moscow, Russian Federation, 127051), *Research interests*: clinical psychology, gender psychology, deviant behavior, aggressive behavior; *e-mail*: dvorian@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1462-5469; SPIN-code: 6908-0030; Researcher ID: D-1683-2009; Scopus ID: 56275479900.

Elizaveta B. Berezina, PhD in Psychology, Senior Lecturer of Department of Psychology, Sunway University (5, Jalan Universiti, Bandar Sunway Selangor Darul Ehsan, Malaysia, 47500); *Research interests*: social psychology, health psychology, applied psychology, research methods in psychology; *e-mail*: elizab@sunway.edu.my
ORCID: 0000-0003-1972-8133; SPIN-code: 8996-3250; Researcher ID: Q-6331-2017; Scopus ID: 56275370100.

Inna B. Bovina, Dr.Sc. in Psychology, is Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Law of the Legal Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology & Education (29, Sretenka st., Moscow, Russian Federation, 127051); *Research interests*: Theory of Social Representations, health psychology, stigmatization, social influence; *e-mail*: innabovina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9497-6199; SPIN-code: 9663-3747; Researcher ID: H-4433-2013; Scopus ID: 8569930800.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ LITERARY TEXT

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-567-580

EDN: ODQGRY

УДК 811.161.1:008:821:663.2

Научная статья / Research article

Репрезентация вакхической картины мира в пространстве художественного текста

Т.Г. Бочина¹ , О.А. Дмитриева² ¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация² Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары,

Российская Федерация

 olgaal_79@mail.ru

Аннотация. Винопитие как феномен культуры становится предметом исследования разных наук, таких как искусствоведение, культурология, семиотика, филология и др. Ситуация винопития как фрагмент семантики текста является предметом лингвопоэтики текста и лингвокультурологии. Целью данного исследования является рассмотрение ситуации винопития, ее функционирования в мире художественного произведения. Материалом для работы послужила выборка примеров, извлеченная из прозаических художественных произведений, начиная со второй половины XIX в. до современности. Широкий временной охват позволяет проследить осмысление и интерпретацию ситуации винопития в динамике. В состав описываемых фрагментов входит вакхическая лексика, т.е. лексемы со значением 'употреблять спиртное'. Актуальность исследования связана с его вхождением в круг интерпретативных семантических исследований, в рамках которых изучаются особенности как идиостилевых черт автора, так и универсальных, общенациональных, присущих временному периоду характеристик. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки при извлечении иллюстративного материала из художественных произведений писателей, в которых содержится вакхическая лексика; а также семантический и описательный методы. Выявлено, что основными функциями ситуации винопития являются, во-первых, сюжетомоделирующая, продвигающая повествовательную канву произведения; во-вторых, фоновая, воспроизводящая историко-культурный фон событийной линии; в-третьих, характеризующая, определяющая свойства и качества описываемого персонажа, участника события. Показано, как в художественном тексте отражается историко-культурный период, актуальные для него реалии, а также индивидуально-авторский арсенал языковых средств,

© Бочина Т.Г., Дмитриева О.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

который является репрезентантом субъективного взгляда и оценки. Делается вывод о том, что прослеживание динамики ситуации винопития посредством изучения вакхической лексики позволяет определить доминанты в тот или иной период времени.

Ключевые слова: семантика, культура винопития, ментальность, русская языковая картина мира, лингвокультурология

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Бочина Т.Г., Димитриева О.А. Репрезентация вакхической картины мира в пространстве художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 567–580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-567-580>

Representation of Bacchic Worldview in a Literary Text

Tatyana G. Bochina¹ , Olga A. Dimitrieva²

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

² Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

 olgaal_79@mail.ru

Abstract. Wine drinking as a cultural phenomenon is becoming the subject of research in various sciences, such as art history, cultural studies, semiotics, philology, etc. The situation of wine drinking as a fragment of the semantics of the text is the subject of the linguopoetics of the text and linguoculturology. The purpose of this study is to consider the situation of wine drinking, its functioning in the world of a work of art. The material for the work is a selection of examples extracted from prose, from the second half of the XIX century to the present days. A wide time span allows us to trace understanding and interpretation of wine drinking situation in dynamics. The examples contain bacchic vocabulary, i.e. lexemes that have the meaning ‘to drink alcohol’. The relevance of the study is related to its entry into the circle of interpretive semantic research, in which the authors pay attention to features of both the idiosyncratic traits of the writer and universal, nationwide, inherent characteristics of the period of time. The main research methods are continuous sampling method for extracting illustrative material from literary works of writers that contain bacchic vocabulary; as well as semantic and descriptive methods. The main functions of the wine drinking situation in texts are, firstly, plot-modeling, promoting the narrative outline of the work; secondly, background, reproducing the historical and cultural background of the event line; thirdly, characterizing, defining the properties and qualities of a character described, a participant of the event. The paper also shows how the world of an artistic work reflects a historical and cultural period, the realities relevant to it, as well as the individual author’s arsenal of linguistic means, which is a representative of a subjective view and assessment. It is concluded that tracing the dynamics of the situation of wine drinking through the study of bacchic linguistic means makes it possible to determine the dominant in a particular period of time.

Keywords: semantics, wine drinking culture, mentality, Russian worldview, linguo-cultural studies

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Bochina, T.G. & Dimitrieva, O.A. (2024). Representation of Bacchic Worldview in a Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 567–580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-567-580>

Введение

Как отмечает Ю.М. Лотман, вещи, окружающие нас, обуславливают нашу манеру поведения [1]. Еда и одежда становятся предметом и центром междисциплинарного изучения кодов повседневности в аксиологическом аспекте, маркерами «ценностных ориентиров человека в различные периоды его жизни и в различных культурных стратах» [2. С. 5]. Ситуация винопития как составная часть семантического комплекса еда / питье рассматривается в рамках традиционной культуры как атрибут, входящий в ритуалы и специализированные действия: вино символизирует «кровь, здоровье и жизнь» [3. С. 373]; водка также используется в обрядах на территориях, где отсутствует виноделие, или взамен вина [3. С. 393].

В языкознании представлен ряд работ, обращающих внимание на широкий диапазон лексических единиц, которые вербализуют и параметризуют сферу вакхического, выделяя тот или иной аспект ситуации — количественный и / или качественный. С этой точки зрения изучаются глаголы питания, лексика со значением наименования напитков и т. п. В целом данная лексика является семантической основой концепта винопития, который рассматривается на примере языковой картины мира того или иного языка (часто в сопоставительном аспекте на примере одно- или разноструктурных языков). В таких работах, как и во многих других, посвященных разного рода концептам, принято выделять ядро, ближнюю и дальнюю периферию, оценочные языковые средства, репрезентирующие предметный, образный и ценностный компоненты (см. [4]).

Среди исследований выделяются также посвященные изучению «вакхического дискурса» (термин А.В. Олянича [5]), который пересекается с ресторанным дискурсом, включает культуру потребления спиртного, общение участников вакхического дискурса и особенности подачи, сервировки, производства — словом, все приведенные компоненты рассматриваются в курсе лингвосемиотических особенностей (см. [6; 7]).

В художественном тексте ситуация винопития исследуется в рамках гастрономической картины мира произведения в ряду взаимосвязанных бытовых деталей: в таких изысканиях, как правило, фокусируется внимание на номинациях объектов винопития и их роли в структуре произведения. Интересным представляется рассмотрение динамики ситуации винопития во времени, определение общей доминанты, присущей определенному периоду, отражение в нем исторических реалий и разных способов оценивания

текущих событий и их интерпретация. Одновременно значимым аспектом изучения являются идиостилевые особенности языка писателя (см. [8]), а также языковые средства осмысления ситуации винопития и экспликации его отношения и мировоззрения. Так, Г.П. Козубовская пишет об архетипических смыслах еды и отмечает «характерологический ключ» пищевого мотива в романе И.А. Гончарова «Обрыв», например, в качестве личностной характеристики Веры, ее драмы используется семантическая цепочка «вода — вино — арбуз — молоко» [9. С. 212]. Е.В. Купчик описывает метафорические модели, объективирующие концепт *вино* в поэтических текстах XVIII–XXI вв., их образные соответствия [10]. Н.Л. Зыховская прослеживает «эволюцию ольфакторного наполнения художественного концепта «вино» в авторских картинах мира русской прозы XIX века» [11. С. 61]. В.В. Химич отмечает эстетическую активность образов еды и питья на материале произведений М.А. Булгакова [12]. В приведенных работах, как и во многих других (см., например, библиографию работ в [9]), вино рассматривается как элемент оппозиций: *сакральное — профанное, ритуальное — повседневное, архетипическое / символическое — бытовое*.

В данном исследовании мы опираемся на следующие научные понятия филологического анализа текста: «фон и фигура» в нарратологии (например, в работах О.К. Ирисхановой) [13]; «семантическое текстовое поле» в лингвистике текста (по Н.С. Валгиной) [14]; «ключевые слова» как центры аттракции (по Ю.Н. Караулову) [15], «доминантный принцип в языковом общении», разрабатываемый в когнитивной лингвистике Н.Н. Болдыревым и его научной школой [16], в т.ч. культуроведческий аспект изучения мышления [17] и в целом лингвокультурологический подход к исследованию языка и текста (т.н. «cultural linguistics» в зарубежных штудиях) [18–20].

В работе наряду с методом сплошной выборки примеров из прозаических произведений использованы семантический и описательный методы; а также частично метод лингвостилистического анализа.

Основные функции ситуации винопития в художественном тексте

В художественном мире ситуация винопития, одновременно являясь репрезентантом универсальных, общенациональных и индивидуально-авторских стереотипов и установок, выполняет определенные функции.

Во-первых, это **сюжетомоделирующая** функция, связанная с непосредственным участием в структурировании повествования. В некоторых произведениях писатели выстраивают повествование целиком в рамках ситуации винопития. Например, рассказ Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» разворачивается вокруг «вакхических» событий: генерал Пралинский празднует новоселье и день рождения своего друга — тайного советника Степана Никифоровича Никифорова, а затем нечаянно

попадает на застолье по случаю свадьбы мелкого чиновника Пселдонимова. На вакхической оппозиции *водка — шампанское* вводится в аксиологический ракурс социальный статус героев: Пралинский характеризуется как «никогда не пивший раньше водки», Пселдонимов — как чиновник с десятью рублями жалованья, для которого шампанское «слишком дорого». Или в повести И.С. Шмелева «Человек из ресторана» поведение клиента в ресторане, манера питья, выбор еды, обращение с окружающими — все это становится индикатором занимаемого положения в обществе. В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент: *Сегодня, поглядишь, он [господин] орлом смотрит, во главе стола сидит, шлосганисберг или там шампанское тянет и палец мизинец с перстнем выставил и им знаки подает на разговор и в бокальчик гукает, что не разберешь; а другой раз усмотришь его в такой компании, что и голосок-то у него сладкий и тонкий, и сидит-то он с краешку, и голову держит, как цапля, настороже, и всей-то фигурой играет по одному направлению* (И.С. Шмелев. Человек из ресторана). В приведенном отрывке противопоставляются манеры посетителя ресторана за столом в зависимости от статуса лиц в его окружении: в одном случае *орлом смотрит*, во втором — *голову держит, как цапля, настороже* (орнитонимы *орел — цапля* в составе компаративных тропов становятся эталонами определенного типажа поведения); акцентируется внимание на его местонахождении: *во главе стола (сидит) или (сидит-то) он с краешку*; выборе спиртного: *шлосганисберг или там шампанское тянет* (дорогие сорта вин и способ его употребления, обозначенный глаголом «тянет»); манерность в одной ситуации — *палец мизинец с перстнем выставил и им знаки подает на разговор* и готовность ловить любые знаки — *всей-то фигурой играет по одному направлению* — в другой, что подчеркивается и изменениями в тембре голоса: *в бокальчик гукает — голосок-то сладкий и тонкий*.

Существует довольно много произведений, посвященных художественному осмыслению винопития сквозь призму отношения к нему персонажа: «Неточка Незванова» (I часть) Ф.М. Достоевского, «Альберт» Л.Н. Толстого, рассказы А.П. Чехова «Мыслитель», «Шампанское» и мн. др.

Во-вторых, **фоновая** функция, как правило, воссоздает исторический и культурный контекст, вносит элементы эпохи, ее реалии и погружает читателя в описываемый временной период. Так, Д.С. Мережковский в историософской трилогии «Христос и Антихрист» вводит детали быта воспроизводимой эпохи, в т.ч. вакхические детали: например, в первом романе, при описании эпохи Юлиана Отступника (331–363 гг.) одной из единиц измерения вина становится «*ксэст*» — древнегреческая мера объема сыпучих и жидких веществ, равная 408 г; во втором романе об эпохе Возрождения и ее ярком представителе — Леонардо да Винчи в описаниях появляется *полбренты вина* (итальянская мера *брента* — от 5,320 до 8,303

ведра). В третьей «русской» части — «Петр и Алексей» — мерой спиртного часто становится *ушат, штоф* и *большая деревянная ложка*. Само описание ситуации винопития сопровождается тостами — прецедентными текстами исторической эпохи-источника, начиная строчками Марциала в романе «Юлиан Отступник» и заканчивая народными поговорками и пословицами в третьей части «Петр и Алексей»: ср. *Тогда Скудило, получивший образование на медные гроши (он был способен смешать Гекубу с Гекатой), произнес с гордостью единственный стих Марциала, который помнил: Candida nigrescant vetulo crystallae Falerno* [Светятся льдинки в бокалах с фалернским (лат.)] (Д.С. Мережковский. Юлиан Отступник); — **Винцо не пшеничка — прольешь, не подключешь!** — *бормотал он* [царевич Алексей], *поднося рюмку ко рту* (Д.С. Мережковский. Петр и Алексей). Метаморфоза происходит и с древнегреческим богом виноделия Дионисом (Вакхом), который в третьем романе вместо красавца-атлета становится Бахусом и описывается не иначе, как *немец краснорожий, брюхо, что пивная бочка* (Там же).

Помимо воспроизведения исторической эпохи, ее культурного фона роль вакхической детали может определяться как ситуативная, т. е. имеющая определенную, доминирующую семантику, или аксиологический модус, в пределах описываемой ситуации. Например, эстетическая оценка вводится в описание старого вина в подвале Грэя из романа А.С. Грина «Алые паруса»: перцептивные оценки (визуальные, вкусовые, ольфакторные) коррелируют с общеоценочными характеристиками (типа *блаженно-райское состояние*) и создают сказочно-легендарный фон: *Там лежит такое вино, за которое не один пьяница дал бы согласие вырезать себе язык, если бы ему позволили хватить небольшой стаканчик. В каждой бочке сто литров вещества, взрывающего душу и превращающего тело в неподвижное тесто. Его цвет темнее вишни, и оно не потечет из бутылки. Оно густо, как хорошие сливки. Оно заключено в бочки черного дерева, крепкого, как железо. На них двойные обручи красной меди. На обручах латинская надпись: «Меня выпьет Грэй, когда будет в раю»* (А.С. Грин. *Алые паруса*) (подробнее см. [21]). С ней контрастирует картина-описание распивочной, в которой Родион Раскольников впервые встречает чиновника Мармеладова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «*крошеные огурцы*», «*черные сухари*», «*резанная кусочками рыба*», «*пропитано винным запахом*», «*залитый и липкий стол*», «*грязь обстановки*» — детали, содержащие негативные перцептивные оценки, в целом рисуют мрачный фон для разворачивания дальнейших событий.

В-третьих, ситуация винопития может выполнять **характеризующую** функцию: вакхическая лексика, ее вербализующая, является показателем черт характера персонажа, манеры его поведения, внешнего вида,

социального статуса, а также становится своеобразным идентификатором человека. В повести Л.Н. Толстого «Холстомер» автор, описывая офицера Никиту Серпуховского, дает ему характеристику через вакхические глаголы *пить — попить — хмелеть*: *Пить же, собственно, он никогда не начинал и не кончал* (Л.Н. Толстой. Холстомер), т.е. офицеру приписывается некоторая императивность в отношении употребления спиртного, которое является в данном случае маркером социального статуса.

Способ репрезентации персонажа, его состояния может отличаться своеобразием в зависимости от «зоны автора». Если «вездесущий» автор описывает состояние «изнутри» героя, назовем такой тип описания **интровертированным**, в таких случаях, как правило, дается тщательно выписанная, детальная характеристика, часто посредством метафорического осмысления внутренних изменений. В качестве примера приведем отрывок из романа В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам»: *Ухаживая за первой колбой [с пивом], он совсем ни о чем не думал. Он как бы заколачивал черную сосущую дыру в солнечном сплетении. Вторая колба была уже косметической: она шпаклевала и лакировала наложенную на дыру заплату* (В.О. Пелевин. Любовь к трем цукербринам). С помощью метафорической модели «человек — помещение» глаголы со значением ‘произвести починку, отремонтировать’, такие как *заколачивать, шпаклевать, лакировать, наложить заплату*, прилагательное *косметический* со значением ‘не капитальный’, ‘не затрагивающий основ’ вербализуют способ восстановления героя, находящегося в состоянии похмелья. Взгляд со стороны, или **экстравертированный способ** описания, фокусирует внимание на внешних проявлениях внутреннего / физического состояния — на изменениях в мимике, жестах, походке, во внешности (цвете лица, кожи, особенностях движения глаз и др.) и речи. Это наиболее частотные описания (см., например описание Серпуховского Л.Н. Толстого).

В некоторых случаях автор интерпретирует ситуацию винопития как национальный маркер, причем для каждого писателя характерна своя индивидуализация и свой способ репрезентации. Сравним два примера из классического текста и современного: (1) *<...> в России пьяные люди у нас самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); (2) *Впереди стояла шеренга самых отвратительных существ, которых я когда-либо видел. Они были черными, с прозеленью, и тускло поблескивали, словно их шерстяные бока были вымазаны жиром. У них были рога примерно как у коров. Чем-то они напоминали выродившихся сельских алкоголиков, которым изменяют жены. <...> А почему ее [границу] охраняют русские народные галлюцинации? — Они ее не охраняют. Они и есть эта граница. Мы видим ее таким образом потому, что это наша национальная культурная кодировка. Русские люди с древних времен доходили до Великого Предела*

в алкогольных трипах — и постепенно, за века и тысячелетия, выработали такой шаблон восприятия. Нам он достался по наследству... (В.О. Пелевин Бэтман Аполло). В первом фрагменте связываются качество характера (*доброта*) и состояние (*пьяный*) как отличительные признаки людей в России. Во втором отрывке визуальный образ чёрта является национальной культурной кодировкой, шаблоном восприятия.

Идиостилевые особенности репрезентации ситуации винопития в художественном тексте

Каждый автор отличается своим излюбленным арсеналом языковых средств, которые наиболее полно отражают его взгляды и представления о вакхической ситуации и являются индивидуальным способом ее осмысления: в фокус могут попадать разные стороны события, в которых определяется роль человека.

При некоторых общих акцентах писателей, объединенных одним литературным методом и направлением, выделяется личностное отношение создателя текста. Так, для произведений второй половины XIX в. характерно, что в фокус осмысления попадают проблемы человека и общественного устройства, взаимоотношения человека и государства. Как отмечает Н.М. Солнцева, «классика средневековья и «золотого века» по своей природе аксиоматична и аналитична», это «век ответов», в то время как век XX — «век Фомы, сомнений, вопросов, ересей, утопий», литература становится рефлексивной, выражает «мимолетное чувство», «мгновенную реакцию» [22].

В романах Ф.М. Достоевского при описании ситуации винопития часто используются языковые средства (словообразовательные), эксплицирующие субъективную оценку: *пьяненький (пьяненькой), перед посудинкой* (диминутивная суффиксация); *полупьяный* (префиксация); *мертво-пьяный, пьяный-препьяный* (сложение основ) и т.п.; употребление глаголов интенсивного способа действия с конфиксами — *нахлестаться, нарезаться*. Одним из предпочитаемых средств репрезентации состояния героя является имя прилагательное, семантика которого идеально подходит для описания проявления физиологического состояния человека (*хмельной, тверезый, нетверезый, пьяный-препьяный* и др.). (см. также [23]). Н.С. Лесков использует языковую игру и комический модус в качестве способа представления ситуации винопития. Так, помимо общепринятых наименований напитков, таких как *водка, вино* и т.п., мы встречаем следующие: *опрокидонтик, разговорец из пузырька, безделица, лампо, клюко* и др. А.П. Чехов подробно и детально описывает лицо вакхического человека, которое является не только показателем внешности и черт, но и маркером образа жизни и времяпрепровождения: *Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодушное, несколько помятое от частого употребления*

пива и долгого лежанья на диване (А.П. Чехов. Скучная история). Для произведений Чехова также характерен иронический модус ситуации винопития: *Карточка с золотым ободком и загнутым углом. «Jean Pifisoff»*. *Этот Жан — здоровеннейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнущий уксусом и вечно ищущий по свету, где оскорбленному есть чувству... рюмка водки и рубль займы* (А.П. Чехов. Визитные карточки). Налицо языковая игра, построенная на основе трансформации прецедентного высказывания, источником которого являются слова Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: *Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!* — с субституцией — «рюмка водки и рубль займы» — эксплицирующей образ жизни героя.

Каждый период времени характеризуется собственными реалиями, что так или иначе отражается в бытовой сфере, а значит и винопитии. В рассказе Ф. Абрамова «Вокруг да около» появляется выражение *«наркомовские сто грамм»*, связанное с периодом Великой Отечественной войны: *Ты что, с утра прикладывался? <...> Только наркомовскую. Сотнягу, по-теперешнему* (Ф.А. Абрамов. Вокруг да около). В рассказе С. Довлатова «Голос» отношение к процессу употребления спиртного интерпретируется посредством советской доктрины (не пить — «антимарксистская утопия»): *Главный тезис — пей, но знай меру. Вообще не пить — это слишком. Это, как говорится, антимарксистская утопия* (С.Д. Довлатов. Голос).

С развитием технологий и науки в описание ситуации винопития включаются больше научных терминов из медицинской сферы и наименований различных технических устройств, гаджетов и девайсов. Писатели второй половины XIX века, такие как Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др. в своих произведениях не употребляют слово «алкоголик». Л.Н. Толстой использует его один раз в романе «Воскресение» (1889–1899): [генерал] *после тридцатипятилетней военной службы сделался тем, что врачи называют* алкоголиком, причем, как видно из примера, опирается на медицину — «врачи называют». И если в XIX в. это связано с недавно появившимся и еще не устоявшимся термином (термин «хронический алкоголизм» связывается с именем шведского ученого М. Гусса и его работой «Alcoholismus Chronicus» 1852 г.), то намеренное избегание в употреблении этого термина в XX в. можно считать идиостилевой особенностью (так, Федор Абрамов практически не употребляет это слово в своей прозе). В современной литературе, в частности в массовой (например, в детективах Дарьи Донцовой), лексема *алкоголь* адаптируется и получает разветвленное словообразовательное гнездо, в особенности в просторечной сфере: *алкоголичка, алкаш, алкашка, алкашня, алконавт, алкозависимость, алкоголизм* и др. Также добавляются различные научные и псевдонаучные термины, такие как *генетика* (при объяснении алкогольного пристрастия), *похмелолог* и др.

Винопитие в романах В. Пелевина становится виртуальным. В романе «Любовь к трем цукербринам» шампанское становится «гипнопродуктом», который главный герой Кеша не наливает, а «администрирует» (от англ. *administer* — управлять, распоряжаться, совершать) с помощью «шейного клика», что для системы считается согласием и с его счета снимаются т.н. *sharing points*. Выход в виртуальный мир винопития, как отмечается в романе, происходит через соглашение с условиями, или разовым или недельным администрированием.

Таким образом, в мире художественного произведения отражается исторический период, актуальные для него реалии, а также индивидуально-авторский арсенал языковых средств, который является репрезентантом авторского взгляда и оценки, его идиостиля.

Заключение

Репрезентация вакхической картины мира в пространстве художественного текста имеет ряд особенностей, связанных как с идиостилевыми чертами языка писателя, авторскими предпочтениями и замыслом, так и с определением роли бытовой вакхической детали в общей канве произведения.

Во-первых, обозначим основные функции ситуации винопития в пространстве художественного текста: 1) сюжетомоделирующая, 2) фоновая, 3) характеризующая. Характеризация персонажа может быть экстравертированного или интровертированного типа.

Во-вторых, ситуация винопития является репрезентантом не только индивидуально-авторского мировоззрения, что, как показано, отражается в выборе тех или иных языковых средств, но и общественных изменений, отражающихся в способах интерпретации явления и / или воссоздании культурного фона ситуации винопития.

В художественном мире вакхическая сцена зачастую видится как фоновое явление или не имеющая особого значения, дополнительная деталь, на которую читатель не обращает особого внимания, всецело отдаваясь сюжетной канве произведения, но прослеживание динамики ситуации винопития и определение доминанты в тот или иной историко-культурный период становится значимым для определения как идиостилевых, индивидуально-авторских особенностей, так и общекультурных, национально обусловленных маркеров ситуации.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1999.
2. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / Под ред. Н.В. Злыдневой. СПб: Алетейя, 2011.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995.

4. Глушкова Т.С. Винопитие // Антология концептов. Т. 7. Волгоград, 2009. С. 234–244.
5. Олянич А.В. Вакхический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2. С. 155–157.
6. Козько Н.А., Пожидаева Е.В. Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 166–175.
7. Олянич А.В., Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2013.
8. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.
9. Козубовская Г.П. Семантический комплекс еды / пищи в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Культура и текст. 2021. № 4(47). С. 203–220. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-203-220>
10. Купчик Е.В. Вино в русских поэтических текстах: метафорические модели // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 342–351.
11. Зыховская Н.Л. Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции // Челябинский гуманитарий. 2015. № 2(31). С. 61–69.
12. Химич В.В. Эстетическая активность образов еды и питья в произведениях Михаила Булгакова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47. № 12. С. 204–224.
13. Ириханова О.К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайк «Daughter, last glimpses of» // Вестник МГЛУ. 2013. № 17(677). С. 18–36.
14. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
15. Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского, 2000. М.: Азбуковник, 2001. С. 424–444.
16. Boldyrev N. The interpretive dominant in the cognitive theory of language // EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. P. 1–8. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.1>
17. Han S., Northoff G., Vogeley K., etc. A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 335–359. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-071112-054629>
18. Sharifian F. On cultural conceptualisations // Journal of Cognition and Culture. 2003. № 3(3). P. 187–207.
19. Sharifian F. Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
20. Peeters B. Applied Ethnolinguistics Is Cultural Linguistics, but Is it Cultural Linguistics? // International Journal of Language and Culture. 2016. № 3(2). P. 137–160. <https://doi.org/10.1075/ijolc.3.2.01pee>
21. Димитриева О.А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина // Научный диалог. 2021. № 4. С. 80–96. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-80-96>
22. Солнцева Н.М. О некоторых универсалиях новой литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. № 2. С. 35–46.
23. Димитриева О.А. О вакхической лексике в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. 2020. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.31857/S013161170008295-3>

Источники

- Абрамов Ф.А. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1985.
- Грин А.С. Алые паруса; Блестящий мир; Золотая цепь; Рассказы. М.: Художественная литература, 1986.
- Довлатов С.Д. Голос. СПб.: Азбука-классика, 2005. Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/220331-sergej-dovlatov-golos.html> (дата обращения 11.03.2022).

- Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 9. Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1991. Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/page/dostoevsky-pss15-09.html> (дата обращения 11.03.2022).
- Мережковский Д.С.* Петр и Алексей: Роман. М.: Захаров, 2004. С. 368.
- Мережковский Д.С.* Смерть Богов (Юлиан Отступник): роман. М.: Панорама, 1991.
- Пелевин В.О.* Бэтман Аполло: роман. М.: Издательство «Э», 2015.
- Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. 10. Повести и рассказы. 1872–1903. М.: Художественная литература, 1975.
- Чехов А.П.* Руководство для желающих жениться: сб. М.: Издательство АСТ, 2021.
- Чехов А.П.* Степь: сборник. М.: Издательство АСТ, 2020.
- Шмелев И.С.* Лето Господне. Человек из ресторана. М.: Дрофа, 2009.

References

1. Lotman, Yu.M. (1999). Conversations about Russian culture: *The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)*. St. Petersburg: Art-St. Petersburg. (In Russ.).
2. *Codes of everyday life in Slavic culture: food and clothing* (2011). N.V. Zlydneva (Ed.). St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
3. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic dictionary* (1995). N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow: International Relations. (In Russ.).
4. Glushkova, T.S. (2009). *Wine drinking. Anthology of concepts*. Vol. 7. Volgograd: Peremena. pp. 234–244. (In Russ.).
5. Olyanich, A.V. (2015). Bacchanalian discourse. *Discourse-Pi*, 2, 155–157. (In Russ.).
6. Kozko, N.A. & Pozhidaeva, E.V. (2012). Modern British restaurant discourse: linguoculture of nutrition and drinking. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1(4), 166–175. (In Russ.).
7. Olyanich, A.V. & Reimer, Yu.V. (2013). *Linguosemiotics of Bacchanalian discourse: German-Russian parallels*. Volgograd: Volgograd State Agrarian University. (In Russ.).
8. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiosyle*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
9. Kozubovskaya, G.P. (2021). Semantic complex of food in I.A. Goncharov's novel "Cliff". *Culture and text*, 4(47), 203–220. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-203-220> (In Russ.).
10. Kupchik, E.V. (2017). Wine in Russian poetic texts: metaphorical models. *Pushkin Readings-2017. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text*. St. Petersburg: Pushkin State University. pp. 342–351. (In Russ.).
11. Zyhovskaya, N.L. (2015). Olfactory component of the concept "wine" in the Russian prose tradition. *Chelyabinsk Humanities*, 2(31), 61–69. (In Russ.).
12. Khimich, V.V. (2006). Aesthetic activity of images of food and drink in the works of Mikhail Bulgakov. *Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities*, 47(12), 204–224. (In Russ.).
13. Iriskhanova, O.K. (2013). On the distribution of attention in narrative texts: an analysis of the story of J. Updike "Daughter, last glimpses of". *Vestnik MSLU*, 17(677), 18–36. (In Russ.).
14. Valgina, N.S. (2003). *Text Theory*. Moscow: Logos. (In Russ.).
15. Karaulov, Yu.N. (2001). The concept of idioglossy and the dictionary of Dostoevsky's language. In: *Dostoevsky's Word, 2000*. Moscow: Azbukovnik. pp. 424–444. (In Russ.).
16. Boldyrev, N. (2020). The interpretive dominant in the cognitive theory of language. *EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 83, 1–8. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.1>
17. Han, S. Northoff, G., Vogeley, K., etc. (2013). A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain. *Annual Review of Psychology*, 64, 335–359. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-071112-054629>

18. Sharifian, F. (2003). On cultural conceptualisations. *Journal of Cognition and Culture*, 3(3), 187–207
19. Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics: Cultural conceptualizations and language*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publ.
20. Peeters, B. (2016). Applied Ethnolinguistics Is Cultural Linguistics, but Is it Cultural Linguistics? *International Journal of Language and Culture*, 3(2), 137–160. <https://doi.org/10.1075/ijolc.3.2.01pee>
21. Dimitrieva, O.A. (2021). Bacchic vocabulary, verbalizing the object of drinking, in the artistic world of Alexander Green. *Scientific Dialogue*, 4, 80–96. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-80-96>. (In Russ.).
22. Solntseva, N.M. (2002). About some universals of new literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2, 35–46. (In Russ.).
23. Dimitrieva, O.A. (2020). About the Bacchanalian vocabulary in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Russian Speech*, 1, 56–67. <https://doi.org/10.31857/S013161170008295-3>. (In Russ.).

Sources

- Abramov, F.A. (1985). *Novellas and short stories*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.).
- Green, A.S. (1986). *Scarlet Sails; The Shining World; The Golden Chain; Stories*. Moscow: Fiction. (In Russ.).
- Dovlatov, S.D. (2005). *Voice*. Saint-Peterburg: ABC Classics. Access mode: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/220331-sergej-dovlatov-golos.html> (In Russ.).
- Dostoevsky, F.M. (1991). *Collected works in fifteen volumes*. Vol. 9. The Brothers Karamazov. Leningrad: Nauka. URL: <https://traumlibrary.ru/page/dostoevsky-pss15-09.html> (accessed: 11.03.2022). (In Russ.).
- Merezhkovsky, D.S. (2004). *Peter and Alexey: Roman*. Moscow: Zakharov. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D.S. (1991). *The Death of the Gods (Julian the Apostate): A Novel*. Moscow: Panorama. (In Russ.).
- Pelevin, V.O. (2015). *Batman Apollo: novel*. Moscow: Publishing House "E", 2015. (In Russ.).
- Tolstoy, L.N. (1975). *Collected works. In 12 volumes*. Vol. 10. Novellas and short stories. 1872–1903. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Chekhov, A.P. (2021). *A guide for those who want to get married*. Moscow: AST Publ., 2021. (In Russ.).
- Chekhov, A.P. (2020). *Steppe: stories*. Moscow: AST Publ. (In Russ.).
- Shmelev, I.S. (2009). *The Summer of the Lord. The Man from the Restaurant*. Moscow: Drofa. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Бочина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18); сфера научных интересов: паремиология, фразеология, лексикология, стилистика, семантика, прагматика, функционирование русского языка; e-mail: Tatyana.Vochina@kpfu.ru ORCID: 0000-0002-2606-2985; SPIN-код: 2455-0673; Author ID: 279621.

Димитриева Ольга Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (428000, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38); сфера научных интересов: лингвистика текста, идиостиль, концептосфера, стилистика, семантика, лингвокультурология; e-mail: olgaal_79@mail.ru ORCID: 0000-0003-2734-640X; SPIN-код: 9686-0190; Author ID: 799746.

ORCID: 0000-0003-2734-640X; SPIN-код: 9686-0190; Author ID: 799746.

Information about the authors:

Tatyana G. Bochina, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Professor at the Department of Foreign Languages in the Field of International Relations, Kazan Federal University (18 Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: paremiology, phraseology, lexicology, stylistics, semantics, pragmatics, functioning of the Russian language; *e-mail*: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2985; SPIN-код: 2455-0673; Author ID: 279621.

Olga A. Dimitrieva, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash State Pedagogical University (38, K. Marx str., Cheboksary, Russian Federation, 428000); *Research interests*: textual linguistics, conceptsphere, idiostyle, stylistics, semantics, cultural linguistics; *e-mail*: olgaal_79@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2734-640X; SPIN-код: 9686-0190; Author ID: 799746.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-581-599

EDN: OBLWFZ

УДК 811.161.1'23:82-31

Научная статья / Research article

Семантико-семиотическая парадигма аксиосферы и духовно-нравственных доминант романов Ч.Т. Айтматова

Н. Сардарбек кызы , Д.А. Крутиков Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек,
Кыргызская Республика skn12@mail.ru

Аннотация. В настоящее время отмечается необходимость актуализировать научные исследования, в которых одним из приоритетных представляется аксиологический анализ лингвистических явлений. Данный анализ выполнен в этико-лингвистическом ракурсе, актуальность которого обусловлена отбором компонентов, связанных с онтологическими этическими ценностями. Интериоризация данных ценностей в сознании индивида способствует эффективной гуманизации его сознания. *Цель исследования* — выявить онтологические этические ценности в романах Ч.Т. Айтматова, представленные в виде семантико-семиотических инвариантных парадигм и их вариативных коннотативных компонентов. На уровне семиотики рассматриваются образы-символы в качестве базовых концептов, на уровне семантики в составе лексем и фразем выявляются духовно-нравственные доминанты аксиосферы данных романов. Материалом исследования явилась концептосфера романов Ч.Т. Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», представленная базовыми образами-символами, а также лексико-фразовый пласт романов «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы (Вечная невеста)», который содержит понятия, выступающие в качестве духовно-нравственных доминант произведений. В статье использованы метод теоретической поэтики, аксиологический, описательный и лингвокультурологический методы, метод контекстуального анализа, семиотический анализ, также применен лингвокогнитивный подход. Исследование показало, что базовые образно-символические концепты в романах «И дольше века длится» и «Плаха» и семантическая модель духовно-нравственных доминант в романах «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы (Вечная невеста)» имеют безусловный гуманистический характер, отражая глубину духовно-нравственных откровений Ч.Т. Айтматова. Данные концепты и доминанты составляют идейно-нравственное ядро романов, являясь безусловными бытийными идеалами, определяющими векторы нравственно-гуманистического развития личности и человечества в целом. Изучение семантико-семиотической парадигмы доминант аксиосферы романов Ч.Т. Айтматова в аспектах образно-символических концептов и семантической модели духовно-нравственных ценностей позволяет раскрыть сущность авторского идеала, обратить внимание на его гуманно воспитывающий характер.

© Сардарбек кызы Н., Крутиков Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Ч.Т. Айтматов, семантика, семиотика, аксиология, концепт, семантический инвариант, коннотация, духовно-нравственные доминанты, аксиосфера

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Сардарбек Н. кызы, Крутиков Д.А. Семантико-семиотическая парадигма аксиосферы и духовно-нравственных доминант романов Ч.Т. Айтматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 581–599. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-581-599>

Semantic-Semiotic Paradigm of Axiosphere and Spiritual and Moral Dominants of Ch.T. Aitmatov's Novels

Nuraiym Sardarbek kyzy , Denis A. Krutikov

Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

 skn12@mail.ru

Abstract. Nowadays there is a need to actualise scientific research, in which axiological analysis of philological phenomena is one of the priorities. This analysis allows to give the research an ethical-philological perspective, the relevance of which is conditioned by the selection of those components which are connected with ontological ethical values. The interiorisation of these values in the individual's consciousness contributes to the effective humanisation of the person's consciousness. The aim of the study is to identify ontological ethical values in Ch.T. Aitmatov's novels, presented in the form of semantic-semiotic invariant paradigms and their variable connotative components. At the level of semiotics the images-symbols as basic concepts are considered, at the level of semantics the spiritual and moral dominants of the axiosphere of these novels are revealed as part of lexemes and phrases. The material of the research was the conceptsphere of Ch.T. Aitmatov's novels "And the Day Lasts Longer than a Century" and "The Scaffold", represented by basic images-symbols, as well as the lexico-phrase layer of the novels "Cassandra's Brand" and "When Mountains Fall (The Eternal Bride)", which contains concepts that act as spiritual and moral dominants of the works. The article uses the method of theoretical poetics, axiological, descriptive and linguocultural methods, method of contextual analysis, semiotic analysis, linguocognitive approach was also applied. *Results.* Basic figurative and symbolic concepts in the novels "And the Day Lasts Longer than a Century" and "The Scaffold" and the semantic model of spiritual and moral dominants in the novels "Cassandra's Brand" and "When Mountains Fall (The Eternal Bride)" have an unconditional humanistic character, reflecting the depth of spiritual and moral revelations of Ch.T. Aitmatov. These concepts and dominants constitute the ideological and moral core of the novels, being unconditional existential ideals that determine the vectors of moral and humanistic development of the individual and humanity as a whole. *Conclusion:* the study of the semantic-semiotic paradigm of the dominants of axiosphere of Ch.T. Aitmatov's novels in the aspects of image-symbolic concepts and semantic model of spiritual and moral values allows to reveal the essence of the author's ideal, to pay attention to its humanely educating character.

Keywords: Ch. T. Aitmatov, semantics, semiotics, axiology, concept, semantic invariant, connotation, spiritual and moral dominants, axiosphere

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Sardarbek, kyzy N., & Krutikov, D.A. (2024). Semantic-Semiotic Paradigm of Axiosphere and Spiritual and Moral Dominants of Ch.T. Aitmatov's Novels. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 581–599. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-581-599>

Введение

Семантико-семиотическая парадигма доминант аксиосферы писательского творчества является междисциплинарной областью исследований, в которой приоритетным становится этико-филологический подход. При этом творчество писателя и литературные произведения рассматриваются в единстве этических и эстетических принципов и категорий. В нач. 2000-х гг. в качестве метатеории этики и эстетики рассматривается аксиология¹ [1; 2]. Поэтому авторы настоящего исследования будут опираться на устоявшееся понятие аксиологии.

Значимость данного подхода, по мнению авторов, чрезвычайно высока, поскольку «художественные творения в то же время причастны и даже подчинены феноменам внеэстетическим. <...> Суть искусства — в сопряжении художественного с познавательными, нравственными, философскими, религиозными ценностями» [3. С. 1083].

Аксиологический (ценностный) подход, довольно стремительно упрочившись в философии, социологии, педагогике, дидактике, все активнее осваивается литературоведением. В работе В.Е. Хализева «Теория литературы» содержится важный раздел «Эстетическое в свете аксиологии. Эстетическое и эстетизм», освещающий теорию ценностей в связи с различными теоретико-литературными феноменами [3. С. 30–36].

Остановимся более подробно на некоторых положениях раздела книги В.Е. Хализева. С точки зрения аксиологии ориентация на онтологические ценности является основой духовного бытия людей. Трансисторические ценности, по В.Е. Хализеву, включают значимые во все эпохи формы культуры, в частности мифологию, религию, философию и т.д. К локальным ценностям относятся единичные индивидуально или социально значимые феномены — «исторические события и лица; философские, религиозные и художественные тексты; черты природной или городской среды для тех, кто в ней обитает; привычный бытовой обиход и его предметы; сродные данному человеку, единственные для него люди и память о них, что составляет едва ли не высшую форму локальных ценностей» [3. С. 35].

Авторы данной статьи затрагивают все три типа указанных ценностей, ставя акцент на ценностях онтологических, то есть внеисторических, метафизических, вечных и неизменных. Согласно классификации В.Е. Хализева

¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 669.

в нее, в частности, включается смысловой ряд ценностей: «добро как стержень нравственности... любовь и милосердие, вера» [3. С. 34].

Продолжая методологический обзор, стоит назвать «Теорию литературы» А.Н. Андреева, в которой художественность рассматривается как аксиологически-нормативная категория (см.: [4. С. 164]). Литературоведческая аксиология получила разработку также в публикациях И.А. Есаулова [5].

Аксиологический характер носят труды М.М. Бахтина, который в связи с философией художественного творчества подчеркивал, что «содержание не может быть чисто познавательным, совершенно лишенным этического момента; более того, можно сказать, что этическому принадлежит существенный примат в содержании» [6. С. 293].

Современный литературовед А.Н. Андреев утверждает, что «качество духовности определяет параметры эстетические», он считает важным, чтобы «понятию содержание художественного произведения» придавалось «философски-гуманистическое», «человеческое измерение» [7].

А.Б. Есин подчеркивает: «<...> Внимание к вечным аспектам тематики очень важно в методологическом и методическом смысле, ибо позволяет изменить угол зрения на предмет, дополнить традиционный социологический подход (вырождающийся, как правило, в унылый шаблон) пониманием универсального, общечеловеческого содержания классических произведений. Сейчас, когда во всех областях общественного сознания актуализируются общечеловеческие, общегуманистические, вечные ценности, эта задача становится чрезвычайно важной. Речь, по сути, идет о том, чтобы <...> выявлять в шедеврах классики их непреходящий смысл, реально волнующий людей разных эпох, разных поколений и народов» [8].

Исследователь Г.А. Голикова считает, что наряду с формальными сторонами произведения освоением его «эстетических составляющих», необходимо актуализировать «такие ценностные категории в изучении текста, как нравственная проблематика, жизненная позиция героя, этические знаменатели в произведении и т.п.». Она подчеркивает, что «ценностный анализ художественного произведения несомненно определяет более глубокое и полное восприятие художественного текста в единстве его формы и содержания и непосредственно связан с парадигмой «читатель — художественный текст», вне которой ценностный подход к произведению невозможен» [9].

Ценность категории добра подчеркивается в книге Л.Н. Столовича «Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии», который приводит показательные высказывания Ф. Бэкона, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Надеждина и др. [10].

Для аксиологии в литературоведении актуальным содержанием наполняется понятие эстетического, или авторского идеала, который представляет собой высший образец добра, «воплощенный в образе человека, а также

в общественном устройстве»². У каждого писателя такой образец добра представлен в соответствующей системе ценностей, аксиосфере духовно-нравственных доминант (совести, любви, милосердия, раскаяния и других), которые всегда актуализируют воспитательную функцию произведения. Тем самым реципиент фиксирует и усваивает семантико-семиотические «сигналы» данных доминант, способствующих эффективной гуманизации его сознания. Данный аспект исследования представляется актуальным, поскольку формирует реципиента «эстетически развитого и гуманистически мыслящего» [11. С. 508)].

Аксиологический ракурс исследования, ставя акцент на общечеловеческих нравственно-гуманистических ценностях, подчеркивает их воспитательный характер. В этом отношении актуальна работа А.В. Гулыги «Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке», в которой отмечается: «Еще одна особенность гуманитарных наук: они дают не только знания, но и воспитывают. Разумеется, не всякий человек, имеющий гуманитарное образование, ведет себя нравственно. Но конечная цель гуманитарных наук состоит в обосновании человечности, гуманности» [12. С. 45].

Одним из широко применяемых подходов, наряду с аксиологическим является герменевтика, которая дополняет аналитическую стратегию интерпретационной, помогая вжиться, вчувствоваться в произведение, в его героев, в душу автора. Методы и приемы герменевтики, как важнейшей вспомогательной дисциплины, связанной с пониманием смыслов, а также синтез аксиологического и герменевтического подходов, рассмотрены в трудах М.М. Бахтина [6], Ю.Б. Борева [13], Г.К. Косикова [14], Д.А. Крутикова [15] и мн. др. Важным источником лингвистической аксиологии для авторов статьи явилось фундаментальное исследование Н.Д. Арутюновой «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт», в которой затрагиваются вопросы семантики, семиотики, синтаксиса, прагматики с точки зрения аксиологического подхода [16].

Исходя из вышесказанного, авторы ставят перед собой следующую цель: во-первых, выявить группу духовно-нравственных доминант аксиосферы на уровне семантики лексем и фразем, во-вторых, на уровне семиотики — образов-символов, которые можно расценивать как базовые концепты, художественно реализованные в определенной группе образных единиц. При этом концептам придается лингвокогнитивное и лингвокультурное толкование. Стоит указать работы Г.А. Крюковой [17], Д.С. Матвеевой [18], Л.Х. Самситовой [19], Ю.В. Титовой [20]. Из работ кыргызстанских концептологов отметим публикации У.Д. Камбаралиевой [21], З.К. Дербишевой [22], М.Х. Манликовой [23]. В литературоведческом ключе концепты рассматривали С.А. Аскольдов-Алексеев и Д.С. Лихачев [24] и мн. др.

² Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. Режим доступа: <https://clck.ru/37WAUN> (дата обращения: 16.12.23).

Семиотические типы концептов в аксиосфере романов Ч.Т. Айтматова «И дольше века длится», «Плаха»

Для нас представляется значимым рассматривать концепты как знаки, связанные с духовно-нравственными доминантами художественного мира произведений писателя. Выражая конкретное коннотативное значение, концепт в контексте нравственных исканий Ч.Т. Айтматова несет в себе определенную прагматическую направленность, актуализируя национальное и общечеловеческое в художественной картине мира писателя. На основе стилевой многоуровневости романов «И дольше века длится день» и «Плаха», а также с учетом семиотического анализа в аксиосфере романов «И дольше века длится день» и «Плаха» выделяется три базовых концепта — ПРИРОДА (реалистический стилевой пласт), БОГ (концептуально-авторский пласт) и КОСМОС (фантастический стилевой пласт), которые вступают в различные аксиологические взаимосвязи и взаимозависимости с рядом значимых образных единиц.

Концепт ПРИРОДА репрезентируется в ряде образных единиц на нескольких уровнях: антропологическом (*человек*); анималистическом (*верблюд, лиса, волк*); растительном (*саксаул, конопля*); гидронимическом (*Тихий океан, Аральское море, Иссык-Куль*) и топонимическом (*Сарозеки, Моюнкумы, Ала-Тоо*).

Концепт ПРИРОДА у Ч. Айтматова приобретает явно выраженный одухотворенный и олицетворенный характер. Так, природа ниспосылает в мир сигналы, которые естественны для живых существ, например, для лисы, которая по игре «воздушных течений»³ улавливает изменение погодных условий. И, наоборот, рукотворные сигналы, порождаемые человеком, имеют манипулятивный характер, они могут заставлять человека петь, танцевать, трудиться на износ в чьих-то целях⁴. Такое явление обусловлено не высокими, но низменными мотивами в социальных отношениях между людьми, утрату естественных связей человека с природой как одухотворенным феноменом.

Концепт ПРИРОДА у Ч. Айтматова реализуется часто в лексемах *тишина, степи, волчица* (Акбара). Этим подчеркивается важное идейно-художественное значение концепта ПРИРОДА: «*тишина объяла мир*» (1)⁵; «*...над необозримо мерцающим великим затишьем*» (2)⁶ и т.д.

Базовые концепты вступают в тесные связи между собой и через анималистические образные единицы. К примеру, образ верблюда Каранара дается на фоне ночного пейзажа. Концепт «Космос» реализуется здесь в ряде образных единиц, связанных с понятиями звезд, луны, неба, ночи. Тропеическая

³ Айтматов Ч. И дольше века длится день // Полн. собр. соч. Т. 3. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 21.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Там же. С. 61.

образность усиливает аспект одушевления природы. Так, образная единица «ветер» маркируется олицетворением: «...не спал, все повсвистывал, шуришал вокруг сором...» (3)⁷.

Концепт «Космос» представлен в романах «И дольше века длится день» и «Плаха» следующими образными единицами на следующих уровнях:

1. Условно-фантастическом: *Лесная Грудь, Держатель, Лунная богиня Бюри-Ана.*
2. Реалистическом: *Солнечная система, Орбита Земли.*

В отношении образной единицы *Лесная Грудь* можно говорить о семантизации смысла, поскольку данная планета обретает характер символа, выступающего в значении гармонии и совершенства.

В романе «И дольше века длится день» образная единица *Держатель* — инопланетное солнце — тоже выступает в качестве символа. Наблюдается семантизация данного символа, которая, на наш взгляд, порождает смысл абсолютного идеала, обуславливающего существование и поддержание гармоничной цивилизации *Лесная Грудь*. В этом видится гуманное значение художественного описания инопланетной цивилизации, достигшей высокой степени духовно-нравственного развития.

На условно-метафорическом уровне художественного мира романа «Плаха» в составе концепта «Космос» знаковой является образная единица *Лунная богиня Бюри-Ана*. С данным концептом тесно связан концепт ПРИРОДА, который представлен образной единицей *Акбара*. Волчица-мать, *Акбара*, лишилась волчат и изливает всю свою материнскую боль в трогательной мольбе лунной богине *Бюри-Ана*. Данный фрагмент романа наполняется гуманным смыслом, писатель одушевляет природу, очеловечивает ее, наделяя глубокими переживаниями.

На реалистическом уровне в романе «И дольше века длится день» большую значимость приобретает образная единица *Орбита Земли*. В пространстве околоземной орбиты происходят многие ключевые события, которые связаны, с одной стороны, с идеологическим противостоянием двух политических систем, с другой стороны, с дружественным посланием землянам от цивилизации *Лесная Грудь*. Орбита Земли превращается в поле драм: космонавты отказываются подчиниться приказу Обценупра и отправляются на другую более гуманную планету к своим братьям по разуму.

В романе «Плаха» концепт «Бог» является базовым концептом, который как фундаментальное духовное первоначало объединяет концепты ПРИРОДА и «Космос». Данный концепт включает в себя ценностные образные единицы — *душа, вера, совесть, любовь, идеал, память* и др. Носителем этих ценностей выступает образная единица *Человек*. На условно-мифологическом

⁷ Айтматов Ч. И дольше века длится день // Полн. собр. соч. Т. 3. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 34.

уровне концепт БОГ реализован через образные единицы *Иисус, Молитва, Легенды, Судьба*. Сущность концепта БОГ наиболее точно выражена в словах Авдия, для которого Бог — это «*высшее мерило совести и милосердия*» (4)⁸.

Следует отметить, что концепт БОГ у Ч. Айтматова как писателя-гуманиста не имеет сколько-нибудь строгой привязки к сугубо национальной или конфессиональной парадигме, он универсален в своей основе и отражает доминантную коннотацию единой для мироздания всеблагой сущности.

Образная единица *вера* тесно связана с молитвой. К примеру, прощальная молитва Авдия, распятого на саксауле, исполнена подлинной высоты и благородства. Авдий просит Бога явить свою милость к роду людскому, спасти их души, пробудив в них человечность.

Идейно-нравственное содержание романа «Плаха», безусловно, актуализирует образная единица «Иисус». Через Иисуса как духовного проводника заповедей Бога писатель укореняет в сознании читателя такие ценности, как духовное самосовершенствование⁹, праведность, добро¹⁰. Квинтэссенцией авторского идеала в связи с образной единицей Иисуса выступает такая нравственно-гуманистическая категория, как человечность. Ее значение подчеркивается известными афористическими речениями: «*А ведь еще перед каждым человеком стоит неизбывная задача — быть человеком, сегодня, завтра, всегда*» (5)¹¹ и «*Тяжелее всего человеку быть человеком изо дня в день...*» (6)¹².

Базовые концепты романов «И дольше века длится» и «Плаха» отражают всю глубину нравственно-философских воззрений Ч.Т. Айтматова, в которых ценностные доминанты имеют ярко выраженный гуманистический характер. Тесные связи и взаимозависимости трех семантических типов базовых концептов ПРИРОДА, БОГ, КОСМОС, а также соответствующих образных единиц детально не описаны, это требует дальнейших исследовательских усилий и разработок. Нами зафиксирован выраженный аксиологический характер данных концептов и образных единиц и их взаимосвязей и взаимозависимостей.

Семантическая модель духовно-нравственных доминант аксиосферы романов Ч.Т. Айтматова «Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)»

Концептосфера предыдущих романов Ч.Т. Айтматова наиболее полно и художественно ярко выражает мировидение и нравственно-этические воззрения писателя. В этом плане заслуживает особого внимания абстрактное понятие Бога, рассматриваемого нами в одном случае как концепт,

⁸ *Айтматов Ч.* Плаха // Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 4. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 175.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 110.

¹² Там же. С. 175.

а в другом как духовно-нравственная доминанта. В значении концепта лексема *Бог* тесно связана с сюжетно-стилевым и образным аспектами романа «Плаха», в частности с отсылкой к известным евангельским событиям, и имеет идейно-эстетическую цельность и завершенность. Как духовно-нравственная доминанта данная лексема представлена нравственно-гуманистическими принципами, ценностями, идеалами в составе аксиосферы романов Ч.Т. Айтматова «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы (Вечная невеста)». В идейно-композиционной основе данных произведений она реализуется в виде отдельных художественных единиц. Таким образом, в аксиосфере указанных романов Ч.Т. Айтматова можно выделить следующие духовно-нравственные доминанты: «Бог», «совесть», «добро», «любовь», «покаяние», «сострадание», «совершенствование», «нравственный подвиг» и другие. Эти доминанты выступают как в основном лексическом значении, так в виде определенных фразем, фразовых единств, синтагм, формируя идейно-нравственное содержание романов, их гуманные смыслы. Под гуманным смыслом понимается идея добра и его ценностных проявлений, реализованная в формально-содержательных компонентах произведения и имеющая важное гуманно воспитывающее значение. Задача исследователей в данном случае сводится к тому, чтобы увидеть, понять и проанализировать данный смысл произведения через интерес к добрым проявлениям в душах людей, что способствует интенсивной гуманизации сознания реципиента.

Рассмотрим семантическую модель духовно-нравственных ценностей «Бог», «совесть», «любовь», «добро» и выясним, как они соотносятся с гуманными смыслами романов писателя, выделив прямые денотаты и коннотативные вариации.

«Бог»

Рассматривая понятие «Бог» в качестве семантического инварианта, авторы статьи исключили устойчивые сочетания с данной лексемой, имеющие характер междометий, восклицаний и т.д. Основное внимание уделено исходной, концептуальной реализации данного понятия в разнообразных коннотативных вариантах.

В романе «Тавро Кассандры», так же как и в романе «Плаха», понятие «Бог» («Творец») тесно связывается у писателя с совестью и с нравственно-гуманистическими ценностями, такими как добро (человечность), великодушие, покаяние и др.

Бог для Роберта Борка — единый источник мироздания, вершителя судеб, вселенского добра, в котором объединяются все верования: *«Никому я не чуждый в своей вере в Бога, и мне нет чуждых молений, обращаемых человеком к Творцу нашему на всех языках и наречиях. Творцу, одинаково внимающему всем нам, одинаково страдающему от злодеяний наших и одинаково*

отворяющему для всех нас Вселенную по мере мудрости и по мере добродетели нашей...» (7)¹³.

Понятие «Бог» соотносится непосредственно с совестью. Отсюда такие словосочетания и фраземы, как «глянуть Богу в глаза» (8)¹⁴, «ответ держать перед Богом» (9)¹⁵, «склониться перед Богом» (10)¹⁶, «страх расплаты за вечно совершаемые грехи, за вину перед дарованной Богом жизнью» (11)¹⁷, «И вот час тот пробил — час суда за содеянное» (12)¹⁸.

Понятие «Бог» как базовая семантическая категория является семантически производной для смыслового ряда нравственно-гуманистических ценностей, в числе которых можно назвать, к примеру, прощение («Бог простил бы и эту лютость» (12)¹⁹ и милосердие («Всемилоствивость»)²⁰.

С понятием Бога связана идея религиозной ассамблейности в романе, что можно расценивать как своего рода кульминацию гуманного смысла. Бог отождествляется Филофеем с абсолютным добром как универсальной, общебытийной, онтологической ценностью. Поэтому героем предлагается для всех религиозных конфессий «совместный шаг в поисках Бога» (13).

Как показал простой подсчет, частность употребления лексемы *Бог* в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» носит более ограниченный характер по сравнению с романом «Тавро Кассандры». Понятие сохраняет свое значение семантического инварианта — всеблагого источника мироздания, вселенского духа добра. Однако понятие приобретает дополнительные концептуально значимые коннотации в отдельных случаях. Так, лексема *Бог*, набранная со строчной буквы, характеризует сниженное словоупотребление и применяется в инвективном смысле, обозначая несправедливо живущих людей, стоящих у власти, имеющих чрезмерно большую материальную прибыль. Кроме того, данная лексема имеет отношение к языческим божествам.

Фонетическим вариантом семантического инварианта *Бог* выступают в романе словоформы *Всевышний*²¹, *Господь Бог*²², а также понятие *Слова*, набранного с прописной начальной буквы, традиции, заложенной в романе «Тавро Кассандры», который предваряется библейским выражением: «...в начале было Слово...». «Слово выпасает Бога на небесах, Слово доит молоко

¹³ *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры // Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Там же. С. 203.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 203.

¹⁹ Там же. С. 228.

²⁰ Там же. С. 255.

²¹ *Айтматов Ч.* Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 113.

²² Там же. С. 225.

Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова» (14)²³. По мысли Арсена Саманчина, сущность Бога проявляется прежде всего в слове. В подтексте его метафорического периода угадывается аллюзия на евангельское изречение, согласно которому слово отождествляется с Богом. В рассказе «Убить — не убить» Сергей Воронцов донес до товарищей ту мысль, что «*Бог не икона, явление*» (15)²⁴. Это согласуется с мыслью Арсена, которая подчеркивает божественную сущность слова.

Аксиологическое понятие «Бог» нередко подвергается в романе девальвации, когда Арсен Саманчин с горечью размышляет о культе материальных ценностей в эпоху рыночных отношений, как бы становясь на точку зрения воротил бизнеса и всех тех, кто поддался соблазну ложных идеалов. Девальвированный характер приобретает понятие «Бог» в речах Таштанафгана.

Тем не менее понятие «Бог» не теряет своей абсолютной ценностной сущности, о чем, к примеру, свидетельствует его употребление в различных формах исходного сочетания *молить Бога*: «*бедуины...Бога молили*» (16)²⁵, «*А мы Бога молим*» (17)²⁶, «*И твой дядя будет молить Бога...*» (18)²⁷, «*Элес... молила Бога*» (19)²⁸. Данная вариативная модель семантической доминанты «молить Бога» носит, таким образом, явно выраженный аксиологический характер.

«Совість»

Еще одной важнейшей ценностной категорией в романах Ч.Т. Айтматова является понятие «совість». Так, в романе «Тавро Кассандры» лексема *совість* — одна из наиболее частотных. Зафиксировано 24 словоформы данной лексемы, в их числе существительное *совестливость*, глагол *совестить*.

Автор и его герои понимают совесть в ее исходном значении, как ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’²⁹. Хотя Андрей Крыльцов на пути своих жизненных ошибок утверждал: «*Совість совести рознь!*» (20)³⁰. Благодаря Руне Лопатиной

²³ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 114–115.

²⁴ Там же. С. 222.

²⁵ Там же. С. 127.

²⁶ Там же. С. 137.

²⁷ Там же. С. 150.

²⁸ Там же. С. 191.

²⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Совесть // Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: А ТЕМП, 2006. С. 741.

³⁰ Айтматов Ч. Тавро Кассандры // Полн. собр. соч. Т. 5. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 247.

и, став Филофеем, Андрей Крыльцов возвращается к исходному, однозначному пониманию совести и все свои слова и поступки согласует с уже обостренным чувством нравственной ответственности.

Кульминацией нравственных исканий и обретений Андрея Крыльцова является мысль о том, что «... *достижения науки преходящи, на какие бы головокружительные высоты она ни поднималась, прогресс науки нескончаем, но он ничто в сравнении с совестью*» (21)³¹.

Автор романа «Тавро Кассандры» уделяет повышенное внимание данной ценности, которая выступает в качестве аксиологической универсалии, занимающей ту же доминантную позицию, что и универсалия «Бог». Тем самым писатель придает произведению мощное гуманное звучание.

В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» зафиксировано всего несколько словоупотреблений *совесть*. Выделяются, тем не менее, ключевые словоформы данного понятия, выступающего в различных коннотациях: «...*Айа... будет обречена... на неотвратимые муки совести...*» (22)³², «*Уж не заговорила ли в нем (Таштанафгане. — Авторы) совесть*» (23)³³, «...*чтобы не мучила меня (Арсена Саманчина. — Авторы) совесть*» (24)³⁴, «*Угрызения совести терзали его (Арсена Саманчина. — Авторы)*» (25)³⁵.

Понятие «совесть» в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» имеет концептуально значимый смысл в контексте идейно-нравственного содержания произведения.

«Добро»

Понятие морального добра в романе «Тавро Кассандры» с его однокорневым производным «добродетель», а также ценностные коннотативные варианты понятия «добро» имеют в романе незначительную частотность. Тем не менее добро выступает равноправной понятиям «Бог» и «совесть» категорией, концептуально значимой в произведении.

Добро — идеал, для достижения которого человеку необходимо прилагать все усилия. Роберт Борк рассуждает о том, что «...*человек не сотворен изначально добродетельным, отнюдь нет, для этого требуется неустанно прилагать душевные усилия и всякий раз, с каждым новым рождением, заново приступать к этому — для достижения недостижимого идеала. И все в человеке должно быть направлено на это. Только тогда он — человек*» (26)³⁶. Эта мысль согласуется с мыслями самого Ч.Т. Айтматова, которые

³¹ Айтматов Ч. Тавро Кассандры // Полн. собр. соч. Т. 5. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 259.

³² Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 58.

³³ Там же. С. 188.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Там же. С. 211.

³⁶ Там же. С. 87.

он высказал как в предшествующем художественном творчестве («Плаха»), так и в своих публицистических выступлениях («Побеждающая доброта» и др.).

Инвариант понятия «добро» в романе реализуется через ряд коннотативных вариантов. Например: «*Религиозная ассамблейность... обнажила бы человеколюбивую основу религий в ее исходной сути, в деяниях*» (27)³⁷, «*Творцу... одинаково отворяющему для всех нас Вселенную по мере мудрости и по мере добродетели нашей...*» (28)³⁸ [28. С. 109]. Ценностное воплощение категории добра как великодушия, снисхождения обнаруживается в исповеди Филофея: «*Раньше я не мог понять, что такое Всемилостивость... и только теперь вдруг почувствовал: если я тот, кто в угаре самодовольства, манипулируя зародышами, отпихивает самого Бога, то не является ли зечка Руна как бы посланницей, выразительницей Его Великодушия и Снисхождения?.. Нет ли в этом пробы на Добро во мне?!*» (29)³⁹.

Посредством риторического вопроса Филофея, адресованного к самому себе, писатель позиционирует добро как высочайшую онтологическую ценность. В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» инвариантная семема «добро» имеет ограниченную частотность, однако не теряет своей концептуальной значимости. Приведем примеры, в которых выделяются различные коннотативные варианты семемы «добро»: «*шофер Итибай, добродушный работяга-парень*» (30)⁴⁰, «*...предложил он (Арсен Саманчин. — Авторы), дружелюбно глядя в тяжеловесное лицо собеседника*» (31)⁴¹, «*Все это создавало атмосферу уверенности и дружелюбия*» (32)⁴².

Прямое отношение к идеалу добра имеет понятие «раскаяние» как важный этап гуманизации сознания человека на пути к пониманию идеала добра. В этом отношении концептуально значимым является следующий фрагмент романа: «*Утром события повернулись к лучшему. Должно быть, раскаяние приходит не сразу, труден его путь через вечное преодоление зла в себе, нелегко услышать несовершенному человеку вселенский призыв всех времен к добру*» (33)⁴³.

Во вставном рассказе «Убить — не убить» императивная сематическая оппозиция, сформулированная в виде инфинитивных словоформ, также имеет отношение к семантическому полю романа с доминантной семемой «добро». Эта семантическая оппозиция в виде ключевой дилеммы наблюдается

³⁷ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 109.

³⁸ Там же. С. 109.

³⁹ Там же. С. 255.

⁴⁰ Там же. С. 102.

⁴¹ Там же. С. 37.

⁴² Там же. С. 136.

⁴³ Там же. С. 218.

в воспоминаниях Сергея Воронцова и прощальном полемическом разговоре между отцом и матерью героя. Свое высочайшее гуманистическое звучание указанная дилемма находит в синтезе несобственно-прямой речи и авторских рассуждений. Голоса автора и его героя сливаются в риторическом вопросе: *«И однако же, как скажешь себе: убить — не убить?»* (34)⁴⁴. Таким образом, до читателя доносится общечеловеческий гуманистический посыл: убийство — противоестественное явление для людей, и следует лично каждому неуклонно усиливать в себе и в окружающих людях человечность.

«Любовь»

Семантическая парадигма лексемы *любовь* и ее производных словоформ в романе «Тавро Кассандры» крайне ограничена с точки зрения частотности употребления.

С одной стороны, любовь понимается главным образом как чувство психофизического влечения между мужчиной и женщиной. Однако такая любовь имеет в авторской концепции возвышенный характер. Особенно это ярко выражено в метафоре Роберта Борка: *«любовь — это слияние двух рек»* (35)⁴⁵.

С другой стороны, концептуально значимым в романе является понимание любви в духовном смысле — как симпатии, то есть душевной расположенности к кому-либо или чему-либо. В этом отношении, показателен пример, в котором автор романа с концепцией религиозной ассамблейности связывает любовь человека к каждой религии и ответный позитивный отклик представителей каждой конфессии к такой личности: *«и каждой религии — его любовь и уважение, а ему — признание его всеми культурами»* (36)⁴⁶.

Семантическому инварианту любви соответствует понятие человеколюбия. Когда писатель размышляет о нравственно-гуманистической квинтэссенции всех религий, он подчеркивает, что *«...религиозная ассамблейность... обнажила бы человеколюбивую основу религий в ее исходной сути»* (37)⁴⁷.

В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» семема «любовь» имеет самую высокую частотность, реализуясь главным образом в различных однокорневых коннотативных парадигмах. Этот факт свидетельствует о том, что понятие «любовь» имеет в романе важнейшее концептуальное значение.

Любовь как светлое чувство, приближающее к Богу, употребляется в размышлениях Арсена Саманчина, где она также сродни человечности. Так, кульминацией нравственно-философских размышлений героя является мысль о несовместимости любви и убийства: *«Любить и убить! Да как*

⁴⁴ *Тайматов Ч.* Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 239.

⁴⁵ Там же. С. 191.

⁴⁶ Там же. С. 108.

⁴⁷ Там же. С. 109.

же можно такое? Да это ты спьяну! Нет, не спьяну, — ответил он себе сам, холодея от мысли самой... — Любить и убить...» (38)⁴⁸.

Любовь в сочетании с недуховными ценностями в романе утрачивает свою сакральную сущность и девальвируется.

Любовь рассматривается как бесценный, Божественный дар, особенно когда Арсен сравнивает ее с чувством веры: *«Ведь никто не видел Бога, но люди верят в него, верят в то, что Бог есть. Вот так и приходит, должно быть, вера — через духовное созерцание желанного образа и любовь к нему» (39)⁴⁹.* Природа также сорадуется любви людей, как река в легенде о Вечной невесте. Писатель прямо говорит о природе как «соучастнице любви» Элес и Арсена (*«Природа была соучастницей их любви» (40)⁵⁰*).

Парадигмы семемы *любовь* — *влюблённый, возлюбленный* достаточно частотны и реализуется как в коннотации физически близкого человека, так и в коннотации родственного кому-то в душевном отношении человека, например: *«...ведь многое зависит от настроения, от готовности влюбленных души одарить окружающий мир своим счастьем» (41)⁵¹*.

Ч.Т. Айтматовым любовь осознается в высшем, сакральном смысле: *«...любовь — это озарение души» (42)⁵²*. При этом значимыми являются в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» афористические речения, подчеркивающие высокий характер любви. Например: *«...если любовь обоюдна, то высшая справедливость жизни, бдящая за судьбами людскими, состоит именно в ней» (43)⁵³*; *«Должно быть, правду говорят: любовь — заря, горит лишь раз, вечно сияющих зорь не бывает» (44)⁵⁴*; *«...любовь и есть дар Вселенной, энергия от потенциала вечности» (45)⁵⁵*; *«...есть в небе особая звезда — звезда их любви, которая ослепительно возгорится в день их свадьбы...» (46)⁵⁶*; *«ибо любовь — это двуединый путь влюбленных к вечности, и намеренное разрушение чувственного поля любви есть посягательство на вечность. Ведь это любовь есть устремленность к бессмертию, и каждому дано ступить той тропой, предначертанной Богом...» (47)⁵⁷* и др.

⁴⁸ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) // Полн. собр. соч. Т. 6. Алматы: БТА Банк, 2008. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 68.

⁵⁰ Там же. С. 171.

⁵¹ Там же. С. 71.

⁵² Там же. С. 169.

⁵³ Там же. С. 169.

⁵⁴ Там же. С. 51.

⁵⁵ Там же. С. 56.

⁵⁶ Там же. С. 73.

⁵⁷ Там же. С. 86–87.

Частотность употребления семантической парадигмы «любовь» в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» в разнообразных коннотативных вариантах подводит к мысли о том, что любовь с точки зрения авторской концепции является основой жизни и благополучия человеческого бытия и всего мироустройства в целом. Пока любовь живет в душе человека и осознается им как высшее добро, природное бытие будет незыблемым. Видимо, с этим в романе связана метафора падающих, но не упавших гор, поскольку онтологической ценности любви сопричастно и природное бытие.

Заключение

В романах «И дольше века длится» и «Плаха» выделены базовые образно-символические концепты — БОГ, ПРИРОДА, КОСМОС, которые реализованы в группе соответствующих образных единиц. Некоторые из данных единиц подвергаются семантизации, как, например, в случае с понятием *Держатель* как гармоничной гуманистической цивилизации. Актуализацию приобретают ценностные образные единицы в составе концепта БОГ, в их ряду чрезвычайно значимыми являются такие единицы, как *вера, совесть, любовь* и др.

Семантическая модель духовно-нравственных доминант в романах «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы (Вечная невеста)» представлена такими ценностными понятиями, как *Бог, совесть, любовь, добро*. Эти онтологические универсалии актуализируют нравственно-гуманистическую проблематику романов, обуславливают их высочайший гуманистический пафос.

Изучение семантико-семиотической парадигмы доминант аксиосферы романов Ч.Т. Айтматова представляется плодотворной и продуктивной областью научных исследований, и данная статья намечает пути к дальнейшим исследованиям в этом направлении.

Библиографический список

1. Новикова М.Л. Аксиология художественного пространства сквозь призму геопоэтики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123>
2. Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 97–110. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110>
3. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2005.
4. Андреев А.Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: В 2 ч. Ч. 1. Теория литературно-художественного произведения. Минск: БГУ, 2004.
5. Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 378–383.
6. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 1. М.: Русские словари, 2003.
7. Андреев А.Н. Лекции по теории литературы: Целостный анализ литературного произведения. Режим доступа: <http://samzan.net/5360> (дата обращения: 16.12.23).
8. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Режим доступа: <https://tinylinks.ru/pw7> (дата обращения: 16.12.23).

9. Голикова Г.А. К вопросу о реализации аксиологического (ценностного) подхода в изучении литературного произведения в школе // *Филология и культура*. 2010. № 1(19). С. 141–145.
10. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994.
11. Ланин Б.А. (сост.). Методика преподавания литературы М.: Эксмо, 2007.
12. Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000.
13. Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1988.
14. Косиков Г.К. Два века западноевропейского литературоведения: от «романтической герменевтики» до «новой критики» // *От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии)*: Монография. М.: Рудомино, 1998. С. 7–44.
15. Крутиков Д.А. Аксиолого-герменевтический подход как важнейший научно- и учебно-методический компонент изучения литературных произведений // *Вестник КНУ*. 2021. № 2(106). С. 48–56.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
17. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 59. С. 128–135.
18. Матвеева Д.С. Концепт как единица сознания // *Вестник ВУиТ*. 2010. № 6. С. 94–99.
19. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // *Вестник Башкирского университета*. 2014. № 4. С. 1373–1378.
20. Титова Ю.В. Теория концепта // *Вестник УлГТУ*. 2010. № 3(51). С. 11–15.
21. Камбаралиева У. Основные черты лингвокогнитивных исследований в Кыргызской Республике // *Alatoo Academic Studies*. 2016. № 1. С. 94–98.
22. Дербишева З.К. Когнитивно-концептуальный анализ романа Ч. Айтматова «Плаха» // «Национальные лингвосферы — сопредельные зоны партнерства» (Ч. Айтматов): материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова, 24–26 окт., 2018 г. Бишкек, 2018. С. 183–193.
23. Манликова М.Х. Национальная картина мира в лексике и фразеологии произведений Ч. Айтматова // «Национальные лингвосферы — сопредельные зоны партнерства» (Ч. Айтматов): материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова, 24–26 окт., 2018 г. Бишкек, 2018. С. 126–135.
24. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения*. М., 1997. Т. 1. С. 98–107.

References

1. Novikova, M.L. (2017). Literary space axiology: Geopoetic aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123> (In Russ.).
2. Karasik, V.I. & Kitanina, E.A. (2023). Axiology of power in the Russian language and culture. *Russian Language Studies*, 21(1), 97–110. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110> (In Russ.).
3. Khalisev, V.E. (2005). *Theory of Literature*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (In Russ.).
4. Andreev, A.N. (2004). *Theory of Literature: personality, work, artistic creation*. Minsk: BGU publ. (In Russ.).
5. Esaulov, I.A. (1994). Literary axiology: experience of substantiation of the concept. *Problems of historical poetics*, 3, 378–383. (In Russ.).
6. Bakhtin, M.M. (2003). Philosophical Aesthetics of the 1920s. In: *Collection of Works*. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.).
7. Andreev, A.N. *Lectures on the Theory of Literature: Integral Analysis of a Literary Work*. URL: <http://samzan.net/5360>. (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

8. Esin, A.B. *Principles and methods of analysing a literary work*. URL: <https://tinylinks.ru/pw7> (accessed: 16.12.2023). (In Russ.).
9. Golikova, G.A. (2010). To the question about the implementation of axiological (value) approach in the study of literary work at school. *Philology and Culture*, 1, 141–145. (In Russ.).
10. Stolovich, L.N. (1994). *Beauty. Goodness. Truth: Sketch of the History of Aesthetic Axiology*. Moscow: Respublika publ. (In Russ.).
11. Lanin, B.A. (2007). *Methodology of teaching literature*. Moscow: Eksmo publ. (In Russ.).
12. Gulyga, A.V. (2000). *Aesthetics in the light of axiology. Fifty Years on Volkhonka*. Saint Petersburg: Aleteia publ. (In Russ.).
13. Borev, Yu.B. (1988). *Aesthetics*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
14. Kosikov, G.K. (1998). Two centuries of Western European literary studies: from “romantic hermeneutics” to “new criticism” In: *From structuralism to poststructuralism (problems of methodology)*. Moscow: Rudomino Publ. (In Russ.).
15. Krutikov, D.A. (2021). Axiological-hermeneutic approach as the most important scientific and educational-methodological component of the study of literary works. *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*, 2(106), 48–56. (In Russ.).
16. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Kryukova, G.A. (2008). Concept. Defining the scope of the concept content. *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 59, 128–135. (In Russ.).
18. Matveeva, D.S. (2010). Concept as a unit of consciousness. *The Journal Vestnik Volzhskogo Universiteta*, 6, 94–99. (In Russ.).
19. Samsitova, L.H. & Baynazarova, G.M. (2014). The concept of concept in linguoculturology: history of development, structure, classification. *The Journal Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 4, 1373–1378. (In Russ.).
20. Titova, Yu.V. (2010). Concept Theory. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, 3(51), 11–15. (In Russ.).
21. Kambaraliev, U. (2016). Main features of linguocognitive research in the Kyrgyz Republic. *Alatoo Academic Studies*, 1, 94–98. (In Russ.).
22. Derbisheva, Z.K. (2018). Cognitive-Conceptual Analysis of Chyngyz Aitmatov’s Novel “Scaffold”. In: “*National Linguospheres — Neighboring Partnership Areas*” (Ch. Aitmatov): *Proceedings of the International Scientific Conference, dedicated to the 90th anniversary of the eminent writer and thinker Chingiz Torekulovich Aitmatov* (Bishkek, October 24–26, 2018). Bishkek: Maxprint publ. pp.183–193. (In Russ.).
23. Manlikova, M.H. (2018). National picture of the world in the vocabulary and phraseology by Ch. Aitmatov’s works. In: “*National Linguospheres — Neighboring Partnership Areas*” (Ch. Aitmatov): *Proceedings of the International Scientific Conference, dedicated to the 90th anniversary of the eminent writer and thinker Chingiz Torekulovich Aitmatov* (Bishkek, October 24–26, 2018). Bishkek: Maxprint publ. pp.126–135. (In Russ.).
24. Likhachev, D.S. (1997). Conceptsphere of the Russian language. In: *Liberation from dogmas. History of Russian literature: state and ways of studying*. Vol. 1. Moscow: Nasledie publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сардарбек Нурайым кызы, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547); *сфера научных интересов*: аксиология, психолингвистика, культурология; *e-mail*: skn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5617-1982; SPIN-код: 3639-1235; Author ID: 947138.

Крутиков Денис Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547); *сфера научных интересов*: аксиология, психолингвистика, культурология; *e-mail*: krutikovd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3983-7989; SPIN-код: 8484-3684; Author ID: 945447.

Information about the authors:

Sardarbek Nuraiym kyzy, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn (547, Frunze str., Bishkek, Kyrgyzstan); *Research interests*: axiology, psycholinguistics, cultural studies; *e-mail*: skn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5617-1982; SPIN-code: 3639-1235; Author ID: 947138.

Denis A. Krutikov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Russian and Slavic Philology Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn (547, Frunze str., Bishkek, Kyrgyzstan); *Research interests*: axiology, psycholinguistics, cultural studies; *e-mail*: krutikovd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3983-7989; SPIN-code: 8484-3684; Author ID: 945447.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-600-622

EDN: NVKXUV

УДК 811.161.1'22: 165.742

Научная статья / Research article

Семиотика интертекстуальности: на базе философской категории «гуманизм» в постмодернистском тексте

Г.Е. Енсебай , А.С. Демченко ✉, К.О. Таттимбетова ,
Б.У. Джолдасбекова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

✉ alenchika@mail.ru

Аннотация. Гуманизм как гносеологема получает свое развитие еще в эпоху Возрождения, однако на сегодняшний день концептуальное поле *гуманизм* продолжает уточняться: философы, литературоведы и другие представители гуманитарного знания задаются вопросом о границах гуманизма, о его квалификации как провозглашения ценности жизни и достоинства отдельного субъекта, о его статусе социального феномена, который следует рассматривать диахронически. В статье исследуется философская категория гуманизма на материале постмодернистского романного цикла А. Жаксылыкова «Сны окаянных». Постмодернизм — направление, магистральным вектором которого становится дегуманизация как отдельной личности, так и общества. Намеренно травестированная манера изложения, концентрированная интертекстуальность, модификация канонических текстов прошлого создают такой модус восприятия, при котором невозможно рассматривать гуманизм как целостную идею вне сатирического или иронического подтекста. Тем не менее, в казахстанской современной прозе мы находим образцы художественных произведений, преодолевающие эту тенденцию. К ним относится романский цикл А. Жаксылыкова «Сны окаянных». Актуальность выбранной темы заключается в том, что постмодернистское произведение проанализировано с точки зрения концепции гуманизма: подобный подход позволяет нам сделать выводы о важности исторической памяти, аутентичности этнокультурных сценариев. Объект исследования — концепция гуманизма, предмет — реализация гуманистического дискурса в художественном тексте. Материалом исследования стал цикл «Сны окаянных» А. Жаксылыкова. Цель работы — осмыслить категорию гуманизма сквозь модус художественности и доказать, что в русле постмодернистского дискурса дегуманизация есть «инверсированная гуманизация». Методы исследования: описательный, метод герменевтического комментария, метод интертекстуального анализа.

Ключевые слова: интертекстуальность, постмодернистский дискурс, гуманизм, художественный модус, семиотика

© Енсебай Г.Е., Демченко А.С., Таттимбетова К.О., Джолдасбекова Б.У., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Финансирование:

Исследование выполнено в рамках научного проекта ИРН АР19679652 «Русская проза Казахстана новейшего времени: ведущие тренды, жанрология, сюжетика, герой» грантового финансирования КН МНВО РК.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Енсебай Г.Е., Демченко А.С., Таттимбетова К.О., Джолдасбекова Б.У. Семиотика интертекстуальности: на базе философской категории «гуманизм» в постмодернистском тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 600–622. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-600-622>

Semiotics of Intertextuality: Based on the Philosophical Category “Humanism” in a Postmodern Text

Gulnaz E. Yengsebay , **Alyona S. Demchenko** ,
Kuralai O. Tattimbetova , **Bayan U. Jholdasbekova**

Kazakh National University named after al-Farabi, *Almaty, Republic of Kazakhstan*

 alenchika@mail.ru

Abstract. Humanism as an epistemology began to develop back in the Renaissance, but today the conceptual field of humanism continues to be refined: philosophers, literary critics and other representatives of humanitarian knowledge are asking questions about the boundaries of humanism, about its qualification as a proclamation of the value of life and the dignity of an individual subject, about its status as a social phenomenon that should be considered diachronically. The article examines the philosophical category of humanism on the material of the postmodern novel cycle “Dreams of the Damned” by A. Zhaksylykov. Despite the fact that humanism as an epistemology began to develop back in the Renaissance, today its conceptual field continues to be refined: philosophers, literary critics and other representatives of humanitarian knowledge are asking the question what the boundaries of humanism are whether it can be qualified as a proclamation of the value of life and the dignity of the individual subject — or is it a social phenomenon that should be considered diachronically? Literature, especially the literature of postmodernism, answers the question posed differently. Postmodernism is an artistic trend that seemingly rejects humanism as it is. Its main vector, on the contrary, is the dehumanization of both the individual and society. A deliberately travesty manner of presentation, concentrated intertextuality, and modification of canonical texts of the past create a mode of perception in which it is impossible to consider humanism as a holistic idea outside of satirical or ironic overtones. However, in Kazakh modern prose we find examples of works of art that overcome this trend. These include the novel cycle “Dreams of the Damned” by A. Zhaksylykov. The relevance of the chosen topic lies in the fact that the postmodern work is analyzed from the point of view of the concept of humanism: such an approach allows us to draw conclusions about the importance of historical memory and the authenticity of ethnocultural scenarios. The object of study is the concept of humanism, the subject is the implementation of humanistic discourse in a literary text. The research material was the cycle “Dreams of the Damned” by the Kazakh writer A. Zhaksylykov. The purpose of the work: to comprehend the category of humanism through the artistic mode and to prove that, in line with postmodernist discourse, dehumanization is “inverted humanization.” Research methods: descriptive, hermeneutic commentary method, intertextual analysis method.

Keywords: intertextuality, postmodern discourse, humanism, artistic mode, semiotics

Financing. Acknowledgement:

The study was carried out within the framework of the scientific project IRN AR19679652 «Russian prose of Kazakhstan of the newest time: leading trends, genrology, storyline, hero» of grant financing CN MNVO RK.

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Yengsebay, G.E., Demchenko, A.S., Tattimbetova, K.O. & Jholdasbekova, B.U. (2024). Semiotics of Intertextuality: Based on the Philosophical Category “Humanism” in a Postmodern Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 600–622. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-600-622>

Введение

Имманентный подход к языку, или парадигма, внутри которой языковая система рассматривалась как *causa sui*, сменилась антропоцентрическим подходом: гуманитаристика нашего времени сосредоточена на человеке во всей многомерности его проявлений. Монодисциплинарное знание оказывается сегодня недостаточным: активно развиваются науки интегративного типа, позволяющие постичь исследуемый объект с точки зрения разных аспектов и разной инструменталистики. Так, литературоведение оказывается неизбежно сопряжено с теорией языка.

Литература, которую принято было рассматривать как миметический феномен, сегодня осмысливается не как мимикрический, но как моделирующий акт: Ю.М. Лотман и Московско-Тартуская школа убедительно доказывают, что художественный текст не «подражание миру», а генерация новых образов этого мира, выстраивание альтернативной реальности, в которой микрокосм человека взаимодействует с макрокосмом бытия, сотворенного текстом.

В разные эпохи литература «конструировала» разные же типы человека. Типизация субъекта была характерна Античности: социальные и сакральные маски замещали собственно человека, проживающего как внешнюю, так и внутреннюю жизнь, если воспользоваться формулировкой Е. Эткинда. Вплоть до эпохи классицизма тенденция типизации героя сохранялась. Человек внутренний начал проявляться лишь со сменой художественной парадигмы: от сентиментализма и вплоть до метамодернизма литература стала обращаться к «живой жизни» человека — теперь было важно очертить гуманистическую идею, без которой психологизация образа героя оставалась неполной.

В широком понимании термина гуманизм — это особый тип философского мировоззрения, утверждающий человека носителем свободы и достоинства вне зависимости от исполняемых им социальных ролей.

Как культурное движение гуманизм зародился во Флоренции; полагают, что оно восходит к Ф. Петрарке. Гуманисты, именовавшие себя мудрецами, посвящали свою жизнь познанию тех вещей, которые относятся к нравам и модусу вивенди общества, «украшая человека».

На ранних стадиях развития философская концепция гуманизма была связана с изучением таких дисциплин, как риторика, грамматика, поэзия, история и моральная философия. Слово воспринималось как добродетель. Центральной идеей гуманизма выступало всестороннее культивирование человеческого достоинства.

Гуманизм отталкивается от антропоцентрического подхода к человеку как свободному существу, наделенному волей творить самого себя. Этот подход ознаменовал эпоху классической рациональности, главным идеалом которой стал познающий человеческий Разум. Появились первые утопии (Т. Мор, Т. Кампанелла).

В 19–20 вв. наступил период кризиса гуманизма, связанного во многом с ницшеанской философией. Х. Ортега-и-Гассет рассуждает в это время о дегуманизации искусства; русский философ Н. Бердяев видит причину дегуманизации общества в отрыве человека от Бога.

Тем не менее, гуманизм сохраняет свое значение непреложной культурной ценности. Человек как мыслящее и свободное существо противопоставляется обществу капитализма, бюрократии и финансово-промышленных корпораций. В «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер рассуждает о забвении человеком истины бытия, которая единственно и придает смысл его существованию [1]. Ж.-П. Сартр рассматривает гуманизм как экзистенциализм: человек есть не родовое существо, но индивид в уникальном и неповторимом жизнеположении.

Согласно классификации Н.Ю. Харари, термин «гуманизм» может быть дифференцирован:

- каждый человек представляет собой высшую ценность (либеральный гуманизм);
- коллектив людей, объединенный общностью языка и культуры, представляет собой высшую ценность (социалистический гуманизм);
- вид *Homo Sapiens*, способный как развиваться, так и деградировать, есть высшая ценность (эволюционный гуманизм) [2].

В рамках настоящей работы мы задались вопросом: есть ли место категории гуманизма в произведениях постмодернизма, созданных авторами новейшей казахстанской прозы? Наш вопрос неслучаен. Постмодернизм, вопреки гуманизму как концепции классического рационального, развивается в русле иной парадигмы: постнеклассической рациональности. Знание становится не «стержневым» (осевым, как это было прежде), но ризоматическим: оно растет «вширь», отдельные его «побеги» сцепляются друг с другом наподобие коннектома, следовательно, мир, конструируемый литературой, распадается

и собирается заново на новых нарративных участках. Действующий субъект такого мира (а именно он, с точки зрения литературы, выступает носителем гуманистической идеи) в таком случае не целостен: он представляет собой текучее, а зачастую расщепленное сознание, которое конфигурируется под действием определенных факторов, но не «цементируется», а вновь диффузируется. Можно ли говорить о том, что дегуманизация (а герои произведений казахстанского постмодернизма — дегуманизированные индивиды) — это новая гуманизация?

Как пишет в своей диссертации А.С. Демченко, «Казахстанская литература многомерна и сложна в эпистемологическом отношении; она совмещает в себе множество художественных миров, каждый из которых представляет собой фрагмент определенной национальной картины мира. При этом сам феномен казахстанской литературы не сводим к сумме составляющих ее частей. Скорее, речь идет о контаминации различных этнокультурных и художественных слоев, в результате чего сама эстетическая «астеносфера» литературы подвергается изменениям. Литература народа Казахстана — явление уникальное и многогранное, своеобразный творческий феномен, включающий казахскую, русскую, уйгурскую, курдскую, немецкую, татарскую, корейскую, узбекскую литературы» [3. С. 3].

В литературе как в метаформуле «добытой эстетической истины» ведется постоянный поиск ответов на самые значимые вопросы современности: обществу необходима обновленная этиология, расстановка ценностных координат, критическое отношение к Человеку и к Миру, в котором он существует» [3. С. 3].

Обсуждение

Как связана идея гуманизма с семиотикой интертекстуальности? Языковой знак в силу базовых своих параметров — в частности, асимметрии, всегда имеет потенциал к ризоматичному сцеплению с другим языковым знаком при условии, что потенциальные семы обоих на определенном уровне пересекаются. Интертекст — это глобальная парадигма текстов, своего рода «эхокамера», внутри которой происходит перманентное «отражение отражаемого». Архисемы, как и дифференциальные семы конкретного слова могут при этом не совпадать. Однако потенциальные семы слова дают нам широкое поле взаимных пересечений.

Мы рассмотрим концепцию де- и гуманизации на материале постмодернистского художественного цикла А. Жаксылыкова «Сны окаянных». По мнению О.А. Валиковой, художественный цикл «Сны окаянных», самое масштабное произведение Автора, определен критиками и исследователями как «прорыв в будущее», и эта характеристика закономерна. В создании своего художественного мира Жаксылыков «отходит» от соцреалистической парадигмы в силу ее жесткой ограниченности. Подход к личности

как носителю социальной функции, отсутствие метафизического горизонта, художественный «нормативизм», диктат идеологических ориентиров отвергаются автором как неприемлемые творческие координаты [4].

Мир художественного универсума Жаксылыкова алогичен и дискретен. Это Хаос, и герои романного пространства пытаются вернуть ему гармонию.

В этом отношении — как и в организации текстуального пространства — произведение «накладывается» на новую художественную реальность — семиотизированное поле постмодернизма. Именно постмодернизм, по мнению Н.Л. Лейдермана, исходит из мысли о принятии и эстетическом узаконивании Хаоса, к чему стремятся все герои цикла. Их ментальное и духовное Бытие можно обозначить словом, изобретенным Д. Джойсом — *Хаосмос*, Космос, порожденный Хаосом. Хаосмос «открывает цельность мира в его разрывах, связность — в конфликте противоположностей, устойчивость — в самом процессе бесконечного движения. Такой Космос не примиряет с Хаосом, но упорядочивает его» [5. С. 48].

Литература постмодернизма — это система, самодвижущей силой которой становится ее амбивалентность, более того — антиномичность, когда в единстве противоположных, зачастую взаимоисключающих тенденций рождается особое «поле напряжения» эстетического феномена. Постмодернизм, с одной стороны, сумел компилировать наиболее важные черты и элементы предшествующих литературных направлений (и здесь не приходится говорить даже о диахронической вертикали, так как постмодернизм ориентирован на панхронию), с другой — эти черты и элементы были подвержены значительным модификациям, реконфигурации, демонтажу.

Неслучайно одной из метафор постмодернизма становится «расчленение Орфея». Метафора эта, что не случайно, насквозь интертекстуальна. Орфей как символ гармонического в искусстве уступает место необузданному, гонимому дионисийству. По священным водам Гебра плывет его голова. Найденная музами Аполлона, она помещается в один из его храмов, где продолжает пророчествовать. Однако этот метасюжет постмодернизму неинтересен: в концепции последнего искусство есть Орфей расчлененный.

Постмодернизм сегодня — уже не «омега» в смене культурных вех; сегодня исследователи говорят и о метамодернизме, и об альтер-модернизме. Тем не менее, его влияние на культуру новейшего времени остается стабильным. Эпоха постмодерна — это суммирующее состояние цивилизации последних десятилетий, которому свойственны ощущение завершенности познанного мира, изжитости современности, тема вступления в стадию эволюционного кризиса. Это симптоматично: веяния, давшие импульс постмодернизму, обусловлены изменениями в коллективном бессознательном, разочарованием в идее господствующей рациональности, поиску медиаторных стратегий

сосуществования различных этносов, культурных программ, идеологических систем и отдельных субъектов.

Постмодернизм ознаменовал усиление новых тенденций в культуре и социуме. В частности, это смена стиля научного мышления. В противовес классической рациональности пришла постнеклассическая рациональность, для которой не существует раз и навсегда познанных объектов действительности: каждый тезис либо ставится под сомнение, либо принимается на веру, однако не манифестируется как алеатически «безупречный».

Само понятие «постмодернизм» наряду с альтернативными категориями (трансавангард, постструктурализм, деконструктивизм) продолжает уточняться. В контексте «большого времени» (М. Бахтин) постмодернизм — явление довольно новое. Начиная складываться в США на базе постфрейдистских идей и литературоведческих концепций французских постструктуралистов, он дал новому поколению деятелей культуры (в широком смысле) импульс к осмыслению актуальных тенденций современности, таких, как поп-арт, цитатность как принцип текстовой организации и других.

Статья Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы» (1969) стала одной из знаковых теоретических работ того времени. Один из ее лейтмотивов — сближение языка модернизма с языком масслита, которое должно было способствовать выходу искусства за рамки элитарных модернистских дискурсов (в силу интеллектуализации которых они были недоступны широкому читателю). В то же время презируемая эстетика беллетристика стала еще одним «компонентом» нового направления в литературе.

Смещение этих тенденций должно было дать литературе возможность выйти за пределы жанровых границ и направлений, читательских ожиданий и авторских стратегий. Особую роль в популяризации постмодернизма сыграли идеи материалы журнала «Октябрь», благодаря которому принципы нового направления повлияли на весь комплекс гуманитарных наук — от психоанализа до криминалистики.

Каковы отличительные черты постмодернизма? В первую очередь, концепция Хаоса и распада, пересечение временных осей, модусов реального и ирреального, панхронизм в селекции жанров, направлений и эмблематических текстов различных эпох, утрата имманентного смысла «вещи в себе», взаимопроницаемость феноменов, текучесть, децентрированность, ризоматичность. Традиционные представления о целостности разрушаются. Границы размываются; нивелируется табуированность отдельных тем и мотивов. Для посмодернистской парадигмы характерны:

- деканонизация классических образцов культуры;
- упразднение бинарных оппозиций;
- стирание границ личности, совмещение концептов «Я» и «Другой»;
- мутация жанров;

- карнавализация;
- метаязыковая игра;
- игра в Хаос;
- интертекстуальность;
- неономадизм;
- ориентация на полиинтерпретативность текста без жесткой фигуры Генерала (Автора);
- приглашение читателя к сотворчеству и разработка стратегий кооперации с читателем;
- принципиальная незавершенность конструкции.

Все эти черты обусловили особенности постмодернистской поэтики. Произошла гибридизация жанров, усилилась пастишизация, тенденция к фрагментации, расчленению текста, созданию коллажей, интертекстуальной игре, иронии и пародии. Главным объектом стал Текст, главным принципом — отказ от Истины. Мир в концепции постмодернизма иллюзорен, фиктивен, наполнен симулякрами и квазиценностями, алогичен. Жизнь подвергнута опустошению, личность во всех смыслах дестабилизирована. В противовес этому Текст становится безграничным и тотальным («Мир есть текст»).

Важная характеристика литературы постмодернизма — использование автором определенной маски, намеренное затруднение повествования, откровенная пародийность и черный юмор.

В рамках настоящей работы мы рассмотрим романы одного из знаковых постмодернистов казахстанской литературы — А. Жаксылыкова. Роман в данном случае — жанр условный. В нем нет реализации классического принципа Н. Буало (справедливого как для драматургии, так и — условно — для прозы), предполагающего единство места, времени и действия. Напротив, это собрание изолированных друг от друга фрагментов, не сцепленных сквозными персонажами. Тем не менее, мотивная структура романа относительно гомогенна: мотивы смерти и возрождения, преодоления границ, дестабилизации литературных канонов присущи всем романам прозаического целого — метатекста.

При интерпретации текста мы используем методы:

- интертекстуального анализа;
- герменевтического комментария;
- мотивного анализа.

В нашей работе мы опирались как на хрестоматийные тексты теории постмодернизма, так и на работы, посвященные творчеству А. Жаксылыкова. Одна из известнейших работ, посвященных поэтике постмодернизма, принадлежит канадскому исследователю Л. Хатчеон. Ученый отмечает, что литература постмодернизма пародийна и иронична.

Главными особенностями направления Хатчеон называет игру, черный юмор, интертекстуальность, знаменующую идею децентрированной

Вселенной, пастиш (комбинирование, склеивание элементов разных произведений), фабуляцию (смешение вымышленного с реальным), пойомон (как тип метапрозы), временные искажения, гиперреальность, паранойю [6]. Известный теоретик русского постмодернизма М. Липовецкий продолжает этот ряд, включая в характеристики постмодернизма диалогизм (в частности, диалог с Хаосом), культурогенность текста, семионтологизм [7]. Об онтологии постмодернизма пишет С. Сулейман [8]. Незаменимым теоретически источником остается издание *The Routledge Companion to Postmodernism*. В нем представлены работы ученых со всего мира, эссе по философии, политике, литературе, критической теории, бизнесу, гендеру и исполнительскому искусству, а также гипермедиа [9]. По мнению Х. Демеера и С. Витсе, современное развитие художественной литературы до сих пор не преодолело онтологической доминанты постмодернизма; тем не менее, в литературе новейшего времени наметился сдвиг в сторону аффективной доминанты.

Доминанты — структуры, вносящие порядок и иерархию в многообразие техник и приемов художественного текста. «Формальные и нарративные приемы, которые в модернистской или постмодернистской художественной литературе способствовали эпистемологической или онтологической доминанте, имеют тенденцию выдвигать на первый план вопросы аффективности в современной художественной литературе» [10]. «Поздний постмодернизм» исследует силы, формирующие современную литературу, и замечательные стратегии, которые писатели используют для осмысления их места в культуре [11].

Об интертекстуальности как особом типе дискурсивности постмодернистского текста пишут исследователи С.А. Кошарная и Т. Григорьянова. «Чаще всего интертекстуальность понимается как зависимость смысла дискурса от ранее созданного текста (в нашей работе мы называем его «претекстом»), или «прототипическим текстом», по отношению к тексту-реципиенту» [12. С. 16]. Как полагает Дж. Аллен [13. С. 44], дискурс вбирает в себя исторические и социокультурные факторы, а язык репрезентирует их, объединяя контекст и предыдущие тексты культуры.

«Сны окаянных» А. Жаксылыкова как гуманистическое произведение

Цикл А. Жаксылыкова «Сны окаянных» — произведение сложное, многомерное и поликодовое. Исследователи не раз отмечали, что для адекватной расшифровки его смыслов необходимо пристально вчитаться в заглавие: в нем на уровне метатекста, помимо существительного «сны», маркирован субстантив «окаянные». Внутренняя форма этого слова отсылает нас к библейскому сюжету о Каине — первому человеку в дохристианской истории, который совершил братоубийство. С этого греха

и начинается история падения человечества — история междусобиц, конфликтов и войн.

Война — объект пристального исследования Жаксылыкова. Причем война эта ведется не только между народами, но и между социумом и индивидом: это война за человеческое достоинство и свободу.

Первый роман цикла как нельзя лучше иллюстрирует эту идею. Ее главный герой, ученый и поэт Жан, проходит множественные испытания прежде, чем обретает собственное достоинство. Это глубоко травмированный субъект. Несомненную травму ему нанесло взросление близ Семипалатинского полигона: на глазах героя его городок медленно, но верно превратился в город-призрак. Умерла маленькая сестренка. В атмосфере нелюбви и предательства развивались отношения между матерью и отцом. Отсутствие материнской любви задает роману один из векторов сюжетного развития — мировое сиротство. Вырвавшись из социального контекста своего детства, Жан достигает высокого общественного статуса. Казалось бы, победа над обстоятельствами должна стать для него переломной вехой: торжествует разум, человеческое достоинство и воля к жизни. Однако автор ведет своего героя путем жизненных перипетий: не вынеся предательства жены (которая сценарно повторяет поступок его матери), Жан оказывается бесприютным скитальцем и бежит в пустыню, на границу реки Хоргос. Там он оказывается рабом жестокосердного старика-китайца, который заставляет его собирать диковинные камни в устьях пересохшей реки. Под палящим солнцем, за хлеб и дешевое вино, Жан выполняет тяжелую физическую работу, постепенно теряя человеческий облик. Уровень дегуманизации персонажа достигает своего апогея, когда старик вручает Жану немецкую бритву, чтобы прервать свою жизнь. Автор ставит перед читателем главный вопрос: стоит ли жизнь того, чтобы жить. Этот вопрос был поставлен еще А. Камю в его «Мифе о Сизифе». Он же волновал классическую русскую литературу: вспомним цветаевское «Жизнь — это место, где жить нельзя».

Однако Жан решает продолжить свой земной путь. Пребывая в духовном поиске, он находит в себе силы на перерождение и восстает — Разумом и Духом, отринув былую жизнь.

Большим сюрпризом для читателя оказывается тот факт, что роман «Сны окаянных» — это произведение внутри произведения. На самом деле его автором выступает не Жаксылыков, но Журналист — протагонист последующих книг цикла. Именно Журналисту принадлежит история о Человеке, который смог обрести себя, лишь окончательно утратив человеческое достоинство.

Тема Человека и человеческого — магистральная для всего циклического пространства Жаксылыкова; лейтмотивом трилогии «Сны окаянных» выступает «мировое сиротство» (А. Платонов), развивающее, в свою очередь,

архимотив — «слезку ребенка». По мысли Ф.М. Достоевского, мир не стоит слезки ребенка; страдание невинных — архисюжет цикла «Сны окаянных», потому что героями цикла выступают асоциальные индивиды — это дети-отказники, которые родились с серьезными соматическими заболеваниями, а потому «отринуты» обществом. Достаточно вспомнить эпизод, в котором Человек-Папа (как видим, перед нами конвенциональная социальная маска) реагирует на рождение своего сына:

Ты, сука, кого родила, сволочь ты этакая? Ты кого принесла в подоле, погань, стерва подзаборная?¹

Таковы первые слова, которые слышит в своей жизни Малыш-Утенок — младенец, появившийся на свет не только с серьезными телесными нарушениями, но и обладающий феноменальными умственными способностями. Неслучайно его имя — это тоже маска. Как пишут в своей статье О.А. Валикова, Н.В. Щенникова, Ш.А. Кулиева, в данном случае перед нами маска сакральная (как и имена других детей-сирот). Это придает романному циклу подтекстовую глубину, на которой дети могут восприниматься не как ненужные элементы системы, но как демиурги нового мира [15].

Малыш-Утенок — сирота при живых родителях. Его тут-бытие сосредоточено вокруг Зоны — Полигона, где постоянно проводятся ядерные испытания. Полигон функционировал на территории Семипалатинска более сорока лет. Накопительный потенциал радиации оказался настолько существенным, что повлиял на многие поколения живших вблизи него людей: год за годом рождались дети-мутанты, обреченные стать вытесненными системой элементами дегуманизированного мира.

Последствия радиоактивного излучения сказались на всех стратумах Восточно-Казахстанского эко-комплекса. По данным доклада, опубликованного в *Science Magazine* группой исследователей из Великобритании, Финляндии и Казахстана, «результатом воздействия радиоактивных выбросов при испытании ядерного оружия на Семипалатинском полигоне стало увеличение уровня эмбриональных мутаций среди пострадавшего населения примерно в 2 раза».

За 2 года до прекращения испытаний Аслан Жаксылыков посетил детский приют Семипалатинской области. Встреча с детьми-инвалидами настолько потрясла автора, что он пообещал написать цикл романов-сказок «о них и для них». Роман «Поющие камни» был написан в том же году, но увидел свет лишь десять лет спустя. «Острота» темы и нетрадиционная форма изображения, тяготеющая к эстетике постмодернизма, способствовали тому, что

¹ Жаксылыков А.Ж. *Сны окаянных: Трилогия*. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 222.

произведение запретили к публикации. Вето было снято только в 1997 году. Следом за романом «Поющие камни» вышли произведения «Сны окаянных» и «Другой океан» как логическое продолжение цикла.

Главной чертой литературы этого времени (во всей ее гетерогенности и неоформленности) Н. Лейдерман называет драматизм, порожденный тотальным духовным кризисом. «В этой ситуации обнаружилось, что соцреалистическая парадигма слабо конкурентоспособна. Зато оказались востребованными художественные системы, более тяготеющие к модернистской парадигме. Видимо, нарастающее осознание социального (и метафизического) хаоса находило в них более адекватные формы выражения. Как раз на семидесятые годы приходится рождение русского постмодернизма. Активизируются процессы взаимопроникновения разных художественных парадигм» [15].

Цикл называют апокалиптическим и эсхатологическим. Более того, А. Жаксылыков обращается к интермедийным формам изображения, рисуя картины эко-хоррора: природа, отравленная радиацией, настолько мутировала, что породила страшных врагов человека из некогда нейтральных биологических форм. Теперь пространство заполнено кровососущими ядовитыми осами, а в недрах земли растет и ширится новая раса — разумные крысы, мечтающие о гибели эпохи людей и воцарении верховного крысача. Примечательно, что крысач на уровне аллюзий сближается с соцреалистическими вождями прошлого. Мы можем сделать вывод о том, что предыдущая эпоха — эпоха социализма — интерпретируется автором как наиболее дегуманизованная эпоха в истории казахского народа. «Семипалатинский Полигон был закрыт для испытаний в 1989 году. На протяжении сорока лет его «ядерной эксплуатации» не была дезактивирована ни одна прилегающая населенная область. Местные жители много лет существовали в условиях «информационного вакуума», что только усугубило ситуацию (использование воды из «зараженных» источников, рыбы и пр.). Жаксылыков реконструирует это «наивное неведение» людей следующей сценой: военные, забрав технику, медикаменты и научно-исследовательские приборы, спешно покидают город, а брошенные дети радуются тому, что «воды много», а, значит, они выживут. О том, что вода небезопасна, они и не подозревают» [4].

Дегуманизм советской эпохи

Мы не можем утверждать, что цикл «Сны окаянных» является антиутопией во всей полноте этого термина, но, как отмечает Л.В. Сафронова, цикл «обращен» к данному жанру на уровне стилистики, специфической образности, проблематики.

Так, концепт «ОБЩЕЕ БЛАГО» в романах подвергается Жаксылыковым процессу идейной деструктуризации в его связи с:

1. темой разрушения витальности (бесчеловечный отстрел ослов; убийство воробьев на границах с Китаем; Полигон);

2. попытками «подчинения» Человеком Природы (аграрное «засилье» кукурузы);
3. уничтожением основ микро- и макросоциума (во имя «ОБЩЕГО БЛАГА» разрушена семья Серой Кукушки и Человека-Папы, Мугалима, Журналиста и пр.); страдает и корневая система этноса).

Антиутопичный план цикла раздвоен: в нем присутствует как классическая «модернистско-советская» линия, так и гротескная трагедия. В первом случае Жаксылыков инкорпорирует в текст образования-клише родом из соцреализма; во втором — применяет модель советской реальности по отношению к новому «обществу» — расе крыс:

Мы выведем новый вид несомненной голубой расы, которая начнет на земле новую эру и поведет крысиный народ к золотому веку! Долой голокожую нечисть, да здравствует светлое будущее! С нами великий крысач! Ура! Ура! Ура!

Важную роль в создании общего настроения цикла играет сатира, которая «является эстетическим освоением неполноты личностного присутствия «Я» в миропорядке» [17. С. 59]. В этом случае активна авторская позиция осмеяния, направленная на ущербность описываемого объекта. Так, сатирической «едкостью», доведенной до сарказма, пропитаны сцены-описания Светлого будущего, Великого Вождя, Голубой Расы Крыс, Заседания Коров, Быков и Свиной:

Железный вождь, весь монолитный, волосато-вздыбленный, стоял на граните, держал речь, простерши руки в сторону молчаливого Востока. Небо мистически светилось алыми всполохами, по необъятной громовой площади маршировали несметные колонны энергичных людей-сурков и людей-барсуков, они снова и снова дружно вздымали стройные линейные ноги, с грохотом рушили печатный свинцовый шаг, и в ответ на футуристические лозунги вождя, расцветая восторженными лицами, вновь и вновь потрясали мир неистовым воплем счастья. Ей-ей, уверен, что ни Наполеон, ни Александр, ни Чингисхан никогда не слыхивали от своего воинства такого мощного вселенского «Ура»².

В приведенном отрывке функционально нагружен каждый элемент: «расцветающие лики» (высокий стиль, апеллирующий, прежде всего, к религиозной лексике и «возвышенной» художественности) синтагматически соседствуют с неистовыми «воплями» (разг.); стилистическая диффузия придает всей ситуации насмешливо-ироничный «колорит».

² Жаксылыков А.Ж. Сны океанных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 327.

Монолитный железный вождь (актуализация семантики *неживого, металлического предмета, т.е. Идола*) компенсирует людям истинные ценности их жизни. Так, в очередной картине «строя» счастливая мать, кормящая грудью свое дитя, порывается присоединиться к колонне марширующих; малыш при этом «счастлив, что его недокормили» (концепты ОБЩЕЕ ДЕЛО и ОБЩЕЕ БЛАГО здесь представлены как абсурдные). «Линейные ноги» марширующих — не что иное, как намек на позитивистскую идею «линейного прогресса», породившую концепцию исторического оптимизма (счастливые мать и малыш) и рождение человека «нового типа» (недокормленный и радостный младенец). Неслучайно и появление людей-сурков и людей-барсуков (т.е. анимализированных существей). Инстинкт «человечности и пр.» крайне непрочен, он исторически приобретен, он может быстро замениться «основным» инстинктом животного эгоизма.

Первый роман цикла, «Поющие камни», рассказывает нам историю некогда блестящего интеллигента Жана, который проходит стадию дегуманизации в силу жизненных обстоятельств. Не сумев вынести предательства жены и лучшего друга, Жан (а имя его можно перевести с казахского как «душа») становится скитальцем, оторванным от общества. Он ищет сокровенных (и сакральных!) знаний Дюсена-баксы — шамана, способного инициировать его, переродив духовно и физически. Однако вместо этого Жан становится рабом у старика-китайца, который изнуряет его непосильной физической работой. Потеря свободы, человеческого достоинства и человеческого облика — казалось бы, маркеры абсолютной десоциализации и дегуманизации действующего субъекта. Показателен здесь эпизод с зеркалом: взглянув на свое отражение, Жан видит унылую морду человекообезьяны. Однако в то время, как внешний человек испытывает тяготы голода и побоев, внутренний человек преображается: душа героя оказывается спасена. Для того, чтобы спасение осуществилось, Жану нужно было пройти этап полной социальной аннигиляции, в частности, рабство.

И Журналист, и Жан как его структурная маска проходят через стадию «одичания»: оба видят в зеркале отражение «унылой человекообезьяны» с «дегенеративной мордой».

Мотив «одичания» сближает героя с героем А. Платонова А. Лихтенбергом. «Постепенное одичание героя, в удушающей атмосфере «мусорного ветра» все более превращающегося в животное, его нарастающее безумие становится эмблемой распада жизни. С другой стороны, право на безумие — единственная остающаяся ему возможность сохранения внутренней свободы в осатанелом мире», — пишет Е.Н. Проскурина. — «Такое прочтение актуализируется ранним эпиграфом к рассказу: «Оставьте безумие мне и подайте тех, кто отнял мой ум». Но именно в сцене смерти, когда он пытается накормить «говядиной», срезанной с собственного тела, умирающую женщину, его образ поднимается до той жертвенной высоты,

которая становится свидетельством жизни духа в одичавшем теле — в соответствии с евангельской формулой «Дух бодр, плоть же немощна» (Мк.: 14:38). Вертикальное измерение судьбе героя задает смерть «глазами вниз», представляющая собой вариацию сквозного платоновского мотива смерти «лицом вниз», всегда заряженного мистериальным смыслом воскресения» [17. С. 197].

Имя-контаминация платоновского героя (составленное из имен Альберт (Энтштейн) и (Георг Кристоф) Лихтенберг) аккумулирует идею о человеческом разуме, который оказывается бессилён перед новым «строением», а потому погибает. По мнению Е.Н. Проскуриной, конец эпохи разума знаменует и утрату надежды на «очеловечивание мира»: в «Мусорном ветре» реализован сценарий «Заката Европы», предсказанный Шпенглером.

Ты первый понял, что на спине машины, на угрюмом бедном горбу точной науки надо строить не свободу, а упрямую деспотию! Ты не погибнешь, потому что твою гвардию будут кормить механизмы, огромный излишек производительных сил! Ты не исчезнешь.

Рассуждениям платоновского Лихтенберга созвучны мысли героя Жаксылыкова, ученого, создавшего «отпрыска технологического ума сумасбродного цифрового и формульного века»³:

В этом арматурном бесике — на ажурной вышке покоилось выношенное в мозговом череве гения знойных чисел чадо небывалое — плутониевое чудо-юдо, химерический отпрыск, мутант, научное дитя, заряженное всеми болями и страхами человеческими за все времена. Оно готовилось к своему рождению, запланированному явлению на свет божий для вящего и всеобщего торжества людей идейных, не имеющих в душе ничего, кроме неумолимого желания осчастливить весь род людской воплощенным царством света на земле⁴.

В обоих отрывках лежит мысль Шпенглера о перерождении культуры в цивилизацию: «Фаустовское мироощущение деяния, сказывавшееся во всяком великом человеке, начиная от Штауфенов и Вельфов и вплоть до Фридриха Великого, Гете и Наполеона, опошлилось до философии труда. Галилей, Кеплер, Ньютон совершили деяния в науке, современный физик занят ученым трудом» [18. С. 413]. По мнению философа, это предрекает закат старого мира, европейской цивилизации.

Наступление «царства зверя» актуализировано у Платонова каннибалестской сценой: полицейский, «увидев в кухонном очаге кастрюлю

³ Жаксылыков А.Ж. Сны океанных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 333.

⁴ Там же. С. 328

с питательным и еще теплым мясом... сел кушать его себе на ужин». Мотив «людоедства», «людопожирания» встречаем и у Жаксылыкова, однако в данном случае это метафора постиндустриального и техногенного общества-урбании.

В рассказе «Мусорный ветер» присутствует мнимая «фактическая неточность»: немцы показаны автором как нищие и голодающие, хотя голода в Германии того времени не было. Тем самым усилена аналогия «Германия = СССР». Рассказ написан в 1933 году, когда от голода умерли миллионы людей по всей стране, однако для литературы эта тема была табуированной. Платонов помещает ее в «немецкий контекст», а впоследствии развивает (летом того же года он создает трагедию «14 Красных избушек», где тема голода в стране становится одной из главных). На полях рукописи четвертого действия пьесы сохранилась помета: «Голод развить повсюду» [19. 20. С. 440]. Героиня пьесы, колхозница Ксения, винит в голодоморе сталинский режим: «Москва проклятая! Я все бельма выцарапаю тебе за судьбу нашу такую!» [Там же, С. 204].

Как отмечает Е.Н. Проскурина, общими для обоих произведений при изображении сцен голода являются мотивы смерти ребенка, иссохшего живого тела и жертвы собственной плотью ради сохранения чужой жизни [17. С. 194]: «В пьесе Суенита пытается выдавить сукровицу из своих иссохших грудей, чтобы накормить своего умирающего сына, а в «Мусорном ветре» Лихтенберг отрезает от собственной «более здоровой ноги» часть плоти, чтобы сварить ее и накормить женщину, найденную им в вымершем от голода поселке, — поступок, стоящий ему жизни: «Затем он выполз наружу, на разгороженный двор, и лег лицом в землю. Обильная жизнь уходила из него горячим ручьем...».

Историческая память литературы:

тема голода как высшее проявление гуманистической идеи

Жаксылыков продолжает заявленную Платоновым (и заявленную крайне резко — произведениям 1933 года, прочитанным Горьким, было отказано в публикации) тему голода, описывая страшную судьбу Старого и вечно одинокого:

Коке, мы дошли до города... Коке, все они легли вдоль дороги и уснули в своих могилах... Коке, я рыл могилы своими детскими руками, одну за другой, одну за другой, у матери уже не было слез, из глаз сиром, страшно смотрел голод, я рыл могилы, укутывал своей скорбью, укладывал спать братьев и сестер, я уложил спать всех, а перепелка плакала в непроглядных недрах луга, она не хотела засыпать одна в сизых сумерках, но люди хотели заснуть сном последним, спокойным, вечным; есть было нечего, я рыл могилу за могилой, я устал рыть до самого города, устал укладывать спать родичей, всех из последнего кочевья, старых и молодых, стариков и старух, детей и младенцев,

до сих пор мне снятся могилы, вереницы могил, обозначивших границу степи, безмолвные караваны в вечность, до сих пор болят руки, ах, как болят руки; Коке, мы дошли до города, мать, братик, изнемогший на моей спине, мы дошли через много-много лет, сквозь дожди, туманы, холод и голод мы дошли, мы стучались во все окна, во все двери и калитки и стучали и стонали: «Ради бога, хлеба, хлеба... Хлеба..., — мы стонали и бредили, — хлеба, ради бога, хлеба...», — мы бродили и бредили последним кочевьем, мы шли от города к городу, много лет шли, плутая в лабиринтах времени, рассказывали про последнее кочевье, говорили про вереницы могил, бесконечные могилы, обозначившие границы Последнего срока; однако нам не верили, смотрели холодно и жестоко, недоверчиво взирали, смеялись и роняли жестоко: «Никакого голода не было. Забудьте об этом. Никогда не было голода и могил тоже не было. Это вам просто приснилось. Это был страшный сон. Спокойно ешьте теперь, забудьте во грезах спокойных»⁵.

Как пишут Д.С. Шарипова, С.Ж. Кобжанова, А.Б. Кенджакулова, «Сегодня в отличие от украинского голодомора казахские события не относят к геноциду. Хотя первая комиссия казахских историков и политических деятелей вынесла вердикт о геноциде еще в 1992 году. Стратегическое партнерство с Россией определяет сдержанную оценку голода в Казахстане национальных политиков. Историки, занимавшиеся проблемой голода в период коллективизации, также призывают к взвешенным выводам» [19. С. 290].

По мнению Н. Пианчола, у власти не было намерений аннигилировать конкретные этнические группы; сельское население огромной страны было подавлено путем получения тотального контроля над ресурсами (цит. по: [19. С. 290]). Немецкий исследователь Р. Киндлер полагает, что переход казахов — номадов по форме хозяйственного бытования — на оседлый образ жизни не имел экономических последствий, однако имел социальные: «обнищавшим казахам под страхом гибели ничего не оставалось, как покориться советскому государству. Путь выхода из кризиса вел к зависимости» (цит. по: [19. С. 290]).

Не все исследователи единогласны в своем отношении. Так, С. Кэмерон настаивает на том, что была уничтожена не только экономическая, но и ценностная система кочевничества (цит. по: [19. С. 290]).

Жаксылыков, как мы видим в приведенном отрывке, говорит о том, что подменой реальным историческим событиям стали симулякры — оттиски квазидействительности, в соответствии с которыми «голода не было». Для того, чтобы восстановить картину произошедшего, должна быть проделана существенная работа: количества погибших от голода до сих пор не установлено (от 2 до 5 миллионов человек). Пока не проведена демографическая

⁵ Жаксылыков А.Ж. Сны океанных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 165.

работа: сбор, систематизация, анализ и интерпретация данных. Тщательного расследования, как это было с голодомором в Украине, не проведено.

«В результате мы имеем дело с тем, что культурная память о голоде 1930-х гг. «капсулируется», по определению А. Ассман и переходит в латентную фазу, как это было с памятью о травмах мирного немецкого населения в годы Второй Мировой войны, которые только в конце XX в. стали предметом публичного осознания. Это приводит к подъему националистических высказываний по поводу коллективизации. Переживание исторического опыта как личной беды создают трудности при проработке травмы и достижении конструктивного забвения в формулировке П. Рикёра — то есть понимания и прощения» (цит. по: [19. С. 290]).

В образе Старого и вечно одинокого концентрирована идея об утраченном рае (детстве) и наступлении Последнего срока. Идиллический модус повествования (игры постреленка на лугу, зов матери, смех отца) резко сменяется трагическим: арестован по навету отец, один за другим от голода умирают братья и сестры, мать с «синим, кровоточащим ртом» медленно бредет по большой дороге, вдоль которой «караваном вечности» тянутся могилы ее детей. Воспоминания старика, сидящего у «призрачного порога несуществующего дома», расширяются до уровня онтологического обобщения: окончен Золотой век вольной степной жизни; на смену ему пришел век Железный, в котором прежняя аксиология разрушена до самых основ. Смерть в «счастливом и равном государстве» — не более чем сон, голод — «ложь», человеческая жизнь обесценена, а Дома нет: он остался призрачным воспоминанием, несуществующим *порогом*. Таково «жизье-бытье человека, сотворенного для жизни и смерти, для жизни, похожей на сон, и смерти, похожей на вечность»⁶.

Разрушение архетипа «ДОМ» актуализирует мотив вечного скитальничества, странничества, бесприютности.

Как в цикле Жаксылыкова, так и в корпусе текстов Платонова (трилогия, «Котлован», «Чевенгур», «Детские рассказы» и др.) социализм разоблачается как антигуманное явление, направленное на уничтожение всякой индивидуальности и знаменующее переход общества от культуры (в том числе культуры духа) к «цивилизации труда» (Шпенглер).

Произведение казахстанского писателя основано на иных обстоятельствах-фактах, — голодоморе, испытаниях на Семипалатинском ядерном полигоне, — однако и они могут быть включены в семиотическое поле архетипического концепта «ВОЙНА». По Жаксылыкову, гражданская война, положившая начало новому тоталитарному режиму, никогда не прекращалась: «мнимое единство» нового общества внутренне «разъедено» завистью, корыстью, злобой. Так, брат Старого и вечно одинокого покушается на его

⁶ Жаксылыков А.Ж. Сны океанных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 169.

возлюбленную, Куралай. Письмо-навет, основанное на неприкрытой зависти, отправляет Мугалима в многолетнюю ссылку в Сибирь. Государство развивается под лозунгом «Мир — это война» и убивает собственных жителей ядерными испытаниями. Возвращаясь в поселок своего детства, Мугалим видит следующую картину:

Каменистая пустыня дышала жаром, изнемогала под прямыми лучами солнца, исходила зноем, тяжелым, болезненным<...> На издыхающего одра была похожа пустыня, на животное, измученное непосильным переходом по безводью, брошенное на съедение жестоким стервятникам и алчным ночным хищникам. Безжалостным огнем до корней были сожжены мирные травы и деревья, во многих местах беззащитная кожа земли оплавилась, растрескалась и осела в глубоких ранах <...> Не было видно прежних, добрых голубых озер, дремавших под чистым небом, вместо них мрачно темнели мертвые котловины — гнилостные язвы на больном теле степи. Не было тех таинственных сонных заводей, чистых речек, в которых играли пестрые веселые хариусы. Навсегда ушли, испарились они, канули в небытие⁷.

В цикле Жаксылыкова властвует «безжалостное солнце», превращающее степь в пустыню-пандемониум, «адское пекло»; даже ночь названа писателем «солнцем наоборот». Солнце становится свидетелем смерти, голода, разрухи; уничтожения земли, которая «очеловечена» автором и страдает от «язв»; жестокости, насилия, слабых или яростных попыток выживания всех существ — от трав до людей.

В результате испытаний на Полигоне, голода, многочисленных смертей Пустыней становится не только Дегелен (поселок, в котором родился Старый и вечно одинокий), но и вся мирная степь. «Живая жизнь» природного локуса останавливается, превращая степь в Зону:

Не уходи, Коке, иль ты не видишь, джугарное время катится к концу, и ничего уже нельзя исправить. Зверолоуди истожили, сожрали, съели весь запас поля, и теперь против них возмущаются и лес, и море, и реки, и озера, и океан. В своем утробном животном сне, безмерном, словно пучина, не знающая ни сроков, ни предела, обжорном ненасытном буйном кошмаре они объели почти весь мировой лес, открыли путь желтым жарким пустыням, расползающимся плешью по всей матушке Земле <...>⁸.

Топос-доминанта всей трилогии Жаксылыкова — город-призрак, вымерший город, город-кладбище. Итак, солнце мертвых становится не только символическим, но и фактическим образом: оно восходит над «мертвым»

⁷ Жаксылыков А.Ж. Сны океанных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 175.

⁸ Там же. С. 383.

Дегеленом⁹, над поселком, где рос маленький Жан, над «умершим» городком, где обитают дети и их Мугалим. И если мотив голода движет сюжетную линию Старого и вечно одинокого, то мотив Солнца Мертвых — циклообразующий, как и мотив Апокалипсиса.

Апокалипсис в цикле имеет различные репрезентации — это и образ Мирового Змея (Полигона), и аллегии, сигнализирующие о наступлении Царства Зверя, и символ умирающего ребенка/детей, и конкретные лексические сигнификаторы (Последний срок, Конец времен).

Заключение

Романный цикл А. Жаксылыкова — в высшей степени гуманистическое произведение. Несмотря на то, что это метароман, написанный в эстетике постмодернизма, а, следовательно, его художественная техника тяготеет в большей степени к мотиву аннигиляции, человеческое достоинство и историческая память провозглашены главными ценностями романного дискурса. В рамках написания данного проекта мы пытались решить следующие задачи:

- дать краткий очерк развития гуманистической концепции;
- проследить реализацию этой концепции на уровне художественного текста;
- определить, что для автора цикла представляет собой гуманистическая идея.

Жаксылыков уделяет пристальное внимание проблеме Человеческого. Человеческое достоинство, свобода (в том числе и свобода выбора) — главная тема романного пространства. Реализацию ее мы находим уже в первом романе цикла, «Поющие камни»: утративший человеческий облик Жан возвращается к изначальной невинности собственной души.

Однако болевая точка романа — не только в поисках целостности личности. Она в исторической памяти, которая для современного казахстанского общества полна травм. Травмирующий опыт прошлого — голодомор — с высокой степенью художественной интенсивности реализован в романе. На материале анализа романа «Сны окаянных» мы делаем вывод, что наиболее антигуманным в истории казахского народа стал советский период. Путем сравнения текста Жаксылыкова с текстами классиков русской литературы (в частности, А. Платонова) закономерен тезис о том, что советский режим — это «фашизм». Жаксылыков реконструирует эпизоды голодомора в тексте поразительной трагичности, показывая, что гуманизм как прославление жизни был погран советской эпохой.

Таким образом, в романах мы дифференцируем две гуманистические линии: гуманизм индивидуальный (судьба Жана и Журналиста) и гуманизм

⁹ Жаксылыков А.Ж. Сны окаянных: Трилогия. Алматы: ТОО Алматинский издательский дом, 2006. С. 176.

социальный (реализация которого воплощена в образе Старого и Вечно одинокого). Эта тема требует дальнейшего всестороннего изучения. Опыт проживания национальной травмы — тема, важная как для казахстанской литературы, так и для литературоведения как науки конденсации смыслов.

Библиографический список

1. *Heidegger M.* Letter on Humanism, Basic Writings. London: Routledge, 1977.
2. *Харари Н.Ю.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2017.
3. Афанасьева А.С. Архетип дома в современной русскоязычной казахстанской прозе: дисс.... доктора PhD. Алматы, 2018.
4. *Валикова О.А.* Роман-трилогия «Сны окаянных» в контексте русской литературы: дисс.... доктора PhD. Алматы, 2015.
5. *Лейдерман Н.Л.* Траектории «экспериментальной эпохи»: Введение // Русская литература XX века: закономерность исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. С. 47–48.
6. *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. New York: Routledge, 1988.
7. *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997.
8. *Suleiman S.R.* Naming and Difference: Reflections on Modernism vs. Postmodernism in Literature // Fokkema, Duuwe and Hans Bertens (eds.) Approaching Postmodernism. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 1986. P. 48.
9. *Sim S.* The Routledge Companion to Postmodernism. London: Routledge, 2011.
10. *Demeyer H., Vitse S.* The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction // Poetics Today. 2021. 42(4). P. 541–574. <https://doi.org/10.1215/03335372-9356851>
11. *Green J.* Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium. NY: Palgrave, 2005. P. 1–246.
12. *Кошарная С.А., Григорьянова Т.* Интертекстуальность как дискурсивный феномен (от Горация до В. Сорокина) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 1. С. 13–26. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-2>
13. *Allen G.* Intertextuality. London & New York: Routledge, 2000.
14. *Валикова О.А., Щенникова Н.В., Кулиева Ш.А.* Межкультурная коммуникация в транслингвальном художественном тексте (на материале цикла А. Жаксылыкова «Сны окаянных») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6. С. 241–251. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.241>
15. *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература: 1950–90-е годы. Т. 2. М.: Издательский центр Академия, 2003.
16. *Тюна В.И.* Модусы художественности // Введение в литературоведение / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. М.: Издательский центр Академия, 2012.
17. *Проскурина Е.Н.* Социализм как фашизм // Критика и семиотика. 2013. № 1(18). С. 186–199.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. И.И. Маханькова. М., 2003. Т. 1: Образ и действительность. С. 413.
19. *Шарипова Д.С., Кобжанова С.Ж., Кендэжакулова А.Б.* Осмысление трагических моментов национальной истории в графике и монументальной скульптуре Казахстана // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-tragicheskikh-momentov-natsionalnoy-istorii-v-grafike-i-monumentalnoy-skulpture-kazahstana> (дата обращения: 13.09.2022).

References

1. Heidegger, M. (1977). *Letter on Humanism, Basic Writings*. London: Routledge.
2. Harari, N.Yu. (2017). *Sapiens. A Brief History of Humanity*. Moscow: Sinbad, 2017. (In Russ.).
3. Afanasyeva, A.S. (2018). *The archetype of the Home in modern Russian-language Kazakh prose*. [dissertation]. Almaty. (In Russ.).
4. Valikova, O.A. (2015). *The novel-trilogy “Dreams of the Damned” in the context of Russian literature*. [dissertation]. Almaty. (In Russ.).
5. Leiderman, N.L. (2005). *Trajectories of the “experimental era”: Introduction*. In Russian literature of the 20th century: patterns of historical development. B. 1. New artistic strategies. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 47–48. (In Russ.).
6. Hutcheon, L. (1988). *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York: Routledge.
7. Lipovetsky, M.N. (1997). *Russian postmodernism. (Essays on Historical Poetics)*. Ekaterinburg: Ural. state ped. Univ. publ. (In Russ.).
8. Suleiman, S.R. (1986). *Naming and Difference: Reflections on Modernism vs. Postmodernism in Literature. Approaching Postmodernism*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp. pp.48.
9. Sim, S. (2011). *The Routledge Companion to Postmodernism*. London: Routledge.
10. Demeyer, H. & Vitse, S. (2021). The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction. *Poetics Today*, 42(4), 541–574. <https://doi.org/10.1215/03335372-9356851>
11. Green, J. (2005). *Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium*. NY: Palgrave. pp. 1–246.
12. Kosharnaya, S.A. & Grigoryanova, T. 2019. Intertextuality as a discursive phenomenon (from Horace to V. Sorokin). *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 5(1), 13–26. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-2> (In Russ.).
13. Allen, G. (2000). *Intertextuality*. London & New York: Routledge.
14. Valikova, O.A., Shchennikova, N.V. & Kulieva, Sh.A. (2020). Intercultural communication in translanguaging literary text (based on A. Zhaksylykov’s cycle “Dreams of the Damned”). *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 6, 241–251. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.241> (In Russ.).
15. Leiderman, N. & Lipovetsky, M. (2003). *Modern Russian literature: 1950–90s. Textbook*. Vol. 2. Moscow: Publishing Center Academy. (In Russ.).
16. Туупа, V.I. (2012). Modes of artistry. In: *Introduction to literary criticism*. Moscow: Publishing Center Academy. (In Russ.).
17. Proskurina, E.N. (2013). *Socialism as fascism. Criticism and semiotics*, 1(18), 186–199. (In Russ.).
18. Spengler, O. 2003. *Decline of Europe. Essays on the morphology of world history*. Moscow. pp. 413. (In Russ.).
19. Sharipova, D.S., Kobzhanova, S.Zh. & Kendzhakulova, A.B. (2020). Understanding the tragic moments of national history in graphics and monumental sculpture of Kazakhstan. *Bulletin of Kazakh National Women’s Teacher Training University*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-tragicheskikh-momentov-natsionalnoy-istorii-v-grafike-i-monumentalnoy-skulpture-kazahstana> (accessed: 09.13.2022). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Енсебай Гульназ Ерболовна, докторант кафедры русской филологии и мировой литературы факультета филологии, литературоведения и мировых, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71); *научные интересы*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского, французского и английского языка; *e-mail*: gulnazensebay@gmail.com ORCID: 0000-0002-7675-0268.

Демченко Алена Сергеевна, доктор PhD, и.о. доцента кафедры русской филологии и мировой литературы факультета филологии, литературоведения и мировых, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71); *научные интересы*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского, французского и английского языка; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

Таттимбетова Куралай Омирлановна, заведующая кафедрой русская филология и мировая литература факультета филологии, литературоведения и мировых, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71); *научные интересы*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского, французского и английского языка; *e-mail*: tattimbetovak@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7713-0757.

Джолдасбекова Баян Умирбековна, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой русской филологии, русской и мировой литературы факультета филологии, литературоведения и мировых, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71); *научные интересы*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского, французского и английского языка; *e-mail*: dzoldasbekovab@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1217-4799.

Information about the authors:

Gulnaz E. Engsebay, doctoral student of the Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Literary Studies and World Languages, Kazakh National University named after al-Farabi (71, al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: discourse studies of the English and Chinese language, academic discourse; *e-mail*: gulnazensebay@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7675-0268.

Alyona S. Demchenko, PhD, acting Associate Professor of the Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Literary Studies and World Languages, Kazakh National University named after al-Farabi (71, al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: discourse studies of the English and Chinese language, academic discourse; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

Kuralai O. Tattimbetova, Head of the Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Literary Studies and World Languages, Kazakh National University named after al-Farabi (71, al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: discourse studies of the English and Chinese language, academic discourse; *e-mail*: tattimbetovak@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7713-0757.

Bayan U. Joldasbekova, the corresponding member NAN RK, the Doctor of Philology, professor, the department chair of the Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Literary Studies and World Languages, Kazakh National University named after al-Farabi (71, al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: discourse studies of the English and Chinese language, academic discourse; *e-mail*: dzoldasbekovab@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1217-4799.